СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXV, № 7.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ЭТНОГРАФІИ СѢДЛЕЦКОЙ ГУБЕРНІИ.

СОБРАЛЪ

И. В. Бессараба.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

4 1

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1903 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *И. Дубровинъ.*

Близкое знакомство съ языкомъ и народнымъ бытомъ Забужной Руси вообще и Ломазскаго прихода въ особенности побудило меня въ интересахъ науки составить настоящій сборникъ по описанію родного для меня бѣло-малорусскаго говора, народныхъ обычаевъ и повѣрій этой мѣстности.

Главнымъ источникомъ для составленія «Матеріаловъ для этнографіи Сѣдлецкой губерніи» послужили мнѣ личныя наблюденія во время долгаго пребыванія моего на родинѣ и частыхъ туда поѣздокъ въ послѣдніе годы.

Кромѣ того, для пополненія результатовъ моихъ личныхъ наблюденій, для параллелей и болѣе яснаго освѣщенія добытаго мной матеріала я пользовался нѣкоторыми (бывшими подъ руками) и печатными пособіями, попутно указанными въ моей книгѣ.

Трудъ мой былъ благосклонно принятъ и одобренъ къ помѣщенію въ Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Вотъ почему я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ выразить искреннюю признательность корпораціи этого Отдѣленія, равно и всѣмъ лицамъ, оказавшимъ мнѣ доброе содѣйствіе при составленіи и напечатаніи предлагаемыхъ «Матеріаловъ».

И. Бессараба.

Октябрь 1903 г.
Пос. Новая Прага, Херсонск. губ.

Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/sbornik-otdeleniya-russkogo-yazyka-i-slovesnosti_1904_75_7

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Звуковыя особенности Ломазскаго говора	1
Гласные звуки	—
Звуки, замѣнившіе древніе глухіе	8
Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ	9
Переходъ гласныхъ въ согласные и наоборотъ	—
Согласные звуки	10
Смягченіе согласныхъ	14
Удвоеніе согласныхъ	—
Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе	—
II. Грамматическія формы Ломазскаго говора	17
Части рѣчи	—
Имя существительное	—
Имя прилагательное	23
Имя числительное	26
Мѣстоименіе	29
Глаголъ	32
Причастіе и дѣепричастіе	35
Нарѣчіе	37
Предлогъ	38
Союзъ	39
Междометіе	40
III. Образцы Ломазскаго говора	41
I. Народные разсказы	—
1) О происхожденіи волка	—
2) О происхожденіи аиста	—
3) Чортъ	42
4) Мертвецы (упыри)	43
5) Чародѣи и вѣдьмы	44
6) Волколаки (оборотни)	—
7) Кладъ	45
8) Какъ церковь провалилась въ землю, и отчего въ Кіевѣ много церквей	—

стр.

9) Панъ и мужикъ 46
10) Польша 47
11) Козаки мародёры въ 1812 году. (Разсказъ старухи) 48
12) Панщина. 50
13) Повстанье въ 1863 году 53
14) Панъ Борковскій и пани Борковская 61
15) Радзивиллъ. (Разсказъ старика) 63
16) Жиды 98

II. Пословицы, загадки, прибаутки, поговорки, сравненія, перебранки 78

III. Народныя пѣсни. 85

Народныя пѣсни, записанныя въ дер. Любенкѣ въ 1900 году. 92

Пѣсни въ селѣ Докудовѣ, Бѣльск. уѣзда 97

IV. Лексическій составъ Ломазскаго говора — названія предметовъ и въ связи съ ними кратное описаніе народныхъ обычаевъ, повѣрій игръ и т. п. 119

Люди . . . . . —

Фамиліи 122
Уличныя прозвища 124
Люди по національности, племени и вѣроисповѣданію. 125
Названія по мѣстожительству 127
Люди по сословіямъ и по занятіямъ . . . . . —
Люди по возрасту 136
Родство и свойство 138
Животныя 140
Народныя повѣрія о нѣкоторыхъ животныхъ 142
Части человѣческаго тѣла и животнаго 143
Растенія 144
Ископаемыя 145
Вода, огонь, воздухъ 146
Свѣтила небесныя 147
Государства, области, мѣстности. . . . . . —
Строенія, домашняя утварь, пища, одежда. 148
Орудія, экипажи, упряжь, судна 152
Мѣры. 153
Сельское хозяйство (господарство) 155
Народная медицина 158
Музыкальные инструменты. 159
Дѣтскія игры и игрушки 161
Церковь 168
Церковные и народные праздники и посты. 170
Народные обычаи во время праздниковъ 175
Нѣкоторые народные обычаи и повѣрія. 188

стр.

V. Народныя названія мѣстностей Сѣдлецкаго Подляшья по Ломазскому произношенію 193

Городъ Брестъ-Литовскъ 194
Сѣдлецкая губ. 196
1) Бѣльскій уѣздъ . . . . . —
Ломазскій приходъ 197
2) Володавскій уѣздъ 205
3) Радинскій уѣздъ 209
4) Константиновскій уѣздъ 212
5) Соколовскій уѣздъ 214
6) Сѣдлецкій уѣздъ 218
Добавленіе 223
Этнографическая карта русскаго Забужья 225

VI. Древнія урочища и слѣды памятниковъ православной церковной старины въ окрестностяхъ Ломазъ, Докудова и Вортеля, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губерніи 226

I. *Глуховское церковище, по личнымъ наблюденіямъ* 227
II. *Докудовско-Вортельское монастырище, по разсказамъ очевидцевъ.* . 232

Добавленіе къ отд. III („Образцы Ломазскаго говора“) 239

Свадебныя пѣсни дер. Любенки, Ломазскаго прихода . . . . . —
Дожиночныя пѣсни 256
Дополненія и поправки 259

VII. Ломазскій говоръ въ сравненіи съ народными говорами Холмской Руси и другихъ русскихъ и славянскихъ областей 259

I. Фонетика 263

А. Ударенія . . . . . —
Б. Гласные звуки 256

VIII. Словарь. — Особыя слова и выраженія, встрѣчаемыя въ Ломазскомъ и другихъ говорахъ Сѣдл. губ. 300

Добавленіе 318

Погрѣшности, опечатки и поправки 321

I.

Звуковыя особенности Ломазскаго говора.

Гласные звуки.

Звукъ е = е, э, ё, а, я, о, у, ю, и-ы, i͡э, i͡ю.

1) Звукъ е въ слѣдующихъ словахъ произносится мягко, какъ общерусское е: па́лець, чита́е, ночу́е, малю́е, ле́тае, е-естъ.

2) Е въ нѣсколькихъ словахъ выговаривается какъ русское ё: осёлъ, козёлъ, лёнъ, слёзы, сёмая, ёму́.

3) Е во многихъ словахъ произносится какъ э: нэбо, зэмля́, сэло́, рэбро́, бэрэ́за, нэнь, нэрэць, зэлёная, твэ́рдо.

4) Е въ нѣкоторыхъ словахъ звучитъ какъ о: оро́лъ, по́нэль, лобода́, пошо́въ, нашо́въ.

5) Е иногда замѣняется звукомъ а: Гараси́мъ, Банады́къ, Патэрбу́ркъ, парсьцёнокъ.

6) Е въ единичныхъ случаяхъ замѣняется звукомъ я: яли́на, ядва́бъ, япара́лъ

7) Е въ дат. и пред. падежахъ нѣкоторыхъ мѣстоименій и прилагательныхъ женскаго рода переходитъ въ у: на́шуй ма́тэри, ва́шуй, хоро́шуй.

8) Е иногда замѣняется звукомъ ю: ду́рнювъ, хло́пцювъ, си́нюй, ко́шоловцювъ.

9) Е въ нѣкоторыхъ словахъ переходитъ въ и — ы: видро́, митла́, писо́къ, у́лій, трывóга.

10) Е часто переходитъ въ двугласный звукъ: іэ (іе): міэдъ: піэчь, вэсіэле, каміэне, коріэне, зіэле, воробіэй, соловіэй, людіэй, куріэй, здоровіэй, сіэмъ[1])

11) Е въ нѣкоторыхъ словахъ переходитъ въ дифтонгъ — юо: люодъ, купцюовъ, кравцюовъ, моюой, твоюой, своюой, ломазьцюовъ, москалюовъ.

Дифтонгъ — іэ, образовавшійся изъ звука е, составляетъ звуковую особенность Ломазскаго говора, незамѣченную изслѣдователями въ другихъ подляшскихъ говорахъ, хотя онъ и существуетъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ въ Кошоловскомъ.

Безударное е иногда переходитъ въ звуки — и, у, ю, а съ удареніемъ — въ дифтонги іэ, юо; при чемъ ударе́ніе всегда ставится на первой части дифтонга: міэдъ, зіэле, твоюой, люодъ, купцюовъ.

Въ однихъ словахъ дифтонги сохраняются во всѣхъ падежахъ; въ другихъ же съ измѣненіемъ ихъ окончаній дифтонги исчезаютъ: вэсіэле, вэсіэля, вэсіэлёмъ, зіэле, зіэля, на зіэли, зіэлёмъ; міэдъ, мэ́ду, мэ̀домъ, воробіэй, воробья, люодъ, лёду, млюонъ, млёна.

Звукъ о = о, у, уо.

1) Звукъ о въ большинствѣ случаевъ звучитъ какъ русское о: кровъ, стовпъ, сонъ, мохъ, дощъ.

2) О иногда замѣняется звукомъ у: кунэ́ць, кунча́нэ, гуркі́й, Руздво́, пуйти́ и пошóвъ, чóрнуй, біэлуй, чэрвóнуй, зэлёнуй.

Эта звуковая особенность мало распространена въ Ломазскомъ говорѣ; между тѣмъ въ нѣкоторыхъ забужныхъ говорахъ больше встрѣчается случаевъ перехода о въ у.

---

1) Въ словѣ е́жъ е произносится какъ йіэ: йіэжъ — йижа́.

О часто переходитъ въ закрытыхъ слогахъ въ дифтонгъ — уо: Пуольща, вуолъ, куонь, суоль, стуолъ, муой, твуой, туолько, ляхуовъ, пануовъ, коровуовъ, волуовъ, столуовъ. Существуетъ единичный случай перехода открытаго звука о въ уо въ словѣ уольха — уольхи. Дифтонгъ уо въ нѣкоторыхъ словахъ сохраняется во всѣхъ падежахъ, если удареніе падаетъ на одномъ и томъ же слогѣ, а если удареніе переходитъ при измѣненіи окончанія на другой слогъ, то дифтонгъ исчезаетъ и замѣняется первоначальнымъ звукомъ: Пуольща — Пуольщи, вуойс'ко — вуойська, — зъ вуойськомъ; вуолъ — вола́, волы́, вола́ми, куонь — коня́.

Безударное о иногда переходитъ въ у, а ударяемое въ двоегласіе — уо и при этомъ удареніе дѣлается на первой ея части: вуо́лъ, куо́нь, ляху́овъ.

Звукъ а = а, я, о.

1) Звукъ а въ большинствѣ случаевъ произносится какъ общерусское а: вода́, са́ло, си́то, трава́.

2) А передъ согласнымъ звукомъ ц замѣняется звукомъ я: царыця, ку́риця, Яртэ́мъ.

3) А въ нѣкоторыхъ словахъ замѣняется звукамъ о: овто́ръ, оксами́тъ, Онтуонъ, Ондріэ̀й

Звукъ я = я, а, э.

1) Звукъ я по большей части произносится какъ русское я: я́ма, яйце́, ярина́.

2) Я послѣ согласной р произносится какъ а: цара́, пора́докъ, гра̀дка, праду́, горачка.

3) Я переходитъ въ э въ слѣдующихъ словахъ: па́мэть, памэта́ти, имэ̀не, вы́мэне, тіэ̀мэне, бера́мэне, стра́мэне, пола́мэне, сіэ̀мэне, племэ́не.

Суффиксъ эн, находящійся въ приведенныхъ словахъ, очевидно, — слѣдъ древнеславянскаго юса, сохранившагося до сихъ поръ въ польскомъ языкѣ: imię, wymię, ciemię, plemię, pamięć.

Въ Кошоловскомъ говорѣ, весьма сходномъ съ Ломазскимъ, послѣ согласной р звукъ я переходитъ въ дифтонгъ — ы͡э: пор͡ыэдокъ, пр͡ыэсьци.

Въ полѣшскихъ говорахъ Володавскаго, а отчасти Бѣльскаго уѣзда послѣ шипящихъ звуковъ и р звуки а и я замѣняются дифтонгомъ ы͡э: пор͡ыᵊдокъ, ж͡ыᵊты, ш͡ыᵊпка, щ͡ыᵊсьце. Въ одномъ народномъ говорѣ Бѣльскаго уѣзда около Бреста Литовскаго сохранилось произношеніе этихъ буквъ древнеславянское: шяпка, щясьце, жяти, жяба, щючка, вмѣсто шапка, щасьце, жати, жаба, щучка.

Звуки и — ы = и, ы, й, й͡и, ы͡э — і͡э.

1) Звуки и-ы въ Ломазскомъ говорѣ произносятся такъ, какъ и въ литер.—русскомъ языкѣ: ко́ни, са́ни, гра́бли, ви́лы, волы́, козлы́ и т. п.

2) Твердый звукъ ы послѣ согласнаго звука ц замѣняется мягкимъ звукомъ и: ципленя́, па́льци, хло́пци, любэ́ньци, ко́шулувци.

3) Мягкій звукъ и въ единичныхъ случаяхъ замѣняется й: йти́, йду́, йди́.

4) Звукъ и послѣ гласной буквы удваивается звукомъ й͡и (ji): мой͡и, твой͡и, свой͡и, мой͡имъ, твой͡ими, добрый͡и, синій͡и, хорошій͡и.

5) Звукъ и послѣ р имѣетъ три произношенія—твердое, мягкое и среднее — между ы и и, какъ въ Корницкомъ говорѣ: цар͡ыця, цар͡ы, гр͡ибъ, пр͡инюосъ, тр͡ыста, др͡ымати, тр$^{ы}_{и}$во́га, кр$^{ы}_{и}$ча̀ти, у ма́тэр$^{ы}_{и}$, ку́р͡иця, кур͡ыти, тр͡ычи, гр͡ихи́ до р͡ики́, рика́.

Ударяемое и звучитъ какъ ы, а безударное какъ и, или по

большей части слышится средній звукъ между твердымъ звукомъ ы и мягкимъ и.

6) Звуки ы и и часто переходятъ подъ удареніемъ въ дифтонги — ыэ, іэ: лі͡эти, ші͡эрши, бэрі͡этэ, нэсі͡этэ, возьмі͡этэ, идіэтэ, бэрі͡эмо, нэсі͡эмо, идіэмо, щі͡эра, щі͡эрэць, мазурыэ, клуні͡э, жэньці͡э, рубліэ, ломазьці͡э, вортульці͡э, пазурыэ, до зэмлі͡э, до зорыэ, безъ сэстрыэ, матэрі͡э.

Этотъ дифтонгъ, образовавшійся изъ звука и, распространенъ во многихъ народныхъ говорахъ Забужной Руси, не только въ Сѣдлецкой губ., но и въ Люблинской, какъ наприм. въ селѣ Сверже, Холмскаго уѣзда. Въ Свиржѣ эта звуковая особенность встрѣчается даже въ окончаніяхъ един. числа: рубліэ, костэліэ вмѣсто рубэ́ль, костёлъ.

Звуки и и ы, произносимые въ большинствѣ словъ такъ, какъ и въ литер. языкѣ, служатъ отличительной звуковой чертой Ломазскаго, Корницкаго, Кошоловскаго и другихъ подляшскихъ мягкихъ говоровъ.

Звуки у — ю = у, ю.

1) Звуки у и ю во всѣхъ почти словахъ произносятся, какъ и въ лит. языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ.

2) Звукъ ю послѣ согласнаго р замѣняется въ слѣдующихъ словахъ звукомъ у; бру́ква, жовтобру́шка, цару́.

3) Звукъ у послѣ ц иногда замѣняется звукомъ ю: дай перцю.

Звукъ ѣ = і͡э, э, и, ѣ, йі͡э.

1) Ударяемый звукъ ѣ во многихъ словахъ переходитъ въ дифтонгъ — і͡э: сі͡эно, коліэно, лі͡это, мі͡эсто, лі͡эсъ, бі͡эсъ, рі͡эчка, мні͡э, на зэмлі͡э, па водіэ, здоровіэй, пузні͡эй, рі͡эдко [1]).

---

1) Въ началѣ словъ дифт. і͡э произн. какъ йі͡э: (jie): йі͡эзъ, йі͡эсьци, йі͡эмъ, йі͡эду; послѣ гласной и въ серединѣ словъ: пойі͡эхали, пойі͡эли, зъйі͡эли, я зъйі͡эвъ, пэрэйі͡эдь.

2) Безударное ѣ произносится какъ и: мишóкъ, билóкъ, рикá, бидá, винóкъ, лисьникъ.

3) Ударяемое ѣ въ слѣдующихъ словахъ звучитъ какъ э: рэ́шэто, стрэлець при стриля́ти, рэ́дька, снэда́ти, снэда́не, мэдвэдя при мэдвi͡эдь, хмэ́ля при хмi͡эль. Слова — рэшэто, стрэлець, снэда́ти, снэда́не сохраняютъ э во всѣхъ падежахъ; остальныя-же — хмi͡эль, мэдвi͡эдь — только косвенныхъ един. числа, а слово мэдвi͡эдь во всѣхъ пад. множ. числа: хмэля, хмэлёмъ, мэдвэдя, мэдвэ́демъ, мэдвэдi͡э, мэдвэдями.

5) Звукъ ѣ въ нѣсколькихъ словахъ польскаго происхожденія такъ звучитъ, какъ великорусское ѣ: Лѣсна, лѣсничи, подлѣсны, дѣдичъ.

Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ — Корницкомъ и Кошоловскомъ ударяется первая часть дифтонга: сi͡эно, лi͡это, вi͡эки, чоловi͡экъ. Подъ вліяніемъ удареній образовались всѣ дифтонги. Если же при измѣненіи окончаній словъ ударенія переходятъ на другіе слоги, то дифтонги исчезаютъ и замѣняются отдѣльными гласными звуками: рi͡эки—рика́, лi͡эсъ—лисы́, бi͡эсъ — бисы́.

Всѣ дифтонги въ Ломазскомъ говорѣ произносятся скоро и невыразительно, такъ что непривычному уху трудно различать составныя ихъ части; только въ Кошоловскомъ говорѣ, сосѣднемъ съ Ломазскимъ, болѣе явственно слышатся отдѣльные звуки этихъ дифтонговъ, такъ какъ Кошоловская рѣчь протяжная — пѣвучая, что составляетъ характерную особенность этого говора. Эта звуковая особенность подляшскихъ говоровъ не ограничивается однимъ Забужьемъ; по словамъ черниговцевъ, дифтонги существуютъ въ малорусскихъ говорахъ въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. И здѣсь говорятъ, какъ и въ Сѣдлецкой губ.: вуо́лъ, куо́нь, стуо́лъ, нуо́жъ.

Дифтонгъ i͡э изъ ѣ существуетъ въ одномъ изъ говоровъ сербскаго языка, а также спорадически наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья. («Лекціи по славянскому языкознанію» пр. Флоринскаго въ Кіев. «Универ. Изв.» за 1894 г. и «Пѣсни

Пинчуковъ» Довнара Запольскаго въ томъ же изд. за 1896 г.). Двугласный уо изъ о встрѣчается въ бѣлорусской рѣчи («Пѣсни Пинчуковъ» Довнара-Запольскаго. Тамъ-же).

По всей вѣроятности, дифтонги существуютъ и въ Гродненскихъ говорахъ, родственныхъ съ подляшскими какъ по формамъ языка, такъ и по звуковымъ особенностямъ.

Во всѣхъ дифтонгахъ Ломазскаго, Корницкаго, Кошоловскаго и другихъ говоровъ преобладаютъ первые ударяемые звуки — у, ю, и, послѣ которыхъ во время произношенія слова слышатся протяжные звуки о, или э: ву́ ‿ ‿ олъ, си́э-э-эно.

Очевидно, что до образованія двухгласныхъ созвучій слова произносились такъ: вулъ, кунь, сино, мисяцъ, мидь, зиле, вэсиле и т. д. Г. Шимановскій въ своей книгѣ «Звук. и форм. особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси» говоритъ, что дифтонги могли развиться подъ вліяніемъ удареній, требующихъ болѣе протяжнаго произношенія гласныхъ звуковъ. Но при какихъ условіяхъ могли образоваться эти звуковыя особенности народной рѣчи, изслѣдователи подляшскихъ говоровъ не объясняютъ. Въ обыкновенной рѣчи, гдѣ слова произносятся скоро, не растягиваются, дифтонги немыслимы.

Очевидно, что въ старину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорили очень протяжно, нараспѣвъ, какъ говорятъ теперь еще въ Кошолахъ, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губ. и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губ. [1]). Подъ вліяніемъ такой пѣвучей рѣчи и могли развиться дифтонги въ народныхъ говорахъ. Для образца пѣвучей Кошоловской рѣчи привожу нѣсколько фразъ: Му̀ - ой бааатько пойі - эхавъ до мі - эста. Тю̀ - отка мні - э далаай го-сьци́ - нъця. Въ лі - эси я ба́аачивъ воовка. И бу - огмэ, пэ пра́авда.

---

1) Бѣловѣжская пуща, Генр. Сенкевича.

Мазуры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сѣдл. губ. говорятъ протяжно; надо полагать, что пѣвучая рѣчь выработалась обитателями лѣсовъ.

Звуки, замѣнившіе древніе глухіе.

По общему закону фонетики въ мѣстныхъ народныхъ говорахъ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ, глухой звукъ ъ перешелъ въ о, а ь въ е; но встрѣчаются въ Ломазской рѣчи слѣдующія особенности, какихъ нѣтъ въ лит. языкѣ:

1) Проясненіе глухого звука въ нѣкоторыхъ словахъ не только въ прямыхъ падежахъ, но и въ косвенныхъ: лобъ — ло́ба — лобы́, ровъ — рова́ — ровы́, ротъ — ро́та — роты́, у̀лій — у́лія — уліи, вошь — во́ши, бэздо́нница — бэздо́нници; проясненіе глухого звука въ глаголахъ жэ́рти, задэрти во всѣхъ ихъ формахъ: жэрэ́, — пожэ́ръ, задэ̀рла, вы́дэръ; проясненіе въ словѣ жэньціэ̯ во всѣхъ падежахъ, кромѣ им. ед. числа жнэць; въ словѣ дэньцé — дэньця́.

2) Потеря глухого звука въ глаголѣ прошедшаго времени — хтіэ̯въ — хтіэ̯ла — хтіэ̯ли (хо́чу — хо́тѣли). Эта глагольная форма, существующая во всѣхъ мѣстностяхъ русскаго Забужья, замѣчается изрѣдка въ малорусскомъ говорѣ Херсонской губ. въ посадѣ Новой Прагѣ и окрестныхъ деревняхъ. Въ дер. Берескутѣ, Рад. уѣзда Сѣдл. губ., говорятъ хцу вмѣсто хочу. Безъ сомнѣнія, что эта форма глагола образовалась подъ вліяніемъ польскаго языка, такъ какъ тамошній говоръ находится на пути своего вырожденія.

3) Замѣна прояснившихся глухихъ въ о и е другими звуками: трево́га, дрижа́ти (дрощъ), крива́вы (кровъ), христи́ти (хрэстъ), чорнобры́вы (бро́вы), ябло́ко, на хрибтови; кулокъ, снупо́къ (снуопъ — снопы) кунэ́ць, хрибэтъ, обжира́тися — обжэрся — обжэртýхъ — обжарство.

4) Замѣна мягкаго глухого твердымъ: царъ, го́лубъ, звіэ̯ръ, прибáвъ, кровъ, пи́саръ, сле́саръ, сэкрэта̀ръ, коса́ръ и т. д.; но въ словахъ буольшъ, мэн-шъ даже е замѣнилось ъ.

5) Замѣна твердаго глухого звука мягкимъ: па́лець, отэ̀ць, жнэць, купэ́ць, погоріэ̯лець, стрэ́лець, ломазэ́ць, ко́шоловэць.

6) Умягченіе н, с, з, ш, ц, д, т въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ: паньськи, русьськи, Ломазьськи, росу́сьськи, Савицьки, Микола́ювськи, коза́цьки, полю́цьки, нимэ́цьки, по-нимэцьки, бі͡эльськи, цыганьськи, французьськи, ляховэцьки, бэрэсьцицьки отъ Бэрэсьць = Бересть.

Въ единичномъ случаѣ древній мягкій глухой послѣ н произносится въ нар. рѣчи то твердо, то мягко: мэньшъ и мэ́нша.

Приставка, вставка, выпаденіе и сокращеніе гласныхъ.

1) Приставочнымъ звукомъ въ Ломазскомъ говорѣ иногда бываетъ и, й: я йшо́въ **и**съ цэрквы **и**съ своимъ братомъ. **И**зъ твоимъ батькомъ **и**шли мои сэ́стры. Ку͡отъ иззі͡эвъ са́ло.

2) Вставочные звуки — о, э, ё, й находятся въ словахъ: Па́**во**лъ, вэпо́ръ, ґмите́ръ, журавэ́ль, рубэ́ль, мо́з**о**къ, на**й**шовъ и нашовъ, зайшовъ — зашовъ, ви́хоръ, мо͡йи, тво͡йи, сво͡йи, лі͡этьні͡йи, сині͡йи, добры͡йи, зелёны͡йи, хороші͡йи. Во всѣхъ подобныхъ окончаніяхъ слышится вставочный звукъ й.

3) Выпаденіе звуковъ — и, о, е: мі͡эти, грати, щэ, горо̀дъ, гуро́къ.

Выпадаютъ нѣкоторые звуки въ Ломазской рѣчи только въ началѣ словъ.

4) Сокращаться могутъ въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ говорахъ мѣстоименія: кото́ры — въ котры́й, моёго — мого́, твоёго — твого́, своёго — свого́; существит.: саня́ми — саньми́, кры́лами — крыльми́, ко́сьцями — кусьцьми́, грушми́, ку͡оньми; глагольная форма — нэма́шъ — нэма́. Послѣдняя форма этого глагола болѣе употребительна.

Переходъ гласныхъ въ согласные и наоборотъ.

Въ Ломазскомъ говорѣ существуетъ переходъ гласныхъ въ согласные въ слѣдующихъ словахъ и выраженіяхъ: въ мэ́нэ, въ

тэ́бэ, въ сэ́бэ, вжэ, вмэръ, вмі͡эю, втика́ти, вт͡юокъ, вт͡э̀рла, втэръ, на вмі͡э, впавъ, вкравъ; но говорятъ также: въ сусіэда и у сусіэда, у мэнэ, у тэбэ, у сэбэ, утэкли, упавъ, украв͡ъ, у клуни и въ клуни, у хати и въ хати, у лі͡эсѝ и въ лі͡эси, узявъ и взявъ, усэ и всэ, усіэ и всі͡э, упавъ и впавъ, вмэръ и умэръ.

Согласные звуки.

Особенности выговора нѣкоторыхъ согласныхъ звуковъ.

1) Звучные остаются какъ въ концѣ словъ, такъ и въ срединѣ, стоя передъ отзвучными; лобъ, р͡уодъ, голубка, кровъ.

2) Случаи перехода согласныхъ звучныхъ въ однозвучные: оптирае, ниско при низэнько, блисько при близэнько, лошка при ложэчка, дi͡эшка при дi͡эжэчка, на дор͡уосьци при дорожэчка.

3) Предлогъ съ то сохраняетъ свою древнюю форму, то переходитъ въ зъ: съ пилою, съ саломъ, съ косою, скидати, сховати; зо мною, зъ братомъ, зъ ею, зъ зэмлёю, зрi͡эзати, зварити, здойняти, змолотити.

Слѣдуетъ замѣтить, что предлогъ съ въ мѣстныхъ говорахъ подчиняется такому же закону фонетики, какъ въ литер. языкѣ слитные предлоги — воз, из, раз, низ, которые передъ одними согласными звуками сохраняютъ звукъ з, а передъ другими этотъ звукъ переходитъ въ с.

4) Случаи перехода шипящихъ звуковъ въ свистящіе: на рi͡эцьци, на доросьци, скрипоцьци, на лосьци, на стэсьци. Но иногда слышатся эти слова и такъ: на рi͡этци, на рi͡эчци, на пi͡этци. Впрочемъ, должно сознаться, что очень трудно уловить слухомъ не ясное произношеніе этихъ сомнительныхъ созвучій.

5) Существуетъ группа словъ съ наращеніемъ звуковъ дж передъ ихъ окончаніемъ: гла̀джу, буджу̀, сиджу́, ходжу́, прійижджай, выйижджай, подъйижджай, воджу́, каджу̀, суджу́.

6) Въ нѣкоторыхъ словахъ встрѣчается умягченіе звуковъ: сьві͡эт͡ъ, сьцина, сьвьятый, женьці͡э, ща́сьце, тэсьць, Бэ́рэсьць, Ломазьці͡э.

7) Въ нѣсколькихъ словахъ согласные непосредственно соединяются съ мягкими гласными безъ ь: попадя́, дякъ, кутя́, сьвиня́.

8) Губные не сочетаются непосредственно съ мягкими гласными: розмовляти, мовля́ли людэ, сьпьятъ, робъятъ, въятеръ, пъять, пъятнанцятъ, пъятница, завъязати, завъяла, мняти, мнясо.

Гортанные.

Звукъ г въ Ломазскомъ говорѣ, какъ въ малорусскомъ нарѣчіи, звучитъ какъ латинская буква H; но есть слова отчасти мѣстнаго, но по большей части польскаго происхожденія, въ которыхъ слышится латинскій звукъ G: ґэзъ, ґзи́тися, ґидзи́кати, ґаґа́вка, ґу́зикъ, ґо́здзи, ґа́нокъ, ґардзю͡ола, ґа́ня, ґрунтъ.

Въ письменныхъ памятникахъ юго-западной Руси XVI и XVII вѣка буква G изображалась двояко: ґ и кг. Эта буква встрѣчается въ древнихъ актахъ и сочиненіяхъ южно-русскихъ писателей.

Губные.

Губные звуки ф и ѳ встрѣчаются только въ словахъ, заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ: акаѳистъ, фунтъ, фузія, фо́рба, фасоля, фарту́хъ, фа́лды, фа́брика, фу͡ора, фалюшъ, фальбо́ны, фу́рманъ, фля́шка.

Но въ нѣкоторыхъ словахъ звукъ ф иногда замѣняется другими звуками: хвартухъ, на плисъ, пля́шка.

Звуки ѳ и ф, находящіеся въ христіанскихъ именахъ, замѣнены въ народной рѣчи слѣдующими звуками:

1) п: Стэпа́нъ, Пили́пъ, Панасъ, Супру́нъ.
2) х: Трохи́мъ, Халиму͡онъ, Химка, Хо́ма.
3) хв: Хвэ́доръ, Хвэдо́ра.
4) ш: До́рошъ, Яру͡ошъ.
5) в: Мавтэ́й.
6) т: Тэду͡°ръ, Тэ́кля, Ма́рта.

Слѣдуетъ замѣтить, что Ломазскій говоръ менѣе склоненъ къ замѣнѣ звука ф другими звуками, чѣмъ сосѣдніе родственные говоры.

Плавные р и л.

Звукъ р звучитъ во всѣхъ словахъ твердо и способствуетъ отвердѣнію за нимъ мягкаго гласнаго и полугласнаго: рабый, радо́къ, порадокъ, царъ—цара, говору́, зъ го̀ра, изъ мо́ра.

Въ дифтонгахъ р звучитъ нѣсколько мягче передъ гласными ы—и: мазурі͡э, рі͡эки, рі͡эпа.

Звукъ р въ единичныхъ случаяхъ довольно мягко звучитъ и передъ другими гласными: ряжкà, брящáти.

Звукъ л въ Ломазскомъ говорѣ произносится такъ, какъ и въ лит. языкѣ передъ твердыми гласными твердо, а передъ мягкими мягко: волы́, кони, лыко, липа, вилы, мыло, мило, соли, воля, нэволи.

Зубные д и т.

Звукъ д, находящійся между гласной и согласной ц, смягчается въ т или ц: дватцять — дваццять, тритцять — триццять.

Звукъ т, стоя передъ мягкими гласными и знакомъ мягкимъ, звучитъ какъ ц, если ему предшествуетъ согласный звукъ с: Насьця, Бэрэсьць, тэсьць, нэсьци, сі͡эсьци, плесьци, йі͡эсьци, го́сьци, сьцина́, тросьцина́, госьцинэ́ць, умываецьця.

Передъ твердыми гласными зубные звуки произносятся твердо, какъ и въ литер. языкѣ.

Звукъ т смягчился въ ц въ словахъ ци́цька и цётка. Малорусское слово титка произносится въ Кошолахъ, сосѣднемъ селѣ съ Ломазами, тю̀отка. Такая форма слова, вѣроятно, существовала прежде и въ Ломазскомъ говорѣ, но потомъ замѣнена польскимъ произношеніемъ (ciotka). Подъ вліяніемъ польскаго языка звукъ Θ, находящійся въ христіанскихъ именахъ, видоизмѣненныхъ въ народной рѣчи, впослѣдствіи перешелъ въ Ломазскомъ говорѣ въ звукъ т: Тэ́кля, Тома́шъ, Тэду̀оръ, Ма́рта.

Въ нѣкоторыхъ именахъ т замѣнилось звукомъ ц: Марци́нъ, Мицько́, Мацько́, Нэ́сцюръ.

Шипящіе и свистящіе.

Въ Ломазскомъ говорѣ въ нѣкоторыхъ словахъ существуютъ дифтонги, образовавшіеся изъ согласныхъ: дж и дз: ходжу́, сиджу́, буджу́, воджу́, прійижджати, дзёбати, дзюбати, дзюбъ, роздзя́ва, роздзявляти, гидзи́ковка, Га́ндзя дзюба́ти, вро̀да и вроджа́й, дзыра́ и дзюра́, дись и дзись, дзюравы и дыравы, дзикъ. Въ этихъ звуковыхъ сочетаніяхъ ж и з служатъ для смягченія д. Но встрѣчаются въ Ломазскомъ говорѣ и такія слова, въ которыхъ нѣтъ этихъ звуковыхъ сочетаній: звуо́нъ, звоно́нити, звуни́ця, жерело́.

Шипящіе сочетаются съ твердыми гласными а и у: жа́ба, ша́пка, ща́сьце, щу́чка, шуля́къ, жа́ти, чайникъ, ча́ры, чу́ти.

Шипящіе передъ звукомъ и въ Ломазскомъ говорѣ звучатъ тверже, чѣмъ въ литер. языкѣ.

1) Въ одномъ только подляшскомъ говорѣ, какъ я уже упоминалъ выше, сохранилась древнеславянская форма сочетанія шипящихъ согласныхъ съ мягкими гласными — я и ю: шяпка, щюка, щясьце; въ полѣшскихъ говорахъ послѣ шипящихъ звуковъ является дифтонгъ ыэ: жыэти, щыэсьце.

2) Въ Новопрагскомъ, какъ и въ другихъ говорахъ Херсонской губ., въ глагольныхъ формахъ не существуетъ вставочнаго звука ж: ходю́, будю́, водю́, сидю́; но созвучіе **дз и дж** въ нѣкоторыхъ словахъ слышится: дзвинъ, — дзвини́ця, (подземный ключъ), дзы́ґа (волчокъ игр.), джерело.

Свистящій звукъ ц въ соединеніи со вторично-мягкими гласными всегда звучитъ мягко: око́ньце, со́ньце, ломазьці̯э́, па́льци, таньцюва́ти, ци́цька. Ц въ соединеніи съ первичнымъ е (= э) произносится твердо: цэ́саръ, цэ́рква, цэ́брикъ, цэ́ґла, цэґе́льня. Въ нѣсколькихъ словахъ послѣ ц находятся и другія твердыя гласныя буквы: цыга́нъ, цу́коръ, цымба́лы.

Смягченіе согласныхъ.

Звукъ г смягчается въ ж, х, з: Божэ, бижи́тъ, мняхко при мьягэнько, лэхки при легэнько, Бо́зя (дѣтск.), на поро́зи, на нозіэ, на бэро́зи, на доро́зи.

К — въ ч, ц: на ріэчци — ріэцьци, на руціэ, въ соро́цьци.

Х — въ с: на сосіэ, на пла́си.

Ч — въ ц: на ріэцьци, въ соро́цьци.

Ж — въ с: въ діэсъци, на доруосъци, на стэсъци.

Ш — въ с: на суосъци.

Щ — въ с: на до́сьци.

Губные смягчаются посредствомъ ь и въ единичныхъ случаяхъ вставкой л: любью́, купью́, заставью, одмовья́ю, розмовья́ю, мовля́ли людэ, мовля́въ.

Зубные д и т смягчаются дифтонгами дж, дз и звуками ц: ну́джу, буджу́, покаджу, ходжу, воджу, дзюравы, дзикъ, цётка, тэсьць, госьци́на. Смягченіе этихъ звуковъ уже указано выше.

Удвоеніе согласныхъ.

Въ Ломазскомъ говорѣ находится мало словъ, въ которыхъ встрѣчается удвоеніе согласныхъ; оно замѣчается только въ нѣсколькихъ прилагательныхъ, существ. и нарѣчіяхъ: со́нная, куонная, вышшая, страша́нны, осіэньня, вэсіэньня, куоньниця, вы́шшэ, бэздо́ньниця.

Переходъ однихъ согласныхъ въ другіе.

Л переходитъ въ в: вовкъ, стовпъ, по́вна, товчи́, товка́чъ, во́вна, пуовночь, чово́нъ.

В — въ м: руовмно, руомны, румня́тп.

Н — м: жоміэръ, коміэръ, Мики́та, Миколя́й.

С — ц передъ т или ц — вэрнэцьця, сміэцьця.

К — х: хто, нихто́, христи́ти, до́хтуръ.

Т—д: допта́ти, одъ мэ́нэ, одобра́ти.
Т—к: выдо́пкали, удопка́ти. (Един. случай).
С—ш: шала́та, шкло и скло. »
Ж—з: зэлі͡эзо, зэлі͡эзникъ. »
Р—л: сріэ͡бло. »
Чт—щ: що, щобы.
Т—ц: Насьця, тэсьць, Бэрэсьць.

1. Особенно встрѣчаются частые переходы однихъ гласныхъ въ другіе въ личныхъ народныхъ именахъ, взятыхъ изъ греческаго языка. Изъ согласныхъ звуковъ, какъ мы уже успѣли замѣтить, въ этомъ отношеніи наиболѣе подверглись измѣненіямъ ф и θ (см. выше).

2. Въ Руденскомъ говорѣ звукъ ч въ нѣкоторыхъ словахъ замѣненъ звукомъ ш;[1]) што, што́бы, вмѣсто обычнаго малорусскаго що, щобы. Очевидно эта звуковая особенность Руденскаго говора образовалась подъ вліяніемъ бѣлорусскаго языка. (Руднѐ, Рад. уѣз.).

Приставка, вставка, и выпаденіе согласныхъ звуковъ.

Приставка в: вуо͡нъ, вона́, вони: вуо͡спа,
» г: Ганна, Ганізя, гармата,
» н: зъ ними, зъ него, но чаще зъ ими, зъ его.

Вставка: д: здрада, здрьэ͡ла,
» п: мняти, мпясо, мняхко,
» г: тягнути (sic) стогнати, одягну,
» в: павў́къ.

Выпаденіе в: споминати,
» т: сьвйснути, жалосно, щасьливы, нещáсная,
» д: сэ́рцэ, сёма, празникъ,
» л: соньце, жоміэ͡ръ, коміэ͡ръ,
» г: дэ?

---

1) Въ Ломазскомъ говорѣ ч переходитъ въ ш въ словахъ: шты́ри, штыринаньцять.

Въ Полѣшскомъ говорѣ, въ Голешовѣ (Бѣльскаго уѣзда) г. Холмъ извѣстенъ подъ именемъ Хомъ.

Въ Забужной Руси до возсоединенія уніатовъ церковно-богослужебныя книги читались съ малорусскимъ произношеніемъ гласныхъ е и ѣ, какъ э и и: нэбо, чэловикъ, и во вики виковъ. Буква Θ произносилась какъ вт: Втома, Матвтэй, Тимовтэй. Подъ вліяніемъ произношенія послѣдней буквы и образовались въ нѣкоторыхъ говорахъ народныя формы христіанскихъ именъ, въ родѣ Тымохтэй, — Тимофтэй, Доровтэй, Хвэдоръ, Хвэдора, Мавтэй.

Въ Ломазскомъ говорѣ этотъ способъ произношенія фиты отразился на именахъ Хвэдоръ и Мавтэй; другія же народныя имена, существовавшія въ этомъ говорѣ, въ послѣднее время видоизмѣнились подъ вліяніемъ польскаго языка: Хвэ́дуръ въ Тэдуоръ; Хома въ Тома́шъ. Марвта — Марта. И такому измѣненію легко, повидимому, способствовало древнее произношеніе фиты.

[Настоящій отдѣлъ «Звуковыя особенности Ломазскаго говора» я составилъ по образцу «Фонетики» въ книгѣ г. Шимановскаго: «Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Хо̀лмской Руси» (Варшава), 1897 г. Кромѣ общаго плана я воспользовался и нѣкоторыми примѣрами, подходящими для Ломазскаго говора, пополнивъ ихъ многими словами, взятыми изъ народнаго говора пос. Ломазъ и сосѣднихъ селеній.]

II.

Грамматическія формы Ломазскаго говора.

ЧАСТИ РѢЧИ.

Имя существительное.

Родовыя окончанія.

Мужескій родъ оканчивается на ъ, ь, й и о: Буогъ, чоловіэкъ, сонъ, куонь, камэнь, медвіэдь, край, рай, воробіэй, соловіэй, батько, дядько, Пэтро, Данило, Коваленко.

Женскій родъ оканч. на а, я, ь, ъ: баба, жаба, жуонка, діэвка, мураха, попадя, клуня, нуочь, жовчь, тіэнь, мати, кровъ, суоль.

Средній родъ — на о, е — э, я: окно, сукно, молоко, поле, вэсіэле, коріэне, насіэне, тэля, ягня, жэрэбья, дитя, горэ, морэ.

Падежныя окончанія муж. рода и средняго на о и е — э.

Един. ч. Им. падежъ: сынъ, куонь, край, окно, поле, морэ.

Р. — а, я, у, ю: сына, коня, мэду, морозу, борщу, съ краю, окна, мора, вэсіэля, съ поля, вымэня, сіэмэня.

Д. — ови — ёви, ю: сынови, батькови, коневи, хлопцёви, дядькови, дякови, попови, окновi, моровi, вименёви, полю, вэсіэлю, ліэсови.

Винит. пад. сохраняетъ флексію имен. или род. падежа, какъ и въ лит. языкѣ, т. е. одушевленные предметы какъ род., а неодуш. какъ именительный; хотя есть единичные случаи исключенія изъ этого правила: ставъ рубати дуба; я нашовъ ножа.

Зв. пад.: э, е, у, ю: Бо́жэ, Пэ́трэ, Па́вле, сва́тэ, ку́мэ, сы́ну, бра́тэ, Васи́лю, Миколаю, со́коле, ко́ню, кра́ю, ра̀ю, та́ту.

Т.—омъ, ёмъ: сы́номъ, конёмъ, краёмъ, соловьёмъ, воробьёмъ, полёмъ, окномъ, дномъ, вэсі͡элёмъ, мо́ромъ, ба́тькомъ.

М. — ови, ёви, и, і͡э, у, ю: на сы́нови, бра́тови, соловьёви, воробьёви, на по́ли, на дні͡э, болоти, на вэсі͡эли, на вэрху́, въ лі͡эси, въ Вои́ню, въ Пищацьцю[1]).

Мн. ч. Им. — ы, и, і͡э, э-вэ, а, я: сыны́, браты́, батьки́, ко́ни, ножі͡э, купці͡э, хло́пци, ратайі͡э, жэньці͡э, ломазьці͡э, хрисція́нэ, купча́нэ, мища̀нэ, злодіэвэ, людко́вэ, о́кна, я̀йця, поля̀, сэ́ла[2]) лю̀дэ.

Р. — у͡овъ, увъ, ю͡овъ, ювъ, і͡эй, ъ, ь, и: сыну͡овъ, пану͡овъ, волу͡овъ, хливу͡овъ, разбу͡ойникувъ, воробью͡овъ, соловью͡овъ, хло́пцювъ, ду́рнювъ, люді͡эй, о́конъ, су́конъ, дні͡эй — дёнъ, яе́ць, сю͡олъ, ко́ни, гро́ши.

Д. — амъ, ямъ, юмъ — ёмъ: сына́мъ, батька́мъ, вола́мъ, воробья́мъ, о́кнамъ, сэ́ламъ, поля̀мъ, края́мъ, хло́пцюмъ — хлопцямъ, ко́нюмъ — конёмъ, людюмъ — людёмъ.

Вин. пад. какъ именительный или род.; но не всегда одушевл. предметы имѣютъ окончаніе род. падежа — названія людей сходны съ род. пад., а названія нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ — съ именительнымъ: просили своихъ батьку͡овъ, я маю брату͡овъ, братъ купивъ волы, кони, ді͡эдъ погнавъ волы.

Звательный падежъ сходенъ съ именительнымъ.

Т. — ами, ями, ьми: сына́ми, брата́ми, поля́ми, сэ́лами, рубля́ми, за́йцями, купця́ми, хло́пцями, ку͡оньми, грушьми́, ку͡ольми.

П. — ахъ, -яхъ, ёхъ: о сына́хъ, брата́хъ, рубляхъ, хло́пцяхъ, на па́льцяхъ, въ сэ́лахъ, по людёхъ — людяхъ, въ Лома́зёхъ, но чаще въ Лома́захъ.

---

1) Окон. вэ встрѣчается въ единичныхъ случаяхъ.

Въ пред. пад. ед. числа — на окні͡э и на окно́ви, въ молоці͡э.

2) Сущ. царъ, ключъ, столяръ, косаръ и т. п. въ род. и вин. пад. множ. числа оканч. на у͡овъ: цару͡овъ, ключу͡овъ, столяру͡овъ, косапу͡овъ, рублю͡овъ, днюо͡въ — дёнъ, ужу͡овъ.

Нѣкоторыя существительныя — пэро́, во́лосъ, ка̀мэнь, ко̀рэнь, листо́къ, ку͡олъ—во множественномъ числѣ по большей части употребляются въ собирательной формѣ: пі͡эрье, волу͡осе, кам і͡эне, ли́сьце, ку͡оле. Но говорятъ также: пэ́ри, во̀лосы, ко́рэни, ка́мэни, лисьця, зъ волоса́ми, съ корэня́ми, ка́мэнями.

Слово у́хо склоняется во множеств. числѣ безъ перехода х въ ш: у́ха, у́хъ, у́хамъ, у́хами, въ у́хахъ. Нѣкоторыя названія мѣстностей, съ окончаніемъ имен. пад. единственнаго числа при измѣненіи переходятъ въ падежи множ. числа: Лѣсна, изъ Лисны́хъ, Росу͡ошэ, изъ Росу͡оша, въ Росу͡ошахъ.

Падежныя окончанія жен. р. на а, я.

Им. п. — а, я: ба́ба, сэстра́, нога́, зэмля́, клуня.

Р.—ы, и, і͡э: ба́бы, сэстрі͡э, ноги, зэмлі͡э, клу́ни.

Д.—и, іэ: ба́би, сестрі͡э, нозі͡э, зэмлі͡э, клу́ни.

В.—у, ю: ба̀бу, сэстру́, но́гу, зэ́млю, клуню.

З.—о, ю: ба́бо, сэ́стро, кумо́, лю́бко, голу́бко, до́ню, Катру́сю, Парасю, Марысю.

Т.—ою, ёю: ба́бою, сэстро́ю, ногою́, зэмлёю, съ кудэле́ю, долонёю. Но и говорятъ: зъ Ганулею, за клу́нею.

М.—и, і͡э: о ба́би, на сэстрі͡э, на нозі͡э, на зэмлі͡э, въ клу́ни, въ ха́ти, на доро́зи.

М. ч. Им. падежъ — ы, и, і͡э: бабы́, сэ́стры, но́ги, зэ́мли, овэчки́, клуні͡э, письні͡э. сьви́ни. (Един. случай — курэ).

Р.—у͡овъ, ъ, ь, і͡эй: бабу͡овъ, жабу͡овъ, коровуовъ, сэстэръ, ну͡огъ, рукъ, соба́къ, овэчо́къ, зэмэ́ль, ви́шэнь, чэрэ́шэнь, грабэ́ль, конопэ́ль, писэ́нь, куріэ́й, клуні͡эй, сані͡эй, сині͡эй [1]).

Дат. — амъ, ямъ, юмъ: баба́мъ, сэ́страмъ, корова́мъ, соба́камъ, ку́рицямъ — ку́ромъ, сьви́нямъ — сьви́нюмъ.

Вин. падежъ одуш. пред., какъ родительный, а неодуш., какъ

1) Говорятъ: коровуовъ и коро́въ.

именительный. Но коровы́, овэчки́ въ вин. пад., какъ именительный: Трэба напойити коровы и овэчкѝ.

Т.—ами, ями, ьями: баба́ми, сэ́страми, съ корова́ми, нога́ми, рука́ми, за клунями, съ курьми́, саньми́, синьми́, сьвиньми.

М.—ахъ, яхъ: баба́хъ, сэ́страхъ, на нога́хъ, на зэ́мляхъ, клуня́хъ, хата́хъ, въ коно́пляхъ, на саняхъ.

Муж. флексія родительнаго падежа мн. числа на ов̑ъ встрѣчается какъ исключеніе въ нѣсколькихъ сущ. жен. рода: баба, корова, жаба; остальныя существительныя этого рода имѣютъ общерусское окончаніе ъ, ь и ей съ дифтонгомъ — сьвинi̯э̑й, синi̯э̑й, двэрi̯э̑й и т. п.

Падежныя окончанія жен. р. на ъ — ь.

Ед. ч. Им. пад. ъ, ь: кровъ, ну̑очь, ку̑осьць, жовчь, ті̯э̑нь, пі̯э̑чь, рі̯э̑чь, су̑оль, мі̯э̑дь.

Р.—и: крови, но́чи, ку̑осьци, соли, пэ́чи, рі̯э̑чи, жо́вчи, мі̯э̑ди, ті̯э̑ни.

Д.—и: крови, ночи, соли, пэчи, мі̯э̑ди, жовчи.

В.—и Зв. какъ именительный падежъ.

Т.—эю — ею, ю: жо́вчэю, съ су̑олю, за рі̯э̑чэю, съ кровéю и съ кровью, зъ мі̯э̑дю, съ косьцéю, за пэ́чэю.

М.—и -і̯э̑: въ но́чи, въ ті̯э̑ни, жо́вчи, въ соли, на пэчі̯э̑, въ мі̯э̑ди, въ пу̑овночи.

Мн. ч. им. ы, и: бро́вы, но́чи, пэ́чи, рі̯э̑чи, двэ́ри.

Р.—і̯э̑й: брові̯э̑й, ночі̯э̑й, пэчі̯э̑й, рэчі̯э̑й, двэрі̯э̑й.

Д.—амъ, ёмъ: бро́вамъ, ночамъ, пэчамъ, ричамъ, двэрамъ, грудёмъ.

Вин. падежъ какъ именительный.

Т.—ами, ьми: бровами, ночами, пэчами, ричами, двэрами — двэрьми, грудьми, съ кусьцьми.

М.—ахъ, -яхъ, -ёхъ: на бровахъ, по ноча́хъ, въ косьця́хъ, на двэ́рахъ, въ грудёхъ, въ синёхъ.

Сущ. женскаго рода съ окончаніемъ на ь въ Ломазскомъ

говорѣ немного, такъ какъ нѣкоторыя слова этого рода перемѣнили окончанія на а и и: цэ́рква, мо́рква, дочка́, свэкру́ха, двэ́ри, гру́ди, ма́ти и т. д.

Слово двэри часто употребляется въ двойственномъ числѣ: двэри́ма.

Падежныя окончанія средняго рода на я.

Ед. ч. Им. пад. я: тэля́, порося́, цыпленя́, гусэня́.

Р.—тя: тэля́тя, порося́тя; жэрэбья́тя.

Д. и П. падежи -тёви: тэля́тёви, порося́тёви, жэрэбья́тёви, гусэня́тёви.

Вин. и звательный, какъ именительный.

Т.—тёмъ: тэля́тёмъ, порося́тёмъ, гусэня́тёмъ.

Мн. ч. Им. п. та: тэля́та, жэрэбья́та, гусэня́та.

Р.—тъ: тэля́тъ, жэрэбья́тъ, порося́тъ.

Д.—тамъ: тэля́тамъ, жэрэбья́тамъ, порося́тамъ.

Вин. падежъ какъ родительный.

Т.—тами: теля́тами, порося́тами.

М.—тахъ: о тэлятахъ, поросятахъ.

Особенности склоненій — мати, дитя, дівчина.

Ед. ч. Имен. пад. ма́ти, дитя, дівчина.

Род. — ма́тэры, дитя́тя, дівчины.

Дат. — ма́тэри, дитятёви, дівчини.

Вин. ма̀тэра, дитя́, дівчину.

Зв. — ма́ти, дитя́, дівчино!

Тв. — ма́тэрэю, дитя́тёмъ, зъ дівчиною.

М. — при ма́тэри, дитятёви, о дівчини.

Мн. ч. Им — матэрія, дія́ти, дивія́та

Род. — матэрія́й — матэру́овъ, дитія́й, дивія́тъ.

Дат. — матэра́мъ, дія́темъ — дія́тюмъ, дивча́тамъ.

Винительный какъ родительный.

Тв. — матэра́ми, зъ дитьми́, зъ дивча́тами.
М. — о матэрахъ, дi͡этяхъ — дi͡этёхъ, дивча́тахъ.

Двойственное число.

Двойственное число въ Ломазскомъ говорѣ сохранилось только въ слѣдующихъ словахъ: очи́ма, плечи́ма, двэри́ма, дві͡э селі͡э, дві͡э яйці͡э, дві͡э окніе.

Ласкательныя и уменьшительныя имена существительныя.

Стэпа́нъ — Стэпа́нко, Иванъ и Янъ — Иванко — Янко́, Ондрі͡эй — Ондрійко, Миха́лъ — Михалко, Грыць — Грицько́. На́сьця — Насту́ля, Га́ндзя — Гану́ля, Катэрина — Катруся и Катруля, Мары́ська — Марыся, Пара́ся, Татянка. Чолові͡экъ — чолові͡эчокъ, ба́тько — та́то и тату́лё. Мати — ма́ма и мату́ля, ді͡эдъ — дидо́къ — диду́лё, братъ — бра́тикъ, сэстра́ — сэстру͡онка, дочка́ — до́нька, сынъ — сыно́къ. Бу͡огъ — божокъ — Бо́зя (дѣт.), со́ньце — со́нэчко, дэрэво — дэрэвце́, сэло — сэльце́, вода — води́ця, зэмля — зэмли́ця, дубъ — дубо́къ, мі͡эдъ — мэдо́къ, дно — дэньце́, рука — ру́чка, нога — ну͡ожка, молоко — молочко́, палець — па́льчикъ, парсцёнокъ — парсцёночокъ.

Увеличительныя имена.

Чолові͡эчищэ, руки — ручи́ща, ноги — ножи́ща, лобъ — лоби́щэ, чэрэво — чэрэви́щэ, голова — голови́щэ.

Названія дѣтей и дѣтенышей животныхъ.

Жидэня́, цыпленя́, тэля́, жэрэбья́, ягня́, козэня́, вовчэня́, качэня́, порося́, щэня́; тэля́тко, ягня́тко, жэрэбья́тко, порося́тко. Соколеня́та, Адаменята, Терещенята, т. е. дѣти Соколовскаго, Адама, Терещука.

Имя прилагательное.

Родовыя окончанія.

Мужескій родъ оканчивается на ый, ій, ы, и, ъ: слипы́й, нимы́й, глухі́й, лихій, до́бры, чо̀рны, бі̯э̀лы, си́ни, лі̯э̀тьни, мья́хки, по́вны — по́вонъ, здоро́вы — здоровъ.

Женскій родъ — на ая, яя, а, я: слипа́я, нимая, глуха́я, лиха́я, до́брая — до́бра, чорная — чо́рна, бі̯э̀лая — бі̯э̀ла, синяя — си́ня, лі̯э̀тьняя — лі̯э̀тьня, по́вная — по́вна, здоро́вая — здоро́ва.

Средній родъ — на ое, ёе, э, е: слипо́е, глухо́е, нимо́е, доброе — до̀брэ, чо̀рное — чо̀рнэ, бі̯э̀лое — бі̯э̀лэ, синёе — сине, лі̯э̀тьнёе — лі̯э̀тьне, по̀вное — по̀внэ, здоровое — здоро́вэ.

Падежныя окончанія муж. и средн. рода.

Род. падежъ — ого, ёго: слипо́го, нимо́го, до́брого, чо́рного, бі̯э̀лого, си́нёго, лі̯э̀тьнёго.

Д.—ому, ёму: слипо́му, нимо́му, доброму, здоро́вому, синёму, лі̯э̀тьнёму.

Винительный падежъ какъ им. или родительный.

Т.—ымъ -имъ: слипы́мъ, нимы́мъ, до́брымъ, си́нимъ, лі̯э̀тьнимъ, осі̯э̀нним.

М.—у̯о̀мъ, умъ, юмъ: на нимуомъ, слипуомъ, на до́брумъ, на высо́кумъ, въ лі̯э̀тьнюмъ, въ си́нюмъ, въ осі̯э̀ньнюмъ.

Мѣстный или предложный падежъ иногда принимаетъ окончаніе дательнаго падежа: по дубо́вому столо́ви, по широ́кому поли.

Мн. число. Им.—ыи, іи, ы, и: нимыйи, глухійи, синійи—сини, чорныйи — чо́рны, бі̯э̀лыйи — бі̯э̀лы, здоровыйи — здоро́вы, хорошійи — хоро́ши, лі̯э̀тьнійи — лі̯э̀тьни, Божійи.

Р.—ыхъ, ихъ: нимы́хъ глухи́хъ, до́брыхъ, си́нихъ, лі̯э̀тьнихъ, здоро́выхъ, малы́хъ.

Д.—ымъ, имъ: нимы́мъ, до́брымъ, хоро́шимъ, си́нимъ, Бо́жимъ, лихи́мъ.

Винительный падежъ какъ им. или родительный.

Т.—ыми, ими: нимы́ми, си́ними.

М.—ыхъ, ихъ: о нимы́хъ, синихъ.

Падежныя окончанія женскаго рода.

Р.—ои, ёи: нимо́йи, добройи, синёйи.

Д.—у͡ой, уй, юй: нимуо́й, слипуо́й, бі͡элуй, чо́рнуй, си́нюй, лі͡этьнюй, по́внуй.

В.—ую, у, юю, ю: нимý͡ю, глухý͡ю, старý͡ю, по́вную—повну, бі͡элую — бі͡элу, ці͡элую — ці͡элу, си́нюю — си́ню, лі͡этьнюю — лі͡этьню.

Т.—ою, ёю: нимо́ю, старо́ю, бі͡элою, доброю, синёю, лі͡этьнёю, чо́рною.

М.—у͡ой, уй, юй: на нимуо́й, чорнуй, си́нюй.

Падежныя окончанія множественнаго числа тѣ же самыя, что муж. и средняго рода.

1) Въ Ломазскомъ говорѣ прилагательныя мужескаго рода въ имен. падежѣ ед. числа удержали полныя членныя флексіи преимущественно тѣ, которыя въ литер. русскомъ языкѣ оканчиваются на ой, т. е. вообще тѣ прилагательныя, въ которыхъ стоитъ удареніе на послѣднемъ ихъ слогѣ: стары́й, малы́й, слипы́й, нимы́й, глухі́й, кривы́й, сьвьятты́й, дурны́й, рабы́й, лихі́й, кривы́й, живы́й. Эти прилагательныя всегда употребляются съ длинными окончаніями: слипа́я, мала́я, слипое, малое; слипý͡ю, старý͡ю, рабыйи, малыйи.

Прилагательныя муж. рода, не имѣющія ударенія на послѣднемъ слогѣ, оканчиваются въ им. падежѣ един. числа на ы, и, какъ въ польскомъ и чешскомъ языкахъ: до́бры, смі͡элы, чо́рны, жо́вты, бі͡элы, зэлёны, чэ́рвоны, кру́глы, до́вги, коро́тки, си́ни, лі͡этьни, осі͡эньни, вэсі͡эньни, вовкова́ты, борода́ты.

Прилагательныя этого рода въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣютъ двойныя окончанія—длинныя и короткія: до́брая—до́бра, до́брое—до́брэ, синяя — синя, синёе — си́не, жовтая — жо́вта, жовтое — жо́втэ; бі͡элую — бі͡элу; чорную — чорну, повную — повну; повныйи — повны, лі͡этьнійи — лі͡этьни.

2) Что касается именныхъ окончаній, то они только сохранились въ нѣсколькихъ прилагательныхъ въ имен. падежѣ един. числа и множественнаго: повонъ горчикъ, будь здоровъ, по́вны віэдра, будтэ здоро́вы. Хотя многія прилагательныя имѣютъ въ нѣкоторыхъ падежахъ короткую флексію, но они употребляются, какъ опредѣлительныя слова: чорну, повну, синю вмѣсто чорную, синюю, повную; ці͡элу нуочъ, ці͡элэ яйцѐ и т. п.

3) Прилагательныя притяжательныя, какъ и качественныя, въ нѣкоторыхъ падежахъ имѣютъ тоже двойныя флексіи: попо́вая — попо́ва, дяковая — дяко́ва, собачая—собача, котячая—котяча; поповое — поповэ, дяковое — дяковэ, собачое — соба́чэ; поповую — попову, дяковую — дякову, сьвинячую — сьвинячу; козлячіи — козлячи, собачіи — собачи. Притяжательныя муж. рода, какъ вообще всѣ прилагательныя, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ, имѣютъ въ им. пад. един. ч. одну только флексію; только прилагательныя — повный, здоровый, попу͡овъ, бі͡эсовъ имѣютъ два окончанія: повный — повонъ, здоровый — здоровъ, попу͡овъ — поповы, дяку͡овъ — дяковы, бі͡эсовъ — бі͡эсовы. Двойныя окончанія замѣчаются и въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ, образовавшихся изъ именъ личныхъ и фамильныхъ прозвищъ: Пили́пувъ — Пилиповы, Макси́мувъ — Максимовы; Пилипова — Пилиповая, Максимова — Максимовая.

Уменьшительныя прилагательныя.

Маленьки, мале́нька — мале́нькая, мале́ньке — мале́нькое, старэ́ньки, биле́ньки, рабэ́ньки, солодэ́ньки, нэвэлички — нэвэли́чка — нэвэли́чке, хоро́ленькы, сивэ́ньки, новэ́ньки, чорнэ́ньки, топэ́ньки, жовтэ́ньки.

Увеличительныя прилагательныя.

Нову́сеньки, билю́сеньки, малю́сеньки, вэлицю͡о́зны, страшэ́нная.

Уменьшительныя и увеличительныя прил. въ нѣкоторыхъ па-

дежахъ имѣютъ двойную флексію; по большей частью употребляются съ краткимъ окончаніемъ.

Степени сравненія.

Сравнительная степень образуется съ помощью двухъ суффиксовъ — ш и і͡эйш: мэ́ньши, бу͡ольши, хору͡ошши, коруотши, розумні͡эйши, здору͡овши, сытні͡эйши, бога́тши, пузні͡эйши, то́ньши, бі͡эльши, твэрді͡эйши, ду́жши, муцні͡эйши, жовті͡эйши.

Превосходная степень образуется изъ сравнительной съ прибавленіемъ къ ней приставки най: найхору͡ошша, наймэньши, наймудрі͡эйшая, найбога́тши, найздору͡овши, найрозумні͡эйши, найгу͡орши.

Кромѣ простой формы сравнительной и превосходной степени употребляется еще въ народной рѣчи сложная форма: ба́рзо богаты, бу͡ольшъ розу́мны, са́мы бі͡эдныи чолові͡экъ.

Въ народной рѣчи употребляются особыя прилагательныя для выраженія сходства по наружности или по характеру одного предмета съ другимъ: козакова́ты, вовкова́ты, собакова̀ты, болванова́ты, кошлакова́ты. Прилагательныя обѣихъ степеней имѣютъ въ нѣкоторыхъ пад. двойную флексію.

Имя числительное.

Въ Ломазскомъ говорѣ числительныя произносятся слѣдующимъ образомъ:

Оди́нъ — одёпъ — едёпъ, два, дві͡э, три, штыри, пъять, ші͡эсьць, сі͡эмъ, ву͡осимъ, дэ́въять, дэ́сять, одина́ньцять, двана́ньцять, трина́ньцять, штырина́ньцять, пъятна́ньцять, шисна́ньцять, симна́ньцять, вусимна́ньцять, дэвъятна́ньцять, два́тьцять, три́тьцять, со́рокъ, пъятдэся́тъ, шиздэся́тъ, симдэся́тъ, вусимдэся́тъ, дэвъятдэся́тъ, сто, дві͡эсьци, три́ста, штыриста, пъятсо́тъ, шисо́тъ, симсо́тъ, вусимсо́тъ, дэвъятсо́тъ, тысяча.

Пувтора́, пувтрэтя́, обадва, обі͡эдви, обо́е, дво́е, трое, чэтвэ́ро,

пъя́тэро, шо́стэро, сэ́мэро, во́смэро, дэ́въятэро, дэ́сятэро, одина́ньцятэро, двана́ньцятэро, два́цятэро, три́тцятэро.

Пэ́рши, дру́ги — другі́й, трэ́ти, чэтвэ́рты, пъя́ты, шо́сты, сёмы, во́смы, дэвъяты, дэсяты, одина́ньцяты, дватцяты, соровый, пьятдэся́ты, шисдэся́ты, со́ты, пъятсо́ты, симсо́ты, вусимсо́ты, дэвъятсоты.

Падежныя окончанія числительныхъ съ родовыми окончаніями.

Мужескій и средній родъ.

Ед. число. Им. — ъ, ій, ы, и; о, э—ое, е — ёе́; одинъ—одёнъ—едёнъ, другій, трэти, одно, другое, трэте — трэтёе́, чэтвэртэ — чэтвэртое.

Р.—ого, ёго: едного и одного, друго́го, трэтёго, пъя́того.

Д.—ому, ёму: едному и одному, трэтёму, сёмому.

Винительный какъ именит. или родительный.

Т.—ымъ, имъ: еднымъ и однымъ, други́мъ, трэ́тимъ.

П.—уомъ, умъ, юмъ: въ одну͡омъ, другу͡омъ, въ сёмумъ, дэся́тумъ, трэ̀тюмъ.

Мн. ч. Имен. падежъ для всѣхъ родовъ ы -ыи, и -іи: одны—одныйи, другійи, трэти — трэтійи, сёмы — сёмыйи, пэ́рши — пэ́ршійи.

Р. — ыхъ, ихъ: одны́хъ, други́хъ, трэти́хъ, сёмыхъ.

Д. — ымъ, имъ: однымъ, другимъ, трэ́тимъ.

Винительный какъ именит. или родительный.

Т. — ыми, ими: одными, другими, трэтими.

М. — ыхъ, ихъ: одныхъ: другихъ, трэтихъ.

Женскій родъ.

Ед. ч. Им. — а -ая, я -яя: одна — одна́я, друга́я, трэ́тя — трэ́тяя, чэтвэ́рта — чэтвэ̀ртая.

Р. — ои, ёи: одно́йи [1]), друго́йи, трэтёйи.

---

1) Часто говорятъ: до едне́йи, едну́, одно́ю.

Дат. и Пред. — у͡ой, уй, юй: одну͡ой, другу͡ой, трэ́тюй, чэтвэ́ртуй, пъя́туй, сёмуй.

Вин. — у -ую, ю -юю: одну — одную, другую, трэ́тю — трэ́тюю, чэтвэ́рту — чэтвэртую.

Т. — ою, ёю: зъ одною, другою, съ трэтёю.

Во множ. числѣ тѣ же окончанія, какъ и въ муж. и средн. родѣ.

Склоненіе количественныхъ.

Им. — два, дві͡э, три, штыри, пъять, сі͡эмъ.

Род. — два, дві͡э — двохъ, три — трохъ, пъять — пъятёхъ.

Дат. — двомъ, тромъ, штыромъ, пъятёмъ.

Вин. — какъ род. или именительный.

Твор. — дво́ма, тро́ма, штырома, пъятёма.

Пред. — на двохъ, трохъ, пъятёхъ, на девъятёхъ, на шэсьцёхъ, на дванаьцятёхъ.

Склоненіе собирательныхъ числ.

Им. — обе́два, обі͡эдви, двое, трое, чэтвэро.

Род. и Пр. — обо́хъ, двохъ, трохъ, чэтвэро́хъ.

Дат. — обо́мъ, двомъ, тромъ, чэтвэромъ.

Винит. — какъ родительный или именительный.

Твор. — обома, двома, трома, чэтвэрома.

Род. и дат. падежъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходенъ съ именительнымъ: Въ мэ́нэ нэма́ пъять рубл͡юовъ. Вони нажали по пъять ку͡опъ жи́та. Родит. падежъ иногда имѣетъ и общерусское окончаніе: бэзъ шэсьци́ сто рубл͡юовъ, изъ сэми́ крыни́ць, бэзъ дэвъяти́, дэсяти́.

Имена сущ. мужескаго рода послѣ числительныхъ — два, обе́два, три, штыры ставятся въ им. падежѣ множественнаго числа; женскаго и средняго рода — въ род. падежѣ един. числа, какъ и въ литер. языкѣ: два воли́, обе́два хло́пци, три ко́ни, штыры воли́; два по́ля, дві͡э коро́вы. тои о́кна, три ба́бы, штыры видра́,

штыры дочки́. При числительныхъ — оденъ — еде́нъ — одинъ употребляется форма сущ. — ру͡окъ, ты́ждэнь, а при другихъ числительныхъ эти слова замѣняются сущ. лі͡это, нэдіэля: два лі͡эта, двіэ нэдіэли, пъять лі͡этъ, шіэсьць нэдіэль.

Хотя и ру͡окъ употребляется иногда въ косвенныхъ падежахъ ед. числа: два ро́ки, три ро́ки, но больше говорятъ два лі͡эта, три лі͡эта. Послѣ числительныхъ пъять, шіэсць и т. д. существительныя, какъ и въ лит. языкѣ, употребляютъ въ род. пад. множ. числа: пъять рублю͡овъ, сі͡эмъ волу͡овъ, дэсять па́льцю͡въ.

Мѣстоименіе.

Личныя и возвратное: я, ты, ву͡онъ, вона́, воно́, сэбэ́.

Притяжательныя: му͡ой, твуой, сву͡ой, нашъ, вашъ, моя, твоя, своя, мое́, твое́, свое́.

Указательныя: той, тамтой, ги́ншій.

Вопросительныя и относительныя: хто, що, якій, чій, котры́й, ку͡олько?

Опредѣлительныя: всэнь, ку͡ожды — ка́жны, самъ, самы́й, ку͡ождёнь, всэля́кіи.

Неопредѣленныя: пихто́, ничо́го — ницъ, дэкотры́й, ки́лька, хто-нэбудь, що-нэбудь, хтось, щось.

Склоненіе мѣстоименій.

Ед. ч. И. — я, ты, ву͡онъ, воно́, вона́.
Р. — мэнэ, тэбэ, сэбэ, ёго, е́йи.
Д. — мні͡э, тобі͡э, собі͡э, ему́, ю͡ой.
В. — мэнэ, тэбэ, сэбэ, его, йийі͡э, е ср. рода.
Т. — зо мно́ю, съ тобою, собою, зъ нимъ, зъ нею, е́ю.
М. — о мні͡э, тобі͡э, собі͡э, ю͡омъ, -нью͡омъ, нью͡ой, ю͡ой.
Множ. ч. И. — мы, ві͡этэ, вони́.
Р. — насъ, васъ, йихъ.
Д. — намъ, вамъ, йимъ.

Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — на́ми, ва́ми, ними — йими.
М. — о насъ, о васъ, о нихъ — йихъ.

Мужескій и средній родъ мѣстоименій.

И. — мо͡уой, тво͡уой, сво͡уой, моé, твоé, своé.
Р. — могó — моёго, твогó — твоёго, свогó — своёго.
Д. — моёму, твоёму, своёму.
Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — мойи́мъ, твойи́мъ, свойи́мъ.
М. — на мою͡омъ, твою͡омъ, свою͡омъ.
Мн. ч. И. — мойіэ͡, твойи, свойи́.
Род. и М. — мойи́хъ, твойи́хъ, свойи́хъ.
Д. — мойимъ, твойимъ, свойимъ.
Винительный какъ имен. или родительный.
Т. — мойи́ми, твойи́ми, свойи́ми.
Ед. ч. И. — нашъ, вашъ, на́шэ — на́шое, ва́шэ — ва́шое.
Р. — на́шого, ва́шого.
Д. — на́шому, ва́шому.
Винительный какъ им. или родительный.
Т. — на́шимъ, ва́шимъ.
М. — о на́шумъ, ва́шумъ.
Мн. ч. И. — наши — пашійи, ва́ши — вашійи.
Р. — и П. — на́шихъ, ва́шихъ.
Д. — на́шимъ, ва́шимъ.
Т. — на́шими, ва́шими.

Женскій родъ.

Е. д. Им. — моя́, твоя́, на͡ша — на́шая, ва́ша — ва́шая.
Родит. п. — моейи, твоéйи, на́шойи, ва́шойи.
Дат. и Мѣстн. — мою͡ой, твою͡ой, на́шуй, ва́шуй.
В. — мою́, твою́, свою́, пашу — на́шую, ва́шу — ва́шую.
Т. — моéю, твоéю, своéю, на́шою, ва́шою.

Женск. родъ во множественномъ числѣ склоняется какъ мужескій и средній.

По образцу прилагательныхъ склоняются мѣстоименія — указательныя, вопросительныя, опредѣлительныя и другія съ родовыми окончаніями: куожды, котры́й, всэля́ки, якій, самъ, дэякій, якій-сь.

Им. — хто, що, чій, чіе́, чія́, всэнь, ки́лька.

Р. — кого́, чого́, чіёго, чіейи, всёго, килько́хъ.

Д. — кому́, чому, чіёму, всёму, килько́мъ.

Винительный какъ имен. или родительный.

Т. — съ кимъ, чимъ, килько́ма, чіймъ.

М. — о куомъ, о чуомъ, килько́хъ, на чіюомъ.

Жен. родъ: Им. — вся — уся — всяя, чія́, куожда — куождая, всэля́ка — всэля́кая.

Род. — всэйи, чіейй [1]), куождойи, всэля́койи.

Д. — всюои, чіюой, куождуй, всэля́куй.

В. — всю — усю, чію, куожду — куождую, всэляку — всэлякую.

Т. — всёю — усёю, чіёю — куождою, котрою, всэля́кою.

Предл. какъ дат.

Мѣстоименія съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, какъ и прилагательныя, въ женскомъ родѣ имѣютъ только длинное окончаніе: котра́я, яка́я. Точно такъ же и прилагательныя съ удареніемъ надъ предпослѣднемъ слогѣ имѣютъ только одно длинное окончаніе: слипа́я, нима́я, глуха́я, мала́я, стара́я. Въ Ломазской рѣчи не говорится стара́ ма́ти, котра́ баба, нима́ діэвка, а всегда въ подобныхъ случаяхъ употребляется мѣстоименіе или прилагательное съ длиннымъ окончаніемъ: стара́я ма́ти, котра́я ба́ба, нима́я діэвка и т. п. Если же ударе́ніе стоитъ на другихъ слогахъ въ им. прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ, то женскій родъ въ им. пад. и вин. ед. числа употребляется съ двумя окончаніями: чорна и чо́рная, біэлу и біэлую, зэлёна — зэле́ная.

---

1) Мѣстоим. — тая, тамтая въ род. падежѣ — тэи, тамтэи; въ предл. тэю.

Глаголъ.

Неопредѣленное наклоненіе оканчивается на ти, тися, чи, гчи: ходи́ти, носи́ти, писа́ти, чита́ти, сидіэ̀ти, умыва́тися, чэса́тися, купа́тися, смія́тися, пэ̀ти, тэ̀чи, товчи́, лягчи́, помогчи́, стэрэгчи́.

Вспомогательный глаголъ бы́ти въ настоящемъ времени употребляется только въ 3-мъ лицѣ, какъ и въ общерусскомъ языкѣ — е, а иногда естъ. Въ прошед. времени я, ты, вуонъ бывъ, а въ жен. родѣ я, ты, вона́ была́. Множ. число мы, віэтэ, вони́ были́. Буд. время: я бу́ду, ты бу̀дэшь, вуонъ, вона́ бу́дэ; мн. чпсло — мы будёмо, віэтэ бу̀дэтэ, вони́ будутъ. Пов. накл. — будь, нэхъ бу̀дэ, бу̀дтэ, пэхъ бу̀дутъ. Дѣепричастіе наст. и прошедшаго времени — бу́дучи, бы́вши. Прич. прошед. времени — бывши, щая. Прич. наст. и буд. времени нѣтъ.

Архаическое спряженіе сохранилось въ Ломазскомъ говорѣ только трехъ глаголовъ — віэ̀мъ, йіэ̀мъ, дамъ. Глаголъ віэ̀мъ употребляется только въ первомъ лицѣ. Вмѣсто віэ̀мъ говорятъ часто віэ̀даю, нэ віэ̀даю. 2-е лицо—ты видаешь, вуонъ нэ віэ̀дае. Або я віэ̀мъ (Albo ja wiem).

Очевидно, что эта форма глагола заимствована изъ польскаго языка. Глаголы йіэ̀мъ, дамъ, прода́мъ во 2-мъ лицѣ йиси́, даси́, продаси́; въ 3-мъ лицѣ: йіэ̀стъ, дасьць, прода̀сьць.

Глаголъ мі̀эти въ наст. времени спрягается такъ: я ма́ю, ты ма́ешь, вуонъ ма́е; мы маёмо, віэтэ, ма́ете, вони́ ма̀ютъ. Прош. время—я мі̀эвъ, я мі̀эла, мы мі̀эли, вони́ мі̀эли. — Буд. вр. я буду мі̀эти, ты будешь мі̀эти, вуонъ будэ мі̀эти.

Глаголъ хотіэ̀ти въ наст. вр. — я хо́чу, ты хо́чэшь, вуонъ хо́чэ; мы хо́чэмо, віэтэ хо́чэтэ, вони́ хо́чутъ. Прош. вр. — я хтіэ̀въ, я хтіэ̀ла, вони хтіэ̀ли. Буд. вр. — я захочу, вони хо́чутъ.

Форма глагола хтіэ̀въ, хтіэ̀ла, хтіэ̀ли, какъ я уже упоминалъ раньше, распространена далеко за предѣлы Забужной Руси. Эта звуковая особенность замѣчается и въ пос. Новой Прагѣ, Херс. губ. у мѣстныхъ малороссовъ.

Спряженіе глаголовъ.

Настоящее время. Един. число.

1-е лицо окан. на у, ю, юся, уся: пишу́, чита́ю, умываюся, чэшу́ся, бигу́, стэрэгу́.

2-е лицо:—ешь, ишь, есься, ися: пишэ́шь, чита́ешь, умываесься, чэшэсься, хо̀дишь, но́сишь, молися, бижишь.

3-е — е, э, итъ, ця: чита́е, малюе, пи́шэ, бижи́тъ, стэрэжэ́, нэсэ́, купаецьця, чэшэцьця, умываецьця, хо̀дитъ, ро̀битъ, моли́цьця, смі͡эцьця, вэ́рнэцьця, гнэцьця, товчэ.

Глаголы 1-го спряженія въ 3 лицѣ оканчиваются на э и е, а во 2-мъ спряженіи на итъ, какъ въ лит. языкѣ. Въ малорусскомъ языкѣ въ пос. Новой Прагѣ, Херс. губ., глаголы 2-го спряженія оканчиваются на э: ро̀бэ, хо́дэ, си́дэ.

Мн. ч. 1-ое лицо оканч. на мо: пи́шэмо, чита́емо, ро́бимо, купа́емося, умыва́емося, стэрэжэ́мо, лежимо́, моли́мося, бижимо́. [1]).

2-е л. — тэ: пи́шэтэ, чита́етэ, лю́битэ, сьпито́, йі͡эдэтэ.

3-е л. — утъ, ютъ, атъ, ятъ: пи́шутъ, чита̀ютъ, но́сятъ, ко́сятъ, мо́ляцьця, купаюцьця, сміюцьця, сварацьця, бигу́тъ, стэрэгу́тъ.

Прошедшее время. Мужескій родъ въ единств. числѣ оканчивается на въ, женскій на ла, средній на ло: я ходи́въ, ты читавъ, ву͡онъ писавъ; я ходила, ты носила, вона́ пра́ла ку́жэль; воно́ пило́. Во множ. числѣ для всѣхъ родовъ оканчивается на ли: мы писали, чита̀ли, купалися. Я молився, вона моли́лася, вони моли́лися.

Отъ глаголовъ нэсьци́, вэсьци́, вэзьци́, росьци́ прошед. время ню͡осъ, нэсла́; въю͡овъ — вэла́, вэло; въю͡озъ — вэзла́ — вэзло́; ру͡оосъ — росла́ — росло́ [2]).

---

1) Иногда глаголы совершеннаго вида въ 1-мъ лицѣ буд. времени оканчиваются на юмъ: пу͡ойдюмъ, пойі͡едюмъ.

2) Въ Ломазскомъ говорѣ нерѣдко можно слышать, какъ говорятъ робивъ-емъ, косивъ-емъ, носивъ-емъ; косивъ-есь, косили-сте, и пр. Очевидно, эти формы глагола прошед. времени образовались подъ вліяніемъ польскаго языка.

Глаголы — жѐрти, вмэртѝ, тэ́рти въ прош. времени жэръ-жэрла; вмэръ — вмэрла́; тэръ—тэ́рла; змэрзъ—змэ́рзла — змэ́рзло.

Въ народной рѣчи употребляется еще и другая форма прошедшаго времени, очевидно, заимствованная изъ польскаго языка: коси́лисьмо, вози́лисьмо.

Будущее время: я буду писа́ти, ты будэшь читати, вуонъ будэ купатися, мы будёмо робити, вiэтэ будэтэ умыватися, вони́ будутъ ночовати.

Повелительное наклоненіе. Един. число 2-ое лицо: пи, би, сьпи, йди, нэси́, проси́, пиши́, стэрэжи, бижи́, дай, сiэй, сядь, глянь, ляжъ, прибавъ, сыпъ, вiэръ, умывайся, одягайся, обувайся, нэ буойся.

3-е лицо: нэхъ сьпитъ, нэхъ идѐ, нэхъ чита́е, нэхъ купаецьця, нэхъ про́ситъ, нэхъ сьмiецьця, нэхъ жарту́е.

Мн. ч. 1-е лицо: пiэмо, бiэмо, сьпiэмо, йдiэмо, нэсiэмо, просiэмо, стэрэжiэмо, йiэжмо, робiэмо, пишiэмо, да́имо, ся́дьмо, гля́ньмо, ля́жмо, бэрiэмо, помолiэмося.

2-е лицо: пiэте, бiэтэ, сьпiэтэ, нэсiэтэ, просiэтэ, стэрэжiэтэ, бэрiэтэ, пишiэтэ, да́йтэ, возьмiэтэ, сядьтэ, гля́ньтэ, ля́жтэ, сы́птэ, вiэртэ, вста́ньтэ, молiэтэся, чэшiэтэся, сьмiэйтэся.

3-е лицо: нэхъ пъютъ, нэхъ вэзу́тъ, нэхъ стэрэжутъ, нэхъ купаюцьця.

1. Ударяемая примѣта повелительнаго наклоненія **и** переходитъ въ Ломазскомъ говорѣ въ дифтонгъ — iэ, а неударная въ **ь**.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ мягкій знакъ не слышится. Эта звуковая особенность замѣчается и въ Кошоловскомъ говорѣ. Этотъ дифтонгъ, вѣроятно, образовался изъ древне-славянскаго звука ѣ.

2. Въ Ломазскомъ говорѣ мѣстоименіе ся, которое звучитъ какъ ця, всегда находится въ концѣ глагола; но иногда употребляется въ безличной формѣ глагола и въ началѣ его. Употребленіе **ся** въ началѣ глагола, очевидно(,?) польскаго происхожденія: що ся робило, що ся дiяло на сьвiэти, якъ ся маешь.

Для выраженія проклятія въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ говорахъ, употребляется при глаголахъ слово бода́й: бодай ты пропавъ, бодай тобі̯э всі̯э курэ поздыха́ли. Но вмѣсто бодай часто говорятъ: щобъ или кобъ.

Въ мѣстной рѣчи существуютъ особыя глагольныя формы, какъ и въ другихъ говорахъ: понапикала, понаварывала, нэ йі̯эсьця, нэ пьецьця, нэ сьпицьця, нэ робицьця (не хочется ѣсть, пить, спать, работать).

Голоса животныхъ.

Ку̯онь ржэ. Ву̯олъ мыча́тъ, вэча́тъ, рэвз́, буйитъ. Собака брэ́шэ, га́вкае, вы̯е, вища́тъ, ворча́тъ. Сьвиня́ ро́хкае, квичитъ. Вовкъ вы̯е. Ку̯отъ кававча́тъ, мьявчитъ, мруча́тъ. Баранъ бэча́тъ. Курыця кукуда́кае, сокори́тъ. Пі̯эвэнь сьпива́е. Ворона кра́кае. Мышь пища́тъ. Му́ха бзюча́тъ. Змія́ сыча́тъ. Жаба кру́мае. Буцёнъ клеко́чэ. Мэдві̯эдь вэча́тъ. Зазу̯ля ку́кае, куе́. Гуси ґа́ґаютъ. Коза́ бэча́тъ. Пщола́ бзюча́тъ. Воробі̯эй чиркоти́тъ, цири́кае. Цыплята ця́вкаютъ. Сорока чекоти́тъ. Дэ́ркачъ дэрко́чэ. Гу́пачъ гуча́тъ. Вьюнъ пища́тъ. Ка́чка ква́кае. Кни́гавка кигы́кае.

Причастіе и дѣепричастіе.

Въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ, причастія дѣйствительной формы и дѣепричастія страдательной— не развились, такъ какъ сокращенныхъ придаточныхъ предложеній, начинающихся этими частями рѣчи, въ мѣстномъ говорѣ не существуетъ; если же и образовались отъ нѣкоторыхъ глаголовъ причастныя формы, то онѣ служатъ въ предложеніи въ качествѣ прилагательныхъ, какъ опредѣлительныя слова: стоячая вода, висячи замокъ, работящая баба, лежачого чолові̯эка. Существуютъ только въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ народныхъ говорахъ, причастныя формы прошедшаго времени страдательнаго залога: куплены—куплена -ая, куплено -ое, украдёны, а, о,

забúты, сшиты, завьязана, замучены, нажаты, назбирана, вы́мыты, пэ́коны -а.

Причастія настоящаго времени страдат. формы не развились, кромѣ единственнаго случая отъ глагола любити — любúмое образовалось причастіе средняго только рода для обозначенія мяса безъ костей и хрящей. Но и это причастіе употребляется въ смыслѣ существительнаго: я хочу́ любúмое, т. е. я хочу мяса безъ жилъ, костей и хрящей. Причастіе это склоняется, какъ прилагательное имя.

Дѣепричастія бываютъ только дѣйствительнаго залога настоящаго и прошедшаго времени съ окончаніями на чи и вши: будучи, бывши, лéжачи, лежавши, стóячи, стоя́вши, кóсячи, коси́вши, накоси́вши, оручи́, заора́вши. Будучи въ лi̯э̀си, я набравъ я́гудъ. Накоси́вши травы̀, вуо̀нъ пошовъ до до́му.

Въ народной рѣчи сокращенныя придаточныя предложенія рѣдко встрѣчаются, а причастія прош. времени страдательной формы употребляются въ большинствѣ случаевъ въ качествѣ сказуемыхъ и опредѣленій, а дѣепричастія дѣйствительной формы служатъ въ предложеніи нарѣчіями. Рѣдкое употребленіе сокращенныхъ придаточныхъ предложеній замѣчается во всѣхъ почти народныхъ говорахъ русскаго Забужья.

Склоненіе причастій.

Ед. ч. Им. падежъ: звъязаны, звъязана -ая, звъязанэ -ое, забúты, забита -ая, забитэ -ое.

Р. — звъязаного, забитого, звъязанойи, забитойи.

Д. — звъязаному, забúтому, звъя́зануй, забúтуй.

В. — какъ род. или им. — звъязану -ую, забиту -ую.

Т. — звъязанымъ, забитымъ, зъ звъязаною, забитою.

Пр. — на звъя́занумъ, на забúтумъ, на звъязануй, забитуй.

Мн. ч. Им. п.: звъязаны -ныйи, забиты—забитыйи, нажаты—нажатыйи, накошэны -и.

Род. — звъязаныхъ, забитыхъ, нажатыхъ.

Д. — звъязанымъ, забитымъ, нажатымъ.

Вин. какъ род. или именит.

Т. — звъязаными, забитыми, нажатыми.

Пр. — на звъязаныхъ, забитыхъ, нажатыхъ.

Въ предложномъ падежѣ ед. ч. прилагательныя, числительныя поряд. и причастія часто принимаютъ окончанія дат. падежа муж. и средняго рода: по широкому по́ли, на забитому чоловіэ́кови.

Нарѣчіе.

Нарѣчія мѣста: дэ, нигдэ́, о́сьдэ, дэсь, тутъ, тамъ, тамо́, куды́, туды́, сюды́, скуо́ль, стуо́ль, стамтуо́ль, оттуо́ль, отсюо́ль, зусюо́ль, всю́ды, — всю́дэ, вдо́ма, до́ма, скруо́зь, додо́му; вго́ру, внизъ, ввэрхъ, здалюо́къ.

Времени: топіэ́ро, тэпэ́ръ, дись — дзись — дзи́сяка, вчо́ра, за́втра, позавчо́ра, за́вшэ — за́вжды, давно́, — нэда́вно, споконъвіэ́ку, здаво́нъ давно́, впэршъ, потуо́мъ, коли́, коли́сь, нико́ли,— ки́кды, докуо́ль, за́разъ, щодэ́нь — щодня, щонуо́чь — щоно́чи, щоруо́къ — щоро́ку, щоміэ́сяця, щонэдіэ́ли, щосубо́та, щопья́тница, завча́су, дэнь-у-дэнь, ввэ́чэри, такруо́къ, натакруо́къ, до́дня, зра́ня, звэ́чура, лі́этомъ, вэсно́ю, зимою.

Количества: мнуо́го, ма́ло, ки́лька, вчэ́твэро, три́чи, тро́хи.

Образа дѣйствія и другія нарѣчія: ба́рзо, ни́цьма, навпа́къ, на́стэжъ, вздовшъ, вширшъ, попэро́къ, до́брэ, ху́тко, дале́ко, бли́зько, тэ́пло, зи́мно, до́рого, та́нё, ле́дво, ледь, со́лодко, гуо́рко, ги́дко, ні́э, ни, нэма́ — нэма́шъ, знову, зусіэ́мъ, го́рачэ, обіэ́ручъ, оба́пулъ, вжэ, по-руськи, по-пуо́льськи, впро́бусьць, водносталь, ни такъ-ни сякъ, лядаякъ, ніякъ, разура́зъ, до́вго, глыбо́ко, плы́тко вку́пи, вэрхо́мъ, хорошэ́, ке́псько, хи́тро, тонко, у́зко, муо́цно, ра́комъ, оно́що, чижпа́къ, авжэ́жъ, туо́лько, пуо́ки, покуо́ль.

Степени сравненія.

Сравнительная степень: то́нчэ, коруо́тчэ, лі͡э́пи — лі͡э́пшъ, узчэ, ші͡э́ри, доруо́жшэ, мэ́ншъ, буо́льшъ, гуо́ршъ, довшъ, глы́бчэ, да́лій, хучі͡э́й, здорові͡э́й, пузні͡э́й, голосні͡э́й, бли́жи, тэпліэ́й, вы́шшэ, давні͡э́й, гуо́ри.

Превосходная степень: найбуо́льшъ, наймэ́ншъ, найлі͡э́пшъ, найгуо́ршъ, найдо́вшъ, найхучі͡э́й, найголосні͡э́й, найпузні͡э́й, найдоруо́шэ, найда́лій, найгуо́ри.

Уменьшительныя и увеличит. нарѣчія.

Близэ́нько, ридэ́нько, густэ́нько, дрибнэ́нько, тэпле́нько, частэ́нько, низэ́нько, пузнэ́нько, тихе́нько, ранэ́нько; близюсенько, ридюсенько, тихусенько, тонюсенько, ранюсенько, тро́шки, тро́шечки.

Предлогъ.

Простые предлоги: бэзъ, для—ґ́ля, къ—ґ́ъ, для, къ, о, по, про, ко́ло, до, мижи, подъ-пудъ, зъ—съ, въ—у, за, на, одъ—отъ, пэрэ́дъ, вы, изъ, — исъ, надъ, пэрэ, прэзъ, при, чэрэзъ, сэрэ́дъ, роз, пэрэ, объ.

Сложные предлоги: изъ-за, -зза, сподъ, по-за, по-надъ.

Предлоги — про, вы, роз, пэрэ́, объ употребляются только слитно съ другими частями рѣчи: пройі͡э́хали, прода́ти, выкупити, розда́ти, пэрэла́зы, пэрэйі͡э́хати, пэрэвэрну́тися, объйі͡э́вся, объйі͡э́хати.

Предлоги — бэ́зъ, коло, для — ґ́ля, для, до, одъ, отъ, изъ, исъ требуютъ послѣ себя родительнаго падежа: бэзъ хлі͡э́ба, коло ха́ты, для мэ́не — ґ́ля мэ́нэ, для мэ́нэ, до ка́мэня, одъ ба́тька, одъ бра́та, отъ сва́та, отъ кумы́, одъ вуо́йська, изъ вуо́йська, исъ ха́ты. Вмѣсто изъ, исъ часто употребляется зъ, съ: зъ мі͡э́ста, зъ лі͡э́са, зъ мня́са, съ каши, зъ я́мы, съ клу́ни.

Предлогъ до замѣняетъ великорусскій — до, къ, въ: Горо́дъ

тягнэця до рики́. Я пошовъ до бра́та. Сэстра́ пойі͡эхала до Кіёва. Для выраженія близости къ предлогу до прибавляется часто слово ажъ: я зашо́въ ажъ до рики́. Но говорятъ часто: въ лі͡эсъ, въ поле.

Предлоги зъ, съ замѣняютъ общерусскіе изъ, съ: Батько зъ дочкою пришовъ зъ ярма́рку. Братъ съ сэстрою вышли исъ ха́ты.

Предлогъ къ — ґ'ъ употребляется только въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ґ'ъ Вэликодню, ґ'ъ Руздву́, къ сьвыта́мъ. Сусі͡эдъ заколо́въ вэ́прика ґ'ъ Руздву́. Ма́ти наши́ла сорочо́къ ґ'ъ Вэликодню. Предлогъ—къ по большей части звучитъ въ нар. рѣчи какъ ґ'. Одъ, отъ: одъ мэ́нэ, одогна́въ, отъ сэ́бэ, отчини́въ, откусивъ, одобравъ. Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ предлогѣ слышится звукъ д.

Предлоги **у** и **въ** въ род. и предл. падежахъ употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ, но чаще въ род. пад. **у** замѣняется пред. **въ**: у мэ́нэ — въ мэнэ, у тэбэ, въ тэбэ, въ батька, въ сусіэди, въ насъ — у насъ, въ васъ — у васъ; въ хати — у хати, въ клуни — у клуни, въ сэли, въ мі͡эсьци, въ лі͡эси.

Въ предложномъ падежѣ по большей части въ этомъ случаѣ употребляется предлогъ **въ** и рѣдко замѣняется въ Ломазскомъ говорѣ предлогомъ **у**.

Предлогъ чэрэзъ часто замѣняется предлогомъ прэзъ, очевидно, заимствованнымъ изъ польскаго языка: чэрэзъ тэбэ, чэрэзъ плу͡отъ — прэзъ плу͡отъ, чэрэзъ ёго — прэзъ ёго.

Зза, спу͡одъ, по-за, по-надъ: изъ-за горъ, зза клуни, спу͡одъ зэмлі͡э, по-за лі͡эсомъ, по-надъ рикою.

Ми́жи: мижи сэлами, ми́жи полями, ми́жи нами. Но говорятъ: мэжа́, Мэжи́ричи.

Союзъ.

Въ народной рѣчи существуютъ слѣдующіе союзы: а, та, жэ, и, чи [1]), ни, но, що, щобъ, коли́, якъ-такъ, то, бо, або, чомъ, для

1) Вмѣсто чи иные говорятъ ци.

чого, ежэли, нащо, нэбудь, сь (дэсь, якійсь, колисъ), бы, абы́, але, кобъ.

Примѣры: Ты коси́, а я буду жа́ти. Чомъ ты до насъ нэ пришовъ? Нащо ты потручáвъ грушки! Коли завтра придэшь до мэ́нэ, то мы пойі̯э́дёмо на ярмáрокъ. Чи бу̯дэ дощъ, чи ніэ? бо щось хмурно на дворі̯э́. Купи для мэнэ що-нибудь, якъ пойі̯э́дэшь до мі̯э́ста На тобі̯э́ нэбожэ, що мні̯э́ нэго́жэ.

Междометіе.

Междометія, выражающія различныя чувства души: ось, отъ, а, ага́, эгэ́, ого́, аяяй, ой, оёёй, но-но, ну, ну́тэ, на, нажъ, охъ, ахъ, диви́ -диви́ бу̯огмэ, ґвалтъ, ґвалтъ!

Звукоподражательныя: дзень-дзень, дзелень, шясьць, гамъ, чиркъ, бухъ, бобо́хъ, трі̯э́сь, булькъ-булькъ, пись-пись, гавъ -гавъ, бээ, муу, мъявъ, чиръ-чиръ, крумъ-крумъ, кра-кра, куку, куку, вэээ.

Окрики на людей — гэтъ, цыть, цы́тьтэ, ша; собакъ — ву̯онъ; воловъ—гэць, со; свиней — аля!; волковъ — алю́па [1]); — куръ — ги́ша; котовъ — пси́къ, апси́къ. При погонкѣ воловъ для поворота направо служитъ окрикъ со, а налѣво — гэць; для остановки воловъ и лошадей употребляется окрикъ тпрр.—

Клички: людей зовутъ (голёкаютъ) — гопъ — гооо; куръ — гю-тю-тю; цыплятъ — ципь-ципь; свиней — цынь-цынь, вэцю-вэцю, вець-вець, мэль-мэль; собакъ — натуна; овецъ — шухъ-шухъ; кошекъ — кси-кси; воловъ — бысь-бысь, быць-быць; лошадей — цёсь-цёсь, цёсь.

---

[1]) Алюпи! Это слово, очевидно, происходитъ отъ лат. lupus — волкъ; апсикъ — отъ татарскаго слова пшикъ — кошка.

III.

Образцы Ломазскаго говора.

I. НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

1) О происхожденіи волка.

Якъ Бу͡огъ створи́въ сьві͡эть, то ча́сто ходи́въ собі͡э по зэмлі͡э. Разъ чортъ хті͡эвъ Бо́га налика́ти: вы́липивъ изъ гли́ны во́вка и поста́вивъ ёго на доро́зи. Коли́ Бу͡огъ зоба́чивъ того́ во́вка, то кры́кнувъ: «гужа чо́рта!» Вовкъ схопи́вся и ки́нувся на чо́рта, а чортъ ско́чивъ на у͡ольху, и вовкъ ту͡олько ему́ стэгно́ обуэ́ръ, такъ що зъ ёго и кровъ и потэкла́ по дэ́рэви. И съ того́ часу́ у͡ольха ста́ла чэрво́ною.

2) О происхожденіи аиста.

Зоба́чивъ Бу͡огъ, що нэдо́брэ зроби́въ, що створи́въ гаду͡овъ, ужу͡овъ, жабу͡овъ и ящуро́къ: позбира́въ йихъ всі͡эхъ въ мишо́къ, завъязавъ ёго́ и сказа́въ Ива́нови: «Ива́нэ! на, занэси́ той мишо́къ на рику́, ту͡олько нэ заглядай въ мишо́къ, а кинь ёго́ въ во́ду». Взявъ Ива́нъ мишо́къ на пле́чи и поню͡осъ ёго́ до рики́. Йдэ́ собі͡э доро́гою, йдэ́, а ёго всё кортить загля́нути въ мишо́къ, що тамъ тако́е е. Пришо́въ на му͡остъ, нэ вытэрпивъ, и зача́въ розвъя́зувати мишо́къ; якъ ту͡олько тро́шки розвъяза́въ, га́дина вся и повтика́ла и попа́дала въ во́ду и порозбига́лася по зэмлі͡э. Тогды́ Бу͡огъ сказа́въ Ива́нови: «Тэпэръ жэ збира́й, Ива́нэ, га-

дуовъ, ужуовъ, жабуовъ, покуоль нэ позбираешъ!» Иванъ обэрнувся въ буцьна и ходитъ лiэтомъ и вэсною по болоти, збирае, збирае йихъ и нэ можэ нiякъ позбирати.

По народному повѣрію и медвѣдь происходитъ отъ человѣка. Аистъ въ народѣ почитается какъ бы священной птицей. — И если совьетъ гнѣздо аистъ на чьей нибудь клунѣ, то это считается большимъ счастіемъ для хозяина.

3) Чортъ.

Чортъ страшный — чорны якъ смола, зъ рогами и хвостомъ, съ крылами и съ шэрсьцю; морда въ ёго собачая, ноги козлячiи, лапы съ пазурами. Ходитъ вуонъ за куождымъ чоловiэкомъ и куситъ ёго на грiэхъ и всё шэпчэ въ ухо: иди до корчмы, украдь, ошукай. И якъ скуситъ, то радуецьця. Чортъ можэ показатися чоловiэкомъ, козломъ, бараномъ, совою, крукомъ [1]), сорокою. Сорока чортова сэстра. Въ ночи, якъ полягаютъ спати, чортъ йiэздитъ на кобыли въ конюшни. Кобыла вся мокрая — пiэна на морди, пуотъ зъ ёйи цюркомъ тэчэ. Щобъ чортъ нэ мучивъ кони, въ стайни вiэшаютъ сороку, або сову. Пьяного чортъ заводитъ въ болото. Якъ вмрэ грiэшны чоловiэкъ, то чортъ прилитае за ёго душою. Надъ хатою такого мэрця крутяцьця и крачутъ крукы, ворóны, совы, сороки — одныи сядаютъ на стрiэху, другiи влитаютъ въ дымникъ. То всiэ злыи духи. Возьмутъ вони грiэшную душу и понэсутъ йиiэ до пэкла и тамъ будутъ мучити и смажити въ горачуй смолiэ. Въ дэнь часомъ бывае вихоръ. То чортъ летае, крутитъ лисьце, писокъ, подыймае кураву. До пуовночи чортъ мае вэликую силу, но якъ пiэвэнь засыпивае въ пуовночь, то вуонъ втикае иховаецьця въ тросьцину, въ трэбэзу дэ нэбудь на болоти, або на риciэ. Той бiэсъ, що сидитъ въ водiэ и топитъ

1) Крукъ польск. Kruk—воронъ; въ Херсонск. губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Новой Прагѣ, малороссы ворона наз. кракомъ.

людіэ́й, называецьця топе́лець[1]). Въ тросьцинiэ на рицiэ чортъ показываецьця стары́мъ си́вымъ дiэ́домъ. Хто чо́ртови запи́шэ свою́ ду́шу, тому́ вуо́нъ дасьць мнуо́го гро́ши; но ча́сто шайта́нъ ошу́куе людiэ́й — дасьць по́вну то́рбу, зарэго́чэ и полети́тъ, а чоловiэ́къ дурны́й загля́нэ въ то́рбу, а тамъ нэ гро́ши, а куо́ньськи гнуо́й. Чортъ лякае людiэ́й въ но́чи: въ ги́ншуй ха́ти, якъ ля́жутъ спа́ти, то отъ шу́му и сту́ку просыпа́юцьця и чу́ютъ, що ры́паютъ двэрми́, пэрэвора́чиваюцьця столы́ и стульцiэ́, па горiэ́ хтось хо́дитъ, стужки пэрэкида́е. А якъ засьвiэ́тятъ ого́нь и зачну́тъ ходи́ти и всэ огляда́ти, то ничо́го нэ найдутъ ни въ ха́ти ни на горiэ́, а туо́лько страху́ натэрпьяцьця. Такъ нэчи́стая си́ла стра́хае щонуо́чь, пуки́ ха́ты нэ осьвьятя́тъ, або зусiэ́мъ е́йи нэ поки́нутъ. Е такiйи хаты въ се́лахъ и мста́хъ, що пу́стками стоя́тъ, бо нэмуо́жня въ йихъ жи́ти, бо що́сь лака́е въ но́чи. Нэчи́сты духъ вла́зитъ въ сэрэ́дину ги́ншого чоловiэ́ка и трасэ ёго́, якъ вiэ́хоть[2]): чоловiэ́къ той па́дае на ээ́млю, ку́рчицьця, пiэ́на зъ ро́та тэчэ́, храпи́тъ, вищи́тъ, якъ звiэ́ръ[3]). И ежэ́ли тако́му чоловiэ́кови Буо́гъ нэ помо́жэ, то ни одёнъ до́хторъ ёго́ нэ вы́личитъ. Бiэ́съ до до́брого чоловiэ́ка во́ли нэ ма́е, а туо́лько до лада́щого, що мнуо́го гриши́тъ. Чортъ бойицьця крыжа и сьвъячо́нойи воды́, якъ огню́ — сьвячо́ная вода́ ёго́ па́литъ, и вуо́нъ утика́е.

4) Мертвецы (упыри).

Хто мнуо́го гриши́тъ, то по смэ́рти ходитъ на туо́мъ сьвiэ́ти. Чортъ вла́зитъ въ тiэ́ло тако́го чоловiэ́ка, выхо́дитъ въ но́чи изъ моги́лы и блука́е по по́лю и людiэ́й лака́е. Ча́сомъ мрэць сту́кае въ двэ́ры, въ о́кна и на́вэтъ пока́зываецьця въ ха́ти, якь всiэ́ полягаютъ спа́ти. Щобъ мрэць нэ ходи́въ, трэ́ба вби́ти въ ёго

1) Въ Докудовѣ называется топэльникъ.

2) Вiехоть — ветошь, тряпочки.

3) Такъ объясняетъ простой народъ причину падучей и другихъ нервныхъ болѣзней.

оси́новы кулóкъ. Оси́на прокля́тое дэ́рэво — на оси́ни Ю́да повіэ́сився, якъ Христа́ жида́мъ прода́въ.

5) Чародѣи и вѣдьмы.

Мижи́ стары́ми баба́ми быва́ютъ чарувни́ци и вія́дьмы; но естъ по ги́ншихъ сторона́хъ и чарувники́. Вэ́ликую чорувни́цю называ́ютъ вія́дьмою. У вія́дьмы е хвуостъ; вона́ ле́тае на помэлія́. Нигдэ́ нэма́ туолько вія́дьмъ, якъ у Кіёви. Чарувники́, чарувни́ци и вія́дьмы зна́юцьця зъ нэчи́стою си́лою, и мнуого биды́ вони́ робьятъ лю́дюмъ—и тро́ба йихъ остэрэга́тися.. Чарувни́ця одбира́е молоко́ отъ чужойи коро́вы: вткнэ нуожъ въ но́гу стола́, и молоко́ бижи́тъ въ збано́къ, або обэ́рнэцьця въ куошку, побижи́тъ до чужо́го хлива́ и выссэ тамъ коро́ву. Вона́ и клубко́мъ котицьця по у́лици. Коли́ корова нэ дае́ молока́, або́ молоко́ съ кровéю, то зна́читъ, що чарувни́ця одбирае молоко́. Въ ту́ю ха́ту, дэ е чарувни́ця, мэдвіэдь ніякъ нэ хо́чэ зайти: бывало, якъ води́ли мэдвэ́дя по сэліэ, то до ги́ншои ха́ты нэ пуойдэ; поводы́ръ и крычи́тъ и бье ёго, а мэдвіэдь упрэ́тьця, вэчи́тъ, куса́ецьця, встае́ на задніи ла́пы, а чэрэ́зъ поро́гъ нэ пэрэступитъ. а по други́хъ хата́хъ зъ охо́тою хо́дитъ.

6) Волколаки (оборотни).

Чарувни́къ, якъ розозлицьця на я́кого нэбу́дь чоловіэка, то мо́жэ ёго обэрну́ти въ во́вка, и тако́го вовка называ́ютъ вовкула́комъ. Вовкула́ки лихійи, якъ шалёныйи соба́ки, напада́ютъ на людіэй и разрыва́ютъ йихъ. Но коли забыю́тъ тако́го во́вка, то вуонъ обэ́рнецьця въ чоловіэка и тогды́ узнаютъ, що ты бывъ вовкула́къ. Вовкула́къ хо́дитъ по лиса́хъ, по поля́хъ до того́ часу́, пуки́ чарувни́къ знову нэ обэрнэ ёго въ чоловіэка. Ги́ншійи хо́дятъ вовкула́ками ки́лька міэсяцювъ, а ги́ншіи и килька лі́этъ. Кажутъ, разъ чарувни́къ на вэсіэли розозли́вся на молоды́хъ и

госьцi͡эй, закля́въ и обэ́рнувъ всi͡эхъ йихъ въ вовкула́кувъ и ходи́ли вони́ вовкула́ками двана́ньцять ли͡этъ.

7) Кладъ.

На Глухо́ви коло рики́ зако́паны гро́ши, но нихто́ йихъ нэ мо́жэ найти́, бо чортъ йихъ до́брэ стэрэжэ́ и хова́е въ зэ́млю и ту͡олько ю́дицьця зъ людьми́. Въ но́чи ча́сто бли́кае ого́нь и хо́дитъ по по́лю, а бара́нъ бi͡эгае и бэчи́тъ. Бара́нъ-то чортъ. Хто зайдэ шука́ти гро́ши, то бара́нъ и ого́нь счэзаю́тъ. Ка́жутъ, що якъ-бы найти́ то́е мi͡эсьце, дэ бара́нъ сховаецьця, и ки́нути на зэ́млю ша́пку, або́ кра́йку, або чо́бутъ, то гро́ши му͡ожня бы найти́. Якъ ша́пку ки́нути, то тро́ба копа́ти до гро́ши вглыбшъ чоловi͡эка; якъ кра́йку, то по поя́съ, а якъ чо́бутъ, то по коли͡эна [1]).

8) Какъ церковь провалилась въ землю и отчего въ Кіевѣ много церквей.

Ка́жутъ лю́дэ, що на Глухо́ви колись была́ цэ́рква, но на Вэли́кдэнь запа́лася. На Вэликдэнь, на пэ́рши дэнь, коли лю́дэ вышли исъ цэ́рквы, ба́ба зачала́ ту́ю цэ́ркву замита́ти и якъ вда́рилася ного́ю о поро́гъ, то закляла́: «А щобъ тая цэ́рква запа́лася!» И цэрква запа́лася и вы́шла въ Кi͡ёви. И дэ ту͡олько западэцьця цэ́рква, то выхо́дитъ въ Кiёви и оттого въ Кiёви мну͡ого пэркву͡овъ. Якъ прiйти́ на Вэликдэнь, на пэ́рши дэнь, на Глухъ, дэ цэрква запа́лася, и нагну́тися до са́мойи зэмли͡э и слу́хати, то чу́ти, якъ въ зво́ны зво́нятъ и якъ сыпаютъ въ ту͡ой цэ́ркви [2]).

---

1) Глухъ—урочище въ окрестности Ломазъ около рѣки Желявы, гдѣ въ старину, по народному преданію, существовала церковь.

2) Это народное преданіе, какъ отголосокъ сѣдой старины, свидѣтельствуетъ о церковно-религіозной связи русскаго Забужья съ древнимъ Кіевомъ.

9) Панъ и мужикъ.

Въ одного па́на служи́въ лини́вы мужикъ. Якъ ста́нэ мужи́къ до робо́ты, то все нарыка́е на Ада́ма: «Нащо Ада́мъ зогриши́въ въ раю́, а якъ-бы нэ зогриши́въ, то всіэ́мъ до́брэ-бъ жило́ся на́сьвити; а тэпэ́ръ ра́но трэ̀ба встава́ти и тя́жко працюва́ти. Почу́въ панъ, якъ мужи́къ нарыка́е на Адама, закли́кавъ его́ до сэ́бэ и ка́жэ ему́: «Тэпэ́ръ ты бу́дэшъ па́номъ: живи́ собіэ́ въ мойихъ поко́яхъ и ничого нэ роби; йіэ́жъ и пи, що тобіэ́ захочэцьця; сьпи и лежи, куо́лько тобіэ́ схочэцьця, — туо́лько прошу́ тэбэ́: нэ заглядай подъ той таліэ́ръ, що на століэ́ стойи́тъ». А подъ таліэ́ромъ была́ мышь. Мужи́къ радъ, що бу́дэ понова́ти. Живэ́ собіэ́ вэсёлы мужи́къ въ па́ньськихъ поко́яхъ, ничого нэро́бить, а туо́лько сма́чно йіэ́стъ и пье и довго сьпитъ. А мышь подъ таліэ́ромъ дэнь и нуо́чь шэле́пае, шэле́пае. Всёго у мужика́ дово́ли и йиды́ и питя́, туо́лько его́ корти́тъ загля́нути подъ таліэ́ръ, що тамъ шэле́пае, но бойицьця па́на розгніэ́вати. Хо́дитъ вуо́нъ по поко́яхъ, всэ розглядае, въ о́кна выглядае, но все одну́ю ду́мку на-вміэ́ ма́е, щобъ заглянути подъ таліэ́ръ, що тамъ такое е. Тэрпіэ́въ, тэрпіэ́въ, а на трэти дэнь и нэ вытэрпіэ́въ — подня́въ трошки таліэ́ръ, а мышь шмыгъ подъ его руко́ю и втэкла́. Прихо̀дитъ панъ — слу́хае, а мышь нэ шэлепи́тъ; загля́нувъ подъ таліэ́ръ, а тамъ пу́сто. Мужи́къ злыка́вся, стойитъ и дрыжи́тъ, якъ оси́на, а панъ на его крычи́тъ: «Ахъ ты, ха́мэ, якъ-жэ ты сміэ́шь на Ада́ма нарыка́ти, що вуо́нъ зогриши́въ въ раю́, коли́ и ты моёго приказа́ня нэ послуха́въ!» А мужи́къ бухъ ему́ въ но́ги: «Ой пано́чку, ой руо́дны муо́й батьку! бу́дтэ ласка́вы, нэ гніэ́вайтэся на мэ́нэ дурно́го — вжэ я буо́льшъ нэ бу́ду!» Панъ вы́гнавъ мужика съ поко́ю и приказа́въ свойи́мъ слу́гамъ до́брэ его почастова́ты батога́ми. И мужикъ нико́ли вжэ нэ нарыка́въ на Ада́ма.

10) Польша.

Якъ была́ Пу͡ольща, то нэ было́ нія́кого пора́дку — паны́ нэ слуха́лися своёго короля́, а що хті͡эли, то роби́ли. Воны́ ту͡олько гуля́ли, банкетова́ли и надъ наро̀домъ знуча́лися. Мужику͡овъ воны́ и за люді͡эй нэ мі͡эли. Быва́ло, на паньськи́хъ лана́хъ лю́дэ одъ батогу͡овъ кривувця́ми пла́чутъ и сто́гнутъ, а въ пала́цахъ гра́е музы́ка, паны́ рэго́чутъ, крича́тъ, выджвора́юцьця, пьютъ и йидя́тъ. Нэ вмі͡эли шанова́тися ляхи́ и за йихъ пы́ху и лю̀цьку кры́вду Бу͡огъ и ска̀равъ, и Пу͡ольща зги́нула, якъ руда́я мышь. Коли́ Бу͡огъ схо̀чэ кого́ уко́рати, то впэршъ ро́зумъ одбэрэ́. Дурны́йи ляхи́ продали́ свою́ Пу͡ольщу Ро́ссіи за одну бочку золота и за идина́ньцять бочокъ писку́. Обица́ли пана́мъ двана́ньцять бочокъ зо́лота, но коли́ паны́ розби́ли пэ́ршу бо̀чку, то въ ю͡ой было́ зо́лото, а коли́ розлупа́ли другі͡и одина́ньцять бочокъ, то всі͡э ты́йи бочки́ были́ насы́паны нэ зо́лотомъ, а писко́мъ. Царица Катэрина присылала въ Пу͡ольщу Суворова. Поляки́ боя́лися Суворова, якъ огню́ — дэ показався Суворовъ, то конфэдэра́ты розбига́лися, якъ ку́рэ одъ я́стрэба. Сла́вили на́ши диды́, що Суворовъ заходи́въ и въ на́шую сто́рону — бывъ ву͡онъ и въ Бэ́рэсьци, бывъ ву͡онъ и въ Пища́цьцю. Въ пищацькихъ лиса́хъ ночова́ло ёго́ ву͡ойсько. Конфэдэра́ты зъ музы́кою йі͡эзьдили по сэ́лахъ и мистáхъ и вози́ли съ собо́ю хлі͡эбъ, мня́со и горі͡элку и хто до йихъ приставáвъ, того́ корми́ли и пойи́ли. Пэрэка́зываютъ старыйи лю́дэ: якъ прійі͡эдутъ бывало вони до сэла, то граютъ и сыпиваютъ: «Приста́нь, Юрку, до вэрбу́нку, будэшъ йі͡эсьци зъ масломъ ку́рку». И дэ якіи дурныйи панки́-голодра́йи и приставáли до конфэдэра́тувъ, бо добрэ йихъ кормили и пойпли. Якъ полякй зачали́ бунтова́тися, то Суворовъ вы́ризавъ Прагу и взявъ Варшаву и всю Пу͡ольщу завоювавъ. Тогды́ русською цорыцёю была́ Катэри́на. За Катэрины москалі͡э, якъ дивки́, ходили въ чэрэви́кахъ и носи́ли ко́сы. Катэрина была́ му́драя цорыця.

Въ трицьця́тому роко́ви поляки зно́ву збунтова́лися и хті͡эли

Пу͡ольщу одъ Россіи одобра́ти, но нэ дали́ ра́ды: Пашке́вичъ взявъ Варшаву и порозгоня́въ пу͡ольске ву͡ойсько. Пу͡ольськійи жомі͡эры хорошэ́ были́ у́браны, вы́пасены и гладкіи, но про́стому наро̀дови ба́рзо докуча́ли. Бывало якъ ста̀нутъ на кваты́рахъ въ сэлі͡э, або въ мі͡эсьци, то бида́ для господару͡овъ: стра́вы на́шойи нэ хо́чутъ йі͡эсьци, а дава́й йимъ пэчэ́ню, кури́цю, я́йця, ма́сло, молоко́; на чо́рны хлі͡эбъ нашъ и нэ дивья́цьця, а принэси́ йимъ пироги́, бу́лки, обора́нки. А нэ даси́, чого захо́чутъ, то зачина́ютъ шту́рхати, кулака́ми би́ти и кричати: «Ach wy przeklęte chłopy! my za was krew swoję przelewamy, a wy nie chcecie nam i jeść dać». Жомі͡эръ въ ха̀ти господара́ роспораджаецьця, якъ у сэ́бэ до́ма — бэрэ́, що хо́чэ, а чого́ нэма́, посыла́е купи́ти ему ту͡олько нэ за свойі͡э гро́ши, а за господа́ро̀вы. Жи́литися на жомі͡эрувъ боя́лися, бо старшина́ йихъ была́ ляда́щая, та вони́ йийі͡э и ма́ло слу̀халися. Мну͡ого гора натэрпі͡элися людэ отъ тыхъ жомі͡эрувъ. Моска́ль нэ такїй, якъ жомі͡эръ — моска́ль ся́дэ зъ на́ми за сту͡олъ, повэчэ́рае и щэ и подя́куе: «спасибо, хозяинъ и хозяюшка, за хлѣбъ, за соль»; а ча́сомъ тра́пицьця такій до́бры и го́жи моска́ль, що на́вэтъ помо́же що-нэбу́дь въ господа̀рстви — принэсьци́ воды́, наруба́ти дровъ, загна́ти коро́ву, або сьвиню́ до хлива́. А жомі͡эръ — панъ и до ёго и при́ступу нэма́, и ту͡олько до́брэ йі͡эстъ и пье и на всі͡эхъ кричи́тъ и хо́чэ, щобъ ёму́ всі͡э служи́ли и догаджа́ли.

11) Козаки-мародёры въ 1812 году[1]).

(Разсказъ старухи).

Я до́брэ памэта́ю, якъ въ Лома́захъ рабова́ли козаки́. Я щэ была́ мала́я, та́то му͡ой вмэрли, и ма̀ма оста́лися зъ малы́ми

1) Этотъ разсказъ относится къ тому времени, когда послѣ занятія Москвы Наполеономъ Чичаговъ съ Молдавской арміей расположился въ Брестъ-Литовскѣ, и отсюда посылались козаки по деревнямъ собирать провіантъ и фуражъ и нѣкоторые изъ нихъ занимались мародерствомъ. Какъ видно изъ разсказа, между мародёрами находились и не христіане-калмыки и другіе инородцы.

дитьмѝ, а я былá наймэ́ншая. Мы былѝ бі͡э́дныйи. Якъ мáма почýли, що козакѝ прійі͡э́хали рабовáти, то насъ всі͡э́хъ дитí͡э́й посадѝли на пі͡э́чь, а мэнэ́, якъ наймэ́ншую, попэрáди. Пришовъ козáкъ до хáты и закричавъ: «Старуха, давай гроши!» — Въ мэ́нэ грóши нэмá, сказали мама, мы лю́дэ бі͡э́дныйи — нэхъ вамъ Пресьвятая Богородиця дасьць. — «Да што мнѣ твая Богородица дасьць», и мáму лясь по руці͡э́ тэсакомъ. И дóвго мама носѝли руку на ручникóви. Мы полякáлися — всі͡э́ дрижимó и плáчэмо. Козáкъ подивився на насъ, загля́нувъ въ скры́ню, поштýрхавъ пи́кою, зашóвъ до комóры — поні́павъ - поні́павъ, но ничóго нэ взявъ.

Козакѝ ходили по всі͡э́хъ хатáхъ и клуня́хъ и забирáли добы́токъ, фáньте, збу͡óжэ; лáпали дивчáтъ и молодúць и знучáлися надъ йи́ми: подоймýтъ сокі͡э́рою дыль въ сьцині͡э́, влóжатъ цицькѝ въ щэлю́бу, и нэщáсная ді͡э́вка мýчицьця. Лю́дэ ховáлися зъ добы́ткомъ въ лисáхъ, збу͡óжэ и скрыні͡э́ закóповали въ землю; но козаки и въ я́махъ находѝли добрó и въ лисáхъ забирáли кóни, волы́, овэчкѝ, сьви́ни. Бывáло, козакѝ въ лі͡э́си кричáтъ: «Катэри́на! Мари́на!» И людэ отзыва́юцьця, дýмаютъ, що свойѝ кли́чутъ, а козакѝ йдутъ на гóлосъ и рабýютъ. Но потý͡омъ лю́дэ стали осторóжными и вжэ нэ отзывáлися, якъ голёкали козакѝ. Козаки всю́ды рабовáли, би́ли людí͡э́й и знучáлися надъ бабáми. Въ ги́ншихъ сáлахъ, якъ осьмі͡э́лилися, то стáли нэ давáти козакáмъ рабовáти: якъ покáжэцьця въ сэлі͡э́ одёнъ, або два козаки и зачнýтъ ходúти по хатáхъ, то бабы́ изза двэрі͡э́й заливáли йимъ óчи окрóпомъ. Чáсомъ козакѝ забивáли людí͡э́й, а часомъ и людэ забивáли козака́. Чýти было́, що и францýзъ рабовáвъ и палúвъ хáты въ ту͡óй сторонí͡э́, дэ ву͡óнъ показáвся. Бі͡э́дныйи лю́дэ мну͡óго натэрпі͡э́лися въ ты́йи часы́ и стрáшно згàдовати, що ся робúло тогды́ нà-сьвяти. Хвалá - Богу, що францúзъ до насъ нэ загляда́въ, а то зусі͡э́мъ бы поні́щилися лю́дэ, и зъ гóлоду повмирáли бы, бо дэ ву͡óнъ бывъ, то тамъ ницъ нэ остáлося, якъ прòсля саранчі͡э́.

12) Панщина.

Нэ такъ впэршъ жили́ людэ за па́нщины, якъ тэпэ́ръ. Що тэпэ́ръ? Тэпэ́ръ, хвали́ти Бо́га, ку͡ожды чолові͡экъ самъ собі͡э панъ; а якъ была́ па́нщина — ой бидова́ли людэ, бидова́ли! Ца́рство нэ́бэсное на́шимъ цара́мъ, що скасова́ли панщину![1]) Мну͡ого кро́ви вы́ссали зъ насъ ляхи́ — тяжко и зга́довати, якъ му́чили насъ паны́. Лядащіи были́ паны́, а щэ гу͡оршіи йихи окомоны́. Но тако́го ляда́щого па́на нигдэ́ нэ было́ въ на́шуй око́лици, якъ въ Ломазёхъ бывъ Кута́съ; а око́монъ ёго́ бывъ такі͡ій лихі͡ій, якъ соба́ка. Быва́ло дэнь-у-дэнь, щэ со́ньце нэ зы́йдэ, око́монъ съ канчуко́мъ вбига́е до ха́ты, кричи́тъ, псяма́цькае: «Ach wy psy rusiny, psia wiara, psia krew, na panszczyznę!» Канчуко́мъ шмага́е и старо́го и мало́го, горчки́, миски́ бье, дижки́ съ ті͡эстомъ повыворо́чуе: бабы́ и ді͡эти пла́чутъ, а чолові͡эки сто́гнутъ и проклина́ютъ пану͡овъ. Вы́жэнэ голо́дныхъ люді͡эй на па́нщину и якъ ч'э́рэду жэнэ́ до па́ньського двора́, щэ и каньчукомъ подгоня́е. На лано́ви ці͡элы дэнь плачъ и крикъ: то ба́бу батога́ми бьютъ, то чолові͡эка кату́ютъ. Ходи́ли на панщину и въ нэді͡элю и въ сьвья́то: въ цэркви зво́ны бращ'а́тъ, а мы брагу но́симо въ бро́варови. На Вэли́кдэнь и Руздво́ насъ выгоня́ли съ пудво́дами до Варшавы. Мну͡ого люді͡эй скрывдивъ Кута́съ — ги́ншіи отъ тя́жкои рабо́ты и бить'я повмира́ли, а котры́и вы́здужали, то оста́лися кали͡эками нави͡эки. Обрыдъ той Кута́съ и ломазьця́мъ: якъ ту͡олько мі͡эськіи ко́ни, або гу́си покажуцьця коло́ па́ньського по́ля, то Кута̀съ зъ дворака́ми прискочитъ и зачнэ́ би́ти пастухо͡овъ, поздира́е зъ йихъ шапки́, сукманы́, а гусі͡эй и ко́ни позайма́е до двора́ и два-три дні͡э нэ выпуска́е исъ хлива́. Мища́нэ хо́дятъ и про́сятъ и кла́няюцьця, а Кута́съ на йихъ кричи́тъ и

1) Крестьяне дер. Любенки были освобождены отъ панщины въ царствованіе Николая I-го въ 1851 году, а крестьяне другихъ селеній при Императорѣ Александрѣ II, по Высочайшему Манифесту отъ 19 февраля 1861 года.

бье и якъ нэ заплатятъ, що вуонъ схочэ, то-й нэ выпуститъ йимъ добытку. Нэ было того дня, щобъ Кутасъ нэ сварився зъ ломазьцями. Кутасъ присвоивъ часть Ломазькои зэмлиэ. Довго мучивъ вуонъ насъ и мы тэрпиэли, тэрпиэли, но нэ вытэрпили: зачали на Кутаса подавати просьбы, но Кутасъ выкручивався, звычайно ляхъ за ляхомъ тягнэ (Тогды были пуськіи суды). Ажъ нарэсьци одёнъ розумны чоловиэкъ пошовъ до Люблина и подавъ просьбу въ Трибунали и тамъ розсказавъ, якъ Кутасъ крывдитъ людиэй и зачали зъ йимъ правовати ся. Трибуналъ присудивъ Кутаса до крэминалу. Отъ крэминалу Кутасъ выкрутився, но заліэзъ въ довги и его злицитовали, и вуонъ кудысь выйихавъ изъ Ломазъ [1]). Мужики зо злосьци мсьцили Кутасови: часто крали снопы съ поля, выпасали лонку и збуожэ, пудпалювали будынки. Разъ осэню згориэла ёму клуня съ пшеницею и житомъ. Кажутъ, що хтось пудпаливъ его. Просля Кутаса наставъ дэржавця Шэлягъ, но той панъ бывъ собиэ ничого — нэ бивъ людиэй, нэ знучався надъ нами и мы его шановали якъ доброго пана. Нэдовго мы ходили на панщину при Шэлягови — пэрэдъ вуйною (Крымскою) насъ очиншовали, и мы пошли на колёніи, а чэрэзъ дэсять лиэтъ и въ другихъ сэлахъ пэрэстали робити панщину. Вэликая была радусць для людиэй, якъ нашъ цэсаръ скинувъ панщину!

Кажутъ старыи людэ, що за пуольською ронду паны принэволювали и мищанъ ходити на панщину, но вони упэрлися и нэ пошли, хочъ паны йихъ били и виэшали. Въ Ломазахъ дэржавця Тызэнгаузъ за то, що нэ хтиэли мищанэ ему робити панщину, часто бивъ ихъ, каліэчивъ, а богатшихъ господаруовъ повиэсивъ въ дымникахъ. Въ Россуошахъ такжэ нэ давалися панови, и панъ страшно людиэй мучивъ — мнуого народу покаліэчивъ и позабивавъ до смэрти, но на панщину нэ пристали. И въ Пи-

1) Кутасевичъ или по народн. Кутасъ былъ арендаторомъ въ 40-хъ годахъ казеннаго имѣнія—Ломазъ, къ которому принадлежали деревни: Любенка, Копытникъ, Вортель и другія.

щатцю паны́ чэ̀плялися до мища́нъ и ихъ вуойта Вэлиновича спали́ли въ шпихиро́ви у Ви́льни, якъ вуонъ туды́ зайі͡эхавъ, щобъ пода́ти про́сьбу королёви. Мища̀нэ мі͡эли майдэбурськое пра́во, но ляда́чіи паны́ нэ зважа́ли на ихъ права́ и нэ боя́лися ни суда́, ни свого́ короля. Но были́ и такіи мищанэ, що пуддали̇̀ся пана́мъ. Сэло́ Доку́дово было́ впэршъ мі͡эстомъ: Радзиви́лъ розозли́вся на доку̀дувцювъ и принэво́ливъ ихъ роби́ти па́нщину. Доку̀довци вы́будовали нову́ю цэ́ркву. Разъ Радзиви́лъ йі͡эхавъ чэ́рэзъ Доку́дово и зашо́въ до цэ́рквы, щобъ подиви́тися, яка́я вона́ въ сэрэ́дини. Адъюта́нтъ его вэрти́вся по цэркви, розгля́дувавъ сьвьятыхъ и зоба́чивъ на́писъ на до́щэцьци и пэрэчита́въ, що фундаторами тэ́и цэрквы были́ такіи и такіи мищанэ и нашъ князь Радзиви́лъ. Коли̇̀ Радзивилъ почу́въ одъ адъюта́нта, що ёго́ имэне напи́сано на рэ́сьци, розозли́вся и за́разъ вы́шовъ исъ цэрквы и пойі͡эхавъ до Бі͡элои. На дру́ги дэнь Радзиви́лъ приславъ прика́зъ обложи́ти хворосто́мъ и соло́мою цэркву и мі͡эсто и пудпали́ти. Доку́дувци якъ почу́ли, що ихъ церкву и хаты́ съ клуня́ми будутъ пали́ти, пэрэляка́лися, и всі͡э стары́и и малы́и пошли́ до Бі͡элои до за́мку и тамъ три дні͡э на колі͡энахъ плака́ли и проси́ли Радзивила, щобъ змило́вався надъ йи́ми и нэ ка́равъ такъ стра́шно за йихъ вину́. Якъ вони́ до́сыть напла́калися и напроси́лися, то нарэ́сьци Радзивилъ сказавъ ймъ, що вуонъ нэ будэ вжэ пали́ти цэрквы и мі͡эста, но одбэрэ одъ йихъ майдэбурськое право, и Докудово будэ сэломъ, а мища́нэ будутъ роби́ти ему́ па́нщину. И съ того́ часу́ Докудово пэрэста́ло бы́ти мі͡эстомъ. Щэ и тэпэръ видно, дэ бывъ ры́нокъ и дэ стоя́лъ ра́тушъ[1]).

Якъ была́ панщина у насъ, то въ сэ́лахъ нэ вмі͡эли ни чита́ти, ни писа́ти; а якъ хто бывъ письмэ́нны, то панъ отдававъ до вуойська, «żeby chłopów nie buntował». Тогды́ и по миста́хъ ма́ло было́ письмэ́нныхъ люді͡эй.

---

1) По разсказамъ сторожиловъ, въ городскихъ судахъ того времени, когда существовало «Магдебургское право», царилъ полнѣйшій произволъ—по большой части, судьи (войтъ и райцы) за хорошое угощеніе и взятки оправдывали богатыхъ преступниковъ и часто жестоко наказывали бѣдняковъ, приговаривая ихъ къ висѣлицѣ или къ тяжкимъ побоямъ.

13) Повстанье въ 1863 году.

Якъ ляхи́ зоба́чили, що нашъ царъ хо́чэ панщину ски́нути, то заду́мали Пу͡ольщу одвоюва́ти, щобъ па́нщину вэрну́ти. Паны́ зачали́ зъ мужика́ми бра́татися — поодяга́лися въ сукманы́, ходи́ли по хата́хъ, кумова́ли дити͡э́й у́ мужику͡овъ и вси͡э́мъ говорили, що якъ Пу͡ольща наста́нэ, то вси͡э́мъ бу́дэ до́брэ: породжа́ютъ лю́дюмъ мну͡ого зэмли͡э́, пода́ткувъ нэ бу́дутъ плати́ти, до ву͡ойська нэ будутъ бра́ти и бу́дутъ вси͡э́ мужики шля́хтою. Такъ паны́ ле́стками пудбива́ли насъ до йихъ повста́ня. Мы слухали, що паны́ патоня́тъ, но нэ ви͡э́рили йимъ и на ма́ковэ зэ́рно, бо дэжъ таки́ йимъ было́ ви͡э́рити, коли́ вони́ вы́точили на́шу кровъ и до́брэ залили́ са́ла за на́шую шку͡ору и за люди͡э́й насъ нэ ми͡э́ли, и называ́ли насъ бы́дломъ, псами́, ха́мами и всэля́кими пру͡озьвисками. Блевья́скали намъ ляхи́, що панщину ски́нувъ нэ нашъ русьськи Царъ, а французьки Наполёнъ, що нибы Наполёнъ каза́въ на́шому Царо́ви освободи́ти на́рудъ отъ панщины. Но мы усьмиха́лися мижи́ собо́ю якъ паны́ бра́шутъ, якъ соба́ки, бо розуми͡э́ли, що русьськи царъ найсильни͡э́ши мижи́ цара́ми и що ву͡онъ чужи́хъ цару͡овъ нэ бойицьця и нэ слу́хае, а що е́го́ вси͡э́ бояцьця и слу́хаютъ, такъ якъ бога́ты господа́ръ нико́му нэ кла́пяецьця, а що ему́ би͡э́дныи господары͡э кла́няюцьця. Дива́чилися ляхи́: ходи́ли проце́ссіи съ косьцёла до косьцёла съ пу͡ольськими орла́ми и го́лосно вси͡э́ сьпива́ли: «Wróć nam Boże ojczyznę i panszczyznę!» Стави́ли на доро́гахъ крыжи͡э́ съ коро́ю. Въ косьцёла́хъ нэ зво́нили въ звуно́чки, а клекота́ли въ кликутки́. Панійи͡э́ и паны́ ходили въ чо́рнумъ оди͡э́нёви, а паны́ въ сукмана́хъ и причипля́ли до шапо́къ кусники́. Пу͡ольськіи ксёндзы на казаня́хъ и спо́вэди говорили вси͡э́мъ йти до повста́ня. По косцёла́хъ збирали гро́ши— «офьяру» на повстане: паны́ такъ и сы́пали грушми́ по дэсять, по двадцять пьять и по сто рублю͡овъ, но съ про́стыхъ люди͡э́й нихто нэ давъ и шо́ляга, бо зна́ли, на що ты́и гро́ши пуйду́тъ. Панки́ и мазури͡э́ зачали́ насъ стра́хати: «Poczekajcie wy chłopy! Iak wypędzimy moskala, to będziecie na panów pracować jak woły i

będziecie nas wozić na sejmy do Warszawy, jak wozili naszych dziadów, pradziadów»!

Такъ мудрова́ли паны́ два лі͡э́та и нарэ́сьци змо́вилися вы́ризати вс͡і͡э́хъ москалю͡о́въ въ одну ну͡о́чь по Руздві͡э́ (съ 10 на 11 января 1863 года).

Въ Лома́захъ тогды́ стоя́ли ула́ны. Въ пу͡о́вночь прибі͡э́хъ кульга́вы Онту͡о́нъ (Ярошукъ) исъ Копы́тника до Лю́бэнки и сказа́въ вс͡і͡э́мъ хова́тися, бо мазуры́э зъ Гу͡о́щи йду́тъ выгоня́ти до повста́ня. Якъ почу́ли то́е любэ́нци, то вс͡і͡э́ повти́кали зъ до́му и похова́лися на вы́шкахъ, въ соло́му и въ лёха́хъ. Мазуры́э вы́шли зъ Гу͡о́щи съ ко́сами и хті͡э́ли пори͡э́зати со́нныхъ ула́нувъ, но нэ дошли́ до Лома́зъ — йихъ на госьци́нъцёви окружили ула́ны и повьязали якъ баранду͡о́въ по-двое, по-тро́е до ку́пы и погнали йихъ якъ чэрэ́ду до Бі͡э́лойи и тамъ посадили мазуру͡о́въ до за́мку. Ула́нувъ остэру͡о́гъ одёнъ мазу́ръ, що въ ву͡о́йську служи́въ и за тое мазуры́э напа́ли въ но́чи на ха́ту того́ мазура́, вы́волокли ёго́ въ по́ле и тамъ ёго́ замучили, а ті͡э́ло пики́нули нэзако́панэ, и соба́ки поросьцяга́ли его́ ко́сьци по по́лю — въ одну͡о́мъ мі͡э́сьци валялася голова, въ другу͡о́мъ рэбра, въ трэ́тюмъ но́ги и руки. За тако́е мордэ́рство гуща́нэ заплати́ли вэли́кую контрибу́цію. Повста́ньци ходи́ли ба́ндами по лиса́хъ, но русьське ву͡о́йську напада́ло на ихъ и розбива́ло ба́нды. Найбу͡о́льшая стычка была́ съ повста́ньцями пудъ Симьятичами за Бугомъ. Тамъ янара́лъ Манюкинъ розби́въ ки́лька ты́сячи повста́ньцюв — мну͡о́го было́ пора́неныхъ и побитыхъ поляку͡о́въ, мну͡о́го было взятыхъ въ пл͡і͡э́нъ. Но дову͡о́дця Роґиньськи втю͡о́къ съ своими адъюта́нтами и хова́вся въ лиса́хъ за Бэрэ́сьцёмъ и тамъ его́ злапали забужняки́ и привэли́ опшарпаного и голо́дного до Бэрэсьця и ка́жутъ, що его́ ху́тко пові͡э́сили.

Биля́нэ розска́зовали, що Роґи́ньськи прій͡і͡э́хавъ зза грани́ци — тамъ ву͡о́нъ учився въ академіи якъ воювати, и паны́ ра́довалися, що ма́ютъ тако́го до́брого воя́ку. Щэ за мі͡э́сяць до повстаня Роґиньськи пр͡і͡і͡э́хавъ до Бі͡э́лои и посэли́вся въ пу͡о́льського ксёндза Мле́чка. Паны́ дэнь и ну͡о́чь і͡э́зьдили до ёго и тамъ

рàдилися, якъ москалю͡овъ вы́гнати зъ Пу͡ольщи. Тогды́ ву͡ойська въ Бі͡элуй нэ было́, а ту͡олько стоя́ла кома́нда инвали́дувъ. Въ но́чи (съ 10 на 11 января) повста̀ньци напали на со́нныхъ салда́тувъ и хті͡эли ихъ порі͡эзати, но вони́ попросыпа́лися и зачали́ въ ихъ стриля́ти: полякы́ злякáлися и повтикáли. Инвали́ды килько́хъ повста́ньцювъ окрова́вили, звъяза́ли и привэли́ до за́мку. Потý͡омъ инвалиды вы́шли изъ Бі͡элои и вжэ ні́якого ву͡ойська нэ осталóся въ мі͡эсьци. На трэти дэнь, якъ вышли инвалиды, пахлы́нули до Бі͡элои повстаньци съ кóсами, ша́блями и стрильба́ми. Низбига́лося мну͡ого норóду. Жиды́ вы́котили бочки съ пи́вомъ и горі͡элкою; нанэсли́ хлі͡эба, мняса, рыбы. Вэли́кая ра́дусьць была для пану͡овъ; вони ду́мали, що вжэ наступи́ло ихъ панова́не: всі͡э кричали, шумі͡эли, обнима́лися и цилова́лися. А якъ понайида́лися и понапива́лися, то ста́ли гарцюва́ти зъ го́лыми ша́блями по улиця́хъ и по ры́нкови; а потý͡омъ зачали́ пали́ти на ры́нкови ру́сьськи орлы́ и царськи потрэ́ты. Дэ ту͡олько нашли́ орлы́ и потрэ́ты, нэсли на рынокъ и ки́дали ихъ въ огóнь. Ту͡олько ніякъ нэ могли́ одорва́ти орла́ и русьськихъ ли́тэрувъ на шкóли (Бяльское уѣздное училище): поліэ͡эзли панки по драби́ни, щобъ скинути орла, рвали его, рвали и онóщо сторчма голова́ми не попа́дали; поліэ͡эзли и ковалі͡э, но и вони нэ могли ничого почáти. Такъ и остався оролъ на мі͡эсьци. Повстаньци кинулися съ сокира́ми до базыліа́нувъ и хті͡эли вырубати въ цэ́ркви ра́йськи двэры, но супэ́ріоръ Троцéвичъ вы́шовъ съ мша́ломъ и показа́въ имъ, що въ упіа́цькуй цэркви повúнны бы́ти ты́и дво́ры и проси́въ и плакавъ, щобъ ихъ нэ ру́хали и вони, почувши шумъ на дворі͡э, вы́бигли исъ цэрквы, и нэ рубали двэрі͡эй. На други дэнь, якъ мну͡ого назбира́лося наро́ду, Рогиньськи чита́въ золоту́ю гра́моту для сі͡эльськихъ люді͡эй. Въ ту͡ой гра́моти было напúсано, що полякú давнó хті͡эли освободúти отъ па́нщины про́сты на́рудъ, но русьськи царъ нэ дозволивъ. А якъ зобачивъ московськи царъ, що паны кóнчэ хóчуть скасовати панщину, то ву͡онъ посыпшúвъ самъ скинути панщину, но зэмлі͡э давъ людюмъ мало и наложúвъ на йихъ вэликiи пода́тки. «Мы жэ полякú, говоритъ Рогиньськи, дамó вамъ

мнуо́го ґру́нту, пода́ткувъ нэ будэтэ платити, до вуо́йська нэ бу́дюмо брати, и будэтэ вс͡іэ свободными и ру͡овными зъ нами панами и шляхтою. Всэ дамо́ вамъ, ту͡олько поможі͡этэ намъ вы́гнати съ краю на́шого закля́того во́рога: бэрі͡этэ косы, вилы, сокирі͡э и выгоняйтэ сусматыка москаля». Тую грамоту чули бі͡эльськіи мищ́анэ; сі͡эльсьскіи лю́дэ нэ показывалися повстаньцямъ, бо боялися, щобъ ихъ силою нэ взяли до ба́нды — сиді͡эли собі͡э вдома и журили́ся, що наста́ла бида́ въ краёви. Чу́ти было́, що повстаньци ві͡эшаютъ нэвинныхъ люді͡эй, рабу́ютъ, выгоня́ютъ до повстаня. Въ на́шуй сторонi͡э нихто изъ мужику͡овъ нэ пошовъ до банды, ту͡олько дэкотры́и паны́, мазурі͡э и офиціялисты. И чу́ти было́, що ги́ншіи пу͡ольськіи ксёндзы́ волочи́лися съ повстаньцями по лиса́хъ. Каза́ли, що едёнъ таки́й ксёндзъ Бжуська бывъ вэликимъ чарувникомъ — его ніяк͡ъ нэ могли́ взяти въ пл͡іэнъ салдаты. Бывало, окружа́тъ Бжуску и вжэ руками дэ́ржатъ за коми͡эръ або за полу́, но Бжуська напу́ститъ тумана́ — ру́ки въ салда́тъ задрыжа́тъ, и ксёндзъ счэзае. Разъ таки́ въ но́чи его зла́пали въ ха́ти: ву͡онъ часто ходивъ до еднои молоди́ци и вона́ его выдала москалямъ. Бжуську повi͡эсили и спалили, щобъ нэ думали дурныи людэ, що ву͡онъ сьвьятый. Той чорувникъ ксёндзъ валандався зъ бандою коло Сэ́льцювъ и Соколова и вс͡іэ его тамъ добрэ зна́ли. Чутка у насъ была, що и бі͡эльскіи школярі͡э бунтовалися: якъ завороши́лися паны въ Варшави, то бі͡эльськіи студэ́нты порва́ли русьськіи ксёнжки́, пики́дали на зэмлю и зачали на ихъ плёвати и допка́ти; а якъ Рогиньськи бывъ въ Бі͡элуй, то одёнъ молодый профэссуръ (Во́лянъ) и кильк͡охъ студэнтувъ приста́ли до ба́нды, а пудъ Симья́тичами и головами наложи́ли [1]). Оде́нъ съ такихъ студэнтувъ (Скальскій) пришовъ до на́шого сэла́ (Любенка) и пэрэночовавъ въ солтыса; а на други день рано вставъ и каза́въ со́лтысови ходи́ти по сэлі͡э и выгоня́ти чолові͡э-

1) Изъ воспитанниковъ Бѣльскаго уѣзднаго училища пошли въ ряды повстанцевъ и двое руоскихъ — уніатъ Скальскій (сынъ священ.) и православный нѣкто Боровскій, уроженецъ Царства Польскаго. Оба они родились въ ополяченныхъ семьяхъ.

кувъ и хлопцювъ до повстаня. Но коли солтысъ ставъ чóхатися и стоя́ти на мі͡эсьци, то повстанэць вы́нявъ пистоле́тъ зза пазухи и приста́вивъ до его лоба, и завэрэщавъ: «Idź prędzej, łajdaku, a to ja ciebię zabiję jak psa!». Со́лтысъ злякався и вы́бигъ исъ хаты и сиді͡эвъ на сэлі͡э до вэ́чэра. Повста́нэць вышовъ зъ его хаты и куды́сь запропасти́вся. Якъ Роґиньськи съ панами будова́въ свою Пу͡ольщу въ Бі͡элуи́, ляхи волочилися по сэлахъ и выгоняли люді͡эй до повстаня, но чолові͡эки и хло́пци нэ показовалися имъ, а хова́лися въ клуня́хъ, въ хлива́хъ, въ солому и на вышкахъ. Приставáли вони и до русьськихъ ксёндзу͡овъ (уніатскихъ), щобъ въ цэркваáхъ говорыли народови йти ві͡эру боронити. Въ Ломазёхъ ки́лька разъ паны́ стра́хили попа́ шубэницею, якъ нэ будэ намовля́ти люді͡эй до повста́ня. Въ Ломазёхъ тогды́ бывъ розу́мны ксёндзъ Калину͡овськи и нэразъ ву͡онъ говоривъ намъ, що паны́ подурі͡эли, що бунтуютьця. Въ сі͡эльськихъ цэрквахъ нигдэ въ насъ нэ сьпива́ли писэ̀нь о бу́нтови, а по косцёла́хъ всюды рэві͡эли: «Boże! wróć nam ojczyznę i panszczyznę» и гиншіи. Съ почáтку паны́ подю́джывали насъ ле́стками, а потý͡омъ и зачали́ насъ ляка́ти, що будутъ би́ти и ві͡эшати, якъ не пу͡ойдюмъ до повста́ня. Но ни оденъ изъ русьськихъ сі͡эльскихъ люді͡эй въ на́шуи сторони͡э нэ пошовъ до банды, хиба́ якій дурный дворáкъ, що въ пана служи́въ; одного ту͡олько хло́пця изъ Ломазьськихъ мі͡эщанъ Яська Дэрлюка́ подмовили ляхи пуйти до повстаня, но и той до́вго нэ бывъ въ ю͡омъ; поваландався съ ты́ждэнь по лисахъ и ему обрыдло, и ву͡онъ вту͡окъ до дому и ховався и одъ ляху͡овъ и одъ москалю͡овъ и нарэсьци самъ пришовъ до нача́льника повi͡эту и присягну́въ, що вуонъ вже бу͡ольшъ нэ пу͡ойдэ до повстаня, и его выпустили хутко на свобóду.

Якъ Манюкинъ розбивъ повстáнцювъ пудъ Симья́тичами, то ляхи́, котрыи повтикали, знову зачали збиратися по лиса́хъ въ банды, и одная такая банда приблука́лася до Ломазъ. Щэ зра́ня по Лю́бэнци гнався на конёви Мочульськи — (татаринъ изъ дер. Стидёнки) маха́въ ша́блею и крича́въ: «Do powstania!» Не всьпі͡эвъ вы́і͡эхати Мочульськи изъ сэла, якъ зачали́ стриля́ти въ

Ломазахъ: козаки́ налетіэ͡ли на повста́ньцювъ и ки́нулися на нихъ съ пи́ками и ша́блями: ляхи́ втэ́ки, а козаки́ за и́ми — одного забили и килько́хъ ранили. А одёнъ повста́нэць—панъ Дзику͡овськи изъ Бі͡элои бі͡эгъ зъ Ломазъ заса́паны, бэзъ шапки, роското́рханы и розхриманы; а якъ зо͡бачили его любэ́ньци, то закрича́ли: «Хучі͡эй бэрі͡эмо мотузки, зьвъя́жэмо ля́ха и отдамо́ его козака́мъ — нэхъ нэ бунту́етьця про́тивъ цара́!». Кинулися зъ мотузка́ми на Дзику͡овського, но солтысъ останови́въ ихъ и сказавъ: «Що ві͡этэ ро́битэ! Мы ёго отдамо́ козака́мъ, а за́втра придутъ ляхи́ и насъ за тое повіэ͡сятъ».—«Пра́ву ка́жэтэ, ку́мэ, нэхъ ву͡онъ собі͡э бижи́тъ до бі͡эса—нэ трэба его зачипати, а то щэ биды́ собі͡э наро́бимо». И пэреля́каны Дзику͡овськи побі͡эгъ въ Хоми́нную (назв. лѣса). А любэнци ему крича́тъ: «Хучі͡эй, па́нэ, втикай, а то козаки́ жэну́тьця!» А панъ пэрэкидаетьця и огля́дываетьця—чи нэ бижи́тъ за йимъ коза́къ. Но козаки́ погна́лися за ги́ншими повстаньцями, котры́и розбижалися въ другіи стороны, и Дзику͡овському удалося втэчи́ въ Хоми́нную. Поту͡омъ козаки́ розбили ба́нду Шинявського, но Шинявськи втю͡окъ и скрывався въ Красу͡овци коло свого фульва́рку. Узнавши козаки, дэ хова́етьця панъ Шинявськи, зачаилися и вы́слидили его. Разъ Шинявськи зашовъ до корчмы́ закурити люльку: зыркъ въ окно, а козакъ стоитъ пэрэдъ двэри́ма съ пикою. Шинявськи выскочивъ на дву͡оръ чэрэзъ окно и втэ́ки, а козакъ за имъ и кричитъ: «Не уйдешь, мятежникъ!» Вы́стриливъ козакъ, и Шинявськи упавъ на зэ́млю и нэ ворохну́вся. Шинявського поховали въ Бі͡элуй, а паню Шинявськую вы́слали на Сибі͡эръ; а якъ утихоми͡эрилося, то позво́лили ю͡ой вэрнутися до до́му [1]). Хвалилися ляхи, що Шинявськи

1) Панъ Сенявскій былъ помѣщикомъ въ дер. Красовкѣ, Бѣльскаго уѣзда, недалеко отъ пос. Ломазъ. Онъ сформировалъ банду и почти два года предводительствовалъ ею. Жена его тоже была большой патріоткой — она собирала офяру на повстанье и участвовала въ манифестаціяхъ, за что была сослана на жительство въ городъ Уфу. Послѣ возвращенія на родину, Сенявская или Любатынская (по второму мужу), проживая послѣдніе годы въ своемъ имѣньи Красовка, подавала примѣръ христіанской любви не только къ католикамъ но и православнымъ, крестя у послѣднихъ дѣтей въ православной церкви, къ удивленію мѣстныхъ жителей.

въ лі͡эси подъ Жэжиномъ (Жиржинъ, Люб. губ.) напавъ на москалю͡овъ и вы́ризавъ ці͡элую ро́ту и забравъ въ ихъ мну͡ого гро́ши. Лгали паны, що Наполіо́нъ и якійсь Гальбарди придутъ имъ помагати, но нихтъ нэ пришовъ. Брэхали вони, що вэсною Англія пришле свои окрэ́нты зъ ву͡ойськомъ; но пришла вэсна и нэ чути было тыхъ окрэнтувъ. А ву͡оська русьського нахлынуло до насъ мну͡ого и якъ заходилися, то всі͡э банды порозбивали, довудцувъ пола́пали и пові͡эшали, а повста́ньцювъ одныхъ побили, другихъ повпако́вовали до крэминалу, а гиншихъ винні͡эшихъ выслали на Сибі͡эръ золото копати. Паны подку́лили свои хвосты́ и пэрэстали ходити до повстаня. Кинулися ляхи якъ львы, а згинули якъ рудыи мыши. Но нэ всі͡э паны были дурны́и; мижи ими были и дэкотры́и и розумныи; въ Ломазёхъ Ше́лягъ (Шелига, арендаторъ каз. имѣнія Ломазы) часто говоривъ одному господаро́ви покрыёмо: «Głupstwo robią polacy — młokosy oszaleli, nic oni nie zrobią Rossyi, ona ma dobre wojsko, a u polaków nic niema i nikt im nie pomoźe: siedzieli by sobie spokojnie i chleb jedli, a to tym głupiem powstaniem tylko biedy sobie narobią». Такъ говори́въ Шелиґа, бо самъ добрэ знавъ, якъ трудно воювати зъ русьськимъ ву͡ойськомъ: ву͡онъ бывъ пу͡ольськимъ офицэромъ въ тритця́туму рокови, якъ бывъ бунтъ въ Пу͡ольщи. Таки́хъ люді͡эй, якъ Шелягъ, котры́и говорили правду, ляхи называли московськимъ духомъ и страшно нэнави́дили, ихъ; но по повстанёви часто споминали ихъ, що вони были розумными: «Prawdę on mówił, nie trzeba było robić powstania!» Но такихъ пану͡овъ, що га́нили повстане мало было въ Пу͡ольщи, а всі͡э во́ни рады были вэрнути свою Пу͡ольшу, щобъ ора́ти людьми́, а самы́мъ панова́ти. Якъ нэ всі͡э паны шли до повстаня, то всэтаки помагали чимъ нэбудь, абы́ Пу͡ольщу одвоювати. Такіи жэ были и пу͡ольськіи ксёндзы заодно съ панами: вони мну͡ого баламу́тили простыхъ людіэй, но рі͡эдко хто ихъ послухався, бо розумъ мі͡эли, що съ того ничого для ихъ доброго нэ будэ, а ту͡олько одна бида ждэ, якъ бы Пу͡ольща настала.

Настоящее описаніе эпизодовъ изъ польскаго возстанія составлено мною на основаніи разсказовъ мѣстныхъ жителей, какъ очевидцевъ тогдашнихъ событій, а также и по моимъ личнымъ воспоминаніямъ, какъ уроженца тамошняго края и той мѣстности, гдѣ все это происходило на моихъ глазахъ, когда я былъ ученикомъ сначала Бѣльскаго уѣзднаго училища, а потомъ и Бѣльской гимназіи. Разсказъ о польскомъ повстаньѣ составленъ мною въ народномъ духѣ, т. е. такъ, какъ сами крестьяне въ 60 и 70 годахъ передавали свои впечатлѣнія и высказывали взгляды на политическія событія въ Царствѣ Польскомъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Крестьяне были убѣждены, что паны бунтуются изъ-за панщины и потому думали, что въ революціонномъ польскомъ гимнѣ поютъ: «Wróć nam Boże ojczyznę i pańszczyznę. Вообще они слово «ойчизна» отожествляли съ «панщизной». Нерѣшительныя мѣры русскихъ властей для обузданія своеволія польскихъ пановъ во время демонстрацій простой народъ объяснялъ себѣ добротой и снисходительностью Императора Александра II; поляки же эту нерѣшимость объясняли боязнью нашего правительства передъ Европой, намѣревающейся будто бы защищать Польшу отъ угнетенія. Продолжительность повстанья (два года) крестьяне приписывали военноначальникамъ и офицерамъ, не желающимъ поскорѣе покончить съ бунтовщиками, чтобы не лишиться двойного жалованія, повышеній и разныхъ наградъ—орденовъ и т. п.; поляки же въ этомъ медленномъ усмиреніи повстанцевъ видѣли необычайную ихъ стойкость и храбрость и потому ободрялись и продолжали энергично вести повстанье, надѣясь главнымъ образомъ на помощь Франціи, Англіи, Австріи и Италіи (Гарибальди). Послѣ неудачнаго возстанія, когда начали вводить реформы въ Царствѣ Польскомъ, поляки всю вину ихъ повстанья свалили на наше правительство: «Еслибъ русское правительство съ самаго начала не дало потачки панамъ, когда начались манифестаціи въ Варшавѣ, то никакого повстанья не могло бы и быть, говорили часто поляки; а то, дескать нарочно «москали» молчали, какъ мы дурачились, чтобъ послѣ бунта взять насъ крѣпко въ

руки и лишить конституціи, дарованной Польшѣ Александромъ Благословеннымъ». Придя къ такому заключенію, поляки увидѣли глубокій политическій умъ у нашихъ Варшавскихъ намѣстниковъ: Горчакова, Сухозанета, Ламберта.

14) Панъ Борковскій и пани Борковская.

Якъ лю́дэ робили панщину, то паны́ были́ богаты и жили въ вэли́куй роскоши——ту͡олько пили, і͡эли и вэсэлилися, а мужики бидова́ли и слюзми́ обliва́лися. Но паны́ на свою пого́ибэль марнова́ли свои маёнтки, люцькою кривдою набытыи, и нарэсьци и самы́ змарнова́лися и зги́нули якъ рудыи мыши. Вэлика́я роспуста тогды была́ по двора́хъ — ляхи́ ни Бога нэ боялися, на лю-ді͡эй нэ встыда́лися. Въ Зэлі͡эзнуй[1]) бывъ бога́ты и роспу́сны панъ Боркву͡овськи и такая же была роспусная и пани. Вони́ зачали́ зана́дто панова́ти и гуля́ти: вы́мурували вэликій па́лацъ, конюшни, клуні͡э, шпихири͡э и хливы́, бо въ дэрэвьяннумъ дворі͡э имъ показа́лося ті͡эсно и нэдо́брэ жи́ти. Въ конюшни поробили́ политурованы жо́лобы, на сті͡энахъ пові͡эсили лю́стра, якъ въ поко́яхъ. Паны завэли́ капэлію изъ хло́пцювъ своихъ сэлъ. Въ пону͡овъ было мну͡ого хоро́шихъ дивча́тъ, набраныхъ до двора исъ своихъ сэлъ; вони были́ хорошэ повби́раны—одныи въ чорное оді͡эне, другіи въ бі͡элое, трэтіи въ чэрвоное, а гиншіи въ жовтое, зэлёное, синее и рабо́е. Въ палацахъ музы́ка дэнь и ну͡очь грае: паны рэгочутъ, брыкаютьця, кепкуютъ, выджвараютьця, пьютъ и йида́тъ; а на дворі͡э люде пла́чутъ и сто́гнутъ одъ батогу͡овъ о́комона. Музы́ка ляща́тъ, ажъ палацъ трасэтьця, а мужики проклина́ютъ пана, що въ ихъ хаты́ розвалюютьця, одіэне пошарпанэ и що нэ маютъ спочи́нку ни въ ночи, ни въ нэді͡элю, ни въ сьвьято. Ни въ одного пана нэ было такихъ бі͡эдныхъ мужику͡овъ, якъ у Зелі͡эзнуй. Мну͡ого госьті͡эй пріизжджало до того

1) Дер. Желѣзная въ Радинскомъ уѣздѣ, Сѣдл. губ.

пана и музыка нэ пэрэставала грати, но были такіи паны́, що встыда́лися и показа́тися въ Зэлі͡эзнуй, бо знали, що тамъ пьянство и одна роспуста бывае. Тамъ была садомія: панъ ни однои ді͡эвки нэ мина́въ; а якъ выходитъ ді͡эвчина за́мужъ, то на пэршу ну͡очь приво́дили еи́ до пана. Такая бэзстды́дниця была и сама́ пани: дэ якій хлопэць покажэтьця ю͡ой гла́дкимъ, то вона ёго кли́чэ до сэ́бэ. Довго гриши́ли панъ и пани, пу͡оки на ихъ нэ пришла кара Божая. Тяглыи мужики порозбига́лися, бо нэ могли вытэрпити: ихъ часто были и нэволили тяжко робити. Панъ замота́вся въ довгахъ, якъ муха въ павути́ну. Нарэ́сьци Бу͡огъ ска́равъ пана за ёго люцькую крывду и роспусту: одная ду́жая ді͡эвка нэ здава́лася па́нови, и скалі͡эчила ёго и ву͡онъ цні͡эвъ, цні͡эвъ и вмэръ, а маёнтокъ ёго за довги́ продали́, а пани осталася въ одну͡ой сорочци, и нихтъ еі͡э изъ пану͡овъ нэ хті͡эвъ взя́ти до сэбэ. Всі͡э одрэкли́ся одъ е́и, па́вэтъ и своякі́ ейі͡э, и ту͡олько мужики сжалилися и возили на бі͡эдци одъ сэла до сэла и годова́ли и называли ейі͡э «панэською жэбрачкою». Бывало, придэ до хаты господара: ю͡ой дадутъ молока́, хліэба, борщу́, а ча́сомъ и я́ець, нако́рмятъ еи и вона хорошэ подя́куе и поговоритъ зъ баба́ми, пэрэночу́е, а на дру́ги день йдэ до другого господара́. Побу́дэ въ сэлі͡э нэдіэли дві͡э, три, а потю͡омъ еі͡э одвозятъ до другого сэла. Такъ вона́ вала́ндалася по сэлахъ килька лі͡этъ, пуки нэвмэрла́ въ одного господара́. Такъ и марнэ згинули обое за свою роспу́сту! То щэ было за панщины, но якъ воля настала для простыхъ людіэй, то мну͡ого пану͡овъ пони́щилося, а чэрэзъ що? а чэрэзъ тое, що нэ глядіэли свого господарства, а сидіэли въ Варшави, або въ Пори́жови и тамъ гуляли, въ карты грали, а ихъ ро́ньци крали ихъ добро́, и паны́ лі͡эзли, лі͡эзли въ довги, якъ въ болото, пуки ихъ маёнткувъ нэ попра̀дали, а самы́ осталися бэзъ куска хлі͡эба. Въ нашуй сторонці͡э просьвиставъ одёнъ панъ всэ свое добро, а діэти его панны́ и паничі͡э ходили по селі͡э и просили, щобъ имъ хто давъ і͡эсти. Други панъ програвъ у Варшави дві͡э сэлі͡э, а самъ пришовъ до брата ту͡олько зъ лі͡эсочкою и собакою. Но естъ мижи панами дэкотры́е, що сидятъ

дома и глядятъ господа́рства и нэ довира́ютъ ни ро́ньцямъ, ни гуме́ннымъ, и вони маютъ хлi̯э́бъ и гроши и живутъ собi̯э́ спокуо́йно. Но такихъ розумныхъ пануо́въ мало.

15) Радзивиллъ.

(Разсказъ старика).

Какъ князь Радзивиллъ угощалъ бѣльскихъ ксендзовъ.

Разъ убо́гая баба шла до за́мку хлi̯э́ба просити—зоба́чивъ ей Радзиви́лъ на двурцёви и пытае: «що ты скажэшь, бабо»? Баба ему низко поклонилася. — Ой па́ночку, порату́йтэ зъ ласки своеи мэнэ бi̯э́дную — да́йтэ мнi̯э́ хлi̯э́ба, а то я голо̀дная. — Добрэ, я тэбэ порату́ю — дамъ тобi̯э́ хлi̯э́ба и гро́ши, ту́олько впэршъ вы́лизь, бабо, на онъ-тое дэ́рэво и кукай», сказавъ Радзиви́лъ.—Ой нэ зду́жаю, па́ночку, нэ зду́жаю—стара́я я, и си́лы нэ маю.—«Лжэшь, шэльмо! закрича́въ Радзивилъ: «лi̯э́зь, бабо, а то я тэбэ повi̯э́шу ось на ту́ой голя́ци!» Нэща́сная ба́ба зляка̀лася и сто́гнучи ледьледь вы̀лизла на дэрэво. «Кукай же, стара́я зазуля!» крикнувъ Радзиви́лъ. — Ку-ку, ку-ку, ку-ку, сказала баба плаксивымъ голосомъ. «Ba-ba-ba-ba! Co ja widzę? W. moim lesie zjawiłsię ptak nieznojomy: trzeba, mości dobrodzieju, zrobić na niego polowanie. Hej pachołku, przynieś mnię fuzyę!» Взявъ одъ хлопця стрильбу́ и бухъ въ бабу, и баба впа́ла на зэмлю нэжива́я. Застрi̯э́ливши бабу, Радзивилъ казавъ еi̯э́ похова́ти ксёндза́мъ, но ни едёнъ ксёндъ нэ хтi̯э́въ хова́ти, бо вона вмэрла́ нэ своею смэртю. Розозли́вся Радзивилъ на ксёндзу́овъ и сказавъ собi̯э́: «Poczekajcie gáłgany pory—ja was łajdaków nauczę jak. słuchać Radziwiłła!» Радзивилъ казавъ своёму ку́харови одрi̯э́зати па́лець у бабы, спэчи́ пиру́огъ и положити въ ёго бабинъ палець и подати на обi̯э́дъ, и ti̯э́ло бабы казавъ закопати дворакамъ въ ночи, щобь нихто нэ бачивъ и нэ вi̯э́давъ, а въ кого будэ довги языкъ, то вуонъ ёму́ одрi̯э́жэ и скрунэ́ голову тако́му «гундцвотови». Всi̯э́ мовча́ли, якъ набравши въ ротъ воды́. На други дэнь Радзивилъ закликавъ ксёндзу́овъ на обi̯э́дъ. Ксёндзы́ были ра́ды,

що будутъ въ гости́ни въ такого вэликого пана: пришли всi͡э и посядали за сту͡олъ и зачали́ пити, i͡эсьти и вэсэло говори́ти. Радзивилъ ходитъ коло ихъ и одъ радости руки трэ и смiетьця. Подали́ пиру͡огъ: ксендзы́ накинулися и ку͡ожды взявъ соби͡э кусо́къ на тали͡эръ и зачали́ i͡эсти. Но оденъ ксёндзъ, якъ розри͡эзавъ сву͡ой пиру͡огъ, то побили͡эвъ якъ сти͡эна́ и крикнувъ: «Oj Iezus— Maryia!» Всiэ оглянулися на его и зачали мижи собою шептати, що въ пирогови оказався люцьки палець. Ксёндзы здуми͡экалися— замовчали и пэрэста́ли оби͡эдати. Радзивилъ имъ сказавъ: «A cóż, moście dobrodzieje, nie do gustu moje potravy i napoje, co nie jecie i nie pijecie!» Одёнъ ксендзъ вставъ и кажэ ёму на тое: «Co to znaczy, juśmie oświecony książe, że w pirogu znalezlismy palec człowieka». A Радзивилъ отказуе: «Nic dziwnego, mości panowie: niechcieliście, przewelebny ojcowie pochować babę, to zato zjedliście ją». Радзиви́лъ зарэгота́въ, а ксёндзы́ поклони́лися ему, и якъ схво́станы вы́шли изъ замку и пошли́ соби͡э до-до́му, пови͡эсивши свои носы́.

Приведенный разсказъ про Радзивилла я слышалъ въ дер. Любенкѣ. Еще приведу нѣсколько анекдотовъ, циркулирующихъ въ Бѣлѣ, о чудачествахъ Радзивилла:

1) Однажды гайдуки Радзивилла убили за что то еврея изъ сосѣдняго мѣстечка. Владѣлецъ этого мѣстечка страшно обидѣлся на Радзивилла, и прислалъ ему укоризненное письмо. Тогда Радзивиллъ велѣлъ своимъ дворовымъ наложить жидовъ полную халабуду (евр. фура) и «прирублевать» какъ сѣно, а затѣмъ отвезти ихъ обиженному пану и свалить передъ его крыльцомъ. Сказано, сдѣлано. Когда цѣлый фургонъ съ жидами, стонущими и плачущими, остановился передъ крыльцомъ владѣльца мѣстечка, то на шумъ и крикъ выбѣжали изъ дому панъ и его семейство; тогда передъ глазами недоумѣвающихъ хозяевъ вывалили цѣлую кучу людей, завывающихъ разными голосами, а дворецкій Радзивилла сказалъ: «Нашъ князь Радзивиллъ не жалѣетъ этихъ «пархозъ», и за одного присылаетъ вельможному пану ихъ много; а если панъ пожелаетъ, то его сіятельство можетъ прислать еще и больше».

2) Разъ, когда у Радзивилла собрались гости въ замкѣ, князь сказалъ имъ, что онъ можетъ съ однимъ дукатомъ объѣхать всю Европу. Поднялся по этому поводу горячій споръ между панами: Радзивиллъ настаивалъ на своемъ, а паны возражали. Наконецъ Радзивиллъ побился объ закладъ съ однимъ паномъ. Недолго думая, Радзивиллъ отчеканилъ громадный дукатъ и отправился съ нимъ за границу. Тамъ онъ размѣнялъ этотъ дукатъ и путешествовалъ по всѣмъ государствамъ Европы, а возвратившись домой, еще привезъ часть неистраченныхъ денегъ изъ взятаго имъ на дорогу дуката. Такимъ образомъ выигралъ Радзивиллъ пари.

3) Однажды Радзивиллъ держалъ пари, что онъ можетъ лѣтомъ легко кататься на саняхъ, какъ и зимою. Ночью наканунѣ назначеннаго для катанья дня Радзивиллъ велѣлъ насыпать толстый слой соли по дорогѣ, идущей отъ замка до хутора Погулянка, находящагося въ окрестности г. Бѣлы. На другой день поутру, когда собралось множество зрителей, Радзивиллъ, при кликахъ пановъ: Wiwat! dux magnus»! промчался на саняхъ изъ замка въ Погулянку, а черезъ какіе-нибудь полчаса ѣхалъ обратно въ замокъ съ такою быстротою, какъ по снѣгу зимою. Это привело пановъ въ такой восторгъ, что они съ большимъ одушевленіемъ кричали: «Wiwat» и каждый изъ нихъ подходилъ къ Радзивиллу и поздравлялъ его съ совершеннымъ имъ необыкновеннымъ подвигомъ. Всѣ удивлялись находчивости и изобрѣтательности Радзивилла.

4) Радзивиллу пришла мысль удивить пановъ, собравшихся на сеймъ въ Варшавѣ: онъ вздумалъ поѣхать на сеймъ на медвѣдяхъ цугомъ. Когда Радзивиллъ въѣзжалъ въ панскій обозъ, расположившійся въ окрестности Варшавы, то лошади, увидѣвъ страшныхъ косматыхъ звѣрей, переполошились и начали фыркать и бросаться во всѣ стороны, и переломали много экипажей и перекалѣчили немало людей. Во время этой суматохи раздавались проклятія, плачъ и смѣхъ и такой произошелъ крикъ и шумъ, что на многихъ пановъ, недоумѣвавшихъ, что происходитъ въ

обозѣ, напалъ паническій страхъ. Этотъ случай былъ главной темой для разговоровъ въ Варшавѣ и въ цѣлой Польшѣ, а Радзивиллъ торжествовалъ, что ему удалось надѣлать столько шуму въ Рѣчи-Посполитой.

5) Радзивиллъ придумалъ для своего сына остроумную методу обученія грамотѣ. Дѣло въ томъ, что молодой княжичъ никакъ не могъ усвоить азбуку: гувернеры выбивались изъ силъ, но ничего не могли подѣлать съ лѣнью и отвращеніемъ къ ученью своего злополучнаго воспитанника. Ни просьбы, ни угрозы, ни даже наказанія грознаго отца не дѣйствовали на сына, а только вызывали въ немъ крикъ, плачъ и слезы, возбуждая чувство озлобленія къ педагогамъ и отвращеніе къ ученію. Княжичъ часто убѣгалъ изъ дому, прятался и притворялся больнымъ, чтобы избѣжать опротивѣвшаго ему школьнаго занятія. Отецъ былъ въ отчаяніи и не зналъ, что дѣлать съ такимъ упрямымъ «гультаемъ». Радзивиллъ и педагоги долго думали, какъ помочь бѣдѣ, и наконецъ рѣшили попробовать еще одинъ способъ обученія грамотѣ, а именно посредствомъ стрѣльбы въ цѣль съ нарисованными на мишени громадными буквами. Княжичъ былъ отличный стрѣлокъ и любилъ часто стрѣлять изъ пистолета и ружья, особенно въ компаніи паничей, чтобъ показать свое умѣніе и похвастаться передъ родителями и знакомыми. Было сдѣлано столько мишеней, сколько находится буквъ въ алфавитѣ, и каждый почти день княжичъ съ своими товарищами палилъ изъ ружья въ мишень съ какою-нибудь буквою: въ первый день въ А, въ другой въ Б, въ третій въ Ц и т. д. По поводу стрѣльбы въ цѣль происходили въ замкѣ оживленные разговоры и княжичъ былъ въ восторгѣ, что онъ попалъ въ А или Б. Стрѣльба продолжалась въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, пока не были прострѣлены всѣ буквы на мишеняхъ, и молодой Радзивиллъ хорошо запомнилъ названія всѣхъ буквъ и никогда ихъ не забывалъ. Такимъ образомъ первая ступень обученія грамотѣ была успѣшно пройдена, и Радзивиллъ былъ очень радъ успѣхамъ своего сына и гордился передъ всѣми

своимъ педагогическимъ талантомъ въ изобрѣтеніи имъ самаго раціональнаго способа обученія, какого не было еще отъ сотворенія міра.

Про Радзивилла на Подляшьѣ, какъ про Потоцкаго на Украйнѣ, сложилось въ народѣ много анекдотовъ. Нѣкоторые изъ Радзивилловъ, жившихъ въ городѣ Бѣлѣ, нынѣ Сѣдл. губ., были ревностными католиками, немало способствовавшими къ окатоличенію и ополяченію русскаго Забужья: они строили въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри и учредили такъ называемую Бѣльскую базиліанскую миссію. Базиліане съ монахами католическихъ орденовъ разъѣзжали по мѣстечкамъ и селеніямъ и распространяли въ народѣ польскія религіозныя пѣсни и обычаи римской церкви. Особенно же римско-католическая пропаганда усилилась въ періодъ раздѣловъ Польши (1772—1796). По народнымъ разсказамъ, въ имѣніяхъ Радзивилловъ народъ страшно бѣдствовалъ—его обременяли тяжелой работой и очень жестоко съ нимъ обращались: за собираніе ягодъ и грибовъ въ Бѣльской пущѣ лѣсники избивали мужиковъ и бабъ до полусмерти, а за обломанную вѣтку или вырѣзанное «бичильне» (кнутовище) въ лѣсу вѣшали или сдирали кожу. Крестьяне были очень озлоблены противъ Радзивилла и другихъ пановъ, и вотъ почему во время войнъ Хмельницкаго здѣшніе сельскіе жители приняли участіе въ возстаніи и вмѣстѣ съ запорожцами два раза опустошили и сожгли замокъ Радзивилла въ Бѣлой и избили многихъ пановъ въ этой мѣстности, какъ это видно изъ лѣтописи Бѣльской церкви, напечатанной въ одномъ изъ «Холмскихъ мѣсяцесослововъ» въ 70-тыхъ годахъ XIX вѣка.

Бѣльскій замокъ, внушительный своими размѣрами, въ истекшемъ столѣтіи пришелъ въ запустѣніе и послѣ польскаго возстанія (1863 г.) былъ разобранъ его владѣльцемъ (кн. Витгенштейномъ), такъ что въ настоящее время остались въ цѣлости его флигеля, часовня, ворота и обширное двухъэтажное зданіе съ башней, гдѣ нынѣ помѣщается тюрьма. Въ народѣ ходятъ легенды о сокровищахъ, находящихся въ погребахъ бѣль-

скаго замка и что будто бы ихъ стережетъ огромный страшный песъ на цѣпи, съ оскаленными зубами.

16) Жиды.

Жиды́—нэдовіэрки: въ Бога віэратъ, но Богови нэ віэратъ. Воны́ Христа́ замучили и нэнавидятъ христіянъ и щобъ могли́, то всіэхъ бы насъ въ ложци воды́ утопи́ли. Жидъ, якъ пацюруе, то плюе́ и добчэ, то вуонъ такъ плюе на христіянськую віэру и ейіэ добчэ. Якъ жидъ лежитъ при смэрти, то его хучіэй душатъ пэриною, щобъ вуонъ нэ увіэровавъ въ Христа́ и нэ пожада́въ выхриститися. Одныи христіянэ вмира́ютъ, а жиды́, татары и поганы, якъ собаки, здыхаютъ, бо вони нэхри́щены. Якъ жидъ сконае, то нихтъ нэ кажэ, що вуонъ вмэръ, а здохъ, бо въ ёго хочъ е душа́, но нэтака́я якъ въ христіяни́на, и жидъ нэ пуойдэ до нэба, а до пэкла. Жиды́-ошуканьци хи́трыи, затюнливыи и ла́сы на гро́ши, якъ куотъ на са́ло. Жидъ буольшъ гроши любитъ, чимъ само́го сэбэ́—вуонъ изза гро́ши полiэзэ и въ воду и въ огонь. Жидъ за жида вступаетьця, якъ за руодного батька и матэра. Вуонъ самъ бье и самъ и кричитъ. Правду кажутъ людэ: Нэ зачипа́й жида́, бо будэ бида́; жидъ хутко вы́крунэтьця изъ биды́, якъ вьюнъ изъ руки́. Возьмэшь вьюна въ па́льци и вуонъ высковзнэ зъ руки. Такъ и жидъ зробитъ. Нэхъ Буогъ боро́нитъ зъ жидомъ судитися — вуонъ и сьвiедкувъ пудкупитъ, пудпо́итъ, вуонъ и судю́ ле́стками и госьти́ньцями на свою́ сто́рону пэретя́гнэ. Часто жидъ и винёнъ, але судъ обвини́тъ христіяни́на, бо нэдовiэрокъ вмiэе до́брэ забро́нтати чоловiэка, якъ павуку́къ му́ху въ павути́ну. Жидъ пэрэдъ па́номъ, або богачо́мъ ша́пку щэ здале́ку здыймае, ни́зко кла́няетьця, лестками говоритъ, но бiэдному мужикови нэ дасьць и до́брого сло́ва, а зовэ: ты сьвиня, сьвинячая морда, хамська́я потылиця и гиншими паскудными слова́ми. Но нигдэ нэма такихъ лядащихъ жидуовъ, якъ въ Бэ́ресьти: тамъ инакше нэ кли́чутъ людiэй, якъ «чула, чула, иды до мэнэ—купы сэлэдэць, обаранки». А якъ минае чоловiэкъ ёго, то вуонъ кри-

чи́тъ: «Эй ты сьвиня, мужикъ, чомъ нэ купуешь въ мэнэ!» А якъ заклинэ́ на жида, чого́ вуонъ чэ́пляетьця до ёго, то недовіэ́рокъ вда́ритъ чоловіэ́ка по головіэ́, або по хрибто́ви, а чоловіэ́къ дасьць ему въ морду—тогды жидъ закричитъ: «на́що ты мэнэ бьешь, сучій сыну! Ратуйтэ! ґивалтъ»! И жиды збигу́тьця и зачну́тъ чоловіэ́ка товчи́ кулаками и кіями; а якъ полиціянты прискочатъ, то нэ жида повэду́тъ до арэшту, а мужика, щэ и оштрафу́ютъ ёго, бо сьвіэ́дки жиды звалятъ всю вину́ на нэщасного. И нэ оно́ въ одну́омъ Бэрэсьци крывдятъ нашихъ, а всюдэ, дэ ту́олько тэи саранчіэ́ мну́ого по вэли́кихъ и малы́хъ мста́хъ. Якъ ста́нэ торгова́ти въ міэ́сьци христіяни́нъ — поля́къ, або ру́сьськи, то жиды кончэ ёго выкуратъ: змэншатъ цэ́ны на сву́ой това́ръ, и людэ пэрэста́нутъ купова́ти въ христіянськуй кліэ́тци, а нарэшци и ду́омъ спаля́тъ христіяни́на купця́, и бі́эдны купэ́ць му́ситъ вы́йихати зъ мі́эста. Купэ́ць проклинае жиду́овъ, а нэдовіэ́рки насьмиха́ютьця изъ йихъ и кепку́ютъ, що вдало́ся имъ ху́тко вы́гнати ґоя въ одну́ой соро́чци. Часто жидова́ знучаетьця надъ на́шими: пьяныхъ и твэрозыхъ бьютъ, шту́рхаютъ и плюю́тьця. Бахурі́э зза пло́та ки́дають камі́эне на хлопцювъ и прозываютьця: ґой, ґой! А ґои значитъ пога́ны, що въ Бога нэ віэ́ратъ, а кляняютьця болванамъ и имъ мо́лятьця. Наши образы́э и крыжі́э знэважаютъ: плюю́тъ на ихъ, ши́дятъ, паску́дятъ и о́чи въ сьвятыхъ выколу́пываютъ. А якъ процессія йдэ, або мэрця нэсу́тъ на мо́гилки, то жиды и старыи и малыи ховаютьця и выглядаютъ зза двэрі́эй, зъ оконъ и зза плоту́овъ, насьмихаютьця, плюютъ и фиґи показываютъ: то вони такъ ши́дятъ зъ нашои віэ́ры христіяньськои. А якъ жиды по сэлахъ корчмы арэндовали въ пану́овъ и по мста́хъ шинковали, то людіэ́й стрыгли вони, якъ тыи овэчки́: труйили сивухою тэ́мны народъ—нэдовіэ́рки лили воду въ бочку зъ горіэ́лкою, ки́дали туды титю́онъ и всэлякое паску́дство и такою горіэ́лкою частовали людіэ́й, и вони упива́лися и дурили, якъ одъ бле́коту, а жиды́ богатіэ́ли, бо мужики нэ міэ́ли доброго ро́зуму. Кажутъ старыи людэ, що колись въ насъ жиды арэндовали въ пану́овъ нашіи цэрквы́ и якъ

трэба было́ кому дитину христи́ти, або до шлобу йти, або паску сьвятити, то шли до жида Жэльмана ключу͡овъ куповати, щобъ цэркву дозволивъ одчини́ти. Но того нихто нэ памэтае, а ту͡олько пэрэказываютъ и му́ситъ то была́ пра́вда, коли въ письня́хъ на́вэтъ споминаетьця и Жэльма́нови и о ключа́хъ: Нэма ксёндза вдома, пойі͡эхавъ до Львова: — клю́чикувъ куповати, щобъ Ганулю звинчати. Тое было давно, якъ ляхи нашую русьскую ві͡эру лома́ли.

Жиды свою мацу́ йидя́тъ съ христіяньською кровью: зла́паютъ ді͡эвчинку, або хло́пчика, всадятъ въ бочку зъ острыми ґо́зьдзями и зачну́тъ тую бочку на всі͡э стороны калата́ти и пэрэворо́чувати и якъ всю кровъ вы́точатъ и збэрутъ, то розсылаютъ ейі͡э по всі͡эхъ мисьця́хъ, дэ мну͡ого жидовы сиди́тъ; и якъ пэку́тъ мацу́, то въ ті͡эсто трохи вливаютъ тэи кро́ви, бо бэзъ христіяньськои крови жиды́ нэ йидятъ мацы́. Нэдавно щэ за нашои памэти въ Ломазахъ мало що жиды нэ замучили ді͡эвчинки: йі͡эдучи на торгъ, батько взявъ съ собою мале́нькую дочку, ю͡ой было лі͡этъ два чи три и якъ зашовъ до кли͡этки соли куповати, заговорився зъ жидами, дивитьця, а дочки нэма: кинувся ву͡онъ туды — сюды, нэма — тогды ву͡онъ пошовъ до стражнику͡овъ и зачали добрэ шука́ти въ грубого Янкеля и нашли въ лёхо́ви ді͡эвчину зъ звязянными руками и ногами, а щобъ вона нэ кричала, проклятая жидова́ ротъ ю͡ой заткнули кло́чомъ. Жиды пэрэлякалися, добрэ заплати́ли всі͡эмъ—имъ обошлося бэзъ суда и ка́ры. До жиду͡овъ нэ хо́чутъ йти служити, бо съ такихъ парубку͡овъ и дивокъ сьмію́тьця и жарту́ютъ и называютъ ихъ жиду͡овськими попы́хачами. Гиншіи дурныи изъ нашихъ наймаютьця за жиду͡овського га́мана: жиды его бьютъ, штурхаютъ, плюютъ, товкутъ, якъ въ сту́пи просо, знучаютьця — часомъ скалі͡эчатъ, а часомъ и забиваютъ до смэрти. Но на такого чолові͡эка — обибо́ку жиду͡овського пальцями показываютъ и насмиха́ютьця зъ ёго, що за килька рубли, або за кварту горі͡элки продався жида́мъ, но такое людя́ нэ мае ни встыду ни сумленя: ему абы горло залі͡эти горі͡элкою, бу͡ольшъ ему ничего нэ трэба на сьві͡эти, абы

хлі̯эбъ йі̯эвся и дэнь вьюовся. Мнуого жиды биды робьятъ для люді̯эй — мижи ими туолько злоді̯эювъ, ошуко́ньцювъ, обді̯эрцювъ, лгунуовъ, що всі̯эхъ лядащихъ нэдові̯эркувъ, якъ бы запи́сывати, то на воловуй шкуори всі̯эхъ нэ муожня записа́ти. — Добрэ зробивъ бы нашъ Царъ, якбы тыхъ жидуовъ порозгонявъ и давъ бы имъ зэмлю, щобъ вони господа́рили, якъ мы; тогды на́ сьвити мэншъ было бъ бі̯эды одъ ихъ, якъ тэпэръ, а то вони хочутъ пановати — тяжко не працюютъ, а хочутъ ле́гко доставати гроши, щобъ хорошэ ходити, добрэ йі̯эсти и пити.

1) Су́ра. Жиды ждутъ свого́ месія́ша и кажутъ, якъ вуонъ прі́дэ, то жиды будутъ панами, а всі̯э христіянэ ихъ парубка́ми. Щэ пэрэдъ пуольськимъ бунтомъ (1863 г.) пошла чу́тка, що бу́дэ кунэ́ць сьві̯эта, а жиды говорили, що вжэ родився ихъ ме́сіяшъ въ Туреччини. Тогды по Лю́бэнци ходила зъ Ломазъ дурноватая жидуовка Сура и продавала баба́мъ голки, напэрстки, мыло, запалки. Разъ пришла Сура до Кузьмуовъ. «Добры вэ́чуръ»! — Добры вэчуръ. А що скажэшь намъ доброго, Суро. — «Ось пришла до васъ посиді̯э́ти, а то я барзо втомилася за ці̯э́лы дэнь, ходячи по сэлі̯э»[1]). Слово, за слово, ажъ нарэшци Сура кажэ: «Вжэ я буольшъ нэ буду ходити по Лю́бэнци». — Чомъ? пытаютьця ейі̯э бабы́. «Бо до насъ вжэ пришовъ мэсіяшъ: нашъ мэсіяшъ будэ царомъ надъ царами, и вашъ цесаръ, и нимэцьки цэсаръ, и французьськи цэсаръ и всі̯э цэсары и короліі̯э и царі̯э, якіи туолько есть на сьві̯э́ти будутъ служити нашому мэсіяшови, якъ парубки́ своёму господаро́ви». — И брэшэшь, дурная жидуовко! Щобъ таки нашъ царъ служи́въ въ паршивого жида. Якъ сьві̯э́тъ стои́тъ того́ нэ было́ и нэ бу́дэ: хочъ и мэсіяшъ вашъ, а всэжтаки вуонъ жидъ — анцы́христъ, но нэ чолові̯э́къ[2]) и нэ царъ, и щобъ вуонъ бывъ самымъ чортомъ, то нэ дождэтьця того,

---

1) Всѣ почти евреи говорятъ съ жидовскимъ акцентомъ и особой интонаціей; но нѣкоторые изъ нихъ, живущіе среди христіанъ, довольно чисто говорятъ по-польски и по-русски.

2) Простой народъ называетъ себя только людьми, человѣками (мужчинами), а евреевъ — жидами, дворянъ — панами.

щобъ пановати надъ цiэлымъ сьвiэтомъ. «Ему Буогъ помóжэ».— Нэ брэшú, Суро! «Хóвай-Божэ, я нэ брешýу — я такъ кажý, якъ всiэ нашiи жидки кажутъ, такъ всэнь кагалъ нашъ говоритъ. Брунь-Божэ, я одъ сэбэ ницъ нэ кажý — я кажу тое, що всiэ кажутъ». — А щэ що кажутъ жидú? — «Нашiи жиды щэ кáжутъ? кажутъ, що якъ нашъ мэсiяшъ зачнé пàновати, то поодбирае одъ христiянъ, татаръ и одъ всiэхъ нарòдувъ маёнтки — ґрунтъ, хаты, быдло и пороздаé жидáмъ. Тогды и я буду вэликою панею: буду собiэ жити въ палáцахъ, ницъ нэ буду робити, а туолько спати, йiэсти, пити и гроши личúти».

— А якъ ты будэшь вэликою панею, то насъ нэ забывай, Суро, и попроси своró месiяша, щобъ нашои хаты и зэмлiэ жиды нэ рухали и щобъ всэ нашэ было, що мы маемо тэперъ.

—«А якже, вiэтэ такiи добрыи людэ, що я для васъ всэ зробью. Я васъ часто буду частовати шабашуовкою и кýґэлёмъ, якъ вiэтэ принэсэтэ мнiэ на шабашъ тлустого пiэвника, або свiэжую рыбу. Далибукъ, буду частовáти. Зá що васъ крывдити, коли вiэтэ добрыи людэ».

— Всiэ добрыи людэ въ нàшумъ сэлiэ.

«Ой вай! Дэ вони добрыи? Естъ такiи лядащiи, що нэхъ Буогъ боронитъ. Мэнэ вони нэ зачипáютъ, бо я жидуовка и никому и водú нэ закаломýтила, а що тыи гúцли выробьяютъ зъ бiэдными жидками, то нехъ ренка Боска захова! Якъ муой Сруль ходитъ по сэлiэ щэтúну и вуоскъ куповати, и пытаецьця пудъ окномъ: чи нэма, що продати? А дiэти въ хати закричатъ: «Е куошка здыхáти!» То щэ ничого, а щэ гуоршъ робьятъ: хлóпци бигутъ за Срулькомъ, цькуютъ собаками и кричатъ: «Жидъ халамидъ, мамэле — татэле, адоной, адоной, зъйiэла кошка лой». А батьки слухаютъ, смiюцьця, а нэ припыняютъ своихъ роспусныхъ дитiэй. Но то всэ байки—побрэхали, побрэхали хлопци на Срулька, якъ собаки, и порозбигáлися, а муой Сруолько цiэлы остався. Но разъ тыи гунцвоты вэликую шкоду зробили для Срулька: вони нацьковали ёго и собаки подэрли ему лапсэрдáкъ, сподни и шапку, и я цiэлы вэчуръ сидiэла и латала

ему одіэне. Ось якіи биваютъ лядячи людэ въ вашумъ сэліэ, а віэтэ кажэтэ що всіэ добрыи. А віэтэ чули, що зробили тыи ґалґа́ны зъ моимъ своякомъ Мафтулою». — Ніэ нэ чули, скажи, що зъ имъ зробили. — «Мафтула біэдный и хоры жидокъ, бо вуонъ вжэ старый и нэдобачае — вжэ двіэ недіэли тому біэдны Мафтула пошовъ до Любэнки и зашовъ до Викторукуовъ, чи до Тэрэщукуовъ, я нэ віэдаю, и тамъ въ ихъ купивъ зъ ґарнэць картофлювъ и якъ всыпали картофлі ему въ мишо́къ, то хлопци вложили въ мишокъ вэликій камэнь. Мафтула взявъ мишо́хъ и хтіэвъ нэсти за плечима, но нэ муогъ ёго пудняти, бо вуонъ бывъ барзо тяжки. Тогды хлопци засміялися и пуддали ему мишокъ, и Мафтула ледь понюосъ до Ломазъ и по дорози часто стоявъ и присядавъ и туолько пуозно ввэчэри ледь-ледь прилiэзъ до своеи хаты и якъ пришовъ до двэріей, такъ и пэрэкинувся біэдны Мафтула зъ мишкомъ. А жуонка его Хайка давно его жда́ла, часто выглядала въ окно и выходила на́-двуръ, а Мафтула нэ показуетьця, такъ вона загасила каганэць и лягла спати, но нэ могла заснути и всэ думала, думала, дэ йиіэ Мафтулка подіэвся — чи ёго вовкъ зъйіэвъ, чи розбуойники ёго забили, чи вуонъ втопився, чи можэ вуонъ пошовъ до кого пэрэночувати. Такъ думала, думала біэдная Хайка и вжэ стала дрымати, и якъ почула що щось стукнуло за окномъ, то вона такъ пэрэлякалася, що въ пэрины сховалася: Хайка думала, що коло хаты стоитъ шайтанъ, або якійсь лядащи чоловіэкъ. Лежитъ біэдная Хайка пудъ пэриною и одъ страху дрижитъ, а якъ трохи одъ сэрця юой одошло, то вона зачала слухати, що тамъ за окномъ ворошитьця и стогнэ и нарэшци почула голосъ свого Мафтулки, и вышла въ сіэни и спытала: чи то ты Мафтулка? — Я, Хайка, я, одчиняй хучіэй двэри, я вжэ давно тутъ лежу. — Одчинила Хайка ему двэри, взяла мишокъ и привэла Мафтулку до хаты и зачала его пытати дэ вуонъ такъ довго сидіэвъ, що нэ пришовъ вчэсніэй до дому. Вуонъ юой всюсенько розсказавъ одъ самого напочатку до самого куньця. Мафтулка люогъ, а Хайка взяла́ мишо́къ и зачала высыпа́ти картофли,

моркву и всэ, що Мафтула купивъ и якъ всэ тое летіэло на зэмлю, то вы́литивъ такій вэлицюозны камэнь, що трудно ёго и пудняти. Тогды вони и догадалися отчого такъ тяжко было нэсти той мишокъ и тэпэръ Хайка и Мафтула проклинаютъ тыхъ ло́трувъ, що вони ему такъ нэдобрэ зробили. Топіэро Мафтулка хорі́эе, фэ́льчэръ до ёго приходитъ и лі́эчитъ и Буогъ віэдае, чи вуонъ ужэ выздоровіе. Фэльчэръ казавъ, що́ Мафтула надси́вся, якъ мишокъ нюосъ зъ вэликимъ камэнёмъ. Отъ якіи бываютъ людэ въ вашумъ сэлі́э! Кажутъ ваши, що христіянэ добрыи, а жиды лядачіи, нэ правда: и мижи вашими и нашими е всэлякіи людэ и добрыи и лядачіи, но бульшъ естъ кепськихъ, чимъ добрыхъ».

2) Сруль и Янцюлё. Сруль. «Янцюлю, чи нэма чого продати?»—Янцюлё—Е!—«А що е?»—Ян. тэля.—«А дэ воно?»—Въ хливі́э.—«Въ яку́омъ хливі́э?»—Осьдэ. «Ну покажи.»—Иди, покажу. А въ хливови Янцюлё зачинивъ лихую собаку. Привьюовъ Янцюлё Сруля подъ хлі́эвъ и ка́жэ ему: «Иди, жидэ, осторожно—я тэбэ впущу до хлива и зачиню, а то тамъ стоитъ брыкливэ тэля, и можэ выскочити».—Добрэ, добрэ, Янцюлю, хучі́эй одчиняй двэри, а то я нэ маю ча́су. Янцюлё тихо отхиливъ трохи двэри и нэ всьпі́эвъ жидъ щэ головы всунути, якъ Янцю́лё такъ ёго пхнувъ, що Сруль ту́олько ґа́лами задэръ, а въ хливови: гавъ, гавъ, гавъ! аяй — аяй-яй! Цюхъ Сруля кусае, рвэ на юомъ одіэне, ажъ пі́эрье зъ ёго летитъ, а Сруль е́нчитъ и кричитъ: «Ґивалтъ, ґивалтъ, ратуйтэ людэ, хто въ Бога ві́эруе»: На шумъ и крикъ назбига́лося мну́ого народу; одогнали собаку и вытягнули изъ хлива Сруля, покалі́эчоного, пошорпаного и всэ одіэне на юомъ было порванэ. Ледво живый Сруль плакавъ, якъ малая дитина и кричавъ: «розбу́ойникъ той Янцюле — ву́онъ мэнэ хтіэвъ зацьковати. Я пуйду до суда́, я пої́эду до Патарбурка до самого Цара; пу́ойдэ ву́онъ гицэль до крэминалу, або на Сибі́эръ за тое, що ву́онъ мэнэ хтіэвъ забити, щобъ моя бі́эдная Ма́лка зъ титьми́ зъ го́лоду вмэрла». Людэ зачали Сруля успокоювати, а на Янцюля кричати и радили ему погодитися съ Срулемъ, а то бида можэ выйти. Сруль плачучи пошовъ собі́э до Ломазъ, а

Янцюлё на други дэнь зраня взявъ гроши и мишокъ жита на плечи и пошовъ до жида годи́тися и вони и погоди́лися. И съ того́ часу́ Янцюле пэрэставъ цьковати жидо͡вовъ.

3) Шмэ́рко и Вэ́виха. Въ Лю́бэнци живъ Шмэрко: вуонъ трохи торговавъ и трохи господаривъ: засивавъ городъ и двои або трои ста́и на чужо͡мъ по́ли оравъ и сіявъ жито, ячмі͡энь, або овэсъ для коня́. Шмэрко и Шмэрчиха на роботу нэ ходили, но Шмэрчэнята выучилися добрэ полоти, жа́ти и такъ робили тыи бахурки, якъ и наши дивчата, Шмэрчэня́та выучилися по на́шому говорити и такъ гладко говорили, що по мо́ви нихтъ бы и нэ познавъ, що то бахурки. Живъ Шмэрко зъ усі͡эми въ ладу́ и ни съ кимъ нэ сварився, бахурки́ часто заходили до сусі͡эдувъ: вони никого нэ зачипали, и до ихъ нихтъ нэ чэпьявся. Но хлопци часто жартовали изъ йихъ и за очи говорили: «Шмэрко — пэсъ, Шмэ́рчиха — су́ка, Шмэрчэня́та — щэня́та. Нэвэли́кая шту́ка». По на́шумъ сэлі͡э часомъ ходила старая Вэ́виха — цётка Шмэрчэнятъ. Разъ ввэ́чэры пришла Вэвиха до Соколу͡овъ. «Добры вэчуръ вамъ». — Добры вэ́чуръ. Сядь, Вэвихо. «Нэхъ я постою— я вжэ довго сиді͡эла у Шмэрка. Будтэ ласковы, дайтэ мні͡э що зъйі͡эсти, а то я голодная, якъ собака: вышла зъ мі͡эста на́тщо и ці͡элы́ дэнь ничого и въ губу нэ брала». — Добрэ, дамо. А въ Шмэрка тэбэ нэ частовали? — «Якая тамъ въ жида поческа: сиді͡эла я, сиді͡эла въ ихъ и кажу: я барзо голодная — дайтэ мні͡э що йі͡эсти. А Шмэрчэнята заґэрґотали: пудъ лавкою стоитъ борщъ и йі͡эжтэ. Взяла я ложку и прошу, щобъ дали мні͡э хлі͡эба, а вони кажутъ, що у ихъ вышовъ и нэма ни крошки. Збрэхали Шмэрчэнята, бо я трохи бачила, що на поли́ци лежавъ буханэ́ць. Нагнулася я пудъ лавку и зачала йі͡эсти: йі͡эмъ, йі͡эмъ, но чую щось нэдобрая страва, ажъ нарэшци вытягаю зъ миски обі͡эрины съ картофлювъ и кажу имъ: що то у васъ за борщъ, що въ ю͡омъ лупины. А Шмэрчэнята якъ закрычатъ: «то нэ борщъ, а помы́и — борщъ стоитъ въ кутко́ви пудъ лавкою. На́що ві͡этэ ихъ йі͡эли»? Я нэдобачаю трохи и была голодная, и нэ могла познати смаку́ и оттого я зъйі͡эла помыи и воно мні͡э ги́дко зроби-

лося, такъ що я мало нэ блёва́ла. Такъ мэнэ частовали въ Шмэрка, но то щэ ничого, якбы нэ зачали сміятися изъ мэнэ. Шмэрко кричитъ! цыть, ша! а бахурки рэгочутъ, якъ тыи кобылы́, и мнi̯э такъ стиснуло коло сэрця, що имъ подя̀ковала за такую гостину и пришла до васъ. Бачтэ въ насъ нэ такъ частуютъ, якъ у васъ: якъ до насъ придэ сэстра, або братъ, або якiй своякъ, то зъ ими бу̀льшъ говоратъ, а мало частуютъ, даютъ часомъ по оборанкови, або по яблыкови, або по цукеркови, а часомъ склянку гарбаты; а якъ чiе вэсi̯э́ле бывае, то даютъ по килишку горi̯э́лки, кусочокъ булки, кусочокъ рыбы, мэдовникъ або маковникъ, якъ мизи́нэць. Бачтэ жидки мало йидятъ, нэ такъ якъ вашiи чоловi̯э́ки, або бабы́. А якъ придэ убогiй жидокъ хлi̯э́ба просити, то богатыи жиды мало ему даютъ: въ одну̀ой хати дадутъ ложку каши, въ другу̀ои — оборанокъ, въ трэтюй ша́лягъ и въ каждуй хати трошки ему дадутъ. И для бi̯э́дного жидка будэ того досыть и ву̀онъ нэ будэ голодны. А вi̯э́тэ своимъ дида́мъ мну̀ого даетэ. И щожъ доброго? Дi̯э́дъ занэсэ вашъ хлi̯э́бъ до корчмы, напьетьця якъ, сьвиня, и валяетьця пудъ плотомъ.

Чи вi̯э́тэ чули, що въ Ломазахъ было въ бужни́ци? — Нi̯э́ нэ чули. А щожъ было? Ой вай! Що было, то нэхъ Бу̀огъ боронитъ. Якъ всi̯э́ нашiи жидки пришли до школы въ судный дэнь и стали молитися, то влетi̯э́въ до бужни́ци страша́нный звi̯э́ръ зъ вэликими очима: всi̯э́ полякалися и такiй зробився га́ласъ и калмага́ль, що нэхъ Панъ-Бугъ захова. Жидувки́ момглi̯э́ли, жиды зачали втикати, бо всi̯э́ думали, що то прилетi̯э́въ злы духъ. А я сама такъ злякалася, що ледво ноги приволокла до дому. Того звiэра выгнали смi̯э́лыи жиды изъ школы и казали вони, що то была сова и що тую сову вкинули въ бужницю ломазьськiи хло́пци, щобъ имъ было тяжко на тамту̀омъ сьвi̯э́ти, защо вони гицли налякали такъ бi̯э́дныхъ жиду̀овъ. Ой вай! якiи е въ Ломазахъ лядащiи хло́пци и батьки ихъ нэ припыняютъ; но и любэньськiи е ке́пськiи. Такру̀окъ пэрэдъ вашимъ Вэлькоднёмъ, якъ въ ночи изъ цэрквы шли до дому, то любэньськiи хло́пци въ Мордка, що коло мосту, побили камi̯э́немъ о́кна и

оноще малое дитя въ колысьци нэ забили: камэнэ́ць полетi͡эвъ чэрэзъ шибку и впалъ въ колышку, а тамъ дзэцко лежало. Такъ вони робьятъ щору͡окъ, но Мордко розумны жидокъ — ву͡онъ въ тую ну͡очъ, якъ ему бьютъ окна, зачиняе оконници и хочъ якій хлопэць и кинэ камэнь, но шибки вжэ нэ розобье.

Въ 60-тыхъ годахъ истекшаго вѣка въ страстной четвергъ, когда ночью возвращались люди изъ церкви, то нѣкоторые шалуны бросали камни въ крайній домъ еврейскій, но это дѣлали не изъ религіознаго фанатизма, а просто чтобъ напугать евреевъ и посмѣяться.

Всѣ эти народные разсказы я слышалъ въ деревнѣ Любенкѣ Ломазскаго прихода во времена пребыванія на родинѣ въ 70-хъ годахъ и позже въ 80-хъ, когда мнѣ приходилось посѣщать эту мѣстность. Многіе изъ разсказовъ записаны мною дословно, а иные составлены изъ отдѣльныхъ мнѣній и отзывовъ самихъ крестьянъ.

II. ПОСЛОВИЦЫ, ЗАГАДКИ, ПРИБАУТКИ, ПОГОВОРКИ, СРАВНЕНІЯ, ПЕРЕБРАНКИ.

1. Якъ тривога, то до Бога, а по тривози, то и о Бози. (Въ разг. рѣчи о Богови).

2. Бэзъ Божои воли нэ згинэшь никóли.

3. И въ наше оконьце заглянэ, колись соньце.

4. Хто въ церкви не бывае, той сьвьятыхъ не видае (Въ разг. рѣчи: не бачитъ).

5. Хто дорогу простуе, той дома нэ ночуе.

6. На чужій коровай рукъ нэ протягай.

7. Покорнэ тэля двіе матэры ссэ.

8. Сухая ложка горло дэрэ.

9. Крути́, нэ вэрти́, а трэба вмэрти́.

10. Не вміею ни читати, ни писати — хочутъ мэнэ за короля обрати.

11. Хто пудъ кимъ яму копае, той самъ въ еи впадае.

12. Голосны́ бубны за гора́ми.

13. Якъ на мэдвэдя шишка впадэ, то вуонъ вэчи́тъ; якъ голя́ка, то мовчи́тъ.

14. Нагани́ козіе смэрть, то вона бэчитъ; а якъ ріежешь йіе, то мовчитъ.

15. На Падуоли пироги на куоли; а якъ мы зашли, то пирогуовъ не нашли.

16. На однуомъ міесьци и камэнь обростае.

17. Въ міесьци (въ городѣ) широко сіесьци, а нэма чого йіэсьци.

18. Дарóваному конёви въ зубы нэ заглядаютъ.

19. Що впало, то пропало.
20. Нэ сьвьятыи горчки лiепьятъ, а грiешныи.
21. Що написано пэромъ, того нэ вырубаешь и топоромъ.
22. Голóта нэ боитьця ни дощу́, ни болота.
23. Скачи, враже, якъ панъ каже (Въ разг. рѣчи ворогъ).
24. Пуоки соньце зыйдэ, роса очи выистъ.
25. Якъ съ попа духъ, то съ попади пухъ.
26. Не вiеръ собаци, бо вкуситъ.
27. Не будь солодкимъ, бо злижутъ; не будь гуркúмъ, бо сплюю́тъ.
28. Моя хата съ краю — ничого нэ знаю.
29. Нэ будэ съ хама доброго пана.
30. И самъ нэ гамъ и никому нэ дамъ.
31. Попала коса на камэнь.
32. Напэрэдъ нэ вызывайся и назадъ нэ оставайся.
33. Хто рано встае, тому Буогъ дае.
34. Нэ такъ страшныи чортъ, якъ ёго малюютъ.
35. Грiехъ у мiехъ, а поку́та[1]) за плéчи.
36. Покуоль тлусты схудэ, то худы́й спру́тнэ.
37. Надъ сиротою самъ Буогъ съ калитою.
38. Штыри мили ходу, а до полудня празника.
39. Нэ мiела баба клóпоту, то купила порося.
40. Кинувся якъ левъ, а пропавъ якъ муха.
41. На тобiе, нэбоже, що мнiе нэгоже.
42. Рада бы душа до раю, но грихи нэ пускаютъ.
43. Зъ Богомъ, Парасю, коли людэ трапляютьця.
44. На злóдiёви и шапка горúтъ.
45. Якъ хто хоче, такъ по своюой матэри плаче.
46. Вовчая натура до лiеса тягнэ.
47. Зъ напáсьци муожня пропасьци.
48. Пудъ лежачи камэнь вода не бижитъ.

---

1) Покаяніе, эпитимья.
Нэ туолько свiета, що въ окнiе, е ще буольшъ и за окнóмъ.

49. Баба зъ воза — колéсамъ лехче будэ.

50. Що сторона, то гúншая повúна.

51. Въ богатого и пíевень нэсэться, а въ бíедного и курка нэ хоче нэстися.

52. Въ бабы волосъ довги, а рóзумъ коротки.

53. Ни сíело, ни пало, давай, бабо, сало.

54. На похúлэ дэрэво всíе козы скачутъ.

55. Огля́нувся вовкъ назадъ, якъ ему хвуостъ одорвали.

56. Скажешь гопъ, якъ выскочишь.

57. Котá въ мишкóви нэ утаúти, якъ вуонъ кававчúтъ.

58. Якíй панъ, такíй и крамъ.

59. Бáчили очи, що куповали.

60. Дэри лы́ка, якъ дэрутьця.

61. Добрэ, якъ у Бога за пазухою.

62. Чоловíекъ богаты, бо душу мае.

63. Трэба нэба, трэба и хлíеба.

64. Гуляй, но свуой розумъ май.

65. Хто нэ хоче робити змолоду, той на старусть умрэ зъ голоду.

66. Хто нэ хоче змолоду робити, той на старусьть съ торбою будэ ходити.

67. Лíепи мовчати, чимъ нэ до рэчи казáти.

68. Патонá патонúтъ, туолько Бога гнивúтъ.

69. Мудрая голова розумíее всíе слова.

70. Добрая дитина для рòдичувъ утíеха едына.

71. Такъ то правда, якъ вошь кашляе.

72. Якъ въ спмьíе нэма ладу́, то всэ йдэ нэ доладу́.

73. Мысли за горáми, а смэрть за плечами.

74. Хто зрóду розуму нэ мае, той до смэрти дурнымъ бывае.

75. Нихто розуму нэ може ни купити, ни вхопити.

76. За грóши все муожня купити, туолько руоднои матэри трудно набы́ти.

77. Богаты черевáты, а бíедны голёпаты.

78. Якъ живэшь, такъ и вмрэшь.

79. До сьвьятого Духа нэ скидай кожу́ха.

80. На Грумни́ци напьетьця пі͡евэнь водици, а на Юрія най і͡эсьця в͡уолъ травици.

81. Покро́ва — д і͡евка готова.

82. На Спаса—рукавици до паса. (Въ разг. рѣчи поясъ).

83. Гусь и Рудно́ пошука́ти трудно́. (Въ разг. рѣчи тру́дно) [1]).

84. Нэ зачипай жи́да, бо будэ би́да.

85) Якъ бида, то до жида.

86. Хл і͡ебъ и вода́ — нэма́ голода́ (го́лода).

87. Хл і͡ебъ и вода́ найздору́овша йида́.

88. Рыба-загиба; губа-загуба (губа = грибъ).

89. Едына́къ якъ нэ злодій, то пія́къ.

90. Живу собі͡е, якъ горохъ при дорози—хто нэ хоче, той нэ скубае. Живъ, живъ и головою наложивъ.

91. Май-ре́шту быдлови одда́й, а самъ на пі͡ечь утика́й.

92. Скрыня тараче, а Катэрина плаче.

93. Чи кажетэ пі͡есьню **пи́ти** — св͡уо́й д͡уо́мъ вэсэлити? (Въ разг. рѣчи вмѣсто пити спивати).

94. Вэрба бье, нэ я бью — Вэликдэнь за дыждэнь.

95. Щобъ чолові͡ека узнати — трэба бочку соли зъі͡есьти.

96. Нэві͡ерны Хома́. Ласы якъ к͡уотъ до сала.

97. Пэщенэ дитя́тко, якъ брыкли́вэ тэлятко.

98. Живэ собі͡е, якъ въ Бога за пазухою.

99. За мое жито, то ще-й и побито.

100. Хто скаче, тонъ доскачетьця.

101. Що то тако́е, що скру́ченэ вдво́е, зуб͡уо́въ нэ мае, а добрэ кусае? (Бичъ, кнутъ).

102. Коло ямы всі͡е съ кіями (Возлѣ миски всѣ съ ложками). Сивы в͡уолъ выпивъ воды д͡уолъ (Морозъ).

103. Покотився камэнэць до сусі͡еда на двуре́ць (Мѣсяцъ).

104. Що найдору́ошше? Що найжвавше? Що наймильше? (Найдор. душа, найжв. мысли, а найм. сонъ).

---

1) Гусь и Рудно самыя большія села въ Радинскомъ уѣздѣ, Сѣдл. губ.

105. Що найвышше? Що найшіерше? Що найдовше? (Буогъ, сьвіэтъ, віечносьть).

106. Що найстрашніеше? Що найгуорше? И що найліепше? (Найстраш. смэрть и пэкло, найгуорше — хороба и нэчистэ сумлене, найліепше здорове и царство нэбэсное).

107. Що нэнасытное? (Нэнасытный огонь и вода: огонь всэ спалитъ, а вода всэ забэрэ).

108. Що найплуднієйше? (Зэмля найплуднієйша: вона всэ плодитъ и все родитъ).

109) Мышко, мышко! На тобіе зубокъ косьтяный а ты мніе дай зэліезны. (Такъ говорятъ дѣти, когда бросаютъ выпавшій зубъ подъ печку).

110. Сорока билобока на порогъ скакала, госьтіей скликала, кашу ворыла, дитокъ кормила.

111. Люляй, люляй, очки стуляй (Колыб. прип.).

112. Кумъ! кума! Дэ была? — Пудъ лавкою, накрылася копанькою. (Передразниваніе лягушекъ).

113. Ви́лу-ви́лу! Лупи кобылу! Коня! (Иволга).

114. Сиджу́! сиджу́! Подполю, подполю! (Перепелка).

115. Зазуля каже: купивъ, купивъ, а ворона каже: укравъ! укравъ! Ворона—моськовська зазуля, бо москалі́е якъ стояли по хата́хъ, то часто крали, бо имъ сторшина́ мало давала йіесьти.

116. Оче-нашъ, батько нашъ, куріей кравъ, въ ступу складавъ, канчуко́мъ бивъ; канчу́къ урвався и батько.... (злякався).

117. Господи, помилуй! Діедъ бабу покинувъ. Вэрнися, дидулю, по свою бабулю.

118. Амэнь! На мори камэнь. А на туомъ камэни церковка стоитъ. А въ туой церковци дякъ вэрэщи́тъ, людіей ляка́е и самъ утикае.

119. Паки, паки! дай, попэ, табаки! Сурсумъ корда! На тобіе пся морда!

Народная пародія на церковныя молитвы не имѣетъ характера кощунства надъ религіей, а только служитъ предметомъ невинныхъ шутокъ ради развлеченія. Подобнаго рода произведе-

нія народной фантазіи существуютъ и у поляковъ. Нѣсколько такихъ шуточныхъ прибаутокъ, составленныхъ по характеру и напѣвамъ костельныхъ молитвъ и набожныхъ пѣсенъ, я слышалъ въ г. Бѣлѣ, Сѣдлецкой губ. и нѣкоторыя изъ нихъ привожу, какъ образчикъ этого народнаго польскаго творчества.

120. Biegł zając przez cmętarz pogubił trzewiki,
A za to mu dał ksiądz proboszcz malowane swice.

121. Zacznimcie stukać, pukać u koscielnej budki,
A żeby nam dał ksiądz dziekan po kiliszku wódki.

122. Onego czasu, wyleciała baba z kwasu, udeżyłasię o piec, a z niej wyleciał malowany chłopiec.
A z tego chłopca-baran i owca. A z tego barana-mleko, śmietana. A z tej śmietany stał kościół murowany. A z tego kościoła żydowska szkoła. A z tej szkoły wyleciał żyd goły.
A z tego żyda wesz i gnida. A z tej gnidy wszystkie na świecie bidy.

123. Ходитъ буцёнъ по болоти,
Кличе хлопцювъ до роботы.
Хлопци кажутъ: що робити?
Буцёнъ каже: молотити.
Хлопци кажутъ: нэ хочу!
Буцёнъ каже: заплачу.
— А почу͡омъ? — Поличу́...
По рублёви заплачу. (Запис. въ Докудовѣ)

124. Я дi͡едъ зъ дi͡еда, а ты гречкосi͡ей! (Такъ нищіе по рожденію хвастаются своимъ происхожденіемъ передъ другими бѣдняками, сдѣлавшимися нищими вслѣдствіе увѣчья, старости и т. п.).

125. Сьпиваю, сьпиваю, ничого нэ знаю.
А бодай той нэ мi͡евъ, що сьпивати нэ вмi͡евъ.
(Въ Докудовѣ).

126. Мазуръ: Rusin kobyłę zadusił.
Русинъ: A polacy się zbiegli i kobyłę zjedli.

127. Шляхта—съ чого жупáнъ, съ того и плáхта.

128. Слипы́й мазу́ръ за горáми лу́питъ козу́ пазурàми.

129. Мазуръ: Rusin, ja myslałem że to pies, ale on zre w subotę słoninę jako pies.
Русинъ: Поля́къ зъйі͡евъ.... (гною) за троя́къ.

130. Мѣщанинъ: Мужикъ-соломьяны языкъ.
Крестьянинъ: Ваши языки въ мі͡эсьци — нэ маютъ чого йі͡есьци; а наши въ сэлі͡е — добры господарьі͡е.

Со времени уничтоженія крѣпостного права сословная и племенная вражда въ Забужьѣ начала ослабѣвать, особенно въ новомъ поколѣніи, не испытавшемъ власти пановъ во времена барщины; но при столкновеніяхъ и теперь все-таки обнаруживается недружелюбное отношеніе даже въ частной жизни—и нерѣдко идутъ перебранки, приведенныя выше, между полякомъ и русскимъ, между мѣщаниномъ и крестьяниномъ.

Народный языкъ очень богатъ пословицами, прибаутками, присказками. Иная говорливая баба такъ и сыплетъ разными прибаутками, поговорками и т. п.

Складъ рѣчи въ этихъ пословицахъ вполнѣ народный, и служитъ образцомъ современнаго Ломазскаго говора; а если встрѣчаются уклоненія отъ разговорной рѣчи, то очень рѣдко, какъ это видно изъ подчеркнутыхъ мѣстъ. Кромѣ народныхъ русскихъ пословицъ, въ русскомъ народѣ распространены нѣкоторыя и польскія, которыя употребляются въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя подобрать соотвѣтственной русской поговорки или пословицы. Въ послѣднія десятилѣтія, когда начала распространяться русская грамотность, то стали входить въ употребленіе и великорусскія пословицы, загадки и т. п. съ мѣстнымъ произношеніемъ. Всѣ пословицы, поговорки и т. п. записаны мною въ дер. Любенкѣ и отчасти въ пос. Ломазахъ и по происхожденію

ихъ можно раздѣлить на три группы: 1) чисто малорусскія мѣстнаго происхожденія, образовавшіяся подъ вліяніемъ народныхъ забужныхъ говоровъ. Въ числѣ этой группы встрѣчаются такія пословицы, которыя употребляются и въ Малороссіи съ небольшими измѣненіями. 2) нѣсколько пословицъ, позаимствованныхъ изъ польскаго языка и 3) пословицы, перенятыя отъ солдатъ и передѣланныя на малорусскій ладъ, согласно фонетикѣ народныхъ забужныхъ говоровъ; такихъ пословицъ помѣщено мною не болѣе 3 или 4 и онѣ очень давно стали употребляться въ народной рѣчи: еще въ 60-хъ годахъ я ихъ слыхалъ въ дер. Любенкѣ и Ломазахъ. Въ настоящее время посредствомъ русской школы очень много уже позаимствовано въ Забужномъ краѣ подобнаго рода изреченій изъ учебниковъ и изъ книгъ для народнаго чтенія.

III. НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Народныя пѣсни данной мѣстности, какъ это справедливо замѣчено этнографами, не могутъ вполнѣ служить образцомъ мѣстнаго говора, такъ какъ онѣ сложились по большей части подъ вліяніемъ другихъ говоровъ въ мѣстностяхъ иногда довольно отдаленныхъ. Существующія народныя пѣсни въ Ломазскомъ приходѣ и въ другихъ мѣстахъ Забужья поются малоруссами Юго-Западнаго края; но нѣкоторыя пѣсни, очевидно, мѣстнаго происхожденія, такъ какъ по складу народной рѣчи и особенностямъ ея формъ весьма близки къ подляшскимъ говорамъ. Звуковыя особенности Ломазскаго говора въ большинствѣ случаевъ соблюдаются во всѣхъ малорусскихъ пѣсняхъ какого бы онѣ ни были происхожденія. Для сравненія стихотворной рѣчи съ разговорной привожу нѣсколько народныхъ пѣсенъ, слышанныхъ мною въ Ломазахъ и Любенкѣ въ 60-хъ годахъ прош. ст.

1.

Ой, коля́да, колядѝця!
Да́йтэ ма́чку и кути́цю́.
Якъ нэ да́стэ, откажѝетэ,
Мои́хъ ну͡ожокъ нэ зябѝетэ:
Я дити́нка маленька́я,
Моя́ ну͡ожка босэнька̀я.
Мыкъ, мыкъ, да́йтэ колядни́къ
Пи́льно! бо въ но́чи зи́мно!

Въ этой колядкѣ, какъ во всѣхъ почти народныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, встрѣчаются неправильныя ударенія: въ живой рѣчи говорится: мачку̀, дастэ́, маленька, босэ́нька, коляда́.

2.

А въ нашéи попади, попади, попади
Три кутаса назáди, назáди е.
Добре зъ ею гуля́ти, гуля́ти, гуля́ти,
Бо е за що трима́ти, трима́ти, е.

Въ разговорной рѣчи слѣдуетъ сказать: въ на́шеи, назáди, гуля́ти, трима́ти. Вообще, очень рѣдко встрѣчаются малорусскія пѣсни безъ погрѣшностей противъ ударенiй.

3.

(Варіантъ украинской пѣсни).

По-пудъ гаемъ, гаемъ, гаемъ зэленэнькимъ,
Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорнэнькимъ.
Орала, орала, нэ вмила орати,
Той найняла козачонька у скрыпоньку грати.
Козачонько грае, очками моргае.

Лихо ёго батько знае, чого вуонъ моргае:
Чи на мои волы, чи на мои кони,
Чи на мое бієлэ **личко**, чи на чорны бровы.

Пѣсенныя формы выраженій: дивчинонька, козаченько, скрыпонька употребляются въ живой рѣчи въ другой формѣ: дієвчина, козачóкъ, скры́почка. Слово **личко** въ Ломазскомъ говорѣ вовсе не употребляется, а замѣняется словомъ тваръ изъ польскаго twarz. Вмѣсто выраженія: у скрыпоньку грати въ Ломазахъ говорятъ: на скрыпочци грати. Вслѣдствіе неправильныхъ удареній въ нѣкоторыхъ словахъ дифтонги исчезаютъ, какъ напримѣръ: **дивчинонька**, не **вмила** вмѣсто дієвчина, не вмієла.

4.

(Варіантъ украинской пѣсни).

Тамъ дэ **гора** круто вьетьця, (Въ укр. Горынь)
Тамъ быстра тэче вода,
Тамъ **дивчина** **красолица** хороша и молода.
Въ насъ дивчата всіе хороши:
Коса зъ довгимъ волосомъ,
Очи кары, бровы чорны, **лицо** якъ кровъ зъ молокомъ.
Якъ погляне милымъ окомъ,
Якъ **ся** щиро засміе,
То ажъ сэрцю легче станэ, ажъ **ся** сэрце радуе.

Слова — красолица и лицо въ Лом. рѣч. не сущ. **Ся** всегда стоитъ въ концѣ глагола и только въ выраженіяхъ, заимствованныхъ изъ польскаго языка, ставится впереди глагола.

Прилагательныя съ оконч. на ый, какъ напр.: молодый въ Лом. говорѣ съ краткими окончаніями не употребляются, и всегда говорятъ: молодая, рабая, старая, слипая, глухая и т. п.

Итакъ, почти въ каждой малорусской пѣснѣ замѣчаются тѣ или другія уклоненія отъ Ломазской рѣчи. Въ слѣдующихъ пѣс-

няхъ, чтобы избѣжать подстрочныхъ примѣчаній, я только буду подчеркивать пѣсенныя формы и слова, не употребляемыя въ Ломазскомъ говорѣ.

5.

(Отрывокъ).

Поіехавъ милы по журавлины,
Погубивъ коники, Боже муой милы.
А ни стэженьки, ни дороженьки:
Ой пуйду-жъ я до вороженьки.

6.

(Вар. укр. пѣсни. Отрывокъ).

Не ходи, Грыцю, той на вэчерницю, (вэчуркй)
Бо на вэчерници діевки чорувници.
Котра дивчина чорнобрывая, (котрая)
Той чарувниця справэдливая

7.

Подъ дубиною, подъ зэлёною,
Тамъ сидивъ голубъ зъ голубиною. 2 (голубка)
Сидіели собй, розмовлялися,
Бѣлыми крыльми обнималися. 2
Ой вышовъ стрэлець, ставъ коло дуба:
Злапавъ голубку, забивъ голуба. 2

8.

(Отрывокъ).

Журилася попадя своею бидою:
Бѣдна-жъ моя головонька, що пуопъ зъ бородою.

Охъ мэ**ни** тяжко, охъ мэ**ни** нудно, (мнѣ)
Що пу͡опъ зъ бородою жити мнѣ͡ трудно.
Ой пуйду я до **владыки**, буду **го** просити, (ёго)
Щобъ позволивъ мому попу бороду голити. (моёму
Охъ мэни тяжко, охъ мэни нудно, [попови)
Що пу͡опъ зъ бородою жити мнѣ͡ трудно.

9.

(Варіантъ укр. пѣсни).

И шумитъ и гудэ, дру͡обны дощикъ идэ,
А хто-жъ мэнэ молодую до дом**оньку** довэдэ. 2
Одозвався козакъ на солодкомъ мэду:
— Гуляй, гуляй, дивчин**онько**, я до дому довэду. 2
Нэ вэди ты мэнэ, не прошу я тэбэ,
Бо я маю злого мужа — будэ бити мэнэ. 2
— А я мужа нэ бою**сь** и я мужу покло**нюсь**;
Мужъ тое подаруе и табачкой почастуе. 2

10.

(Варіантъ украинск. пѣсни).

Чумаче, чумаче, чого зажурився?
Чи волы пристали, чи зъ дороги збився?
— Волы нэ пристали, зъ дороги нэ збився:
Того зажурився — бэзъ доли родився.
Доля-жъ, моя доля, нэщасная доля!
Чомъ ты нэтакая, якъ доля чужая!
Ту͡олько въ мэнэ доли, що чорныи бровы,
Ту͡олько въ мэнэ пары, що очи**ци** кары.

11.

(Отрывокъ. Варіантъ укр. пѣсни).

Горэ мое, горэ, нэшасная доле!
Ой ззорала дивчи**нонька** мысле**ньками** поле. 2
Чорными очима той заволочила,
Друбнэнькими слёзо**ньками** все поле зросила. 2
Полетіела-бъ пти**цёй**, якъ бы міела крыльця.
Ой ужъ нэма и нэ будэ мого чорнобывця. 2

12.

(На Го́готы).

Василёва мати пошла гоготати.
Гу, гу! дайтэ того, що на рогу:
Кишки, колбаски, що зъ вашеи ласки.

13.

(Изъ временъ панщины).

А нашъ око́монъ гуорши собаки,
Нэва́ртъ и рожка табаки:
И кричитъ, и лае,
И обіедати нэ дае.

Бода́й пана кули били,
Якъ мы руки потомили.
Бодай пана громы били,
Якъ мы ноги потомили. (Въ Докудовѣ)

14.

Вже мы жита дожали, дожали,

И снупочки звязали, звязали.
Дожали жита до згу͡орка, до згу͡орка,
А панъ окомонъ дозу͡орця, дозу͡орця.
Дожали жита до ярки, до ярки,
Дасць панъ горі͡елки дві͡е кварты, дві͡е кварты.

15.

(Отрывокъ — Варіантъ укр. думы).

Ой бывъ Сава въ Нэмирови
Въ ляху͡овъ на обі͡еди.
И нэ знае, нэ видае (нэ ві͡едае)
О своюо͡й бі͡еди (о бидіе).
«Сидлай, хлопче, сидлай малый,
Коня вороного:
Пойі͡едюмо мы до дому,
Хочь насъ и немного» (немну͡ого).
Йі͡еде Сава зъ Нэмирева
На воронуо͡мъ коню, (конёви)
Пытаетьця челядоньки:
«Чи всэ гораздъ дома».
Гораздъ, гораздъ, панэ Саво!
Усэ хорошенько; (добре)
Выглядаютъ изъ зза горы
Козаки частэнько.
Сидитъ Сава коло стола
И листоньки пише, (листы)
А Савиха на лужечку
Дитину колыше.

Эту думу объ атаманѣ Савкѣ я слышалъ въ Любенкѣ въ 60-хъ годахъ.

Народныя пѣсни, записанныя въ дер. Любенкѣ въ 1900 году[1]).

16.

А у поли два тополи, яворъ зэлэненьки,
Не женися, муой сыноньку, бо щесь молодэньки.
— Жебъ ты мати тое знала, що кохане може,
То-бъ ты сама и сказала: «женися нэбоже!»
Жебъ ты мати знала, котора мнiе мила,
Была бысь мэнэ въ сiемъ лiетъ оженила.
А въ Дунаю, Дунаю рыбка рыбку ловитъ,
То такъ мила по милому бiелы ручки ломитъ.

17.

Подъ вишнею, подъ черешнею, тамъ муой милы лежитъ:
Ой зажурывся на бiедну головку, що головка болитъ.
Болитъ мэнэ той головонька, самъ нэ знаю чого.
Ой полюбивъ я хорошу дивчину, самъ нэ знаю для кого.
А въ суботоньку по нэшпороньку друобны дощикъ им-
Ой уже моя хороша дивчина по водицю бижитъ. [житъ,
Ой и прибiегла той подъ оконьце на дзень-добры дала.
Ой дзень-добры, хлопчино надобны, уже я не твоя.
А въ понэдилоньку той порановьку два орлы воду пьютъ,
Ой уже мою хорошу дивчину до шлюбоньку вэзутъ.
Едёнъ вэдэ за рученьку, а други за рукавъ,
А мнiе самому сэрце ся крае, що любивъ, а не взявъ.

18.

Пэрэстань нэщасны думку думати:
Покинь нэлюбу тую кохати,

1) Эти пѣсни сообщилъ мнѣ крестьянинъ дер. Любенки Степанъ Ярошукъ.

А возьми тую, що тэбэ любитъ,
Прэдъ ці͡елымъ сві͡етомъ тэбэ голубитъ.
— Ты-сь присягався пэрэдо мною,
Твоя присяга пэрэдъ тобою.
Ты о присягу свою нэ дбаешь,
Гиншую любу ты собі͡е маешь.
Тэпэръ я скажу сві͡ету усёму,
Жебъ не ві͡еривъ нихто никому,
Ой бо я сама того дознала,
Що нэвирного ві͡ерно кохала.
Пуйду, я пуйду у лі͡есъ-лисочки,
Дэ зацвитаютъ красны цвиточки.
Съ кимъ я ходила, съ кимъ говорила,
Не злучивъ Панъ-Бу͡ъ кого любила.
— Пэршу я тэбэ въ сві͡ети познавъ-емъ,
Надъ свое жице тэбэ кохавъ—емъ.
Пріймн мэнэ люба, пріймн мэнэ мила,
Якъ ты нэ пріймэшь, пріймэ могила.
Давъ-есь ся, Боже, намъ ся познати,
Чомъ же нэ судишь намъ ся побрати?
Чомъ же нэ судишь, чомъ же нэ злучишь?
Нащо насъ, Боже, такъ довго мучишь?

19.

Ой плыли гусоньки быстрою водою,
«Ой що ты, дивчино, вдумала зо мною!»
— Ой таки я нэразъ нэ два съ тобою стояла,
Ой таки я тоби правды нэ сказала.
Тогды я тоби усю правду скажу,
Якъ твою рученьку изъ моею звяжу.
Ой стала дивчина рэвнэнько плакати.
«Мысли, мои мысли, нащо ві͡ете вышли,
Подъ моимъ оконьцёмъ стоитъ коникъ быстры,

Стоитъ коникъ быстры изъ быстрого строю.
Ой що ты, дивчино, вдумала зо мною»!
— Думала, гадала въ Дунай утонути,
Нижели нэлюбому за милую быти.
Въ Дунай утонути, то воды напьюся,
За нэлюба пуйду — навіеки втопьюся.
Думала-гадала гуорки полынъ йіести,
Нижели зъ нэлюбомъ за столикомъ сіести.
Думала-гадала гороньку скопати,
Нижели зъ нэлюбомъ до шлюбоньку стати.
Гороньку скопавши, сяду отпочину,
За нэлюба пуйду, навіеки загину.

20.

Зайиздивъ коника, зайиздивъ другого,
«Ой скажи, дивчино, чи що будэ съ того?
Ой чи будэ съ того, або ніе?
Скажи, діевче, правду щіеру мніе!»
— Я тобіе казала и твоёму роду:
Нэ ходи до мэнэ, нэ роби заводу,
Бо въ мэнэ посагу нэ будэ,
Возьмутъ и такъ мэнэ добры людэ!
—«А мніе посагу твоёго нэ трэба,
Дасць намъ Панъ-Буґъ зъ высокого нэба.
Ты-сь у мэнэ посагъ самая,
Якъ на нэби зора ясная!»
— Ты топіеро кажешь, що я зора ясна,
А потымъ ты скажешь: доля нэщасна;
А якъ ты нэ скажешь, то мати:
Было убогои нэ брати.
«Мати, моя мати нэ будэ казати,
Кого я полюбивъ, того мушу взяти,
Дасць намъ Панъ-Буґъ за тое,

Що мы побэрэмося обое».
— Тэпэрь мэнэ бэрэшь самъ бачишь якую:
Хорошу, здорову на всю͡омъ прибраную;
А борони, Боже, нэдуги—
Будэшь ся дивити на други.
«Скарай мэнэ, Боже, на гладкуй дорози,
Если я помыслю о другуй нэбози;
Скарай мэнэ, Боже, на коню,
Если я помыслю о кому».
Выйихавъ хлопчина на ростанну дорогу,
Зламавъ коникъ шію, а соби той ногу.
Ой то тобі͡е, хлопчино, за тое,
За твое кохане другое.

Варіантъ этой пѣсни я слышалъ въ 70-хъ годахъ въ пос. Воинѣ, Радинск. у., Сѣдл. губ.

21.

Дивчинонька по грибы ходила,
Въ зелёному гаю заблудила.
Приблудила вона къ зэлёному дубу;
То тутъ тэпэръ ночовати буду.
Я думала, що дубъ зэленэньки,
А то стоитъ хлопэць молодэньки.

22.

Ой ты, дивчино чорнобрывая!
Чаровниченка справэдливая:
Очаровала ты мою душу,
Тэпэръ я тэбэ любити мушу.
Ой пуйду, я пуйду у лі͡есъ-лисочки,
Дэ зацвитаютъ красны цвиточки.
Ой пуйду, я пуйду у лі͡есъ-лищину,

То тамъ зобачу хорошу дивчину.
А я то думавъ, що то дивчина,
А то красива червона калина.

23.

Пошла дивчина до Ломазъ гуляти.
Ой лю-ли, ой лю-ли! до Ломазъ гуляти.
Нашла вона соби той три салдаты.
Ой лю-ли, ой лю-ли! той три салдаты.
А тыи солдаты, всіе̂ три нэженаты.
Ой лю-ли, ой лю-ли! всіе̂ три нэженаты.
А тыи солдаты пошли турка воёвати.
Ой лю-ли, ой лю-ли! пошли турка воёвати.
Ой выходь же, выходь турецькая баша.
Ой лю-ли, ой лю-ли! Туреччина наша!

Эта пѣсня сложена во время русск.-тур. войны въ 1878—79 г.

Въ Ломазскомъ приходѣ въ настоящее время мало сохранилось народныхъ малорусскихъ пѣсенъ; прежде ихъ было гораздо больше: еще въ 60-хъ годахъ я слышалъ въ Любенкѣ до 60 пѣсенъ—по большой части варіантовъ украинской народной поэзіи. Причина оскудѣнія народнаго творчества кроется въ религіозномъ состояніи мѣстныхъ жителей, находившихся продолжительное время подъ сильнымъ вліяніемъ уніатскаго и католическаго духовенства, неблагосклонно смотрѣвшаго на народныя вѣрованія и пѣсни: оно постоянно внушало народу, что пѣть мірскія пѣсни грѣшно, и старалось замѣнить ихъ религіозными польскими пѣснопѣніями. И теперь часто можно слышать, какъ въ лѣсу, полѣ и въ домахъ раздаются костельные гимны. Но, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства для народной поэзіи, все-таки существуютъ малорусскія пѣсни, хотя и въ ограниченномъ количествѣ, а въ послѣднее время даже сложились и новыя пѣсни, которыя по своему складу

и содержанію, нѣсколько отличаются отъ старыхъ, существовавшихъ въ крѣпостное время.

Пѣсни въ селѣ Докудовѣ, Бѣльск. уѣзда[1]).

24.

1) Свадебныя.

Ой короваю, короваю!
Мнуо̀го на тэбэ кошту трэба:
Корэць мучици пшеничной,
Цэбэръ водици крыничной,
Пувкопы яець одъ молодыхъ курі̀ей,
Фасу масла одъ яловыхъ коровъ.

25.

Ой выйдь, мати, съ хаты
Свого зятя витати.
Выйди, батьку, съ хаты
Свого зятя витати.
Выйди, мати, зза пэчи,
Возьми зятя за плечи.
Выйди, батьку, зза пэчи,
Возьми зятя за плечи.

26.

Ой свату, свату! росточи хату!
Росточи хату, росточи сі̀ени,
Жебъ усі̀е пэрэзвы сі̀ели.

1) Записаны мною въ 1900 г. отъ крестьянки сел. Докудова Софіи Борисюкъ.

Калиною вытыкана,
Щi͡эрцёмъ высыпана.

27.

Ой казали намъ людэ, 2.
Що намъ чесци нэ будэ.
Намъ чесци задосыть
ґарцёмъ горi͡елку носить,
То ґарцёмъ, то фляшками,
То биленькими талирками.

28.

Ой уже мы пойi͡едюмо,
Тэбэ молоду покинюмо:
Трэба тоби рано встати
И свэкрухи запытати,
Що на раночко зготовати:
Чи куратину, чи гусятину,
Чи биленькую лебэдину.

29.

Свашка коровай крае,
Бо гострый ножикъ мае,
То въ кишку, то въ кишеню
Для мужика на вэчеру.

30.

Ой бi͡егъ зайчикъ черэзъ гайчикъ до ру͡овця,
Нэ выдайи, моя матю͡онко, за вдовця,
Бо у вдовця лихiи слувця у ёго,
Той позбудуся здоровечка своёго.

31.

Ой доброго я роду,
Пью горі͡елку, якъ воду.
Мэнэ пиво заморозило:
Мні͡е горі͡елки дайтэ.
Мні͡е горі͡елка не поможе:
Мні͡е хлопця шукайтэ.

32.

Ой горохъ! 2 самы лопаточки,
Выдопкала черэвички самы перэдочки.
Ой горохъ! 2 нэ люби насъ разомъ двохъ:
Люби мэнэ самую, пуки тэбэ шаную.

33.

Ой у клуни два каплуны жито молотили,
На улици дві͡е курыци до млина носили.
Козёлъ мэле, козёлъ мэле, баранъ росчиняе,
А маленькое козэнятко муку нагортае.
Муха мі͡еситъ, муха мі͡еситъ, комаръ воду носитъ,
Молодая дивчинонька на весі͡еле проситъ.

2) *Весеннія пѣсни, распѣваемыя дѣвушками со второго дня Пасхи до Ѳоминой недѣли.*

34.

А пудъ синьми, пудъ новэнькими,
Висятъ винки зэленэнькіи,
Туды йі͡ехавъ Василько до ді͡евки.

Хочъ доставай, нэ доставай канчукомъ вiенки,
Нэма тобiе Докудовськои дiевки.
Пойiедь соби до Дубровища,
Тамъ для тэбэ естъ старыи вдовища;
Пойiедь соби до Дубровы,
Тамъ для тэбэ старыи вдовы.

35.

Пуйду я въ садочокъ, зробью холодочокъ:
Посаджу Василька коло ягудочокъ.
А Василько рады и въ долони плеще:
Poczekaj Kasiuniu: dam busieńkî jeszcze.

36.

Ой летiели галоньки,
Грай, морэ радомóе[1]),
Ой летiели чорнэньки.

Хто по грошу, хто по два,
Грай, морэ радомое,
Хто по грошу, хто по два.

А Сидуорко найбуольшъ давъ,
Грай, морэ радомое,
Бо Галоньку сподобавъ.

Просилася Галонька,
Грай, морэ радомое,
Просилася чорнэнька.

Пусти мэнэ молоду,
Грай, морэ радомое,

1) Вмѣсто радомое (?), иногда поютъ—«водяное».

До моёго роду.

Русу косу роспущу [1]),
Грай, морэ радомое,
Тогды сама нэ схочу.

Бо дивоньки нэ пріймутъ,
Грай, морэ радомое,

Зъ руты виночка нэ вьютъ.
Грай, морэ радомое,
Дивонькою нэ назвутъ.

37.

Ой пуйду я въ поле по зіе͡ле зэлёное:
Увью я виночокъ для докудовськихъ дивочокъ.
Въ Докудови дивоньки, якъ на нэби зороньки;
Въ Докудови молодци, якъ на нэби мисяци.
Ой пуйду я въ поле, хорошенько вбэруся,
Ой то скажутъ людэ, що я ничимъ нэ журуся.

38.

Ой пуйду я ззаду, посіе͡ю росаду:
Вже моя росада густэнько зыходитъ,
Вже моимъ ворожкамъ на згибэль приходитъ;
Вже въ моюо͡й росади широки листочки,
Вже въ моихъ ворожкувъ болятъ животочки;
Вже моя росада у головки вьетьця,
Вже моимъ ворожкамъ на згибэль кладэтьця.

---

1) Иногда въ словѣ «русу» первое у замѣняютъ звукомъ о: росу косу.

39.

Гордая рожа, гордая,
Коло горуо̂дця стояла;
Похилилася въ горуо̂дэць,
И нашъ Ясюлё молодэць
Бэрэ Марысю, йдэ въ танэць.
— Иди, Марысю, зо мною:
Будэшь моею жёною;
Будэшь же ты мнiе̂ женочка,
Моюо̂й матюо̂ньци вирночка;
Будэшь же ты мнiе̂ вирити,
Моюо̂й матюо̂ньци служити.

40.

Ой ты, рута зелёная,
Якъ у тэбэ вэрхи гнутьця.
Ой ты, Вlянко молодая,
Якъ за тэбэ хлопци бьютьця.
— Нэха́й бьютьця, погодятьця;
Нэхъ на мэнэ нэ надятьця,
Бо я вэликого росту,
То я пуйду за старосту,
За старосту старэнького,
За писара молодого.
Ой же ты, муо̂й писарёньку!
Выпиши мнiе̂ сукононьку.
— «Я якую»? — Зэленую,
Той на мэнэ молодую.

41.

Ой пуйду я по-надъ риченькою, млинъ мэле, млинъ мэле.
Ой нагнивався муо̂й батэнько на мэнэ, на мэнэ:

Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свого батэнька на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивалася моя матюонка на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свою матюонку на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивався муой братичокъ на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свого браточка на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивалася моя сэструонка на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, вина двіе, вина двіе;
Пэрэпрошу я свою сэструонку на виніе, на виніе.

Ой пуйду я и т. д.
Ой нагнивався муой миленьки на мэнэ, на мэнэ:
Ой поставью я бочку мэдочку, смолы двіе, смолы двіе;
Пэрэпрошу я свого милого на смоліе, на смоліе.

42.

Ой чіи-то конопэльки въ ліеси?
И чійи-то нэдорослыи?
Янулёвы конопэльки въ ліеси нэдорослыи.
Ой воліевся-бъ я Марыську брати,
Нижи тыи конопэльки рвати;
Конопэльки рвати, мочити,
А Марысю въ танэць водити.
Конопэльки трутьця, мнутьця,
А за Марысю хлопци бьютьця.

43.

Куе зазуля, куе рабэнька, по саду летаючи,
А въ бору, при бору три сады зацвило,
Червона калина, що въ бору шумі͡ела.
А въ пэршумъ садочку зазуленька куе,
Бо лі͡этэчко чуе,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
Зазуленька куе, бо лі͡еточко чуе,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
А въ другумъ садочку солові͡ей щебэче,
Бо до саду хоче,
А въ бору, при бору и т. д.
Червона калина и т. д.
А въ трэтюмъ садочку дивонька плакала,
За старого йдучи, винокъ зъ рутки вьючи,
А въ бору, при бору три сады зацвило,
Червона калина, що въ бору шумі͡ела.

44.

Тамъ коло гаю той походжаю, а въ гаю нэ бываю,
О я до тэбэ, сэрцэ дивчино, свататися думаю.
«Хочъ сватайся, хочъ нэ сватайся, нэ оддасць мэнэ моя мати.
Ой рости, коса, той до пояса, ще я буду гуляти.
Ай бо въ павича золотыи крыла, а въ павички косы,
И нэ зажіе жадна дивчина за гультаёмъ роскоши».

45.

Ой чи то я нэ попова дочка?
Ой чи то я нэ роботочка?

На припичку огонь клала,
А на пэчи кросна ткала;
А якъ прибі͡егли хлопченятка,
Похапали клубченятка.

46.

Ой вырости, кропэ, вырости зелёны,
Вышше мого города! 2.
Нэ ходи стары, нэ ходи нэвдалы,
Коло мого двора! 2.
Бо я тэбэ стары, я тэбэ нэвдалы
Зъ давныхъ лі͡етъ нэ любью. —
Тоби до шапчища — щапчище натыканэ;
Тоби до пальтища — пальтище ободранэ.

47.

Ой пуйду я рапкомъ до дi͡евки,
Чи нэ купитъ тэща горi͡елки?
Бодай была тэща здорова:
Будэ въ мэнэ ву͡олъ и корова.
Буду воломъ на хлi͡ебъ робити,
Чорнымъ конёмъ дрова возити.

48.

Ой пуйду я по-надъ лугомъ,
Тамъ му͡ой милы орэ плугомъ.
Ой занэсу ёму пити,
Чи нэ будэ говорити;
Ой занэсу ёму i͡есьци,
Чи нэ скаже ву͡онъ мнi͡е сi͡есьци
Ву͡онъ напився и наi͡евся,

Коло плуга положився.
— Чого лежишь? чомъ нэ орэшь?
Чомъ до мэнэ нэ говоришь?
«А я лежу, розмышляю:
Нэ до мысли жуонку маю».

49.

Ой пуйду я до дубровы,
Ой вытну я кій дубовы:
Буду бити, мужа карати,
Жебъ нэ ходивъ до корчмы гуляти.

50.

Горошкова жона 2
Нэ ночовала вдома: 2
Три днiе въ корчмiе пила, 2
Горошка загнивила. 2
— Горошку, муой муженоньку! 2
Нэ би мэнэ въ головоньку!
Тогды будэшь бити, 2
Якъ я въ корчмiе буду пити.
Би мэнэ дубиною,
Би мэнэ бэрэзою,
Жебъ я была твэрдою; 2
Би мэнэ жердкою, 2
Жебъ я была вэрткою. 2

51.

По холодѣ въ лѣсѣ по маёвой росѣ,
Иззору долиноньку по холодѣ въ лѣсѣ по маёвой росѣ.
Якъ засiэю, заволочу по холодѣ и т. д.
Вже моя травонька сходитъ по холодѣ и т. д.

Зэленушки [1]) фартушочёкъ по холодѣ и т. д.
Доздревушки килишёчокъ по холодѣ и т. д.
Буду я сушити, свэкруху труити по холодѣ и т. п.
Свэкруху продавати по холодѣ и т. д.
Свэкорка набывати по холодѣ и т. п.

52.

Ой плывэ човничокъ одъ рi͡ечки до рi͡ечки,
Ой плакавъ Василько по Уляньци дi͡евци.
Вже твоя дивонька росла, пэрэросла,
А мнi͡е трэба барзо робочои —
Жебъ кросна поткала и хуста попрала,
И пэчи напалила, i͡есьци наварыла,
Челядь накормила, въ поле выдадила.

53.

Ой розвивайся, зэлёна дуброва!
Куды тыи казаки идутъ, молодыи жомi͡ерэ.
Дэ слезонька канэ, бi͡елы камэнь станэ,
Пудъ нимъ рута зэлёна, на ю͡омъ рожа червона. [2])
И батэнько стоитъ и коника дэржитъ
Свому сынку на вуйну, на чужую сторону.
Ой розвивайся, зэлёна дуброва! и т. д.
И матю͡онка стоитъ и шапочку дэржитъ
Свому сынку на вуйну, на чужую сторону.
Ой развивайся и т. д.
И сэстру͡онка стоитъ, кошуленьку дэржитъ
Свому брату на вуйну, на чужую сторону.

---

1) Зеленець-зеленушка = неспѣлые плоды, ягоды.

2) Въ этой пѣснѣ первые 4 стиха повторяются въ началѣ каждаго куплета.

54.

Ишли дивоньки черэзъ бу͡оръ,
На ихъ сукенки въ дэвьять пу͡олъ.
Стали сукенки маяти,
Стала дуброва горі͡ети; 2
Стали дуброву гасити,
Кубочкомъ воду носити. 2
Ку͡олько кубочкувъ водици,
Ту͡олько въ дивонькахъ правдици. 2
Ишли молодци черэзъ бу͡оръ,
На ихъ сукманы въ дэвьять пу͡олъ.
Стали сукманы маяти,
Стала дуброва горі͡ети; 2
Стали дуброву гасити,
Рэшетомъ воду носити. 2
Ку͡олько въ рэшети водици,
Ту͡олько въ молодцяхъ правдици. 2

55.

Ой положу я кладку вэрбову,
Часъ вамъ дивоньки до дому.
А ты, Улянко, тутъ зостань, 2
Прі͡іедэ ґмитрусё, ручку дай; 2
Привэзэ хустоньку зъ лилі͡еи, 2
То тобі͡е, Улянко, къ нэді͡ели; 2
Привэзэ ґмитрусё хустоньку исъ проса,
То тобі͡е, Улянко, до носа.

56.

Ой ты, травко, чомъ ты нэсухая?
— О якъ маю сухого быти,

Коли мэнэ сьвини нэ порыли.
Чомъ ты, травко, такая сухая?
— О якъ я маю нэ сухою быти,
Коли мэнэ сьвини порыли,
Стары бабы ядвабными паньчушками ходили.
Ой ты, травко, чомъ ты нэзэлёная?
О якъ я маю зэлёною быти,
Коли мэнэ сьвини порыли
И стары бабы ядвабными панчушками ходили.

57.

Поіехавъ Ясюнё на воёванечко,
Гей зъ нами, на воёванечко.
Покинувъ Касюню на годованечко,
Гей зъ нами, на годованечко.
Матуню, матуню, годуй мніе Касюню,
Гей зъ нами, годуй мніе Касюню.
Давай юой іести пшеничного хліеба,
Гей зъ нами, пшеничного хліеба.
Клади еіе спати въ пуховы пэрыны,
Гей зъ нами, въ пуховы пэрыны.
Матуня Касюни того нэ робила,
Гей зъ нами, Касюню морила.
Прііехавъ Ясюнё изъ воёванечка,
Гей зъ нами, изъ воёванечка.
Матуню! матуню! живая, здорова?
Гей зъ нами, живая, здорова.
Чи Касюня дома?
Гей зъ нами, Касюня дома.
Твоя Касюня вэлика роспусниця.
Гей зъ нами, вэлика роспусниця,
Зъ двороками спала, постэль змарновала,
Гей зъ нами, постэль змарновала.

Матуню, матуню! що ю͡ой зробити?
Гей зъ нами, зробити.
Вывэдь на гулоньку, сьтни ю͡ой головоньку,
Гей зъ нами, головоньку.
Дэ головка впала, тамъ церковка стала,
Гей зъ нами, тамъ церковка стала.
Дэ нуженьки впали, тамъ орґаны грали,
Гей зъ нами, тамъ органы грали.
Дэ рученьки впали, тамъ сьвичи палали,
Гей зъ нами, тамъ сьвичи палали.

58.

Черэзъ наше сэло дэрэво вэзёно,
Гей зъ нами, дэрэво вэзёно.
Дэрэво вэзёно, коло малёвано,
Гей зъ нами, коло малёвано.
Вымалёваныхъ два мисяци ясныхъ,
Гей зъ нами, два мисяци ясныхъ.
Два мисяци ясныхъ, дві͡е дивоньки красныхъ,
Гей зъ нами, дві͡е дивоньки красныхь.
Пэрша дивонька молода Марыся,
Гей зъ нами, молода Марыся.
Друга квитонька молодый Юзюнё,
Гей зъ нами, молодый Юзюнё.
А Юзюнё каже: «я Марысю любью,
Гей зъ нами, я Марысю любью.
Я Марысю любью, до церковки пуйду,
Гей зъ нами, до церковки пуйду.
До церковки пуйду: зъ ею шлюбикъ возьму,
Гей зъ нами, зъ ею шлюбикъ возьму».

3) *Пѣсни, которыя поются на вечеринкахъ и во время полевыхъ работъ.*

59.

Сьпиваю, сьпиваю, свое горэ тi͡ешу,
Зайду до домоньку, на кулокъ повi͡ешу.
Повi͡ешу, повi͡ешу догорi͡е ногами,
Самъ буду жити мижи ворогами.
Куколю, Куколю, нэ ходи по полю,
Нэ моргай очима, нэ твоя дивчина.
Коло тэбэ сиджу, тэбэ нэнавиджу.
Коло тэбэ стою, съ тэбэ дурня строю.

60.

Ой пудъ вишнею, подъ черешнею,
Тамъ му͡ой милы лежитъ.
Ой зажурився молодый Стэпанко, що головка болитъ.
Ой болитъ мэнэ той головонька,
Самъ нэ знаю чого.
Ой полюбивъ я хорошу дивчину,
Самъ нэ знаю для кого.
Ой чи попови, чи дякови
Суди, Боже, е͡ie;
Ой якъ якому той гультаёви,
Зжалься, Боже, е͡ie.

61.

Я въ сэрэду родилася, горэ, мое горэ!
Нэ пуйду я за старого, бородою коле.
Пуйду я за такого, що нэ мае усувъ:
Ву͡онъ до мэнэ заговоритъ, а я засьмiюся.

62.

Калиноньку ломаю — на зиму ховаю.
Чужихъ хлопцювъ любью, своёго нэ маю.
Калиноньку ломаю, бэрэзонька гнетьця.
Чужихъ хлопцювъ любью, свого нэ хочетьця.

63.

Кличе голубъ голубочку,
Якъ нэ свою, то чужую:
«Ходи, сэрцэ, поцилую»
— Нащо маешь циловати,
Сэрцю туги задавати;
Нэ задавай сэрцю туги,
Нэ возьмэшь ты, возьмэ други.
Якъ мы ся кохалися —
Всіе вороги смутилися;
А якъ мы ся пэрэстали —
Всіе вороги радовались.

64.

Черэзъ садъ-виноградъ по воду ходила,
Чомъ мэнэ той нэ взявъ, що его любила.
Черэзъ садъ-виноградъ жену я индыки,
Туды душа моя горитъ, дэ граютъ музыки.
Черэзъ садъ-виноградъ жену я тэлята,
Туды душа моя горитъ, дэ скачутъ дивчата.
Коли хочь, пэрэскочь, вырви соби мнятки,
Коли хочешь мэнэ взяти, запытайся матки.

65. (Отрывокъ).

Вэльможная пани талярами сыпье —
«Кидай, Пэтрусю, жита молотити:
Иди до мэнэ мі͡едъ—вина пити»!
Вэльможная пани талярами сыпье —
«Кидай, Пэтрусю, стодолы — оборы,
А йди до мэнэ въ новыи покои»!
Покинувъ Пэтрусё жито молотити,
Пошовъ до ей мі͡едъ-вина пити.

66.

Дэ тая ричинонька, що я въ ю͡ой купався?
Дэ тая дивчинонька, що зъ ею кохався?
Вже тую ричиноньку голубы выпили,
Вже твою дивчиноньку гиншіи полюбили.
Вже тую ричиноньку щирцёмъ высыпали,
Вже твою дивчиноньку зъ гиншимъ звинчали.
Вже тая ричинонька травицею заросла,
Вже тая дивчинонька за другого пошла.

67.

А тамъ у матуни за двэреньками,
Тамъ стоитъ лужечко съ пэрынэньками.
А на ту͡омъ лужечку Юзюнё лежитъ
И въ правуй ручоньци скрыпочку дэржитъ.
Ой та скрыпонька такъ хороше грае,
Ажъ примовляе.
Ой знати, знати, що ву͡онъ думае:
А ву͡онъ думае Ганулю взяти,
А Гануля молода нэ вмі͡ее жати.
—Ой жала, жала повыше сэбэ,
Нэ жала въ батенька, нэ буду въ тэбэ.

А я въ батэнька мі͡едъ—вино пила,
А въ тэбэ, гультаю, пшеницю жала-бъ

68.

Оддала мати дочку далеко отъ сэбэ,
Нэ казала ю͡ой быти сі͡емъ лі͡етъ у сэбэ.
Уже восьмы ручочокъ наступае,
Уже дочечка прилитае.
— «Ой позычу, позычу въ зазули крылець:
Ой залечу, залечу въ матю͡оньчинъ садэць—
Якъ зачну ковати, сады роскую;
Якъ зачну плакати, луги затопью».
Ой учула матю͡онка голосокъ, учула миленьки:
—Ой выйди, сынику, выйди, руднэньки!
Якъ сэстру͡онка твоя, проси до хаты;
А якъ нэ сэстру͡онка твоя, зачни стриляти.
— «Ой нэ стриляй, ру͡однэньки братику, нэ стриляй!
И ру͡однуй сэстру͡оньци двэри одчиняй!»

69.

Оп пої͡ехавъ му͡ой миленьки по сі͡ено на стэпъ,
А я тую кудэлицю пудъ лавицю тэпъ.
— Ой лежи-жъ ты, кудэлиця, опушившися,
А я пуйду до другихъ жуночёкъ вэсэлившихся.
Ой пришовъ му͡ой миленьки до хаты,
Пытаетьця своихъ дитокъ: «А дэ ваша мати?»
— Наша мати въ корчомци впилася,
И въ новэнькую комороньку спати поклалася.
«Цихте, дитки, не кричі͡етэ, нэхай мати спитъ.
А якъ придэ шинкаронька — трэба заплатить.»
—«Встаи, мила чорнобрыва! Мну͡ого напила?»
— Вчорай пила на корову, дисясь на вола;
Ходитъ пі͡евэнь по улици, стане на вола.

Вчора пила на корову, а дись на вола;
Ходитъ курка по смитнику, то корова моя.

70. (Варіантъ укр. пѣсни).

И шумитъ и гудэ, дружобны дощикъ идэ,
А хто мэнэ молодую до домоньку завэдэ? 2
Одозвався козакъ на солодкумъ мэду:
«Гуляй, гуляй, дивчинонько, я до дому завэду. 2
— Нэ прошу я тэбэ, нэ вэди ты мэнэ:
Естъ у мэнэ лихій мужъ — будэ бити мэнэ. 2
Ни за суоль, ни за суоль, ни за кварту муки;
Но за тое, но за тое, що кохала двораки. 2

71. (Варіантъ укр. пѣсни).

Якъ была вдома дивчиною, пудо мною
Зэмля тумотіела пудъ ногою;
Якъ я пошла за лихого мужа,
То я стала за рочокъ нэдужа.
«Забью, забью тэбэ молодую:
Возьму соби другую милую».
— Нэ би, нэ би мэнэ, ще я молодая:
Естъ у мэнэ дитина малая.
И якъ и забьешь, то поховай:
Выкопай мніе широку могилу,
И посади червону калину,
И вьюожь мніе вышиту сорочку,
И поховай въ вишнёвумъ садочку.
Якъ ты будэшь сыника женити,
Пришлешь калины ломити;
Якъ ты будэшь дочку выдавати,
То ты пришлешь барвиночку рвати.
Будэшь мэнэ молодую споминати,

Лю-лю, лю-лю милую дитину колыхати,
Воно будэ знати, що нэру͡одна мати.
«Встань, мила чорнобрыва,
Бо плаче твоя дитина!»

72.

Ой якъ выйду на гулоньку,
Якъ тупну, якъ гукну:
Нэхай мати почуе
И вэчереньку готуе.

73.

Ой, сама, я сама пшениченку жала,
Прихожу я до домоньку—нэма мого пана, 2
А ни мого пана, а ни слуги его,
Ой, я бі͡една дивчинонька, що нэма никого. 2
Ой, выйду я, выйду на гору крутую:
Посмотру я, погляну я на воду быструю. 2
Рыба щука грае, пару соби мае,
А я бі͡эдна дивчинонька, що пары нэ маю. 2
Ту͡олько въ мэнэ пары, що очици кары,
Ту͡олько въ мэнэ щасьця—доли, що чорныи бровы. 2

Варіантъ этотъ украинск. пѣсни я слышалъ въ деревнѣ Любенкѣ.

74 (Свадебныя).

Чомъ соловеи нэ щебэтали,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ нэ плакала, молода дивчинонько,
Якъ тэбэ заручали?
— А я молода, молодэнькая,

Я думала, що въ картоньки граютъ,
А то за мэнэ молодэнькую
Мі͡едъ—вино запиваютъ.

75.

Похилилася вэрба одъ вэрху до корэня,
Поклонилася Гануля старому, малóму
И батькови своёму.
Гануля на сту͡олъ головоньку клонитъ,
А подъ сту͡олъ свои слёзы ронитъ.

76.

Молодая Гануля по садику ходила,
Калиноньку ламала,
До личика прикладала,
Батэнька ся пытала:
— Чи я буду такая,
Якъ калина тая?
«Будэшь, дитятко, будэшь,
Поки въ мэнэ будэшь,
Бо якъ пу͡ойдэшь одъ мэнэ,
То спадэ зъ лиця краса,
Якъ одъ ві͡этру роса;
Высушитъ ві͡етёръ гороньку,
А морозъ долиноньку».

77.

Нэма ксёндза вдома,
Пої͡ехавъ до Вильбона: (Въ друг. вар. до Львова).
Ключикувъ куповати,
Церковку одмыкати,
Ганули шлюбъ давати.

Въ Докудовѣ сохранилось больше пѣсенъ, чѣмъ въ Ломазскомъ приходѣ. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ мною пѣсенъ, очевидно, мѣстнаго происхожденія, а двѣ—три изъ нихъ даже сложены въ самомъ Докудовѣ, какъ это видно изъ содержанія таковыхъ; нѣсколько же пѣсенъ — варіанты украинскихъ, которыя подъ вліяніемъ мѣстнаго говора нѣсколько видоизмѣнились. Докудовскій говоръ тожественъ съ Ломазскимъ и отличается отъ послѣдняго только тѣмъ, что въ немъ существуетъ одна звуковая особенность, которой нѣтъ въ Ломазской рѣчи, а именно: въ нѣкоторыхъ словахъ послѣ звуковъ р и ч образуется дифтонгъ i͡e: пр'i͡есьци, кричi͡ела, а не прасьци, кричала, какъ говорятъ въ Ломазахъ. Кромѣ того, Докудовская рѣчь еще отличается немного отъ Ломазской и лексическимъ своимъ составомъ — въ Докудовѣ говорятъ: дя́дько тѣтка, а не вуйко, стрій, цѣтка; причемъ слова произносятся протяжно, но не въ такой степени, какъ въ Кошолахъ. Тѣ же особенности замѣчаются и въ Кошоловскомъ говорѣ, что и въ Докудовскомъ, но въ общихъ чертахъ они тожественны съ Ломазскимъ.

Такіе же народные говоры, съ незначительными діалектическими особенностями, существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ.

IV.

Лексическій составъ Ломазскаго говора—названія предметовъ и въ связи съ ними краткое описаніе народныхъ обычаевъ, повѣрій, игръ и т. п.

ЛЮДИ.

1) Мужескія имена.

Артэ́мъ, Яртэ́мъ
Банады́къ
Васи́ль—Базы́ль
Вавру́хъ (Лавръ) —
Гаврыло—г'а́бріэль
Гордіе́й —
Грыць — Рэгу́оръ
Мы́ць, Мицько—г'ми́тёръ
Гараси́мъ
Дани́ло, Да́нель
Дэмья́нъ
Дэми́дъ —
Дэни́съ
До́рошъ (Дорооей) —
Заха́ръ, Саха́ръ —
Зинько́ (Зиновій) —
Евту́хъ (Евтихій) —
Ива́нъ — Янъ (Часто).
Карпо —
Кырыло
Кузьма́
Кася́нъ
Кири́къ —
Кость, Костянъ—Константы́нъ.
Кундра́тъ
Корнило
Ла́заръ —
Лѐвко — Ле́онъ (Левъ, Левкій).
Луць — Лука́шъ
Илья — Ляшъ
Макси́мъ
Мака́ръ —
Ма́рко
Марци́нъ
Маць, Мацько—Мавтэй (Матоей).
Мирю́онъ
Миха́йло—Миха́лъ
Мэля́нъ (Емильянъ)
Мики́та
Мико́ла—Миколя́й (Часто).
Миконо́ръ —
Наза́ръ —
Кали́шъ (Каллистъ)—
Нэсцюръ (Несторъ)

Ничи́поръ (Никифоръ)
Они́ськo (Онисимъ)—
Оны́прій
Оле́кса — (Алексѣй)
Олександэръ
Ондрі͡ей
Онту͡онъ
Оста́пъ (Евстафій) —
Пашко́ — Па́волъ (Часто).
Панталиму͡онъ —
Пота́пъ
Пэтро́ (Часто)
Полика́рпъ —
Проку͡опъ
Пана́съ (Аѳанасій)
Пили́пъ
Порхи́мъ (Порѳеній)—
Вахъ (Вакхъ)—
Рома́нъ
Радько́ (Иродіонъ)—
Са́ва —
Саму͡ойло
Сэмі͡енъ—Ши́монъ
Собэ́хъ (Севастіанъ)
Сэргі͡ей —
Сельвэ́стэръ
Супру͡онъ (Софроній)—
Стэпа́нъ
Спириду͡онъ —
Сакъ (Исакъ) —
Си́доръ
Тара́съ
Тиху͡онъ
Тро̀ць, Трохи́мъ —
Ви́кторъ
Тэре́шко (Терентій) —
Тофи́ль (Ѳеофилъ)
Харла́мпъ —
Харту͡онъ —
Хома́ — Тома́шъ
Халиму͡онъ —
Хвэ́дуръ — Теду͡оръ
Юрій, Юрко
Юшко, Оси́пъ—Ю͡озво
Яшко, Яцько—Якубъ
Яки́мъ
Усьци́мъ
Яру͡ошъ (Ерофей).—
Юзэфа́тъ
Виньцю́хъ (Викентій)
Гнатъ (Игнатій)
Юхи́мъ (Ефимъ)
Борысъ
Лихві͡эръ (Елевоерій)—
Гу́рко, Гу́ринъ (Гурій)—
Урынъ (Уреанъ)—
Филь (Филъ)—
Купріа́нъ —
Уласъ, Во́лосъ (Власъ)—[1])
Олешко, Васько, Вашко —

---

1) Въ Ломазахъ и въ другихъ мѣстностяхъ существуютъ фамиліи — Волосовичъ, Волосевичъ, которыя образовались отъ имени Волосъ или же отъ Волохъ. Послѣднее предположеніе болѣе вѣроятно, такъ какъ въ Ломазекой

2) Женскія имена.

Га́па (Агафія)
На́сьця (Часто)
Га́нна, Га́ндзя (Часто).
Варва́ра — Барба́ра
Бу͡о́вдя (Евдокія)
Фрузи́на (Евфросинія).
Катэрына, Ка́ська (Часто).
Марына
Марыська (Марья). (Часто).
Евка
Гале́на (Елена). Часто.
Жо́ська (Софія)
Яры́на (Ирина)—
Уля́на
Усьци́на
Окс͡о́ня (Ксенія)
Лю́бка (Любовь)—
Ма́вра —
Мокры́на —
Ма́рта
Матру͡о́на
Пара́ска
Пала́шка (Палагея)
Салоха (Саломонія)—
Татя́на
Юхи́мка (Ефимія)
Харыти́на —
Христи́на —
Тэкля (Θекла)
Ната́лка —
Хвэдо́ра, Тэдо́ра
Онто́ха (Антонина)
Доми́нка (Домника)
Они́ська (Анисія)—
Ма́гда, Магдале́на
Стэпани́на

Народныя личныя имена, обозначенныя чертой, прежде существовали въ Ломазскомъ приходѣ, а въ настоящее время одни изъ нихъ вышли изъ употребленія, а другія замѣнены польскими, и они только сохранились въ фамильныхъ названіяхъ, поговоркахъ, сказкахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, гдѣ и понынѣ имѣютъ свою первоначальную народную форму[1]). Въ послѣднее время много встрѣчается именъ польскихъ у дѣтей упорствующихъ

«Люстраціи» 1566 г. встрѣчаются фамиліи переселенцевъ изъ Валахіи и Бессарабіи. На довольно значительный приливъ выходцевъ изъ Придунайскихъ княжествъ указываетъ названіе села въ Володавскомъ уѣздѣ — Волосская Воля.

1) Многія изъ старыхъ именъ, нынѣ забытыхъ или измѣненныхъ, находятся въ «Люстраціи мѣста Ломазъ 1566 року».

уніатовъ, совершающихъ требы въ костелахъ: ксендзы даютъ такія имена при крещеніи, какихъ вовсе нѣтъ въ православныхъ святцахъ: Казиміръ, Станиславъ, Карлъ, Людовикъ, Розалія, Викторія, Клементина, Францъ, Франциска и т. п. Полонизованныя имена встрѣчаются не только въ Ломазскомъ, но и въ сосѣднихъ приходахъ въ большей или меньшей степени.

3) Названія женъ по именамъ своихъ мужей: Стэпа́ниха, Васили́ха, Кузьми́ха, Ляши́ха, Банады́чиха, Яни́ха, Дани́лиха, Лукаши́ха, Собэ́шка.

4) Названія дѣтей по имени отца (отчества): Гаврилюкъ, Радчукъ, Макару́къ, Стэпанюкъ, Тарасю́къ, Кузьмичу́къ, Банадычукъ, Микитю́къ, Собэшу́къ; Василя́нка, Банады́чанка, Гаврилянка, Собэшанка.

Фамиліи.

Въ Ломазскомъ приходѣ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ русскаго Забужья, распространены родовыя названія съ слѣдующими окончаніями:

1) Западно-русская форма на **ичъ**, образовавшаяся изъ отчествъ: Карпо́вичъ, Сакéвичъ, Сацэвичъ, Пашкéвичъ, Шаталовичъ, Дэрлюкевичъ и т.

2) Малороссійскія (украинскія) на **енко**, **ко**: Коваленко, Пэтрученко, Сни́тко.

3) Польскія на **скій**: Ковалю́вськiй, Соколу́вськiй, Савицькій, Кукавськiй, Хмѣлевськiй, Лоевськiй [1]).

---

1) Народныя фамиліи на скій по большей части произошли отъ названія мѣстности, откуда выселились предки; дворянскія же фамиліи съ этимъ окончаніемъ образовались отъ названія родовыхъ имѣній: Верещинскіе отъ Верещинъ, Яновскіе отъ Яновъ. Но бываютъ не рѣдкіе случаи, когда свои фамиліи съ неблагозвучныхъ окончаніемъ передѣлываютъ на скій, цкій. Такое стремленіе къ измѣненію своей фамиліи замѣчается преимущественно у вышедшихъ изъ мѣщанской или крестьянской среды. То же можно сказать и относительно фамильнаго названія на ичъ: изъ какого нибудь Луцюка или Троцюка дѣлается Луцевичъ, Троцевичъ. Судя по двойному окончанію родового прозвища—Дерлюкевичъ, и въ старину передѣлывали неблагозвучныя фамиліи: сначала отъ какого-то, вѣроятно, искаженнаго литовскаго имени—Дерло образовалась мѣстная народная форма Дерлюкъ, которая впослѣдствіи измѣнилась въ Дерлюкевичъ.

4) Мѣстныя малорусскія на **укъ**, **юкъ**: Ярошу́къ, Панасю́къ, Тэрещу́къ, Борисю́къ, Крывчу́къ.

5) Мѣстныя малорусскія на **оцъ**: Сторосе͡лецъ, Кульгавэ́цъ, Комарэ́нэцъ.

6) Малорусскія на **а**, **ъ**, **икъ**: Дэнэка, Морозъ, Солоду́ша, Сорока, Богу́нъ, Содо͡вникъ, Борови́къ, Сыры́чикъ.

7) Литовскія на **ло**, **ойко**: Кромэца́ло, Цидэ́йко, Шудэ́йко, Шенэ́йко.

Фамиліи съ окончаніемъ **ичъ** и **скій** употребляются только оффиціально въ дѣловыхъ бумагахъ; въ общежитіи же Дерлюкевича, Шаталовича, Моргуновича, Соколовскаго, Шалацкаго, Кардашевича, Голубовича, Кобчинскаго называютъ Дерлюкомъ, Шатало́мъ, Моргуно́мъ, Соколо́мъ, Шала́тою, Кардашо́мъ, Голубомъ, Кобцёмъ. Но нѣкоторыя фамиліи и въ народной рѣчи иногда употребляются съ окончаніемъ на **ичъ** и **скій**: Сави́цьки, Ковало͡вськи, Станиле́вичъ, Кучиньськи. Въ старину родовыя прозвища употреблялись въ большинствѣ случаевъ и оффиціально въ первобытной народной формѣ, какъ это видно изъ «Люстраціи мѣста Ломазъ 1566 року», составленной по русски княземъ Сопигою (Сапѣгой), воеводой Подлясскимъ.

Фамиліи замужнихъ женщинъ оканчиваются на **иха**, **учка**, **ючка**: Карпо́вичиха, Сави́ха, Ковале́нчиха, Моро́зиха, Го́лубиха, Кобчи́ха, Шатали́ха. Кульга́вчиха; отъ Кривчукъ, Тарасюкъ, Панасюкъ — Кривчу́чка, Панасю́чка, Тарасю́чка.

Фамиліи дѣтей на **укъ**, **юкъ**, **анка**, **янка**: Боровичукъ, Соколю́къ, Дэрлючу́къ, Шаталю́къ, Королю́къ, Кромэцалю́къ; Борови́чанка, Василя́нка, Сача́нка, Шаталя́нка, Сави́ччанка, Кромэца́лянка. Отъ фамиліи на **юкъ**- Борисюкъ, Тарасюкъ называютъ сыновей — Борисючо́къ, Тарасючо́къ.

Въ Ломазахъ и окрестныхъ селеніяхъ и усадьбахъ встрѣчаются нѣкоторыя фамиліи не славянскаго происхожденія: Кромецало, Денека, Цидейко, Шудейко, Шаталовичъ (Шаталъ), Дерлюкевичъ (Дерлюкъ), Станилевичъ (очевидно, литовскаго); Кардасевичъ (Кардашъ) татарскаго отъ слова кардашъ-братъ;

Шульцъ, Ґиль, Эйсмундъ (нѣмецкаго). Фамиліи съ окончаніемъ на **укъ**, **юкъ**, образовавшіяся отъ личнымъ именъ или отъ уличныхъ прозвищъ, какъ отчества, распространены въ Забужномъ краѣ и въ Волынской губ., и составляютъ характерную особенность этихъ мѣстностей. Фамиліи на укъ и юкъ встрѣчаются и въ другихъ губ. Юго-Западнаго края, но только не такъ часто, какъ въ Забужьѣ и на Волыни.

Уличныя прозвища.

Кромѣ личныхъ именъ и родовыхъ названій существуетъ въ народѣ множество уличныхъ прозвищъ, выражающихъ типичныя черты людей—ихъ физическій и нравственный обликъ. Эти прозвища замѣчаются во всѣхъ возрастахъ, но наиболѣе распространены въ молодомъ поколѣніи среди мальчиковъ и парней. Изъ прозвищъ, употребляемыхъ въ Ломазахъ и окрестныхъ деревняхъ, наиболѣе замѣчательны: Вэли́ки, Сухору́ки, Билоголо́вы, Черевачъ, Носа́чъ Голова́чъ, Зикра́чъ, Нагу́ла, Кріе́са, Кульга́вы, Ле́бэдь, Лыча́къ, Шашіэ́ръ, Калаку́тъ, Калаку́тка. Калакутами называютъ упорствующихъ уніатовъ, не посѣщающихъ православныхъ церквей.

Въ качествѣ прозвища иногда служитъ личное имя, видоизмѣняемое на разные лады: Банадыкъ—Бонады́щё, Миколай—Кайча́, Пилиппъ—Пили́пушка. Въ этомъ отношеніи особенно способно принимать разнообразныя формы имя Янъ: Ясько́, Янко́, Янунё, Янча́, Янчу́къ, Янцю́ле, Янулё.

Иногда прозвища мужчинъ переходятъ на ихъ женъ и дѣтей: Кріе́сиха, Кріе́сянка, Шашіе́рка, Шашырукъ, Шаши́ранка, Лебэдиха, Янцю́лиха, Янцюлю́къ, Янцю́лянка. Многія фамиліи мѣстныхъ жителэй образовались изъ прозвищъ ихъ предковъ: Кули́къ, Маза́нъ, Го́лубъ, Соку́олъ, Солоду́ша, Моргу́нъ, Шуля́къ, Соро́ка, Моро́зъ, Кобэ́ць, Шоста́къ, Бояръ, Лобода́, Лу́ой, Боровы́къ, Богу́нъ, Мэдвіе́дь Лебэдь, Кульгавэ́ць.

Въ личныхъ обращеніяхъ другъ къ другу употребляются только собственныя имена или же названія, означающія родство, свойство: Степанэ, Кузьмо, Стэпанку, Ганулю, сынку, кумо, кумэ, братику, сусѣдэ, сватэ, сэстро и т. п. Названія по фамиліи очень рѣдко употребляются при личномъ обращеніи, а названія по мужу, отцу, имѣющія въ народной рѣчи характеръ прозвищъ, только употребляются заочно для обозначенія лица, семейства и рода и для этой цѣли служитъ или видоизмѣненное личное имя (Янцю́лё, Янко́, Банадыцё, Пили́пушка), или названіе по отцу или по мужу (Стэпанюкъ, Стэпаниха, Королюкъ, Королиха; или же уличное прозвище (Вэликій, Сухорукій, Вилоголовый т. д.).

Люди по національности, племени и вѣроисповѣданію.

По національности и племени: руськи, руськая, руси́нъ, руси́нка, руськія, руси́ны; полихи́—поліѣхъ, поліѣшка, полишукъ, поліѣщанка; кацапы—кацапъ, кацапка; литвины—литви́нъ, литви́нка; козаки́—козакъ, козачка; ляхи́, ляшня́—ляхъ, поляки—поля́къ, поля́чка; жиды́, жидова́—жидъ, жидуо́вка, жидэня́та, бахуръ, бахурка, бахурення́та; цыганы́—цыга́нъ, цыга́нка, цыганя́та; татары, татарва—тата́ринъ, татарка; мазуріе—мазуръ, мазурка, мазуру́къ, мазурча́нка, мазурення́та; австріяки, нѣмци, прусаки, волохи, ту́рки, черкесы, калмыки́, голе́ндры, ормьянэ.

По вѣроисповѣданію: православныи, уніяты, лацинни́ки, католики, лютры, старовѣ́ры, нэдовѣ́рки—жиды и татары, пога́ны, христія́нэ, калаку́ты.

Калакутами, какъ я выше замѣтилъ, называютъ въ Забужьѣ упорствующихъ уніатовъ, уклоняющихся отъ православной церкви. Въ свою очередь «калакуты» называютъ уніатовъ, возсоединившихся съ провославвой церковью, «сусматыками». Послѣдніе даже и не обижаются и говорятъ имъ въ отвѣтъ: «Мы сусматыки, бо въ Суса вѣэруемо, а вѣтэ калакуты—ни православныи, ни правдивыи католики.»

Мѣстное коренное русское населеніе въ отличіе отъ поляковъ и мазуровъ съ древнихъ временъ называетъ себя русскими (руськими), русинами же зовутъ ихъ поляки. Слово русинъ звучитъ въ мѣстныхъ говорахъ уничижительно, какъ ляхъ, жидъ, кацапъ, и рѣдко и неохотно употребляется оно въ разговорѣ. Названія—русинскій, русинская, русинское, изобрѣтенныя поляками въ Галичинѣ для отличія малоросса отъ великоросса, въ народѣ вовсе неизвѣстны, а употребляется общерусская форма этого прилагательнаго съ мѣстнымъ произношеніемъ: руськи Вэликдэнь, руськая коляда́, руськи пу͡остъ, руськи ксёндзъ и т. п. И на вопросъ, кто ты, полякъ, или полячка? Отвѣчаютъ: ні͡е, я ру́ськи, или я ру́ськая.

Вѣроисповѣданіе и народность неразрывно соединены между собою, такъ что, по народнымъ понятіямъ, національность человѣка опредѣляется его религіей и наоборотъ: полякъ значитъ католикъ, католикъ значитъ полякъ. Но главнымъ признакомъ народности, по понятіямъ мѣстныхъ жителей, служитъ не языкъ и не племенное происхожденіе, а вѣра, которую исповѣдуетъ человѣкъ. Уніатъ или православный, перешедшій въ католичество, считается уже полякомъ, хотя бы и сохранилъ онъ языкъ и обычаи своихъ отцовъ и дѣдовъ и наоборотъ: уніатъ или православный, забывшій русскую рѣчь и говорящій исключительно по польски, называетъ себя русскимъ. Такъ напримѣръ упорствующіе уніаты считаютъ себя уже поляками, а присоединившіеся къ православію—русскими. Тэкія же понятія о народности сложились у нѣкоторыхъ нашихъ сектантовъ: субботники считаютъ себя евреями, а не русскими; духоборы и штундисты причисляютъ себя къ нѣмцамъ, а не къ русскимъ.

Названія—великороссы, малороссы и бѣлоруссы въ народной рѣчи не употребляются: бѣлоруссовъ называютъ здѣсь литвина́ми; малороссовъ, произносящихъ нѣкоторыя гласныя звуки твердо, называютъ полиха́ми, а великороссовъ крестьянъ — кацапами, дворянъ — руськими папа́ми; солдатъ называютъ москаля́ми. Москалёмъ называютъ всякого солдата какого бы онъ

не былъ вѣроисповѣданія и народности и это названіе въ народной рѣчи не имѣетъ презрительнаго характера.

Названія по мѣстожительству.

Мужчины: мищани́нъ, сі͡ельски чолові͡екъ, сі͡ельскіи людэ, биляни́нъ, ломазэць, любэнэць, росуше́ць, ко́шоловэць, володавэць, кодэнэць, доку́довэць — биля́не, гуща́нэ, ломазьці͡е, любеньци, вортульці͡е, росусьці͡е.

Женщины: мища́нка, сі͡ельська баба, любэ́нчиха, ко́шулувчиха, росу͡ощиха, вортульчи́ха, кодэ́нчиха, сьцидю͡ончиха.

Мальчики: кошолувчу́къ, росущу́къ, вортульчу́къ.

Дѣвушки: любэ́нчанка, росу͡ощанка, доку́довчанка, вортульчанка, ко́шулувчанка, сьцидю͡ончанка.

Особыя названія парней и дѣвушекъ по ихъ мѣстожительству употребляются только для нѣкоторыхъ ближайшихъ мѣстностей, а для болѣе отдаленныхъ существуютъ общія наименованія мужчинъ и женщинъ: варшавя́къ, варшовя́нка; вольнэць, вольнянка; подоля́нэць, подолянка; воло́давэць, володавянка и т. д.

Люди по сословіямъ и занятіямъ.

Государи: ца́саръ, царъ, цары́ця, коро́ль — кру͡оль, королева и крулёва, мона́рхъ.

Дворяне: паны́—панъ, па́ни, пани́чъ, па́нна.

Земледѣльцы дворяне: шля́хта—шля́хтичъ, шляхтя́нка.

Мѣщане: —мища́ни́нъ, мища́нка, мищанчу́къ.

Крестьяне: сі͡ельскіи лю́дэ — сі͡ельски чолові͡екъ, сі͡ельская ба́ба.

Земледѣльцы мѣщане и крестьяне: про́стыи людэ, мужики́— мужикъ, мужичка, про́сты чолові͡екъ, про́стая баба.

Священники, церковно-служители и ихъ семейства во время существованія уніи: пу͡опъ, попадя́, попадю́къ, попадя́нка,

дякъ, дячи́ха, дячу́къ, дячанка, руськи ксёндзъ, руськи дзе́канъ, руськи бискупъ, базыліянэ, супе́ріоръ, зако́нникъ, про́бощъ. Католическое духовенство: пу͡ольськи ксёнзъ, пу͡ольськи дзеканъ, пу͡ольськи бискупъ, арцибиско́пъ, па́пежъ, капуцыны, рэформаты, паулины, езуйиты, доминиканы, орґанисты, ґва́рдіянъ, миссіонаръ.

Православное духовенство: батюшка, ма́тушка, діяконъ, діяконіха, благочинны, проторэй, архирэй, мэтрополитъ, мана́хъ, мона́шка, патріярхъ, псаломщикъ, псаломщиха, свящѐнникъ, пу͡опъ, попадя, попадюкъ, попадянка, дякъ, дячиха, дячукъ, дячанка.

Изъ перечисленныхъ названій духовныхъ лицъ и церковнослужителой и ихъ семейства въ народѣ сохранились изъ старины подчеркнутыя наименованія. Во время существованія уніи русскія народныя названія духовенства забыты и замѣнены польскими и только послѣ возсоединенія уніятовъ съ православной церковью въ 1875 году мало-по-малу народъ началъ употреблять русскія наименованія духовныхъ лицъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ для болѣе легкаго произношенія.

Въ Забужномъ краѣ коренное русское населеніе раздѣляется только на три сословія: крестьянъ, мѣщанъ и духовныхъ; русскаго мѣстнаго дворянства вовсе нѣтъ—русскіе и обрусѣлые литовскіе дворянскіе роды въ Забужьѣ, какъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ, въ XVI и XVII вѣкѣ ополячились и окатоличились, какъ это видно изъ историческихъ актовъ, издан. Вил. Арх. Ком., а также изъ древнихъ документовъ, хранящихся у мѣстныхъ жителей Забужной Руси. Отъ литовско-русскихъ дворянъ остались здѣсь на русскомъ языкѣ дарственныя записи для православныхъ церквей и сооруженные храмы, какъ напримѣръ въ пос. Коднѣ, Бѣльск. уѣзда, замковая С.-Духовская церковь, построенная княземъ Сапѣгой въ XVI столѣтіи и сохранившаяся до настоящаго времени въ обновленномъ видѣ. Какъ видно изъ «Дневника Люблинской уніи»—Дзялынскаго, изд. Вил. Арх. Ком., владѣльцемъ старостинскихъ имѣній—Ломазъ, Вопня, Полюбичъ

и др. былъ въ XVI в. Евстафій Воловичъ, подканцлеръ Вел. Княж. Литовскаго. За отказъ Воловича отъ присяги на соединеніе Литвы съ Польшей въ Люблинѣ 1569 г. король польскій Сигизмундъ Августъ конфисковалъ его подляшскія имѣнія и подарилъ ихъ польскому магнату Яну Тарло. По свидѣтельству архіепископа Полоцкаго Мелетія Смотрицкаго, автора «Плачъ Восточной церкви», православные дворяне Воловичи были въ числѣ первыхъ измѣнниковъ своей церкви и русской народности. Въ XVI вѣкѣ до Радзивиловъ владѣльцами г. Бѣлы были русско-литовскіе дворяне Ильинскіе, а Докудова, Вортеля — Боговиты. Послѣ перехода Ильинскихъ въ католицизмъ, одинъ изъ нихъ Иванъ Ивановичъ («Iwanowicz») построилъ въ XVI столѣтіи первый костелъ въ г. Бѣлѣ. Вотъ нѣкоторые землевладѣльцы, построившіе православныя церкви, или же надѣлившіе ихъ землею, десятинами: Павелъ Ивановичъ Сапѣга въ пос. Коднѣ 1520 г. и въ Вишничахъ 1546 г., Анна Николаевна Любецкая въ селѣ Роговѣ (Соколовск. уѣзда) 1546 г., Ярошъ Немира въ селѣ Гнойнѣ 1592 г., Павелъ Богушъ Боговитоновичъ въ Козерадахъ, ныш. пос. Константиновѣ 1576 г., Иванъ Ходкевичъ въ с. Голубля, Сѣд. уѣзда, 1525 г., Иванъ Николаевичъ Даниловичъ въ г. Межирѣчьѣ, Рад. уѣзда, 1564 г., Василій Андреевичъ Полубинскій въ пос. Городищѣ (Вол. уѣзда) 1550 г., Степанъ Збаражскій въ с. Шосткѣ, Рад. у., 1551 г., князь Иванъ Шуйскій въ с. Корощинѣ 1609 г. Въ первой половинѣ XVI в. князь Хрептовичъ устроилъ русскую школу при церкви въ Мукободахъ, Сѣдл. уѣзда.

Кромѣ того, еще были и другіе дворянскіе православные роды въ Забужьи: Поцѣи, Горки или Гурки, Крупы, Концы, Сосновскіе, Верещинскіе, Косинскіе, князья Четвертинскіе, Мирскіе и проч. По словамъ Костомарова, Христофоръ Косинскій, гетманъ украинскихъ козаковъ, происходилъ изъ подляшскихъ шляхтичей православнаго вѣроисповѣданія. Въ нынѣшней Люблинской губ. въ такъ называемой Холмщинѣ не мало было русскихъ дворянскихъ родовъ, въ числѣ

которыхъ считались и предки Богдана Хмельницкаго («Богданъ Хмельницкій», Костомарова). Православные дворяне Холмской земли, входившей въ составъ Червонной Руси, еще раньше начали ополячиваться и окатоличиваться, чѣмъ на Подляшьѣ, такъ какъ Галиція съ Холмской землей подпали подъ власть поляковъ въ половинѣ XIV вѣка; между тѣмъ Забужье въ нынѣшней Сѣдл. губ. присоединено къ Польшѣ послѣ Люблинской уніи (1569 г.). Но и въ Холмской землѣ въ XVI вѣкѣ еще оставались нѣкоторые дворянскіе православные роды, которые постепенно переходили въ католичество, и въ концѣ XVII вѣка во всемъ Забужномъ краѣ, Любл. и Сѣд. губ., не сохранилось уже историческихъ слѣдовъ о существованіи мѣстнаго русскаго дворянства («Холмская Русь», Батюшкова, «Червенскіе города», Лонгинова, а также древніе акты, изд. Вил. Арх. Ком. или сохр. у жителей городовъ и пос., Сѣдл. губ.).

Судя по географическимъ и фамильнымъ названіямъ (Бояры, Боярчукъ, Боярскій), часто встрѣчаемыхъ въ Забужьи, здѣсь въ старину существовало полусвободное боярское сословіе. Литовскіе бояре, по изслѣдованію нашихъ ученыхъ, занимали среднее мѣсто въ соціальномъ строѣ Литвы между шляхтой и мѣщанами. Бояре участвовали въ военныхъ походахъ, а въ мирное время ихъ обязанностью было возить письма, вообще быть на посылкахъ у воеводъ и старостъ. Многіе изъ бояръ за отличіе на войнѣ получили права шляхты, и не мало было въ Литвѣ боярскихъ поселковъ, превратившихся впослѣдствіи въ застѣнки польской шляхты, всегда принимавшей дѣятельное участіе въ польскихъ возстаніяхъ [1]).

---

1) Въ XVI вѣкѣ въ Берестейскомъ старостве, въ составъ котораго входили нынѣшній Бѣльскій и отчасти Радинскій и Володавскій уѣзды, Сѣдлецкой губ., и часть Гродненск. губ, жили въ нѣсколькихъ селахъ путные бояре, всего на 163 волокахъ. Эти боярскія села слѣдующія: Гоща, Тучная, Суходолы. Они обязаны были являться «за листомъ господарскимъ» на войну, ставя одного коня съ двухъ волокъ. Если войны не было, то платили «за вси повинности платомъ голимъ» (Довнаръ-Запольскій, Берестейск. стар. въ XVI в.).

Землевладѣльцы и ихъ служащіе (офиціалисты): дѣ́дичъ, панъ, дэржавця-арэндáтуръ-посэ́суръ, роньця-жоньця, окомонъ, ґуменны, ґожельникъ, пивовàръ.

Земледѣльцы: господáръ, господы́ня, ратáй, косáръ, жнэць, молотэвникъ, полóтница.

Прислуга: пáрубокъ, дíевка, пастухъ, припасичъ, овчáръ, свинопàсъ, волопàсъ, мáмка, нянька, прáчка, стóрожъ, фýрманъ, кýхаръ, лёкай, покоюовка, огрòдникъ, шáфаръ, шафáрка.

Ремесленники: мáйстэръ, челя́дникъ, кравэць, швэць, гончáръ, стóляръ, тэсля, мýляръ, маля́ръ, ковáль, слéсаръ, ткачъ, бóндаръ, шкляръ, котля́ръ, ситаръ, дротя́ръ, кушнíеръ, швáчка, штэльмахъ, дёхтя́ръ, пахтя́ръ, ризпúкъ, трачъ, рымаръ.

Торговцы: купэць, пэрэкупка, гандля́ръ, крамаръ, шинкáръ, шинкáрка, ґаляптэрникъ, пропинáторъ, корчмáръ, гаптыкаръ.

По разнымъ занятіямъ: лíекаръ, ликарка, комэнюхъ, комэдія́нтъ, рыбáкъ, мэльникъ, музыкáнтъ, стрэлець, бóртникъ, школя́ръ, ученикъ, студэнтъ, дíедъ, жебрýщая баба, убóги, убóгая, поводы́ръ, прáчка, плисáкъ, лисни́къ, ґайовы, стуйкóвы, вартовни́къ.

Служащіе на государ. или обществ. службѣ: паучицель — учитэль, профэсуръ, дырэхтуръ, гинспэктуръ, попэчитель; вуойтъ, сóлтысъ, дэся́тникъ, комисáръ, начельникъ, ґубэрнатóръ бурмúстръ, лáвникъ, сэкретáръ, дилопроизводúтэль; сэндзя — судя́, прокурòръ, комýорникъ, вóзны, пудлѣ́спы, падлѣ́спы, старóста, фэльчуръ, мэтра, пучмэйстэръ, пучталióнъ, дóхтуръ, стражникъ, урадникъ, казначéй, жòндаръ.

Военные: москáль — салдáтъ, жомíеръ, козáкъ, уланъ, карасíеръ, шашíеръ, дэнщúкъ, трубáчъ, звóдны, фэльфэбэль, гусаръ, кашовáръ, гусáръ, барабáпщикъ. Офицеры (старшина́, офицэры): сотникъ, ясаýлъ, порутчикъ, маёръ, командíеръ, пувковникъ, янаралъ, капитáнъ.

Главное занятіе мѣстныхъ жителей составляетъ сельское хозяйство — земледѣліе Всѣ почти крестьяне и мѣщане городовъ и посадовъ (прежн. мѣстечекъ) занимаются хлѣбопаше-

ствомъ; одни только евреи преимущественно занимаются торговлею и отчасти ремеслами, не требующими большаго физическаго труда. Изъ евреевъ по большей части портные, сапожники, стекольщики, печники, маляры. Вся торговля въ рукахъ еврейскихъ. Среди евреевъ встрѣчаются и арендаторы и владѣльцы мелкихъ имѣній, въ которыхъ занимаются сельскимъ ховяйствомъ; но такихъ евреевъ, сельскихъ хозяевъ, очень мало находится въ Забужьи. Владѣніе землей здѣсь подворное и только одни пастбища общественныя; система же хозяйства сохранилась до сихъ поръ трехъ-польная—три полѣтки: паръ или у́горъ, ярына́, жи́то (озимый хлѣбъ). У крестьянъ здѣшнихъ существуетъ обычай взаимопомощи — толока́. Идти на толоку рѣдко кто отказывается, такъ какъ не оказать помощи нуждающему считается грѣхомъ. На толоку́ созываютъ своихъ односельчанъ, когда нужно свезти хлѣбъ съ поля, привезти лѣсъ для постройки хаты, вспахать или засѣять поле, перевезти постройки на другое мѣсто и т. п. По окончаніи работы, хозяинъ угощаетъ принявшихъ участіе въ толокѣ, но бываютъ нерѣдко случаи, что нѣкоторые крестьяне отказываются отъ водки и закуски и уходятъ домой. Въ случаѣ пожара, наводненія и т. п. крестьяне охотно помогаютъ пострадавшимъ хлѣбомъ, работой, кредитомъ безъ процентовъ и т. п. Бездѣтные родители часто усыновляютъ сиротъ — мальчиковъ и дѣвочекъ, или берутъ ихъ на воспитаніе, пока малолѣтни.

Кромѣ хлѣбопашества, среди мѣстнаго русскаго населенія существуютъ нѣкоторыя отрасли кустарной промышленности: въ каждой крестьянской и мѣщанской хатѣ бабы ткутъ холстъ и сукно для домашняго употребленія, а излишекъ для продажи на ярмаркахъ; для собственной надобности въ хозяйствѣ плетутъ изъ лозы корзины, а изъ соломы короба и стужки для зерна и муки; приготовляютъ изъ дерева земледѣльческія орудія—грабли, лопаты, сохи, а также корыта, ложки, ткацкіе станки — кро́сна. Въ городахъ, посадахъ и деревняхъ бываютъ изъ православныхъ и католиковъ мельники, кузнецы, плотники, скорняки, горшечники,

сапожники, портные. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужнаго края развилась какая-нибудь особая отрасль кустарной промышленности, такъ напр. въ г. Соколовѣ всѣ почти мѣщане занимаются выдѣлкой овчинъ; въ пос. Коднѣ находится много сапожниковъ, изготовляющихъ для продажи на ярмаркахъ простые сапоги; въ г. Бѣлгораѣ, Люб. губ., мѣщане католики и православные дѣлаютъ сита. Бѣлгорайскіе ситари снабжаютъ своимъ товаромъ весь Привислянскій край, всю сѣверо-западную и юго-западную Россію, Кавказъ, Малороссію, Новороссію и вывозятъ сита за границу—въ Галицію и Румынію. Торговлей мѣстное коренное населеніе русское и польское не занимается; только нѣкоторые изъ крестьянъ покупаютъ на ярмаркахъ воловъ, откармливаютъ и продаютъ ихъ съ барышемъ евреямъ на убой. Здѣсь существуютъ и нѣкоторые отхожіе промыслы: кромѣ вывозки ситъ въ разныя мѣстности Россіи и за границу, нѣкоторые бѣдные крестьяне отправляются на плисъ, т. е. на рѣку Вислу сплавлять плоты въ Гданскъ (Данцигъ). Но этотъ промыселъ практиковался въ Забужьи въ прежнія времена чаще, а теперь очень рѣдко. Въ селѣ Корницѣ (Сѣдл. губ.) крестьяне продаютъ бѣлую глину вальками и развозятъ ее для продажи по всѣмъ деревнямъ и посадамъ Забужья, Сѣдл. губ.

Что касается государственной и общественной службы, то до послѣдняго польскаго возстанія (1863 г.) всѣ должности, начиная съ самыхъ низшихъ и кончая самыми высшими, были заняты исключительно поляками католиками; а если же случайно кто нибудь изъ уніатовъ или православныхъ попадалъ въ чиновничью среду, то переставалъ быть русскимъ, женившись на полькѣ, и дѣлался настоящимъ полякомъ католикомъ, а иногда даже ярымъ патріотомъ, и во время повстанья сыновья этихъ ренегатовъ сражались съ русскими войсками за Польшу, желая возстановить Рѣчь-Посполитую отъ Балтійскаго до Чернаго моря и отъ Карпатскихъ горъ до предѣловъ Московской губ. Съ подавленіемъ мятежа картина перемѣнилась: всѣ высшія и даже низшія должности были предоставлены русскимъ, прибывшимъ

изъ Имперіи, а по мѣрѣ распространенія русской грамотности и образованія въ Забужномъ краѣ, стали выходить изъ мѣстнаго кореннаго русскаго населенія учителя нар. училищъ, писаря, письмоводители, дѣлопроизводители, судьи, судебныя слѣдователи, и т. п. Въ числѣ учителей гимназій и даже профессоровъ университетовъ въ настоящее время встрѣчаются уроженцы Сѣдл. и Люблин. губ.

Послѣ перехода православныхъ дворянъ землевладѣльцевъ въ католичество, въ концѣ XVII вѣка польское землевладѣніе водворилось повсемѣстно въ Забужной Руси и господствовало вплоть до половины 60-хъ годовъ XIX вѣка, и польскіе помѣщики — потомки русскихъ и литовскихъ князей и бояръ и природные поляки католики содѣйствовали ополяченію и окатоличенію мѣстнаго русскаго народа, распространяя въ своихъ имѣніяхъ церковную унію и строя множество костеловъ и католическихъ монастырей разныхъ орденовъ.

До половины 60-хъ годовъ помѣщики католики были патронами или колляторами правосл. и уніатск. церквей и назначали на приходы священниковъ по своему усмотрѣнію.

Послѣ усмиренія польскаго бунта (1863 г.) нашимъ правительствомъ было положено въ Забужьи и вообще въ Привислинскомъ краѣ начало русскаго землевладѣнія: были розданы на правахъ майоратовъ казенныя имѣнія русскимъ дворянамъ, преимущественно военнымъ, за заслуги по умиротворенію края; а также проданы на льготныхъ условіяхъ по-духовныя имѣнія лицамъ православнаго вѣроисповѣданія. Владѣльцы майоратныхъ имѣній въ большинствѣ случаевъ сами не хозяйничаютъ, а отдаютъ ихъ въ аренду; владѣльцы же по-духовныхъ имѣній, за рѣдкими исключеніями, сами занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, лѣтъ 35 тому назадъ возникло въ Привислинскомъ краѣ русское землевладѣніе и не малое число русскихъ помѣщиковъ приходится и на русское Забужье, гдѣ существовало довольно много казенныхъ и по-духовныхъ имѣній, принадлежавшихъ приходскимъ костеламъ и католическимъ мона-

стырямъ разныхъ орденовъ. Приходскіе уніатскіе священники, кромѣ базиліанъ, не имѣли крѣпостныхъ крестьянъ, какъ латинское духовенство, владѣвшее помѣстьями и получавшее десятину не только со своихъ прихожанъ католиковъ, но и съ русскихъ, принадлежавшихъ къ уніатскому или православному приходу. Изъ-за этой десятины, незаконно получаемой ксендзами, велись постоянные споры и тяжбы между русскимъ и польскимъ духовенствомъ въ теченіе чуть ли не 300 лѣтъ, пока, наконецъ, правительствомъ нашимъ въ царствованіе императора Николая I-го не воспрещено было католическому духовенству взимать незаконные поборы съ русскихъ прихожанъ Холмской уніатской епархіи [1]).

Послѣ уничтоженія крѣпостнаго права (1861 г.) много польскихъ помѣщиковъ въ Забужьи, какъ и во многихъ мѣстахъ Россіи, разорилось, и свои имѣнія начали продавать или сами или въ большинствѣ случаевъ съ аукціона за неплатежъ долговъ въ банки. Главными покупателями такихъ имѣній бываютъ мѣстные болѣе зажиточные крестьяне, которые обыкновенно пріобрѣтаютъ помѣщичью землю по частямъ. Въ числѣ такихъ мелкихъ владѣльцевъ крестьянъ не мало находится и крестьянъ католиковъ, переселившихся сюда изъ разныхъ мѣстностей привислинскихъ губерній. Такимъ образомъ, въ послѣднія десятилѣтія появились польскіе поселки среди сплошного русскаго населенія Бѣльскаго и Володавскаго уѣзда, гдѣ польскій элементъ сравнительно съ русскимъ до 60 годовъ былъ незначителенъ. Такое усиленіе польскаго элемента въ послѣдніе годы способствуетъ къ ополяченію нѣкоторыхъ мѣстностей Забужнаго края. Благодаря распродажѣ имѣній обѣднѣвшихъ польскихъ пановъ, а также предоставленнымъ правамъ для лютеранъ наравнѣ съ православными на пріобрѣтеніе недвижимаго имущества, въ 60 и

---

1) Еще въ 1840 году латинское духовенство взимало десятину съ 59 русскихъ приходовъ. («O dziesięcinach kościelnych na Rusi», Поцѣя. Варшава 1845 г.).

70-хъ годахъ прошлаго столѣтія открылась широко дверь для нѣмецкой колонизаціи Привислинскаго и Юго-Западнаго края. Нѣмецкія колоніи появились съ того времени и въ Забужномъ краѣ, Люблин. и Сѣдл. губерніяхъ.

Люди по возрасту.

Людя́ — людэ: дитя́, дити́на, дзэ́цко[1]), хлопэць, чоловіе́къ, діе́дъ, діе́вчина, діе́вка, молоди́ця, кобіе́та, баба.

Великаны и карлики. По народному повѣрію, въ первобытныя времена люди были великанами (вельколю́дами), которымъ показались бы мы маленькими карликами, и могли-бъ они разсматривать насъ на своей ладони. Родъ человѣческій постепенно мельчаетъ и пройдутъ вѣка и передъ концемъ міра будутъ такіе маленькіе люди, что нынѣшній человѣкъ показался бы имъ великаномъ и могъ бы нѣсколько такихъ человѣчковъ взять себѣ въ руку и положить въ карманъ, какъ маленькихъ птичекъ. Въ Бѣльскомъ замкѣ находилось китовое ребро, привинченное къ наружной стѣнѣ, и народъ былъ убѣжденъ, что эта громадная кость принадлежитъ человѣку-великану, когда то жившему на землѣ. Это сказаніе могло сложиться въ народѣ на основаніи находимыхъ иногда огромныхъ костей допотопныхъ животныхъ и скелетовъ людей необыкновеннаго роста.

Судьба-доля. По народному вѣрованію, каждому человѣку при его рожденіи опредѣлена свыше судьба или доля. Хотя это вѣрованіе не такъ глубоко вкоренено въ убѣжденіи народномъ, какъ у мусульманъ, но тѣмъ не менѣе, въ случаѣ какого нибудь несчастія всегда говорятъ: такая его доля. Это вѣрованіе часто выражается въ народныхъ пѣсняхъ.

Смерть. По народному воображенію, смерть представляется

---

1) Дзѣцко и кобіета (замужняя женщина) польск. dziecko, kobieta; слово дзѣцко встрѣчается въ Несторовой лѣтописи: «съ дѣтьскимъ святославомъ».

старой костлявой бабой съ косою, и въ одной народной пѣснѣ говорится: Смэрть надо мною стоитъ съ косою, а нэма обороны и т. д. Когда душа выйдетъ изъ тѣла, то ея добрыя и злыя дѣла взвѣшиваютъ на вѣсахъ: ангелъ хранитель кладетъ на правую чашку вѣсовъ всѣ добродѣтели, а діаволъ на лѣвую всѣ грѣхи. Если добродѣтели перевѣсятъ грѣхи, то ангелъ уноситъ душу въ царство небесное, причемъ ангелъ очень радуется, а діаволъ печалится и наоборотъ: когда грѣхи перевѣсятъ добрыя дѣла, то діаволъ уноситъ душу въ адъ и очень радуется, а ангелъ отходитъ печальнымъ. Во время взвѣшиванія добрыхъ и злыхъ дѣлъ человѣка, ангелъ съ бѣсомъ поднимаютъ споръ — кому должна принадлежать душа, и чертъ нерѣдко вскакиваетъ на лѣвую чашку вѣсовъ, чтобъ перевѣсить правую, но ангелъ хранитель въ такихъ случаяхъ отгоняетъ бѣса и старается всѣми силами защитить грѣшную душу, если за ней замѣчались и добрыя дѣла. Такое представленіе народа о борьбѣ ангела съ діаволомъ, вѣроятно, получено изъ картинъ, встрѣчаемыхъ въ церквахъ и на ярмаркахъ.

Въ дер. Любенкѣ существуетъ обычай бросать вѣтки на могилу убитаго и когда набросаютъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль большую кучу хворосту, то ее сжигаютъ. Каждый мальчикъ, проходя мимо этой могилы, бросаетъ вѣтку и говоритъ: «забитый, забитый, на тобі͡е лозу».

Русалки-русавки́. Въ Забужьи, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи и славянскихъ земляхъ, въ народѣ сохранилось древнее славянское повѣріе о русалкахъ. Въ Докудовѣ говорятъ, что русавки́ появляются весной въ хлѣбахъ, когда рожь цвѣтетъ (якъ жито ру́нитъ) и если кого поймаютъ, то начнутъ щекотать до тѣхъ поръ, пока не защекочутъ до смерти. Русавки представляются воображенію народному русоголовыми дѣвочками (русявыми); ими матери стращаютъ своихъ дѣтей: «Нэ йди въ жито, а то васъ русавки заґидзикаютъ»! Чтобы русавки не дѣлали вреда, докудовцы освящаютъ на полѣ хлѣбъ, и послѣ освященія онѣ исчезаютъ съ полей, по вѣрованію народа.

Родство и свойство.

Симья́ и ру͡о́дъ: ро̀дичи-батько, родичъ, отэць, мати, нэру͡о́дны батько, ойчи́мъ, нэру͡о́дная мати, ма́чоха. Дi͡е́ти и па́сэрбы—сынъ, дочка́, па́сэрбъ, па́сэрбиця. Братъ, сэстра, цётка, дядько, дя́дина, вуйко, стрый, брата́нэць, сэстрэнэць, прадидъ, дi͡е́дъ, баба, правну́къ, внукъ, правнучка, внучка, своя́къ, крэвны, крэвная, кумъ, кума́, хрэсны батько, хрэсная мати, хрэсны сынъ, хрэсная дочка́, Молоды́й, молоду́ха, сва́ха, сва́шка, дру́жка, чолови͡е́къ и жу͡о́нка, зять, нэви͡е́стка, свэкоръ, свэкруха, тэсть, тэща, шва́ґоръ. Близнюки́—близнюкъ, близню́чка. Баструкъ и бастручка. Сирота́, пріима́чъ, году́нъ, году́нка[1]).

Свадьба—вси͡е́ле. У крестьянъ и мѣщанъ земледѣльцевъ свадьбы обыкновенно бываютъ осенью послѣ Покрова, когда окончены всѣ полевыя работы. Покрова — ди͡е́вка готова, говорятъ крестьяне. И эта народная поговорка ясно указываетъ на время свадьбъ. Родители, желающіе женить сына, посылаютъ его со сватами «въ дивосну́бы», а потомъ «на заручины». Если дѣвушка съ согласія своихъ родителей дастъ слово выйти замужъ, тогда начинаютъ приготовляться къ свадьбѣ: рѣжутъ корову, колютъ свинью, закупаютъ много водки и пива и въ одно изъ воскресеній играютъ свадьбу. Въ субботу пекутъ коровай, а женихъ и невѣста въ сопровожденіи дружковъ и дружекъ ходятъ по хатамъ, кланяются низко каждому и просятъ на свадьбу: «Просятъ тато и мама на вси͡е́ле и я прошу». Женихъ и невѣста ходятъ приглашать на свадьбу не вмѣстѣ, а отдѣльно: женихъ съ лентой на груди, а невѣста съ распущенными волосами, убранными лентами, барвинкомъ или рутой. Прежде всѣ молодые такъ убирались, а теперь многіе уже начали подражать мѣщанамъ уѣзд-

1) Въ памятникахъ древняго русскаго языка встрѣчаются подобныя названія: вуй, стрый, пасербъ, пасербица, братаничь (Дьяченка «Полн. церк.-слав. словарь». Москва, 1899).

ныхъ городовъ въ головномъ уборѣ и даже въ платьѣ. Въ воскресенье съ музыкой ѣдутъ или идутъ въ церковь вѣнчаться. Послѣ вѣнчанія молодые съ дружками, сватами отправляются къ родителямъ невѣсты на обѣдъ, а вечеромъ всѣ гости съ молодыми приходятъ въ домъ жениха и свадебный пиръ продолжается здѣсь три дня. Гости приходятъ на свадьбу съ хлѣбомъ. Угощеніе сопровождается оживленнымъ разговоромъ, пѣніемъ, музыкой; молодежь въ сѣняхъ или на дворѣ танцуетъ. Подаютъ на столъ много кушаньевъ и напитковъ: жаркое, борщъ, кашу, студень, колбасы, водку, пиво и т. д. Свадьба обходится не дешево: бѣдному до 50, съ среднимъ достаткомъ до 100, а богатому до 150 руб. Во время свадьбы молодицы и дѣвушки поютъ, когда пекутъ коровай, при расплетаніи косы у невѣсты, при выходѣ изъ хаты молодыхъ, при ихъ встрѣчѣ и т. п. Вообще всѣ важные моменты свадьбы сопровождаются народными пѣснями. Въ Ломазскомъ приходѣ свадебные обычаи въ настоящее время упростились и немного ихъ осталось изъ старины — всѣ норовятъ дѣлать на городской ладъ или «по-шляхецьки», какъ здѣсь выражаются. Здѣсь замѣчается и меньше народныхъ свадебныхъ пѣсенъ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Забужья.

Куница или куна́. Въ прежнее время, когда было крѣпостное право, существовалъ народный обычай ходить къ своему пану на второй день свадьбы съ куной или куницей. Первый собиратель народныхъ малорусскихъ пѣсенъ на Подляшьи Войцицкій помѣстилъ въ своемъ сборникѣ «Pieśni Ludu» слѣдующую пѣсню, записанную имъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ дер. Выгнанка, Бѣльскаго уѣзда, Подляшскаго воеводства:

Мы идэмо съ куницу
И зъ ярою пшеницу
Одъ свого господара
До пана дѣдича.
Ѣдтэ, сватовэ, въ двуръ,
Допчитэ зэленый мармуръ

Корками, подковками,
Жолтыми чоботками.
Подякуймо Богу и пану,
И ксёндзови своему,
Же насъ звинчалъ,
А панъ нэмножко взялъ:
Лицарскую копу
За Ганулину косу.
Подякуймо Богу и пану,
И ксёндзови своёму,
Же насъ звинчалъ,
А панъ нэмножко взялъ:
За мэнэ молодую
Червоньця червоного
Одъ Лукашка молодого.

Въ примѣчаніи Войцицкій говоритъ, что эта пѣсня очень древняя и затѣмъ описываетъ обычай ходить съ куницей: «Когда молодые повѣнчались, братъ невѣсты и «вэсильный маршалокъ», взявъ пѣтуха и коровай въ цвѣтной платокъ или «ручникъ», отправлялись къ своему пану и пѣли ему пѣсни». Этотъ народный обычай во время крестьянской свадьбы я видѣлъ въ 60-хъ годахъ въ селѣ Кошолахъ, Бѣльскаго уѣзда. Здѣсь его называютъ «куно́ю». Въ старину, очевидно, носили въ подарокъ своему помѣщику куницу, какъ особую установленную дань, замѣнившуюся впослѣдствіи пѣтухомъ и караваемъ. По словамъ изслѣдователей древнихъ денегъ на Руси, куна́ или куница была свадебная повинность, существовавшая въ Литвѣ въ XVI столѣтіи.

Животныя.

Домашнія животныя: рогатый скотъ (бы́дло, добы́токъ)—вуолъ, быкъ, бага́й, корова, тэлушка, яло́шка, тэля́, я́ловая и

тіельная корова. Ко́ни—куо͡нь, о́ґеръ,—жерэбэць, кобы́ла, жеру͡обна кобы́ла, жеру͡обка, жерэбья́. Овэчки́—бара́нъ, овэчка, шу́хна, трыкъ, ягня́. Сви́пи-свиня́, вэпо́ръ, вэприкъ, ке́рнозъ, порося́. Соба́ки—собака, су́ка, цюхъ, пэсъ, щеня́, цуцэня́ Ко́зы-коза́, козёлъ, козэня́. Коты́-куо͡тъ, куо͡шка, котэня́. Осёлъ, вэрблю́дъ, бу́йволъ.

О верблюдахъ и буйволахъ крестьяне слыхали отъ солдатъ, побывавшихъ на Кавказѣ или въ Туркестанѣ; ослы иногда бываютъ у помѣщиковъ, а козъ держатъ жиды. Въ прежнее время до 70-хъ годовъ мѣстные сельскіе хозяева исключительно пахали волами, но въ послѣдніе двадцать лѣтъ начали употреблять для этой цѣли лошадей, и теперь большинство пашутъ коньми.

Дикіе звѣри: вовкъ, вовчиця, вовченя́; мэдві͡едь, лисъ, тху͡оръ, лось, дзикъ[1]), са́рна, за́яць, йі͡ежъ, вы́дра, куна́, борсу́къ, мышь, кожа́нъ, щуръ, дикая коза́, собу͡оль, левъ, на́впа, вэвью͡орка, е́лень.

Домашнія птицы: ку́рэ—ку́рка, ку́рыця, пі͡евэнь, калаку́тъ, калаку́тка, каплу́нъ, ципленя. Качки́—ка́чка, ка́чуръ, каченя. Гуси-гусь, гуса́къ, гусэня́. Го́лубъ, голу́бка, инды́къ, циса́рка, па́вичъ, павичка.

Дикія птицы: воробі͡ей, солові͡ей, сини́ця, рі͡еполуска, жаворонóкъ, ла́стувка, буцёнъ, жовтобру́шка, воро́на, крукъ, соро́ка, коропа́тва, пэрэпэли́ця, тэтэра, кни́гавка, зазу́ля, дроздъ, ча́пля, журавэль, бэкасъ, красо́ха, сороку͡ошъ, крутоголо́вэць, соку͡олъ, дзі͡ерба, оро́лъ, ґа́ня, я́струбъ, сова́, пуга́чъ, гу́пачъ, пу͡отькачъ, дэркачъ, водяная ку́рочка, шпакъ, рэмэзъ, краголе́ць, дя́тёлъ, су͡ойка, ле́лякъ, жолна́, шуля́къ, ю́нчакъ, дикая гусь, дудо́къ, лебэдь. ка́вка[2]), бэрэстя́нка, ку͡осъ, дикая ка́чка, чира́нка, сьмитю́хъ, кобы́лка, коршу́нъ.

Рыбы: щупа́къ, щу́чка, кара́сь, плоти́ця, язь, линъ, карпъ, о́кунь, вьюнъ, пи́скоръ, йі͡ершъ, сопу́хъ, козу́ля, сомъ, сэле́дэць, лящъ, самору͡одка.

---

1) Дзикъ польск. dzik—дикій кабанъ; кернозъ — малор. кнорозъ.

2) Ка́вка, польск. kawka-галка; въ Херс. губ. га́ва.

Гады: жа́ба, ко́ропъ, пра́чикъ, я́щурка, ужъ, змія́, гадъ, га́дина, черэпа́ха.

Насѣкомыя: пщола́, ма́тка, тру́тэнь, му́ха, чмі͡ель, мо́шка, ґезъ, бомкъ, кома́ръ, прусъ, таранъ, стоно́га, саранча́, слипа́къ, оса́, роба́къ, че́рва, хрущъ, му͡оль, глистъ, моты́ль, свэрсту́нъ, ко́никъ, вошь, блоха́, плюєка, гнида, плавунэць, жукъ, ше́ршень, музыка́нтъ, коза́вка, свэркупъ, мура́ха, кліе͡щъ.

Ра́ки, павуки́, слима́къ, пьявка.

Народныя повѣрія о нѣкоторыхъ животныхъ.

Въ отдѣлѣ «Образцы Ломазскаго говора. Народные разсказы» я привелъ нѣкоторыя повѣрья о животныхъ, такъ, напримѣръ, о происхожденіи волка, аиста, медвѣдя, о чертовой сестрѣ сорокѣ и совѣ, которую вѣшаютъ въ конюшняхъ, чтобы чертъ не ѣздилъ на кобылѣ. Кромѣ того, существуютъ у народа слѣдующія примѣты и повѣрья:

Собаки. Вой собакъ предвѣщаетъ пожаръ.

Кошка. Когда кошка умывается, значитъ, что гость придетъ. Нѣкоторые крестьяне отрубливаютъ хвостъ у котовъ, думая, что въ нихъ сидитъ нечистый духъ.

Сычъ-пуо͡тькачъ. Если сычъ сядетъ на чью-нибудь хату и начнетъ кричать, то непремѣнно кто нибудь умретъ въ ней.

Кукушка-зазуля. Если кукушку первый разъ кто услышитъ, то нужно считать сколько разъ она прокукуетъ, столько и лѣтъ останется жить человѣку. Если въ карманѣ будутъ деньги, когда первый разъ услышитъ, какъ кукуетъ кукушка, у того никогда не переведутся деньги; а если денегъ не было, то на всю жизнь останется бѣднымъ. По повѣрію народа, кукушка послѣ Петра и Павла превращается въ ястреба.

Летучая мышь-кожанъ. Когда мышь съѣстъ «свячоного» на Пасху, то превращается въ летучую мышь или кожана́, и всѣ

увѣрены, что кожанъ дѣлается изъ мыши, попробовавшей чего нибудь изъ пасхальнаго стола.

Пчелы. Пчелы пользуются большимъ уваженіемъ у крестьянъ, такъ какъ онѣ дѣлаютъ для человѣка медъ, а для Бога воскъ и потому считается грѣхомъ убить пчелу или сказать, что пчелы подохли, а нужно говорить, «вмерли», какъ выражаются о христіанахъ.

Гады. Ужей и змѣй вмѣняется въ обязанность убивать, и за это Богъ проститъ грѣхи. Поэтому аистовъ, которые, говорятъ, глотаютъ ужей и гадюкъ, считаютъ благодѣтелями, уважаютъ ихъ и любятъ и никогда ихъ не преслѣдуютъ и не обижаютъ, считая за счастіе, если они совьютъ гнѣздо на чьей нибудь хатѣ йли клунѣ.

Языкъ у животныхъ. По повѣрію народа, животныя имѣютъ свой языкъ, какъ и человѣкъ, но ихъ разговора люди не понимаютъ.

Вырій или Выріе. Теплую страну, куда птицы улетаютъ на зиму и откуда возвращаются къ намъ весною, называютъ Выріемъ, и говорятъ: «Гуси полетіели до Вырія; журавліе летятъ изъ Вырія». Что за слово Вырій—какого оно этимологическаго происхожденія, неизвѣстно; Аѳанасьевъ въ своемъ сочиненіи «Поэтическія возрѣнія древнихъ славянъ на природу» сближаетъ Вырій со словомъ рай. Вирій, древн. рус. ирии (Въ поуч. Владимира Мономаха «изъ ирья»)—очевидно, названіе первобытной родины славянъ и другихъ арійскихъ народовъ, переселившихся въ до-историческія времена въ Европу.

Части человѣческаго тѣла и животнаго.

Голова́, шія, ру́ки, но́ги, гру́ди, живуо́тъ че́рэво, хрибэ́тъ, буо́къ, рэбро́, хвуо́стъ, жи́ла, куо́сть, мо́зокъ, шпиґъ, кровъ, су́кровиця, юха́, шкуо́ра, хращъ, во́лосы и волуо́се, пэра и пі́ерье, луска́, щети́на, во́вна, шерсть, пухъ, горбъ, мнясо.

Части головы: тваръ, мо́рда, черэпъ, потылица, тіемэне, о́чи, у́ха, лобъ, нуосъ, ноздры, ро́ги, че́люсть, що́ки, ротъ, гу́ба, ры́ло, жоло́, у́сы, пыскъ, чубъ.

Части рта, шеи. руки и ноги: зубы, горло, ґардзюолка, ґа́ґавка, грыва, пащёнка, плече́, луокоть, доло́ня, па́льци, мизи́нэць, стэгно́, голёпа, пьята́, подошва, пазу́ръ, колі́ено, язы́къ, поднебе́не, лопа́тка, копы́то, крыло́, дзюбъ, воле, пудво́ле, лапа, жабры. Бровы, чоловіечки, віеки, билки. Поясни́ця, кишки́, ке́ньдюхъ, калду́нъ, сэрцэ, слязь, пухіеръ, мы́рка, жовчъ, вымэне, цицьки́, пэчуонка-онтроба леткая и тяжкая.

Кадыкъ-ґаґавка. Происхожденіе кадыка объясняетъ себѣ народъ слѣдующимъ образомъ: когда Адамъ въ раю взялъ отъ Евы яблоко, чтобы его попробовать, то во время ѣды поперхнулся и яблоко у него застряло въ горлѣ, и съ тѣхъ поръ всѣ люди рождаются съ Адамовымъ яблокомъ (зъ ґаґавкою).

Растенія.

Плодовыя деревья: я́блыня, гру́ша, сли́вка, ви́шня, чере́шня.

Плоды: яблыко, гру́шка, сли́вка, орі́ехъ, Фи́ґа.

Сорты грушъ: билу́ха, червону́ха, камэну́ха, вислу́ха, вои́нка, сапежа́нка, па́нна.

Лѣсныя деревья: со́сна, бэрэ́якъ, хвои́на; бэрэза, бэрэзина; уольха, ольши́на, дубъ и дубина, грабъ и граби́на, сокорь́на, топуоль, вэрба и вэрби́на, клюонъ, и́ва, я́сюнъ, оси́на, бэрэстъ, яли́на, я́воръ, ли́па, орабъ, кошла́къ.

Кусты и ягоды: лещи́на, шепши́на, бэзъ, яловэць, хворо́стъ, жовтолы́чка, дэрэза́, молоки́та, чере́мха, смородина, порычки, я́ґрэстъ, круши́на, черни́ця, мали́на, ожи́на, журавли́ны, лохи́ны, баранюхи, позюомки, вовчи я́гуды, калина, рабина, виноградъ.

Цвѣты: ро́жа, очи́токъ, барви́нокъ, ґира́нія, ру́та, ґо́здика, розма́ринъ, мацёра́нка, чибре́ць, я́скры, румья́нокъ, лилія, бахрі́е, повуойка, пивонія, ґо́зьдики, ґеорґи́ня.

Хлѣбныя растенія: жи́то, пшени́ца, овэсъ, ячмі̀ень, про́со, горо́хъ, сачеви́ца, грэчка.

Огородныя растенія: карто́фли, капу́ста, бурак и́, мо́рква, бру́ква, цибу́ля, часны́къ, рі̀епа, рэдька, ды́ня, гарбу́зъ, ты́ква, пастэрна́къ, бу̀объ, шлапа́къ, фасо́ля, пэтру́шка, шала́та, хрі̀енъ, чорну́шка, гурки́, кру̀опъ.

Травы, зелье и другія растенія: пирі̀ей, костэрэва, митла́, бле́кутъ, чортополо́хъ, бодя́къ, ризо́ха, конюши́на, куку̀оль, подоро́жникъ, копы́тникъ, сварыбаба, ситникъ, со́сэнька, хву̀ощка, копры́ва, лата́ге, плишни́къ, лобода́, щаву́хъ, слипу̀отка, горо́шокъ, вэрэсъ, лопу́хъ, повву̀ойка, бахо́ръ, осо́ка, тростина́, мони́стъ, бу́здэрэве, любы́стокъ, шпоры́хъ, мохъ, лиша́й, па́нороть паску́дникъ, зазу́лина трава.

Грибы-губы: грыбъ, козакъ, масли́хъ, рэшетня́къ, красноголо́вэць, мухомо́ра, синя́къ, пу́рхватка, червону́ха, рыжо́къ, опэ́ньки, плиски́.

Масличныя растенія: лёнъ, коно́пли, рыпа́къ.

Садоводство. Мѣстные жители, какъ вообще всѣ малоруссы, любятъ возлѣ своихъ хатъ разводить сады, и рѣдко у кого не бываетъ посажено нѣсколькихъ плодовыхъ деревъ и ягодныхъ кустовъ.

Части растеній: ко́рэпь, корі̀ене, вэрхъ, голя́ка, сукъ, кора́, оболо́не, сэрэдина, лубъ, стэбло, колосъ, ру́но, цві̀етъ, ли́сьце, коліеньце, ботви́не, хмэли́на, сьципи́ре, лупи́на. Дупло́, стэрно́, пэнь, ля́ко. Сі̀емэне, зэрно́, ядро́, ши́шка, стручо́къ, смола́, живи́ца, су̀окъ, кліей, гу́бка, ра́ло, кошута́.

Ископаемыя.

Земли: чорная, писо́къ, гли́на, мулъ, сапъ, щі̀ерэць, ва́пно.

Камни: ка̀мэнь, камі̀ене, кра́мэнь, ма́рмуръ.

Металлы: зэлі̀езо, мі̀едь, о́лово, сріебло, зо́лото, сталь.

Минералы: су̀оль, сі̀ерка, галу́нъ, крэйда, комфо́ра.

Земля. Земля, по убѣжденію народа, плоская, круглая и стоитъ на водѣ. Къ землѣ относятся съ уваженіемъ и любовью, называя ее святой землицей; а когда по утрамъ и вечерамъ молятся, то цѣлуютъ ее, какъ какую нибудь святыню.

Камни. По увѣренію нѣкоторыхъ крестьянъ, камни, находящіеся на поляхъ, выросли изъ земли.

Перунова стрѣла. Окаменѣлости въ видѣ конуса, находимыя нерѣдко въ землѣ, называются пэруновыми стрі͡элами на томъ основаніи, что когда «Пэ́рунъ уда́ритъ, то стрила́ лети́тъ въ въ зэ́млю».

Вода, огонь, воздухъ.

Состояніе воды: вода́, окру͡опъ, па́ра, стю͡онъ, лю͡одъ.

Виды воды: морэ, рика́, са́джавка, езё́ро, зато́ка, плесъ, калю́жа, яру́га, крыниця, коло́дэзь, жерэло́, боло́то — багно́.

Огонь — ого́нь, дымъ, и́скра, по́ламэне, жаръ.

Воздухъ — пові͡етрэ, духъ, запа́хъ, смору͡одъ.

Явленія природы: дощъ, сні͡егъ, шадъ, роса́, градъ, мгла, о́болоко, хма́ра, ві͡етёръ, бу́ра, вѝхоръ, гру͡омъ — гримо́ты, блискавка, пэрунъ, тэнча, тэпло́, хо́лодъ, морозъ, одли́га, ростэча, мэтэлю́га, завиру́ха, ві͡ейка.

Вѣтеръ. Если сильный вѣтеръ дуетъ и свищетъ, то говорятъ, что кто-то повѣсился.

Вихрь. Вихрь производитъ, по убѣжденію народа, чертъ, который несетъ и крутитъ песокъ и листья. Крестьяне, замѣтивъ приближающійся къ нимъ вихрь, усердно крестятся, чтобы бѣсъ не сдѣлалъ имъ какого нибудь вреда.

Громъ. Громъ объясняютъ тѣмъ, что святый Илья ѣздитъ по небу и производитъ грохотъ. Когда гремитъ, то дѣтямъ говорятъ: «Бозя сваритьця».

Молнія - блискавка. Когда сверкаетъ молнія (блиска́е), то говорятъ, что это небо раскрывается и показывается людямъ; когда она ударитъ, то говорятъ, что «пэ́рунъ уда́ривъ».

Радуга-тэнча. Думаютъ, что радуга пьетъ воду изъ моря, чтобъ сдѣлать запасъ для дождей.

Свѣтила небесныя.

Со́ньце, со̀нэчко, мі͡е́сяць, зора́, митла́.

Созвѣздія: гости́нэць, ву͡о́зъ, ку́рочка, косарі͡е.

Луна-мі͡э́сяць. Пятна на лунѣ изображаютъ собою, по мнѣнію народа, Каина, держащаго Авеля на вилахъ.

Комета—митла. Всѣ убѣждены, что кометы непремѣнно предвѣщаютъ народное бѣдствіе — войну, моръ и т. д. Въ подтвержденіе своего мнѣнія указываютъ на войны, на канунѣ которыхъ всегда появлялись кометы.

Падающія звѣзды. Когда увидятъ, что звѣзды падаютъ, то говорятъ, что это «нэхри́щены дi͡е́ти па́даютъ на зэмлю» и при этомъ случаѣ нѣкоторые произносятъ молитву на польскомъ языкѣ.

Государства, области, мѣстности.

Русь, Ро́ссія, Моско́вщина, Пу͡о́льща, Ли́тва, Украи́на, Поду͡о́ле, Волы́нь, Коза́ччина, Капка́зъ, Сибi͡е́ръ, Гали́ція, Полi͡е́се, Нимéччина, Турéччина, Пру́ссы, Австрія, Фра́нція, Англія.

Урочища: ма́стыръ, церковиско, костéлиско, дво́риска.

Наслѣдственныя земли: ба́тькувщина, матери́нщина, дi͡е́дувщина, попу͡о́вщина.

Для указанія мѣстностей Гродненской губ. служитъ выраженіе «за Бу́гомъ, за Бэ́рэстёмъ»; для опредѣленія мѣстъ со сплошнымъ мазурскимъ населеніемъ, говорятъ «на мазура̀хъ». Названія—Малороссія, Новороссія, Бѣлоруссія мѣстнымъ жителямъ неизвѣстны; а если и усвоены эти географическія наименованія нѣкоторыми грамотными крестьянами, то только изъ книгъ во время школьнаго обученія. Даже названіе своей родины—Подляшье и Холмщина въ народной рѣчи не употребляется, такъ какъ эти

географическіе термины книжные. Эта страна въ XIII в. была извѣстна подъ именемъ Украины, въ составъ которой входила вся русская мѣстность нынѣшней Сѣдл. губ., называемая съ XV вѣка Подлясьемъ или Подляшьемъ. О происхожденіи названія этой страны существуетъ два мнѣнія: поляки утверждаютъ, что Подлясье происходитъ отъ словъ — pod и las, т. е. страна, находящаяся подъ лѣсами; русскіе же писатели полагаютъ, что слово Подляшье или по латинскому написанію Podlachia произошло отъ словъ—подъ и ляхъ, т. е. страна, расположенная вблизи ляховъ, т. е. поляковъ. По закону этимологіи послѣднее объясненіе болѣе правдоподобно, чѣмъ первое, такъ какъ въ польскомъ языкѣ звукъ **a** въ словѣ las измѣняется въ **e**: leśny, podleśny, nadlesny, Zalesie; слѣдовательно нужно было бы писать не Podlasie, а Podlesie. Кромѣ того, русское правописаніе этого слова основывается на латинской конскрипціи и на историческихъ данныхъ: еслибъ Подляшье происходило не отъ слова ляхъ, а лѣсъ, то по латыни писали бы не Podlachia, а Podlassia; въ Густынской лѣтописи и въ древн. грамотахъ на западно-русскомъ языкѣ всегда писалось Подляшіе или Подляшье.

Строенія, домашняя утварь, пища, одежда.

Дуо̀мъ, ха́та, па́лацъ, за́мокъ, це́ркв^, мастыръ и намасты́ръ, кля́шту̀ръ, ко́сцюлъ[1]), капли́ця, бужни́ця, райшу́ля, шко́ла, австэ́рія, корчма́, хлѣ̀въ, клу́ня, шпихѣ̀ръ, стайня и конюшня, млынъ и млинъ, витра́къ, допта́къ, ку́зня, крамъ, я́тка, клѣ̀тка, камэни́ця, овча́рня, обо́ра, зэмля́нка, свини́нэць, лёхъ, оліярня, Фалю́шъ, Фа́брика, гу́та, клеба́нія, звуни́ця, крэмина́лъ, гминная канцэлярія, гаптыка.

---

1) Сооруженіе старинныхъ высокихъ церквей и костеловъ народъ приписываетъ чуду, такъ напр., когда строился Лѣснинскій монастырь (въ 25 верст. отъ г. Бѣлы), то по мѣрѣ возвышенія стѣнъ, монастырь входилъ въ землю; а когда была сдѣлана на немъ крыша, то вышелъ изъ земли.

Части хаты и ея принадлежности: пудва́лины, зрубъ, стіе́ны, по́лапъ, гора́, стрі́еха, кро́квы, ла́ты, бэ́льки, о́кна, пі́ечь, двэ́ры, ко́мэнъ, пудло́га, зэ́мля (глин. полъ), призьба.

Части печки и ея принадлежности: чарі́енъ, бу́ндуръ, ку́опка, че́люсть, ды́мникъ, зату́лка, за́ткало, рога́чъ, коцюба́, помэло́, бля́ха. Почетный уголъ подъ образами — по́куте.

Въ хатѣ находится жилая комната (хата), сіе́ни, кладовая (комо́ра), а въ иной — альковъ (ванкіе́ръ — alkierz). Бываютъ и двойныя хаты (подву́ойныи). Всѣ крестьянскія и мѣщанскія постройки (буды́нки) въ Забужьи деревянныя, а крыши соломенныя; только въ уѣздныхъ городахъ встрѣчаются крыши, покрытыя тесомъ (ґонтами). Какъ внѣшній видъ хаты, такъ и внутреннее ея устройство въ теченіе истекшаго столѣтія значительно измѣнились. Еще въ началѣ прошлаго вѣка всѣ крестьянскія избы были курныя, какъ объ этомъ разсказываютъ старики; были онѣ небольшаго размѣра, съ маленькими окошками, съ глиняными полами, а затѣмъ, по мѣрѣ улучшенія быта крестьянъ и ихъ жилища начали улучшаться, и въ настоящее время у нѣкоторыхъ поселянъ и мѣщанъ замѣчается даже нѣкоторая роскошь въ устройствѣ жилищъ. Послѣ освобожденія крестьянъ, начали строить хаты въ видѣ городскихъ домиковъ, настилать въ нихъ досчатые полы, обзаводиться на зиму двойными рамами, устраивать печи съ желѣзной плитой, (фае́рки) взамѣнъ камина (ко́мэнъ), гдѣ по вечерамъ и утрамъ варили кушанья и лучиной освѣщали комнату. Теперь лучины нѣтъ и въ поминѣ, и свѣтильнымъ матеріаломъ служитъ керосинъ (на́фта). Теперь въ окнахъ крестьянскихъ жилищъ можно даже видѣть иногда и цвѣтныя занавѣски (фира́нки) и выкрашенныя рамы. Какъ измѣнилось устройство хаты въ теченіе вѣковъ можно судить даже по однимъ названіямъ ея частей и принадлежностей: чисто народныя наименованія показываютъ типъ стариннаго жилища; позаимствованныя же названія изъ польскаго языка, которыя по большей части нѣмецкаго происхожденія, свидѣтельствуютъ о позднѣйшемъ улучшеніи крестьянской хаты. Но та-

кое улучшеніе, замѣчается не у всѣхъ крестьянъ—у болѣе бѣдныхъ сохранилось устройство избы прежнее, какое существовало въ 60-хъ годахъ истекшаго вѣка, но такихъ хатъ въ настоящее время въ Ломазскомъ приходѣ осталось незначительное число.

Народная школа. До освобожденія крестьянъ въ Забужномъ краѣ, по селамъ школъ вовсе не существовало, только въ городахъ и посадахъ (мѣстечкахъ), были устроены церковно-приходскія въ 50-хъ годахъ. Въ то время изъ крестьянъ рѣдко кто зналъ грамоту. Послѣ польскаго возстанія правительство начало устраивать народныя школы повсемѣстно, и въ настоящее время все Забужье покрылось густой сѣтью народныхъ училищъ, и теперь рѣдко какое селеніе остается безъ школы. Въ половинѣ 60 годовъ открыто было довольно много народныхъ училищъ, но въ настоящее время число ихъ учетверилось. Такъ напримѣръ въ 70-хъ годахъ въ Ломазскомъ приходѣ было одно училище, а въ настоящее время уже существуетъ 4 школы. Такое увеличеніе числа народныхъ школъ объясняется заботливостью нашего правительства о возрожденіи русской народности въ Забужномъ краѣ. По школамъ происходятъ народныя чтенія съ туманными картинами и на эти чтенія охотно собираются не только православные, но и упорствующіе уніаты и католики.

Мебель: сту͡олъ, стуле́цъ, ла́вка, кріе͡сло, полати, лу͡о́жко, ша́фа, скры́ня, куфэрокъ; поли́ця, гра́дка, коль́шка (колыбель).

Въ крѣпостное время крестьяне спали на полатяхъ, а теперь многіе изъ нихъ обзавелись кроватями. Теперь можно видѣть въ иной крестьянской избѣ и простые стулья, чего прежде не было у крестьянъ въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Посуда: ми́ска, го́рчикъ, саґа́нъ, вэртюха, збано́къ, глады́шка, тали͡е́ръ, бо́чка, видро́, кру́жка, копанька, жлу́хто, ряжка, стаго́вка. дижа́ — ді͡е́жка, цэбрикъ, скля́нка и шкля́нка, бутэ́лька, фля́шка, кили́шокъ, самова́ръ, ча́йникъ, балія, кры́то, пувми́сокъ, котёлъ, калама́ръ, ки́лихъ.

Издѣлія изъ соломы — коро́бка, сту́жка, ґа́рнэць.

Изъ лозы — ко́шикъ, ке́льня, вэршка, колышка.

Кушанья: хлі͡ебъ, пиру́о͡гъ, бу́лка, пудполо́нникъ, пля́цокъ, коровай, палюхи́, обара́нокъ, кнышъ.

Жидкая пища (страва): борщъ, ка́ша, кру́пникъ, затіе́рка, журъ, солоду́ша, студэнэць, каплу́нъ, кутя́, кисі͡е́ль, локшины, узваръ, горо́хъ, сачеви́ця.

Молочная:—масло, сыръ, творо́гъ, моло́зиво, молоко́, смэта́на.

Мясное: мня́со, за́куска, солони́на, кумпъ, колбаса́, ки́шка, пэче́ня, свини́на, порося́тина, я́ловичина, бара́нина, гуся́тина, дрэгели́ны — дрегліе́.

Рыба — рыба, ю́шка зъ рыбы.

Напитки (тру́нки): вода́, квасъ, молоко, пиво, горі͡е́лка, мі͡е́дъ, гарбата и чай, ка́ва, га́ракъ.

Ужинъ въ сочельникъ — вэчера на коляду: горі͡е́лка, пи́во, борщъ зъ грибами, кутя́ зъ макомъ и мэдомъ, горо́хъ съ оліёмъ, кисі͡е́ль (овсяный), пастэрна́къ, узваръ, сэле́дци, сма́женая ры́ба, ва́рэная рыба, си́тны хлі͡е́бъ, пироги́, налесни́ки.

Пасхальный столъ — паска, свячонэ: хлі͡е́бъ, ба́ба, я́йця, сыръ, ма́сло, колба́сы, кумпъ, тэля́тина, свини́на, порося́, солони́на, горі͡е́лка, пиво. Въ видѣ дессерта иногда бываетъ медъ въ сотахъ.

Въ послѣднія времена началъ входить въ употребленіе чай и кофе изъ ячменя; нѣкоторые изъ крестьянъ болѣе зажиточныхъ обзавелись даже самоварами, чего не было въ обычаѣ въ прежнее время, когда была панщина.

Одежда-одіе́не: ша́пка, сукма́нъ, кожу́хъ, тулу́бъ, шу́ба, сукня́нки, спо́дни, камизэ́лька, капота, пальто́нъ, шпанці͡е́рокъ, кафта́нъ, поя́съ, пацру́жка, капэлю́шъ, ко́рсэтъ, киба́лка, бу́рка, шиві͡е́ль, су́рдутъ, хустка, шаль, пріяцю͡о́лка, ку́рта, анґе́рка.

Части одежды: комі͡е́ръ, по́лы, фа́лды, кише́ня, ґузы.

Бѣлье: соро́чка, нагави́ци, ручни́къ, пигу́ля, фартух, пу͡о́лка, пу͡ошувка, пла́хта, ху́стка, чі͡е́покъ, обру́сокъ, панчо́хи, спудни́ця.

Обувь: постолы́, ходаки́, чо́боты, кама́ши, калёши, чи́жмы, черевики́, патынки, вы́ступци.

Части обуви: холява, обца́съ, пудошва, уха, вэрвэ́чка.

Въ послѣднія тридцать лѣтъ какъ въ обстановкѣ хаты, такъ и въ одеждѣ мѣщанъ и крестьянъ Ломазскаго прихода и сосѣднихъ мѣстностей произошли нѣкоторыя перемѣны: теперь въ будни носятъ одежду стараго покроя изъ сукна домашняго приготовленія, а по праздникамъ молодежь одѣвается по городскому, дѣлая костюмы изъ матерій фабричнаго издѣлія. Теперь даже входитъ въ моду носить галоши, дождевые зонтики и даже карманные часы.

Многіе изъ мѣщанъ и крестьянъ курятъ папиросы, чего раньше не бывало; прежде старики обыкновенно нюхали табакъ. Трубка (люлька), повсемѣстно употребляемая полѣхами, въ Ломазахъ и окрестныхъ селеніяхъ рѣдко встрѣчается.

Въ Забужной Руси съ древнихъ временъ сохранился доселѣ обычай носить одежду темно-рыжаго цвѣта изъ шерсти черныхъ овецъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ наприм. въ Ломазахъ, Россошѣ и сосѣднихъ деревняхъ, уже давно одѣваются въ платья сѣраго цвѣта, т. е. изъ смѣси черной и бѣлой шерсти, по примѣру мелкой польской шляхты — отъ которой позаимствовали и покрой нѣкоторыхъ одеждъ—капо́ту взамѣнъ стариннаго сукмана́, камизе́льку, шпанці͡е́рокъ, капелю́шъ, спо́дни и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ Забужья, почти вездѣ, носятъ сукма̀нъ, а полѣшки киба́лку—родъ кокошника. Судя по названію, «чо́буты» не туземнаго, а иностраннаго происхожденія. Такого же происхожденія разнаго покроя одежда и обувь, позаимствованныя впослѣдствіи отъ горожанъ и мелкой шляхты.

Орудія, экипажи, упряжь, судна.

Земледѣльческія орудія: соха́, борона́, плугъ, лопата́, зели͡е́зникъ, шо́пля, гра́бли, коса́, мотычка, ви́лы, соки͡е́ра, топо́ръ; сика́чъ, сика́чка, сэрпъ, ці͡е́шъ, сичкарня.

Разныя орудія, инструменты: ну͡ожъ, цизо́рикъ, цыга́нчикъ, молото́къ, гэбэль, го́лка, но́жници, ши́ло, кли͡ещи, стругъ, долото́; товка́чъ, бичъ, бату͡огъ, кій, бу́лава, костю́ръ, мэтэнька, си́то, ры́шето, ло́жка, ополоникъ, кны́бэль, ле́щи.

Части орудій: сушни́къ, ра́ло, поли́ця, плаха, топорыско, обу́хъ, остріё, черэно́къ, дэржа́къ, бичи́льне, ципи́льне, зу́бы, гра́блиска.

Оружіе: фузія, стрильба́, дзи́да—пи́ка, ша́бля, па́лашъ, гарма́та и пу́шка, дубэльту͡овка, караби́нъ, пистоле́тъ, тэса́къ, лукъ.

Части ружья и снаряда: ло́же, лю́фа, шру͡отъ, ку́ля, момба, ку́рокъ, писту͡онъ, по́рохъ.

Рыболовныя снасти: колы́шка, вэ́ршка, въятёръ, кло́мля, сачо́къ, у́дка, нэвудъ.

Сельско - хозяйственныя машины въ среду мѣстныхъ крестьянъ еще не проникли, вслѣдствіе ихъ дороговизны и потому всѣ работы производятся первобытнымъ способомъ; въ другихъ же мѣстахъ Россіи, какъ, напримѣръ, въ Херсонской губ., многіе молотятъ и вѣютъ машинами. Всѣ почти деревянныя орудія, а также рыболовныя снасти сами хозяева приготовляютъ для своей надобности.

Повозки, экипажи: ву͡озъ, фу͡ора, тэли͡ега, тарата́йка, би͡едка, бры́чка, кари͡ета, са́ни, халабу́да, дрожки.

Части воза, саней, колеса: пэрэдо́къ, задъ, лю́шня, колесо́, ды́шель, ось, шво́рень, драби́на, зво́ны, ступи́ця, спи́ци, по́лозы, огло́бли, лоно́къ, пыжъ.

Упражь: ярмо́, нару͡ожникъ, дуга́, хаму́тъ. по́воды, лейцы, сидло́, шлія́, стрэмэна́, пу́то.

Судна: чово́нъ, ло́дка, парахо́дъ, о́крэнтъ—корабль, бэрли́на.

Мѣры.

Мѣры длины: пьядь, цаль, ло́коть, са́жень, вэрста́, миля, ста́и, кро́ки.

Вѣсъ—вага: фунтъ, пудъ, лотъ, цэ́тнаръ. Мѣ́ра вѣ́са—ва́ґи (вѣ́сы), безмі͡е́нъ.

Мѣ́ры жидкостей: видро́, бо́чка, ґа́рнэць, кварта, пувква́рты, кватырка.

Мѣ́ры сыпучихъ тѣлъ: жмэня, при́горчи, ґа́рнэць, чві͡е́ртка, ко́рэць, ква́рта, то́рба, мишо́къ.

Мѣ́ры поверхности: воло́ка, морґъ, прэнтъ, пувлу͡о́чокъ, четвэрти́на.

Деньги-гроши: *мѣ́дныя* — ше́лягъ (1/6 коп.), гру͡о́шъ (1/2 к.) пувкопі͡е́йки, копі͡е́йка, троя́къ (1 1/2 коп.), пьята́къ (2 1/2 коп.), дэся́тка (5 коп.); серебряныя:—дэся́тка, злоты и золоты́й, (15 коп.) сорокоу͡о́вка (20 к.), пуврубля, рубэль; золотыя — черву́нэць; бумажки—банкоцетли.

Шеляги ходятъ еще между евреями — которые даютъ ихъ своимъ ницимъ собратьямъ. Снопы, яйца, грибы считаютъ ко́пами; въ копѣ́ находится 60 штукъ.

Дрова: ву͡о́зъ, са́жень, бэрэмэне.

Время (часъ): мину́та, година́, дэнь, ты̀ждэнь, мі͡е́сяць, вэсна́, лі͡е́то, о́синь, зима́, ру͡о́къ, ві͡е́къ.

Части сутокъ: дэнь, ну͡о́чъ, полу́дэнь, пу͡о́вночь, ра́нокъ, вэчуръ, сьвита́не.

Дни недѣли: понэді͡е́локъ, вувто́рокъ, сэрэда́, четвэ́ръ, пья́тница, суббо́та, неді͡е́ля.

Названія мѣ́сяцевъ у мѣ́стныхъ жителей старославянскія отчасти съ народнымъ произношеніемъ, а отчасти съ польскимъ: Сты́чень, Лю́ты, Ма́рэць, Квѝцень (въ Докудовѣ Со́чень), Май, Че́рвэць, Ли́пэць, Сэрпэнь, Вре́сень Паздѐрникъ, Листопа́дъ, Гру́дэнь. Въ общежитіи рѣ́дко употребляются названія мѣ́сяцевъ, а въ большинствѣ́ случаевъ считаютъ время, какъ всѣ́ малороссы, по праздникамъ, постамъ, временамъ года и по полевымъ работамъ: пэрэдъ Пэтромъ, по Вэли́цедни, въ Пилиповку, въ Спа́сувку, вэсною, зимою, лі͡е́томъ, ввóсэни, пэрэдъ жнива́ми, въ косови́цю и т. п.

Сельское хозяйство (господарство).

Работы на пашнѣ—въ поли: ора́ти, ра́лити, зябли́ти, боронова́ти, скорѡ̀дити, обо́рувати, сіяти, жа́ти, вози́ти.

Виды пашни: гру́ды, скибы, загóны, боро́зны, облоги́, попэрэчники, ра́леники, паръ, збу͡оже.

Жатва—жнива. Виды хлѣба—збуожа: сну͡опъ, мы́дэль, ски͡ерда.

Молотьба—молотити. Соло́ма, зэрно́, послі͡едъ, згóнины, поло́ва.

Виды и сорты соломы: околóты, кóшманая, жи́тная, пшени́чная, овся́нка, ячмя́нка, горóшвины.

Продукты зерна—семѣни: мука́, дэрть, вы́сивки, отрубы, крупа́, яглы́, кутя́; оли͡ей и мáкухъ. Ручная мельница — жóрна зъ млёномъ, сту́па съ товкачóмъ.

Сѣнокосъ-косовиця. Работа — коси́ти, гра́бити, ворши́ти, копи́ти, возити.

Лугъ — лонка: трава́, сі͡ено, ота́ва, виша́ръ.

Виды сѣна: поку͡осъ, óчерэтъ, копи́ця, стру͡огъ. Труха отъ сѣна называется мэрва. Лугъ по мѣстному лонка; въ другихъ селахъ Забужья называется лу́ки, а иногда и лугъ.

Мѣстные малороссы по большей части для названія работъ употребляютъ глаголы, а въ рѣдкихъ случаяхъ и существительныя: оране, коси͡эне, полóте, копане, соли͡эне.

Садъ и огородъ — садъ и городъ. Работы — копáти, сади́ти, поливáти, полоти, щипи́ти, рвáти, тручáти, рубáти.

Пасѣка — паси͡ека—улій, маточникъ, вощи́ны, ми͡едъ, ву͡оскъ, воскобóины, сви͡ечка, грумни́ця. Пчеловодствомъ рѣдко кто занимается, а если у кого и есть пчелы, то по нѣсколько ульевъ колодочной системы — о раціональномъ пчеловодствѣ здѣсь не имѣютъ понятія. Крестьяне очень неохотно пускаютъ посторонникъ въ свои посѣки изъ опасенія, чтобы пчелъ не сглазили.

Ткачество. — Пряжа — прадиво: лёнъ, ку́жель, кло́чэ, во́вна, нитки́, повіе́смо, кудэля, почи́нокъ, му́отокъ, клубо́къ, па́смо, осно́ва, полотно́, сукно́.

Снаряды при обработкѣ льна, пеньки и шерсти: трэпа́чка, тэртка, грэбэнь, по́дэсь, коновру́токъ, мотови́ло, вэрэтено, кро́сна. *Кро́сна — ихъ части и принадлежности*: воротѝло, бэ́рдо, ни́чаници, чо́вникъ, ці́евка, сука́дло. Кромѣ холста, полотна и сукна, здѣсь еще ткутъ крестьянки рядна и килимы въ родѣ ковровъ.

Обработка дерева: коло́да, дыль, бэлька, до́щка, тэрти́ця, кле́пка, ви́тка, опу́олокъ, стовпъ, кулóкъ, же́рдка. Колодэзь, пэрэла́зы, плу́отъ, парґанъ, му́остъ, паль, ві́еха, журавэль, клю́чка, ві́еникъ, митла́, парэнчи, драби́на.

Культурные пережитки: по́дэсь съ вэрэтеномъ, сту́па съ товкачемъ, жорна съ мле́номъ. До 60-хъ годовъ прошлаго вѣка подесь съ веретеномъ (прялка простая) въ Забужьи былъ вездѣ употребляемъ для пряжи; въ 60 и 70-хъ годахъ появился среди крестьянъ коновру́отокъ—kołowrótek (самопрялка съ колесомъ) и мало-по-малу вытѣснилъ изъ употребленія первобытный по̀десь, такъ что въ настоящее время только изрѣдка прядутъ на немъ старухи, непривыкшія съ самопрялкѣ. То же самое можно сказать о ступѣ и жо́рнахъ (ручныхъ мельницахъ): ручная ступа съ толкачемъ теперь замѣнена болѣе удобной ножной; жо́рна, которыми мололи прежде вездѣ по хатамъ муку и дерть для свиней, въ настоящее время только служатъ для послѣдней цѣли, а рожь и пшеницу везутъ на мельницу. Въ 60 и 70-хъ годахъ только передъ Пасхой обыкновенно мололи муку для куличей на вѣтряныхъ и водяныхъ мельницахъ; въ другое время мало кто изъ крестьянъ нуждался въ мельницѣ, довольствуясь своими жо́рнами, унаслѣдованными отъ своихъ дѣдовъ, прадѣдовъ. Къ культурнымъ переживаніямъ можно отнести калитку съ огнивомъ (калитка, кресило, крамэнэ́ць, губка): прежде эти вещи для добыванія огня находились въ каждой хатѣ, а теперь въ большинствѣ случаевъ для этой цѣли держатъ спички.

Засѣ́вки. Крестьяне, приступая къ какимъ нибудь полевымъ работамъ, всегда крестятся и молятся, чтобъ Господь Богъ далъ имъ счастливо окончить работу и послалъ хорошій урожай. Въ случаѣ засухи ходятъ крестные ходы по полю, служатъ молебны и вообще ежегодно весною ходятъ процессіей на нивы и освящаютъ свои хлѣба. Но особенно съ благоговѣйнымъ чувствомъ начинаютъ посѣвъ ржи — жита. Помолившись усердно Богу, домохозяинъ (господа́рь) дѣлаетъ крестъ на грядкѣ изъ пучка ржи, освященной въ церкви, затѣмъ засѣваетъ это мѣсто зернами, выбитыми изъ колосьевъ того же пучка, и бережно покрываетъ ихъ землею. И только послѣ совершенія этого религіознаго народнаго обычая, хозяинъ начинаетъ сѣять озимую рожь на своемъ полѣ.

Дожинки или обжинки. Когда дожнутъ рожь, то жницы связываютъ пучекъ ржаныхъ колосьевъ въ видѣ снопочка и дѣлаютъ вере́ю. Рожь эту освящаютъ въ церкви на Маковія и затыкаютъ за образа до засѣвокъ. Въ крѣпостное время этотъ снопочекъ ржи и вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтовъ относили своему пану, оглашая дворъ пѣснями по этому случаю. Этотъ вѣнокъ съ житомъ обыкновенно несла «по́статница», которая жала «на по́стати» т. е. впереди всѣхъ жнецовъ. По окончаніи жатвы ржи, какъ я уже замѣтилъ выше, жницы дѣлаютъ вере́ю, причемъ поютъ пѣсни, сложенныя по этому случаю. Для вереи оставляютъ рожь на корню приблизительно въ одинъ квадратный футъ: полютъ и взрыхляютъ землю между стеблями этой ржи (ору́тъ), затѣмъ, вытеревъ пальцами зерна изъ колосьевъ стоящихъ стеблей, засѣваютъ это мѣсто и заволакиваютъ сѣмена землею (боронуютъ). По окончаніи посѣва, сверху скручиваютъ стебли въ узелъ (бо́роду), который убираютъ вѣтками рябины и полевыми цвѣтами, такъ что вере́я принимаетъ очень нарядный видъ среди жнивья (стерно́) послѣ сжатаго хлѣба. Дожинки считаются у крестьянъ важнымъ событіемъ въ ихъ жизни и потому на радостяхъ хозяева угощаютъ работниковъ обильнымъ ужиномъ. Если даже нѣтъ и наемныхъ жнецовъ, то все таки вечеромъ своя

семья празднуетъ обжинки. Когда справляютъ болѣе зажиточные дожинки, то вечеромъ послѣ ужина бываетъ музыка и танцы.

Ржаной хлѣбъ — хлiебъ. Къ хлѣбу относятся съ большимъ уваженіемъ, называя его «святымъ хлѣбомъ, даромъ Божіимъ». Бросать хлѣбъ считается у народа большимъ грѣхомъ; если же случайно упадетъ хлѣбъ на землю, то его сейчасъ подымаютъ и цѣлуютъ, какъ какую нибудь святыню; даже крошки, упавшія со стола, тщательно собираютъ, чтобы не топтать даръ Божій. Крестьяне говорятъ, что если кто не будетъ уважать святый хлѣбъ, то Богъ разгнѣвается на такого человѣка и лишитъ его этого дара, безъ котораго никто не можетъ жить на свѣтѣ.

Народная медецина.

Болѣзни—хороба: пога́нка—хрiе͡бра, холе́ра, жа́ба, гора́чка, ву͡оспа, ву͡одра, ску́ла, пара́люшъ, пухiе͡ръ, ки́ла, ти́фусъ, коро́ста, па́рхи, спла́вы, сухо́ты, натру́тъ, ку͡ольки, прыщъ, ракъ, припа́докъ.

Народныя средства противъ нѣкоторыхъ болѣней: водка съ перцемъ, лукъ, уксусъ, подорожникъ, липовый цвѣтъ, ромашка, льняное сѣмя, труха отъ сѣна, муравейникъ, сѣра, комфора, горчишники, піявки, березовые листья, мята и другія растенія. По народному убѣжденію, всѣ болѣзни легко излѣчиваются цвѣтами, листьями, кореньями и если бы люди только знали всѣ свойства растеній, то не нужно было бы покупать лѣкарство въ аптекѣ и обращаться за помощью къ врачамъ, которымъ не довѣряютъ, говоря, что если Богъ не поможетъ, то даже самый искусный докторъ не въ состояніи вылѣчить очень больного человѣка. Есть еще одно средство, къ которому прежде очень часто обращались, а теперь рѣже, а именно заговоры (замовля́ти). Еще и въ настоящее время простой народъ, крѣпко вѣритъ что знахари и знахарки своими шептаніями

и дуновеніями (шептани и хýхати) могутъ помочь больному и указываютъ даже частые примѣры такого излѣченія. Только испытавъ домашнія средства леченія разными цвѣтами, листьями, кореньями и убѣдившись, что они не помогаютъ, больные обращаются тогда сначала къ знахарямъ, а потомъ къ врачамъ Правду сказать, въ Привислянскихъ губерніяхъ хуже устроена медицинская часть, чѣмъ въ нашихъ земскихъ въ Россіи — здѣсь безплатно никого не лѣчатъ и потому бѣдные люди рѣдко обращаются за помощью къ врачамъ, проживающимъ въ уѣздныхъ городахъ или, за рѣдкими исключеніями, въ посадахъ. Всѣ эти врачи, кромѣ уѣзднаго, частные. Въ старину, по словамъ старожиловъ, существовалъ въ Забужьи обычай опахивать село для избавленія отъ холеры: выходили всѣ крестьяне изъ села, болѣе взрослые и сильные впрягались въ соху и кругомъ села проводили борозду (обóрували сéло), думая этимъ средствомъ спасти себя отъ холеры, свирѣпствовавшей въ окрестныхъ деревняхъ или въ сосѣднемъ мѣстечкѣ. Такъ сдѣлали въ 20-хъ годахъ нывѣшняго столѣтія крестьяне дер. Любенки, чтобы эта повальная болѣзнь не распространилась среди нихъ изъ Ломазъ. И такъ какъ случайно никто не заразился въ этой деревнѣ во время существовавшей кругомъ холеры, то они по простотѣ своей повѣрили, что опахиваніе села спасло ихъ отъ этой страшной эпидеміи.

Музыкальные инструменты.

1) *Дудка.* Дудка самый простой инструментъ: дѣлается онъ изъ камыша и издаетъ монотонный звукъ — ду-ду-ду-ду.

2) *Свистюлка* — сопилка, свирѣль приготовляется изъ бузины или въ большинствѣ случаевъ покупается на ярмаркахъ. Нѣкоторые изъ парней очень хорошо наигрываютъ мотивы разныхъ пѣсенъ.

3) *Труба* — осенній музыкальный инструментъ, издающій громогласный протяжный звукъ, дѣлается изъ дерева длиною

2 аршина съ лишнимъ. Трубятъ парни въ лѣсу, когда пасутъ скотъ, и по вечерамъ дома, и торжественные звуки далеко расходятся по окрестностямъ и отдаются громкимъ эхомъ въ лѣсу и садахъ.

4) *Скрипка.* Нѣкоторые крестьяне, какъ любители музыки, покупаютъ скрипки и выучиваются порядочно играть и во время свадьбъ и на вечеринкахъ играютъ, за что ихъ усердно угощаютъ, а парни въ складчину вознаграждаютъ за трудъ деньгами. Играютъ мѣстные музыканты маршъ, козака́, хмэля, по́льку, мазу́ра, ва́льця. Хмеля играютъ во время собиранія денегъ для музыкантовъ, когда бываетъ свадьба.

5) *Гармонія.* Гармоники покупаются на ярмаркахъ и наигрываютъ на нихъ мотивы малорусскихъ, русскихъ и польскихъ пѣсенъ; Этотъ музыкальный инструментъ началъ входить въ моду въ послѣднія времена послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но все-таки нераспространенъ въ такой степени, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ. Вообще, жители Забужной Руси, какъ всѣ малороссы, довольно пѣвучій и музыкальный народъ; часто здѣсь можно слышать пѣніе и музыку и дома, и въ полѣ, и въ лѣсу. Мѣстныя малорусскія пѣсни по большей части заунывныя, но встрѣчаются и веселые напѣвы. Всѣ пѣсни свадебныя и дожиночныя монотонны, другія же пѣсни отличаются разнообразіемъ напѣвовъ: грустныхъ, заунывныхъ, веселыхъ, плясовыхъ и торжественныхъ. Въ Забужьи тѣ же мотивы малорусскихъ пѣсенъ, что и въ Малороссіи, но встрѣчаются иногда напѣвы и мѣстнаго происхожденія. Кромѣ народныхъ молорусскихъ пѣсенъ, здѣсь вошли въ употребленіе и польскія народныя и религіозныя въ различномъ количествѣ, смотря по мѣстности — въ иной больше, въ иной меньше; но есть и такія мѣста, гдѣ польскихъ пѣсенъ вовсе нѣтъ, но такихъ мѣстъ сравнительно немного въ Сѣдлецкой губ. Вообще, польское вліяніе отразилось какъ въ языкѣ здѣшнихъ малороссовъ, такъ и въ ихъ музыкѣ и пѣніи.

Дѣтскія игры и игрушки.

Въ Ломазскомъ приходѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ существуютъ слѣдующія народныя игры:

1) *Хованка-прятки.* Эта общераспространенная дѣтская забава, какъ всѣмъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что одинъ изъ участниковъ ея прячется, а другой ищетъ его, а когда найдетъ спрятавшагося, то беретъ за руку и приводитъ его къ товарищамъ и тотчасъ самъ прячется. На поиски отправляется третій мальчикъ или дѣвочка, и, нашедши спрятавшагося, въ свою очередь и самъ забивается въ какое нибудь потаенное мѣсто, пока не будетъ отысканъ очереднымъ игрокомъ. И такъ продолжается эта забава маленькихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока имъ она не наскучитъ (нэ обры́днэ).

2) *Слипая бабка — жмурки* — одна изъ самыхъ распространенны́хъ игръ, обыкновенно устраивается въ комнатѣ, сараѣ и вообще въ стѣнахъ какого нибудь зданія. Прежде всего, какъ передъ началомъ другихъ игръ, бросаютъ жребій, кому быть слѣпой бабкой — для этого берутъ длинную палку и каждый изъ играющихъ съ одного конца обхватываетъ ее правой рукой, затѣмъ по очереди снизу вверхъ передвигаютъ свои руки; наконецъ, и третій разъ иногда перекладываютъ, и чья окажется рука сверху палки, тотъ долженъ быть слѣпой бабкой. Мальчику или дѣвочкѣ, играющей эту роль, завязываютъ платкомъ глаза и велятъ ловить своихъ товарищей. Если слѣпая бабка поймаетъ кого нибудь, тогда снимаетъ съ себя повязку и накладываетъ на пойманнаго, который долженъ быть въ свою очередь слѣпой бабкой. И такъ продолжается игра дальше, пока не прекратится.

3) *Кидати кійіе — бросаніе палокъ.* Участвующіе въ этой игрѣ мальчики и парни становятся въ рядъ, каждый съ своей палкой (кіёмъ) и начинаютъ по очереди бросать ихъ ногами въ одну сторону такимъ образомъ: играющій ставитъ палку на правую

ступню, а сверху слегка ее поддерживаетъ рукою, и затѣмъ, нѣсколько разъ размахнувшись ногою, сильно толкнетъ палку, и она летитъ иногда на далекое разстояніе. Чья палка упадетъ ближе другихъ, тотъ обязанъ собрать всѣ брошенныя палки и принести ихъ своимъ товарищамъ. Въ этой игрѣ бросаніе палокъ такимъ образомъ повторяется нѣсколько разъ. Эта игра происходитъ въ полѣ или на лугу, когда пасутъ мальчики свой скотъ.

4) *Свинка.* Приступая къ игрѣ въ свинку, мальчики дѣлаютъ ямку (хлѣ͡евъ), а кругомъ нея на нѣкоторомъ разстояніи отъ хлѣва каждый себѣ роетъ особую ямочку для обозначенія сторожевого поста. Пространство, находящееся между хлѣвомъ и сторожевыми мѣстами, называется дворомъ (двурцёмъ). Приготовивъ круглую кочерижку (свинку), подходящую для игры, выбираютъ пастуха по жребію, и начинается игра: всѣ берутъ палки и выгоняютъ свинку изъ хлѣва въ поле, а пастуху велятъ ее пасть; сами же становятся на-сторожѣ у своихъ ямочекъ съ опущенными въ нихъ палками. Пастухъ, подбивая своей палкой свинку, старается загнать ее въ хлѣвъ, покрикивая: Аля́ до хлѣ͡ева! а сторожа, ударяя ее палками, прогоняютъ отъ двора, приговаривая: Аля́ въ поле! Въ то время, когда сторожа бьютъ свинку, пастухъ старается воткнуть свою палку въ одну изъ опустѣвшихъ ямочекъ, и если ему это удастся, то онъ дѣлается сторожемъ, а зазѣвавшійся мальчикъ пастухомъ. Но это не такъ скоро удается пастуху, такъ какъ сторожъ, отгоняющій свинку, въ большинствѣ случаевъ предупреждаетъ занять свой наблюдательный постъ, воткнувши раньше свою палку. Иной неловкій мальчикъ такъ и остается пастухомъ до окончанія игры.

5) *Блудзё.* Игра въ «блу̀дзя» обыкновенно устраивается на скошенномъ лугу; для этой цѣли мальчики садятся въ кружекъ и по очереди вбиваютъ палкой заостренный колышекъ въ рыхлую землю такимъ образомъ: каждый игрокъ беретъ палку сначала между двухъ пальцевъ—мизинцемъ и безыменнымъ и ударяетъ одинъ разъ по колышку, слегка воткнутому въ землю; затѣмъ, переложивъ палку между безыменнымъ и среднимъ пальцемъ, ударяетъ

второй разъ; послѣ, передвинувъ палку между среднимъ и указательнымъ пальцемъ, ударяетъ по ней третій разъ и, наконецъ, взявъ палку въ руку и обхвативъ ее всѣми пальцами, ударяетъ четвертый разъ. Послѣ четырехъ ударовъ играющій обозначаетъ ножикомъ ту часть колышка, которую ему удалось вбить въ землю. Когда обойдетъ очередь вколачиванія всѣхъ играющихъ, тогда вытаскиваютъ колышекъ изъ земли и смотрятъ: кто найменьше вбилъ его, тотъ обязанъ быть блу́дзёмъ, т. е. блудящимъ. Блудящему завязываютъ платкомъ глаза, даютъ въ руки палку и одинъ изъ играющихъ съ колышкомъ въ рукѣ водитъ его вокругъ товарищей и постоянно нагибается къ землѣ, показывая видъ, что втыкиваетъ колышекъ и когда незамѣтно воткнетъ его, то еще продолжаетъ будто бы тыкать и, наконецъ, велитъ блудзю искать колышекъ, а самъ уходитъ къ товарищамъ. Тогда блуждающій начинаетъ махать своей палкой по землѣ направо и налѣво до тѣхъ поръ, пока не застучитъ воткнутый колышекъ отъ удара палки. Но иногда бываютъ случаи, что долго ходитъ и машетъ палкой во всѣ стороны, а колышка все-таки не отыщетъ. Съ находкой колышка игра эта прекращается. Судя по названію, эта дѣтская забава, очевидно, бѣлорусскаго происхожденія.

6) *Бїерки.* Бирки дѣлаются мальчиками изъ тоненькихъ дощечекъ, выстуганыхъ изъ прута орѣшника или изъ какого нибудь подходящаго молодого деревца. Каждая партія бирокъ состоитъ изъ 10—20 паръ простыхъ ли́шекъ (смотря по желанію игравшихъ), короля, королевы, марша́лка, десятки и пятки, т. е. пятерки. Послѣднія 5 бирокъ называются старшино́ю, т. е. начальствомъ.

Форма бирокъ: ли́шка, король, коро-

лева, маршалокъ, десятка (10 черточекъ)

пятка съ пятью зубчиками. Естественная величина ихъ въ 2 раза больше.

Каждый изъ играющихъ приготовляетъ себѣ партію бирокъ. Игра въ бирки состоитъ въ слѣдующемъ: мальчики разстилаютъ на землѣ полу чьей нибудь верхней одежды (сукмана́), садятся въ кружокъ и, перемѣшавъ всѣ партіи бирокъ, начинаютъ играть одинъ послѣ другого такимъ образомъ: играющій, взявъ полную горсть бирокъ съ полы, подбрасываетъ ихъ вверхъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы часть ихъ упала на верхъ руки съ сомкнутыми пальцами и въ такомъ видѣ еще разъ подбрасываетъ бирки вверхъ и старается поймать ихъ одного наименованія и когда ему удастся это сдѣлать, то возобновляетъ по праву опять игру; въ случаѣ же, если въ рукѣ окажутся разнородныя бирки, положимъ лишка и король или пятакъ и маршалокъ и т. д., то играть начинаетъ его сосѣдъ. Если поймавшій сразу много лишекъ безъ старшины на вопросъ — «чи до пары, чи нэ до пары», угадаетъ четное или нечетное ихъ число, то въ такомъ случаѣ лишки беретъ себѣ и продолжаетъ вновь бросать и ловить; а если не угадаетъ, то играть начинаетъ другой. Эта игра продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ бирки не будутъ пойманы игроками, послѣ чего начинаетъ каждый провѣрять свою добычу, откладывая свои бирки въ одну кучку, а чужія, попавшія въ плѣнъ, въ другую. Окончивши провѣрку пойманныхъ бирокъ, приступаютъ къ обмѣну или выкупу плѣнныхъ такъ: если, напримѣръ, у кого нибудь недостаетъ короля, очутившагося въ плѣну у сосѣда, тогда онъ подставляетъ ему ладонь и сосѣдъ царапнетъ по ней королемъ 12 разъ, а затѣмъ отдаетъ короля. За королеву царапаютъ 6 разъ, за маршалка 11 разъ, за десятку 10 разъ, за пятку 5 разъ, а за лишку только одинъ разъ. При обмѣнѣ плѣнныхъ дѣлаютъ такъ: когда, положимъ, короля обмѣниваютъ на королеву, то въ придачу первый игрокъ царапнетъ по ладони второго 6 разъ; короля на маршала царапнетъ одинъ разъ, десятку на пятку 5 разъ и т. д. Когда у всѣхъ играющихъ окажется полный комплектъ бирокъ, то игра считается оконченной.

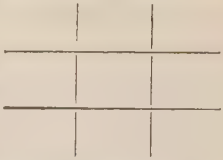
Въ Ломазахъ и окрестныхъ деревняхъ игра въ бирки одно изъ любимѣйшихъ развлеченій для мальчиковъ и дѣвочекъ, когда они пасутъ скотъ.

Названіе бирки, очевидно, татарскаго происхожденія отъ словъ — биръ — одинъ и эки́ — два, такъ какъ во время игры два раза подбрасываютъ бирки, чтобъ ихъ поймать. Надо полагать, что и самая игра эта позаимствована отъ татаръ.

7) *Король.* Играютъ въ короля, когда соберется много мальчиковъ, по крайней мѣрѣ, до 40 или до 50; для этого всѣ мальчики, взявшись крѣпко за руки, становятся въ два ряда другъ противъ друга на такомъ разстояніи, чтобы было удобно бѣгать и отбивать въ плѣнъ непріятеля. Въ каждомъ ряду роль короля исполняютъ болѣе сильные. Происходитъ эта игра такимъ образомъ: изъ 1-й цѣпи мальчикъ по командѣ своего короля стремительно бѣжитъ на вторую цѣпь, прорываетъ ее или же повиснетъ на двухъ рукахъ сосѣдей: въ первомъ случаѣ остается побѣдителемъ, и отбитыхъ солдатъ уводитъ въ свой лагерь, поставивъ ихъ въ цѣпи, а во второмъ — остается въ плѣну у непріятелей, которые ставятъ въ своей цѣпи нападавшаго врага. Послѣ этого наступаетъ очередь нападенія одного изъ второй цѣпи на первую. И такъ продолжается поперемѣнно игра то съ той, то съ другой стороны, пока которая нибудь не восторжествуетъ надъ противникомъ. Когда въ ослабѣвшей сторонѣ всѣ почти взяты въ плѣнъ и только остается король съ двумя воинами, тогда онъ дѣлаетъ послѣднюю попытку отбить отъ враговъ своихъ солдатъ, попавшихъ въ плѣнъ; но если ему это не удастся, то и самъ попадаетъ въ плѣнъ и тѣмъ и оканчивается игра въ короля. Дѣвочки въ этой игрѣ не участвуютъ.

8) *Шубеница - висѣлица.* Играютъ въ шубеницу только двое; для этого на столѣ или на доскѣ проводятъ мѣломъ двѣ параллельныя линіи въ горизонтальномъ направленіи и поперекъ ихъ двѣ вертикальныя, такъ чтобы образовался между пересѣ-

кающимися линіями прямоугольникъ, какъ это видно на чертежѣ



Когда шубеницу сдѣлалаютъ, то на мѣстахъ, обозначенныхъ на чертежѣ цифрами, одинъ игрокъ А пишетъ кружечки (нолики), а другой В — палочки такимъ образомъ: положимъ, игрокъ А пишетъ ноликъ на мѣстѣ единицы, а В ставитъ палочку на мѣстѣ цифры 5; затѣмъ второй разъ А пишетъ ноликъ гдѣ находится цифра 7, тогда В, чтобы не быть повѣшеннымъ, долженъ непремѣнно поставить свой знакъ — палочку на мѣстѣ 4; наконецъ, ставятъ третій разъ свои знаки — А на мѣстѣ 6, чтобы не быть повѣшеннымъ, а В ставитъ свою палочку на мѣстѣ 3. Пока до сихъ поръ никому не удалось повѣсить, такъ какъ оба играли обдуманно. Продолжаютъ играть дальше: А стираетъ свой ноликъ на первомъ мѣстѣ и пишетъ на 9, а В по несообразительности, стеревъ палочку, написанную на 4 мѣстѣ, пишетъ ее на 2-мъ; тогда А, уничтоживъ ноликъ на 6-мъ мѣстѣ, пишетъ его на 8-мъ, и перечеркиваетъ эти три нолика, стоящіе на мѣстѣ цифръ 7, 8, 9, объявляя товарищу: «я тэбэ повіэсивъ». Вѣшать можно въ шести направленіяхъ, когда три одинаковыхъ знака находятся вдоль горизонтальныхъ и вертикальныхъ линій: I) 1, 2, 3, II) 4, 5, 6, III) 7, 8, 9, IV) 1, 4, 7, V) 2, 5, 8, VI) 3, 6, 9. Если игра бываетъ механическая, безъ всякой мысли, то вѣшаніе происходитъ поперемѣнно то съ той, то съ другой стороны, что всегда случается между маленькими дѣтьми; но когда обдуманно играютъ болѣе взрослые парни, то только тотъ вѣшаетъ, у кого больше соображенія. Иногда два равносильныхъ игрока долго возятся, пока кто нибудь изъ нихъ не повѣситъ своего товарища. Эта игра, на видъ очень простая, служитъ простолюдину прекраснымъ умственнымъ упражненіемъ. Играютъ въ шубеницу по большей части зимою.

9) *Хибки.* Хибки дѣлаются изъ неоструганнаго прутика; для этого отрѣзываютъ два кусочка деревца длиною каждый въ полдюйма; затѣмъ расчепливаются пополамъ, сглаживаются ножи-

комъ расчепъ, и эти четыре половинки называются хи́бками. Въ хибки играютъ взрослые парни на деньги и эту игру можно назвать азартной, своего рода крестьянской рулеткой. При игрѣ въ хибки употребляется выраженіе для выигриша «трапивъ», а для проигриша—«хибивъ». «Трапивъ» это значитъ, что хибки при бросаніи играющимъ упали такъ: двѣ плоской бѣлой стороной внизъ, а двѣ той же стороной вверхъ; или же всѣ онѣ упали бѣлыми сторонами вверхъ. «Хибивъ» это значитъ, что три стороны выпуклыя, темныя очутились наружу, а одна хибка показалась плоской стороной или наоборотъ. Если всѣ четыре хибки сверху будутъ темными сторонами, то и это считается «хибивъ». Для игры въ хибки разстилаютъ одежду на землю и садятся парни въ кружокъ: двое играютъ, а остальные смотрятъ или же и сами участвуютъ въ игрѣ, но только не бросаютъ хибокъ. Одинъ игрокъ, взявъ хибки въ руку, потряхиваетъ ихъ въ горсти и затѣмъ бросаетъ на полу одежды, разостланной на землѣ, и говоритъ: «тра́пна», а его товарищъ отвѣчаетъ: «хи́бна». Если бросающій трапилъ, то деньги забираетъ, а если хибилъ, то ставка достается его партнеру. Въ первомъ случаѣ первый продолжаетъ бросать хибки, а во второмъ игра переходитъ другому. Такимъ образомъ игра продолжается дальше и оканчивается тѣмъ, что кто нибудь изъ играющихъ всѣ деньги спуститъ. На Пасху играютъ въ хибки на крашенныя яйца.

10) *Карты.* Игра въ карты до 70-тыхъ годовъ среди крестьянской молодежи рѣдко практиковалась и только въ послѣднія времена начала мало-по-малу входить въ моду ради развлеченія въ праздники, но на деньги мало кто играетъ; а если затѣется игра на деньги, то охотнѣе для этой цѣли прибѣгаютъ къ хибкамъ, чѣмъ къ картамъ. Эта игра, появившаяся сначала среди пановъ, распространилась потомъ между мѣщанами, а отъ послѣднихъ перешла и къ крестьянамъ, и теперь можно видѣть у иныхъ парней засаленныя карты, купленныя у жида въ сосѣднемъ посадѣ.

Кромѣ перечисленныхъ игръ въ Ломазскомъ приходѣ, какъ

и въ другихъ мѣстностяхъ, существуютъ еще и другія подобныя забавы. Въ каждой мѣстности Забужья можно встрѣтить иногда особыя дѣтскія игры, которыя не существуютъ въ сосѣднихъ селеніяхъ и посадахъ. Въ Ломазахъ, какъ вездѣ и въ другихъ мѣстахъ, дѣти, въ видѣ развлеченія, дѣлаютъ гимнастическія упражненія: 1) катаютъ кругъ, 2) бѣгаютъ взапуски (навы́тэки) 3) бѣгаютъ назадъ, не поворачивая лица 4) прыгаютъ на одной ногѣ, 5) перепрыгиваютъ рвы, колоды и т. п. 6) лазаютъ по деревьямъ 7) катаются по льду, 8) катятся колесомъ (катиться черезъ голову) 9) бросаютъ изъ бича́ камни, какъ изъ пращи и т. д.

Игрушки (забавки, цацки): ля́лька, чи́жикъ, лукъ, пистоле́тъ, дэркачъ, си́кавка, млыно́къ, во́зикъ, скры́почка, ко́никъ, пта́шка, коза́, соба́ка, сто́ликъ, трачъ, гра́бли, лопа́та и т. д.

Всѣ эти игрушки изготовляются самыми мальчиками и только въ рѣдкихъ случаяхъ покупаются на ярмаркахъ за небольшую цѣну. Нѣкоторые мальчики очень искусно дѣлаютъ игрушки и среди нихъ нерѣдко встрѣчаются маленькіе Кулибины, которые надѣлены способностью изобрѣтать и выдѣлывать разныя замысловатыя вещицы не хуже фабричныхъ издѣлій. И еслибъ талантъ такихъ мальчиковъ не заглохъ въ деревенской глуши, то изъ нихъ вышли бъ потомъ искусные механики, техники, архитекторы и т. п.

Церковь.

Части церкви и ея принадлежности: овта́ръ, баби́нэць и кру́хта, ра́йськіи двэры—иконостасъ, образы́, хорон҆вы, крыжъ, зво́ны, лихта́ръ, сьвіе́чка, манстра́нція, скарбу́на.

Церковная одежда и сосуды: о́рнатъ, сту́ла, альба, ми́тра, ки́лихъ, ло́жечка, паты́на.

Богослужебныя книги: ванэлія, мшалъ, трэбникъ, часосло́въ, псавты́ра, апо́стулъ.

Богослуженіе: всэно́чная, ютрэдня, мша, нэшпуръ, моле́бэнъ, парастáсъ, панахи́да, ака́фистъ

Молитвы и таинства: па́цюръ—Отче нашъ, Ойче-нашъ, Богородица, Здровась-Марія, Вирую, Веже въ Боґа, рожа́нэць, ґодзѝнки, коро́нка, комунія, сакрамэнтъ, споведь, хрэстъ, бижмоване, шлюбъ, свенты — олей, поку́та.

Каждая группа названій разныхъ предметовъ, перечисленныхъ мною выше, подверглась въ Ломазахъ и сосѣднихъ мѣстностяхъ, большому или меньшому вліянію польскаго языка, но что касается церкви и ея принадлежностей, молитвъ, богослуженія и даже священныхъ лицъ, то здѣсь полонизмы встрѣчаются на каждомъ шагу, и такую номенклатуру привила къ мѣстному русскому говору существовавшая до 1875 года церковная унія, позаимствовавшая эти наименованія отъ польскаго костела.

Польскій pacierz отъ латинскаго pater измѣнился въ мѣстномъ говорѣ въ па́цюръ; nieszpory отъ лат. vesper—вечеръ—въ нэшпуръ.

Здѣсь существуетъ обычай не только у упорствующихъ уніатовъ, но даже иногда и среди православныхъ (бывш. уніатовъ) вписываться въ разныя католическія братства: рожанець, коронку, шкаплеры и т. п. Эти братства распространились въ народѣ съ 60-тыхъ годовъ, т. е. со времени возстанія поляковъ и освобожденія крестьянъ. И теперь нерѣдко можно видѣть въ домѣ православнаго католическія четки (рожанцы или коронки), по которымъ читаютъ польскія молитвы: Ojcze nasz, Zdrowaś Maryja, Wierzę w Boga. Здѣсь во время уніи одни молились по русски, другіе по польски, но большинство говорили въ перемежку то русскія, то польскія молитвы. Въ послѣднее время замѣчается, что среди молодежи, воспитанной въ русскомъ духѣ въ народныхъ школахъ, многіе начинаютъ держаться обычаевъ православной церкви и въ разговорѣ стараются употреблять русскія названія священныхъ лицъ, молитвъ, богослуженія, принадлежностей православнаго храма.

Вообще, вѣроисповѣдный вопросъ, на почвѣ котораго происходитъ вѣковая борьба двухъ родственныхъ народностей, составляетъ въ Забужной Руси больное мѣсто, которое Богъ знаетъ, когда окончательно излѣчится. Не смотря на сравнительно короткій промежутокъ времени, русское дѣло въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ сдѣлало въ Забужьи большіе успѣхи: $^4/_5$ населенія уніатскаго присоединилось къ православію, повсемѣстно устроены русскія училища, въ которыхъ охотно обучаются всѣ безъ различія вѣроисповѣданія, и русское вліяніе замѣчается почти на каждомъ мѣстѣ; пройдутъ еще десятки лѣтъ такого направленія и можно будетъ надѣяться, что и остальная $^1/_5$ часть населенія, находящагося теперь въ переходномъ состояніи, образумится, возвратится къ вѣрѣ своихъ предковъ и будетъ себя называть русскимъ именемъ.

Церковные и народные праздники и посты.

Пили́пувка
Коляда́
Руздво́
Свя́тки, (Святыи вэчера́).
Го́готы (Канунъ Нов. года).
Но́вы ру͡окъ
Водяна́я Коляда (Канунъ Богоявленія).
Трохъ крули (Крещеніе).
Трохъ святыхъ (Василія Вел., Григ. Богос., Іоанна Злат.).
Грумни́ци (Срѣтеніе).
Всэ͡ѣдны ты́ждэнь.
Ма́сляница.
За́пусты (Заговины).
Вэлики пу͡остъ.
Благовѣ͡ещене.
Вэрбная нэдѣ͡еля, Вэрбница.
Стра́сьци.
Вэликдэнь.
Про́воды.
Юрія.
Мико́лы вэсняно́го.
Вше́сьця (Вознесеніе).
Зэлёныи свя́тки (Тройца).
Пэтру͡овка.
Зэленьця́ (15 Іюня).
Святого Яна (24 Іюня).
Пэтра́
Спасу͡о́вка, Спа́сувка.
Спа́са (Преображеніе).
Успѣ͡ене, Ма́тка-Бо́жа.
Головосѣ͡ека (Усѣкновеніе).
Маковѣ͡я (1 августа).

Пречи́ста (Рожд. Пресв. Богородицы).
Чéсного Хрэстá (Воздвиженіе).
Яна Богослóва
Покрóва.
Кузьмы и Дэмьяна.
Вовэдэне.
Миколы зимнёго.
Гáнны (25 Іюля).
Пья́тюнки (Параскевы).
Всіéхъ святы́хъ.
Сорокъ святы́хъ.
Помина́льница.
Льи (Иліи)
Варвары (4 декабря).
Михáйла.
Пра́зникъ (храмовой праздникъ).
Прэтэчи (7 января).

Изъ всѣхъ святыхъ, послѣ Пресвятой Троицы и Богородицы, наиболѣе почитается здѣшнимъ народомъ Николай Чудотворецъ, какъ покровитель сиротъ и несчастныхъ, и потому въ честь этого святого много построено храмовъ въ Забужной Руси. Здѣсь, какъ вездѣ на Руси, простой народъ соблюдаетъ всѣ посты очень строго; даже малымъ дѣтямъ и больнымъ не даютъ скоромной пищи и только, по настоянію врача, даютъ неохотно послѣднимъ мясо, яйца, молоко.

По народному понятію, нарушеніе постовъ считается величайшимъ грѣхомъ, бóльшимъ, чѣмъ кража, пьянство, обманъ: напримѣръ, воръ украдетъ, но въ постъ не станетъ пробовать скоромнаго. Кромѣ пятницы и середы, нѣкоторые православные изъ бывшихъ уніатовъ, вступившихъ въ какое нибудь католическое братство, постятъ по субботамъ и въ нѣкоторые дни въ году (сухедни) ѣдятъ только сухой хлѣбъ безъ горячей пищи. Праздники, какъ и посты, тоже соблюдаются строго, и рѣдко здѣсь бываютъ случаи ихъ нарушенія: обычая возить въ воскресенье или въ праздникъ сѣно, ꙑлѣбъ, палить свинью и т. п., какъ это иногда практикуется въ Новороссіи, въ Забужьи не существуетъ. Тройцу, какъ Рождество и Пасху, здѣсь празднуютъ три дня. Въ Святки отъ Рождественскаго сочельника до Крещенія въ старину никто не работалъ и теперь нѣкоторыя бабы не прядутъ, чтобы ленъ не перевелся. Здѣсь очень любятъ ходить по праздникамъ на богомолье (на о́тпусты—на отпущеніе грѣховъ)

въ сосѣднія церкви и костелы, когда тамъ бываютъ храмовые праздники, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся чудотворныя иконы. Самое многолюдное собраніе православныхъ богомольцевъ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстностей бываетъ въ г. Холмѣ (Люб. губ.) на Рождество Пресвятой Богородицы и Лѣснѣ (Сѣдл. губ.) на Троицу и на Воздвиженіе; а въ костелахъ — въ Люблинѣ и Ченстоховѣ, гдѣ находится чудотворная икона Божіей Матери[1]). Въ Ченстоховъ весной, какъ извѣстно, стекается ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ богомольцевъ изъ разныхъ мѣстъ Польши, въ числѣ которыхъ не малое число находится и бывшихъ уніатовъ изъ Люблинской, а особенно изъ Сѣдлецкой губ. Въ Ченстоховъ идутъ «на отпустъ» не только упорствуюшіе, но даже многіе изъ православныхъ, и нѣкоторые изъ нихъ послѣ возвращенія домой въ свою очередь дѣлаются упорствующими. Паломничество бывшихъ уніатовъ въ Ченстоховъ, Люблинъ и другія мѣста католическихъ святынь началось со времени освобожденія крестьянъ (съ 1861 г.), а въ настоящее время развилось до такой степени, что рѣдко кто изъ упорствующихъ не посѣщаетъ каждый годъ этихъ отдаленныхъ костеловъ. Этимъ случаемъ пользуются ксендзы: изъ религіозно-національной ненависти къ русскимъ они на исповѣди внушаютъ темному люду не ходить въ «схизматическія» церкви и не обращаться за церковными требами къ «попамъ». Молодое поколѣнье, выросшее на свободѣ и не испытавшее на себѣ панскаго ярма, легко поддается вліянію польской партіи, враждебно относящейся къ Россіи, тѣмъ болѣе, что почва къ этому была подготовлена раньше ополяченными уніатскими священниками,

---

1) Ченстоховская чудотворная икона Божіей Матери — древнее достояніе русской церкви. Святыня эта, привезенная изъ Греціи, съ древнихъ временъ находилась въ Белзской православной церкви въ Галиціи, откуда была взята въ видѣ добычи княземъ Владиславомъ Опольскимъ въ 1377 г. и оставлена имъ въ 1382 г. на Ясной горѣ вблизи Ченстохова, гдѣ она съ тѣхъ поръ сохраняется въ римско-католическомъ монастырѣ.

изкажавшими произвольно греческій обрядъ и усердно вводившими въ уніатскую церковь органы, колокольчики, монстранціи, пѣніе рожанца и т. д. Уніатское духовенство само толкало своихъ прихожанъ въ латинство, и если оно заводило споры съ ксендзами за совращеніе въ католичество уніатовъ, то единственно изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, чтобы не лишиться доходовъ, получаемыхъ за требы. Такъ поступилъ, между прочимъ, одинъ изъ лучшихъ уніатскихъ священниковъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Ломазахъ. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ польскій ксендзъ въ Ломазахъ устроилъ рожанцовое братство, сулящее много индульгенцій, тогда нѣкоторые изъ русскихъ прихожанъ, особенно бабы, вписались въ него и начали ходить въ костелъ. Видя убыль своихъ прихожанокъ, Калиновскій началъ хлопотать у католическаго епископа Веніамина Шиманскаго послать ему изъ Янова доминиканца, для введенія рожанцоваго братства въ Ломазскую уніатскую церковь; Ломазскій же ксендзъ сталъ просить епископа ни въ какомъ случаѣ не разрѣшать, чтобы въ церкви пѣли рожанецъ, такъ какъ по восточному обряду это братство неумѣстно. Но епископъ былъ политикъ: не только разрѣшилъ это сдѣлать Калиновскому, но даже преподалъ ему свое благословеніе на это нововведеніе въ уніатской церкви[1]). Тогда Калиновскій привезъ доминиканца въ Ломазы и въ воскресенье прежде самъ торжественно поступилъ въ братство, а потомъ записалъ въ него многихъ прихожанъ и тѣхъ лицъ, которыя раньше поступили въ братство Ломазскаго костела.

---

1) Веніаминъ Шиманскій, католическій епископъ Подлясской епархіи, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, пользуясь своимъ авторитетомъ и слабостью Холмскихъ уніатскихъ епископовъ, стремился уничтожить греческій обрядъ въ забужныхъ церквахъ, и всѣхъ уніатовъ обратить въ латинство. Шиманской самовольно вмѣшивался въ дѣла уніатской церкви, и дѣлалъ свои распоряженія; особенно же онъ являлся полновластнымъ хозяиномъ въ подляшскихъ русскихъ приходахъ, гдѣ его дѣятельность простиралась даже до мелочей. Однажды, посѣщая Бѣльскій базиліанскій монастырь, велѣлъ передѣлать на иконостасѣ православный восьмиконечный крестъ на латинскій четырехконечный.

Сначала многимъ русскимъ прихожанамъ это нововведеніе очень не нравилось, такъ что, кромѣ нѣсколькихъ бабъ и мужчинъ, остающихся пѣть рожанецъ, всѣ почти уходили изъ церкви. Но когда послѣ истеченія нѣсколькихъ лѣтъ начали въ церквахъ устранять польско-латинскія нововведенія, то Ломазскіе прихожане ухватились за рожанецъ, какъ за якорь спасенія, и ни за что не соглашались на его уничтоженіе, говоря, что если имъ не дозволяется пѣть по польски, то пусть переведутъ рожанецъ на русскій простонародный языкъ. Много хлопотъ было духовнымъ властямъ съ этимъ рожанцемъ, вызывавшимъ неразъ народныя волненія въ Ломазахъ и другихъ подляшскихъ приходахъ. Но не изъ-за одного только рожанца пришлось бороться съ уніатами: не легко было вывести изъ употребленія и другіе католическіе обычаи, вошедшіе сравнительно недавно въ уніятскія церкви — органы, монстранціи, польскія проповѣди, колокольчики и т. п. Теперь предстоитъ нелегкая задача — возвратить заблудшихъ уніатовъ, отрекающихся отъ вѣры своихъ предковъ и народности: упорствующіе уніаты, называя себя католиками и поляками, не соблюдаютъ русскихъ праздниковъ и постовъ и враждебно относятся къ православной церкви. Сначала ихъ упорство было основано на вѣроисповѣдномъ разногласіи, а нынѣ оно приняло уже польско-національную окраску: среди этихъ людей циркулируютъ разныя заграничныя польскія пѣсни, брошюры и книжки, возбуждающія ненависть по всему русскому. Эти упорствующіе до того нафанатизированы, что даже изъ любопытства не заглянутъ въ церковь; проходя мимо православнаго храма, шапокъ не снимаютъ и не крестятся; скорѣе природный католикъ простолюдинъ зайдетъ въ православную церковь и перекрестится, но упорствующіе, или какъ здѣсь называютъ ихъ калакуты, ни за что. Вообще, «калаку́ты» по своему невѣжественному предубѣжденію къ православной церкви, весьма схожи съ нашими закоренѣлыми сектантами и раскольниками: старовѣрами, молоканами и проч.

Народные обычаи во время праздниковъ.

Въ Рождественскій постъ (Пилиповку) парни и дѣвушки собираются на вечеринки (на вечуркú). Дѣвушки на этихъ вечеринкахъ прядутъ, а парни съ ними шутятъ, разсказываютъ сказки, поютъ польскія и русскія колядки (кóляды). Польскія колядки, находящіяся въ печатномъ сборникѣ «Kantyczki», по большей части шутливаго характера и возбуждаютъ въ присутствующихъ смѣхъ и остроты; русскія же, переписанныя въ тетрадяхъ или же помѣщенныя въ сборникѣ Львовскаго или Варшавскаго изданія и отличающія болѣе религіознымъ содержаніемъ и болѣе пріятными напѣвами, чѣмъ польскія, очень нравятся молодежи и взрослымъ, хотя не всѣ выраженія въ нихъ имъ понятны, такъ какъ эти духовныя пѣсни сложены на церковно-славянскій ладъ съ примѣсью въ большей или меньшей степени народныхъ словъ и оборотовъ мѣстнаго языка. Отрывки нѣкоторыхъ изъ этихъ пѣсенъ, какъ образецъ произведенія церковныхъ книжниковъ, привожу ниже:

1) Нэбо и зэмля 2 ныни торжествуютъ,
Ангэлы, людэ 2 вэсело празнуютъ,
Христосъ родився, Богъ воплотився,
Ангэлы спиваютъ, Цара витаютъ,
Пастыріе граютъ, быдлята клякаютъ,
Поклонъ отдаютъ, чудо, чудо повидаютъ.
Тріе царіе 2 отъ востокъ придоша:
Смирну и ливанъ 2 ему принэсоша.
Хрпстосъ родився, Богъ воплотився и т. д.
А мы рождэнну 2 ему поклонъ даймо,
Слава во вышнихъ 2 ему заспиваймо,
Христосъ родився Богъ воплотився,
Ангэлы спиваютъ, Цара витаютъ,
Пастыріе граютъ и т. д.

2) Новое лѣ͡то зачинае,
Новы царъ цара низлагае.
Убого ся народивъ,
Богатого засмутивъ Ирода!
Смутятся вси иродіянэ,
Крушатся въ Егѝпти болваны:
Бо насъ отъ тьмы возвэдэ
И ко свиту привэдэ заблудшихъ.

3) Днэсь зъ Дѣ͡евы Христосъ рождается
Во вэртэпи Виѳлійскомъ,
Яко зэмэль повивается
Въ Виѳліеми Юдэйскомъ:
Того витайтэ и величайтэ,
Пѣ͡сню пѣ͡этэ, радость молѣ͡этэ,
Слава Богу во вышнихъ!

Въ рукописныхъ спискахъ часто встрѣчаются искаженія, затемняющія смыслъ пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ такими искаженіями ихъ пѣли до 60-хъ годовъ, пока не появились печатные сборники съ варіантами этихъ духовно-религіозныхъ пѣсенъ. Такъ какъ въ пѣсняхъ этихъ часто попадаются не народныя выраженія и не соблюдаются всѣ звуковыя особенности мѣстной рѣчи, то онѣ не могутъ служить образцомъ какого-нибудь мѣстнаго малорусскаго говора. Въ каждой мѣстности Забужья встрѣчаются особыя пѣсни духовнаго содержанія; даже въ г. Соколовѣ среди омазуренныхъ мѣщанъ я слышалъ какъ подъ окномъ на Рождество пѣли парни русскую колядку, вовсе мнѣ незнакомую. Подобнаго рода пѣсни распространены въ Галиціи и на Волыни.

Въ Рождественскій сочельникъ (на ко́ляду) приготовляютъ обильный ужинъ (вэче́ру) изъ многихъ постныхъ яствъ. До первой звѣзды (зоры́), кромѣ маленькихъ дѣтей, почти всѣ взрослые ничего не ѣдятъ и даже воды не пьютъ. Днемъ ходятъ по ха-

тамъ мальчики и дѣвочки въ одиночку и поютъ: Ой Коляда, Колядица! Дайтэ мачку и кутицю и т. д. Имъ даютъ по маленькой булочкѣ, нарочно испеченной для этой цѣли. Вечеромъ, когда покажется на небѣ первая звѣзда, настилаютъ на столъ сѣна, закрываютъ его бѣлою скатертью (обрускомъ), а въ переднемъ углу подъ образами (на по́кути) ставятъ ржаной снопъ. Когда вся семья соберется въ хату на ужинъ, то передъ ѣдой, какъ всегда дѣлается, всѣ крестятся и молятся, затѣмъ садятся за столъ. Въ 60-ти годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, между прочимъ, и въ Ломазскомъ приходѣ существовалъ польскій обычай передъ ужиномъ дѣлиться облатками, купленными у органиста ближайшаго костела или у странствующаго католическаго монаха, собирающаго милостыню для своего монастыря, и теперь этотъ обычай во многихъ мѣстахъ существуетъ. Во время ужина обыкновенно приходитъ какая нибудь бѣдная старуха подъ окно хозяина и колядуетъ. Ей выносятъ кусокъ ситняго хлѣба и пирогъ (колядни́къ).

На первый день Рождества Христова послѣ возвращенія изъ церкви собираютъ сѣно со стола и отдаютъ его воламъ и коровамъ, а ржаной снопъ остается на по́кути до Крешенія.

На второй день въ Ломазахъ, а въ другихъ мѣстахъ и на третій, парни и мальчики отдѣльными группами ходятъ вечеромъ колядовать: одни безъ звѣзды, а другіе со звѣздой, сдѣланной ими въ Пилиповку. Звѣзду эту (ґвя́зду) дѣлаютъ изъ «обича́йки», стараго рѣшета или сита и бѣлой бумаги, намазанной льнянымъ масломъ для лучшаго пропуска свѣта отъ горящей свѣчки внутри этой звѣзды. Чтобы звѣзда не сгорѣла, то во время колядованія постоянно оборачиваютъ ее вокругъ оси, на которой воткнута зажженная свѣча. Эта звѣзда съ четырьмя или съ шестью рогами, украшенными бумажными лентами, очень красива и производитъ больше эфекта ночью, чѣмъ малороссійская въ Херсонской губ. Здѣсь тоже мальчики дѣлаютъ звѣзду, но только безъ освѣщенія и носятъ ее, когда колядуютъ, не вечеромъ, а днемъ. Придя цѣлой компаніей подъ окно чьей нибудь хаты, колядующіе всѣ

хоромъ говорятъ громогласно: «Нехъ бэндзе похвалёны Езусъ Хри́стусъ! Чи кажетэ пі͡есню пі͡ети — сву͡ой ду͡омъ вэсэлити?»— Кажемо, отзываются въ хатѣ. «А яко́и, русьскои, чи пу͡ольськои»? Въ одной хатѣ просятъ пѣть русскую такую-то колядку, въ другой — польскую такую-то пѣсню. И всѣ поютъ, иногда охрипшими голосами, подъ аккомпаниментъ скрипки; послѣ окончанія пѣнія выносятъ имъ колядни́къ—ржаной ситній или пшеничный хлѣбъ, который кладутъ въ мѣшокъ. Затѣмъ подходятъ по очереди къ сосѣдней хатѣ и поютъ русскую или польскую колядку по желанію домохозяевъ. Такимъ образомъ обходятъ всѣ хаты въ селѣ или въ мѣстечкѣ и собранные «колядники́» на другой день продаютъ и деньгами дѣлятся поровну. Иногда дѣвушки на вырученныя деньги отъ продажи колядниковъ покупаютъ для церкви иконы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья, какъ, напримѣръ, въ Докудовѣ, Стидёнкѣ, Ломазахъ, существуетъ обычай среди парней—ходить по хатамъ въ Рождественскіе праздники (на второй и третій день) ряженными: козой, конемъ, смертью съ косой, жидомъ, цыганомъ, Иродомъ со свитой — старшиной. Эта труппа доморощенныхъ актеровъ, представляющая собою живой малороссійскій вертепъ или польскую шопку, за свою игру съ польскими и малорусскими діалогами получаетъ въ каждой хатѣ отъ 5 до 10 копѣкъ.

Канунъ Новаго года называютъ здѣсь Го́готами, а вечеръ— Щедрымъ вэ́чуромъ или Василёвымъ вэ́чуромъ. Въ этотъ вечеръ ходятъ по хатамъ щедровать или, по мѣстному выраженію, гогота́ти. Щедрующій, придя въ хату, говоритъ нараспѣвъ: Василёва мати пошла гоготати: гу-гу-гу, дайтэ того, що на рогу— ки́шки, колба́ски и всего, що зъ вашеи ласки! И его одариваютъ чѣмъ нибудь съѣстнымъ. Въ Докудовѣ въ этотъ вечеръ парни и дѣвушки устраиваютъ маскарадъ: переодѣвшись въ цыганъ, нищихъ, странниковъ, съ самодѣльными масками на лицѣ врываются шумно въ хату, если не заперта, начинаютъ просить у хозяевъ хлѣба, сала, денегъ и т. п. Въ то время, какъ одни осаждаютъ просьбами на счетъ подачки, другіе шарятъ по всѣмъ

угламъ и стараются что нибудь стащить—дѣвушки ленъ, нитки, а парни—хлѣбъ, сало, колбасу и т. д. Многіе отъ этихъ безпокойныхъ посѣтителей запираются, но замаскированные все таки ухитрятся внезапно ворваться въ хату и тамъ что нибудь выпросить или украсть незамѣтно. Вся эта комедія сопровождается большимъ шумомъ и смѣхомъ.

Въ Новый годъ въ Забужномъ краѣ не существуетъ обычая у крестьянъ и мѣщанъ—земледѣльцевъ поздравлять другъ друга съ наступающимъ новымъ годомъ, какъ это дѣлается среди интеллигенціи въ среднемъ и въ высшемъ классѣ; здѣсь и мальчики не ходятъ съ этой цѣлію по хатамъ, какъ въ Херсонской губ., въ Новой Прагѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Новой Прагѣ на Новый годъ ходятъ мальчики съ поздравленіемъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ и, вошедши въ домъ, поютъ слѣдующую пѣсню и въ заключеніе посыпаютъ зерномъ комнату:

А въ поли, въ поли самъ Господъ хо̀дэ,
Самъ Господъ хо̀дэ. Дива Марія,
Дива Марія йисты носыла,
Йисты́ носыла, сына просыла:
Уроды, Боже, жито, пшеныцю,
Жито, пшеныцю, всяку пашныцю.
Що въ поли зэрно, то въ доми добро.

Сію, вію, посиваю, зъ Новымъ годомъ поздоровляю. (Въ это время посыпаютъ полъ пшеницею).

На Водяную Коляду (Канунъ Богоявленія) всѣ постятъ до святой воды. Въ этотъ день, какъ и въ Рождественскій сочельникъ, приготовляютъ много постныхъ кушаньевъ для поздняго обѣда. Въ Докудовѣ на Водяную Коляду бѣдныя старухи ходятъ по селу и колядуютъ, распѣвая подъ окнами рождественскія пѣсни.

На Крещеніе, послѣ возвращенія съ іордани (ёрда́на), каждый домохозяинъ зажигаетъ грумни́цу (то что у православныхъ страстная свѣча) и копотью ея дѣлаетъ кресты въ хатѣ на балкѣ потолка и на верхнихъ косякахъ (ушака́хъ) дверей и оконъ; а іор-

данской водой, которую всѣ съ благоговѣніемъ пили, возвратившись домой, хозяинъ (господаръ) окропляетъ всю хату, не забывая ни одного закоулка, чуланъ (комóру), чердакъ (горý) сарáи, хлѣвы (клуню и хливы), «щобъ нэчúстую сúлу вы́гнати, бо якъ свячона вода капнэ на злóго духа, то вуонъ втикае, бо ёго пáлитъ, якъ огóнь». Такую силу приписываютъ и кресту и крестному знамени: когда зѣваютъ или пьютъ воду, то усердно крестятся, «щобъ чортъ не влiезъ въ чоловiека».

На Срѣтеніе (Грумни́ци) несутъ въ церковь для освѣщенія самодѣльныя большія восковыя свѣчи, называемыя грумни́цями. Послѣ возвращенія изъ церкви отецъ семейства зажигаетъ грумницу, поднимаетъ ее къ потолку хаты и дѣлаетъ на балкѣ черный крестъ. Затѣмъ подходятъ жена и дѣти, становятся подъ этимъ крестомъ, и батько каждому изъ нихъ поджигаетъ крестообразно концы волосъ вокругъ головы. Эту свѣчу—грумницу зажигаютъ во время сильной грозы, «щобъ пэ́рунъ не вда́ривъ», и подаютъ въ руки умирающему, «щобъ одогна́ти злого духа». Во время грозы каждый раэъ, когда сильно ударяетъ молнія, всѣ набожно крестятся и молятся: крестятся по католически цѣлой рукой, не сгибая двухъ пальцевъ и не дѣлая поклоновъ, и одни говорятъ: Во имя Отца, а другіе—Wimię Ojca и т. д. Польско-католическій обычай освящать свѣчи на Срѣтеніе, принятый уніатами, и теперь сохранился въ православныхъ забужныхъ церквахъ, и въ каждой хатѣ здѣшняго мѣщанина или крестьянина непремѣнно находится громница, какъ у православныхъ въ Россіи страстная свѣча.

Масляницу здѣсь справляютъ довольно скромно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи; но и въ Забужьи въ этотъ день болѣе замѣчается пьяныхъ, чѣмъ въ другое время. Здѣшняя молодежь, какъ вездѣ, веселится: парни съ дѣвками устраиваютъ музыку, танцуютъ и угощаются до полуночи. Печь блины на масляницу здѣсь нѣтъ обычая.

Въ Великій постъ передъ утренней и вечерней молитвой и послѣ окончанія сохранился въ народѣ издревле обычай бить по-

клоны три раза. Передъ исповѣдью и причащеніемъ просятъ прощенія: дѣти обыкновенно цѣлуютъ руки у родителей, а братья и сестры, наклонивъ слегка голову, говорятъ другъ другу: «Прощай или прощайтэ мэнэ грі͡ешного или грі͡ешную!» А имъ отвѣчаютъ: «Нэхай тэбэ, или васъ самъ Бу͡огъ проститъ». Говѣютъ здѣсь только одинъ день, но бываютъ у исповѣди особенно взрослые нѣсколько разъ въ году, и на храмовыхъ праздникахъ бываетъ столько говѣющихъ, что едва успѣваютъ священники исповѣдывать и причащать. Уничтоженный во время уніи обычай причащать маленькихъ дѣтей, пока еще не вполнѣ возстановился послѣ возсоединенія съ Православной церковью въ 1875 году.

Въ Вербное воскресенье, какъ и въ Малороссіи, мальчики и дѣвочки бьются освященными вербами, приговаривая: Вэрба бье, не я бью: Вэликдэнь за тыждэнь. Освященную вербу затыкаютъ за образа или хранять ее въ какомъ нибудь укромномъ мѣстѣ въ коморѣ до тѣхъ поръ, пока рогатый скотъ стоитъ въ хлѣву. Когда же весной въ первый разъ скотъ выгоняютъ на пастбище, то этой вербой ударяютъ его и окропляютъ святой водой, чтобы волы и коровы были здоровы и чтобы не съѣли ихъ волки. Послѣ этого вербу или прячутъ или сожигаютъ.

На Пасху, какъ и вездѣ, красятъ яйца въ разные цвѣта, но преимущественно въ красный[1]). Этотъ праздникъ, какъ повсюду, встрѣчаютъ здѣсь съ большею радостью, и самый бѣдный человѣкъ старается сдѣлать себѣ обновку и приготовить въ изобиліи пасхальный столъ (пáску). Многіе въ теченіе года, не пробующіе яицъ, мяса, на Пасху непремѣнно разговляются этими рѣдкими для нихъ яствами. По народному вѣрованію, кто умретъ въ первый день Пасхи, тотъ пойдетъ въ Царство небесное, хотя бы былъ и великимъ грѣшникомъ, даже разбойникомъ.

---

1) Здѣсь существуетъ обычай приносить къ Пасхѣ яйца въ подарокъ писарю, учителю и другимъ служащимъ и это добровольное приношеніе называется «волочевное» или «волочебное».

Обычая цѣловаться при христосованіи здѣсь не существуетъ, но при встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга словами: Христосъ воскресъ! Воистэльно воскресъ! Это привѣтствіе употребляется мѣстными жителями, какъ вообще русскими, съ перваго дня Пасхи до Вознесенія; въ другое же время въ теченіе года здѣсь существуетъ польскій обычай говорить при встрѣчахъ: «Нехъ бэндзе похвалены Езусъ Хри́стусъ! — На вѣки вѣкувъ амэнъ». Этотъ обычай привѣтствовать другъ друга сначала существовалъ въ Польшѣ у католическихъ монаховъ, говорившихъ по латыни: Laudator Iesus Christus!—In secula seculorum amen, затѣмъ перешелъ къ польскому простонародью, а въ началѣ истекшаго вѣка распространился и среди холмскихъ уніатовъ, и теперь его придерживаются не только упорствующіе уніаты, но и православные мѣщане и крестьяне. «Похвалены» здѣсь можно слышать на каждомъ шагу, даже и тогда говорятъ, когда идутъ другъ съ другомъ ругаться и драться. У польской интеллигенціи этого обычая не существуетъ.

Когда вся семья соберется въ хату, чтобы разговѣться, то батько идетъ въ кладовую (комору) за «паскою» и выноситъ оттуда большой коробъ, наполненный всякой снѣдью, и говоритъ: Христосъ воскресъ! Воистэльно или благоистэльно воскресъ! ему отвѣчаетъ семья. Поставивъ коробъ на лавку возлѣ стола и помолившись стоя передъ образами[1]), батько садится за столъ съ семьей и начинаютъ всѣ разговляться: прежде всего домохозяинъ дѣлится яйцомъ съ женой, дѣтьми и прислугой, говоря: «Дай, Боже, дождати въ добрумъ здорови Вэликодня натакру͡окъ» «Дай, Боже!» отвѣчаетъ взявшій кусочекъ яйца. Послѣ яйца начинаютъ ѣсть паску; по окончаніи розговинъ всѣ крестятся и моютъ руки въ печкѣ, а оставшіяся крошки и кости отъ паски

1) До 1875 года во всѣхъ хатахъ были иконы польскаго или нѣмецкаго письма, а послѣ возсоединенія съ Прав. церк. начали появляться и русскіе образа. Иконы съ польскими и нѣмецкими надписями иногда встрѣчаются и въ Херсонск. губ.

складываютъ въ особое мѣсто въ коробѣ, чтобы ихъ послѣ праздниковъ сжечь и золу высыпать въ саду или на огородѣ, гдѣ растетъ рута, барвинокъ и другіе цвѣты; а затѣмъ хозяинъ уноситъ «свяченое» въ коробѣ въ комору. Мѣщане и крестьяне не накрываютъ пасхальнаго стола, какъ паны, а все съѣстное, приготовленное на Пасху, держатъ въ коморѣ, какъ въ болѣе прохладномъ мѣстѣ; черный ржаной хлѣбъ въ скатерти (въ обрускови) всегда у нихъ лежитъ на столѣ на правой сторонѣ. Христосованіе и умываніе рукъ послѣ ѣды соблюдается во всѣ дни Пасхи, когда обѣдаютъ. Остатки пасхальнаго стола стараются сохранить до Вознесенія. Въ продолженіе пасхальныхъ дней дѣти, парни и дѣвушки собираются большими группами (ку́пами) и развлекаются разными играми, но самою любимою игрою служатъ крашеныя яйца. Парни играютъ на яйца и даже иногда на деньги въ хибки и карты. Для развлеченія устраиваютъ изрѣдка и качель (гойда́пку).

Въ праздники сосѣди и родственники навѣщаютъ другъ друга. При входѣ въ избу привѣтствуютъ хозяина и его жену съ дѣтьми: Христосъ воскресъ! — Богоистэльно воскресъ, отвѣчаютъ гостю. Будтэ здоровы съ святымъ Вэликоднёмъ, говоритъ гость. — Сядайтэ, кумэ, отвѣчаютъ хозяева. Когда угощаютъ гостей водкой передъ закуской, то пьютъ за здоровье другъ друга: Здровы будтэ, сусі͡едэ; дай, Боже, дочека́ти святого Вэликодня натакру͡окъ! — Дай, Боже, пі͡ете на здоро́ве, отвѣчаетъ въ свою очередь его сосѣдъ. По окончаніи угощенія гости благодарятъ хозяина и его жену: Дякую вамъ за госцину! Богови Святому, отвѣчаютъ хозяева. При прощаньи, гости или просто посѣтители говорятъ: Будтэ здоровы! — Иді͡етэ зъ Богомъ, отвѣчаютъ хозяева. У здѣшнихъ жителей, при встрѣчахъ и прощаніяхъ, если они односельчане, нѣтъ обычая подавать руку другъ другу; только, если придутъ или пріѣдутъ издалека друзья или родственники, то съ хозяевами цѣлуются или подаютъ руки; маленькія дѣти цѣлуютъ руку своихъ тетокъ, дядей и крестныхъ матерей, особенно если они получаютъ какіе нибудь подарки

(гости́ньци). Когда хозяева или ихъ дѣти придутъ въ свою хату и застанутъ тамъ взрослаго посѣтителя, то привѣтствуютъ его словами: Вита́йтэ до насъ!—Буґъ-за́плаць за вита́не, отвѣчаетъ имъ пришедшій человѣкъ. При встрѣчѣ послѣ долгой разлуки здороваются такъ: Якъ ся маетэ? Чи всі͡е ваши здоровы? Що у васъ доброго чути?—Хвали́ти Бога живэмо и всі͡е здоровы. Якъ же ваши (семья)?—Хвала́-Богу́, всі͡е здоровы.—Той Богу дякувати. Человѣкъ, убитый горемъ, на вопросы привѣтствующаго отвѣчаетъ: Эхъ! Якое мое здоро́ве. Кны́хаю до котрого часу, но нэ здужаго вже роби́ти. Баба моя разура́зъ хорі͡ее, старши сынъ мэнэ покинувъ—неві͡естка его збунтовала; а другіи ді͡ети не слухаютця. Роспуста вэликая тэпэрь на́сьвити. Якъ мы были малыми ще за панщины, то боялися Бога и встыдалися люді͡ей — батькў͡овъ и матэрў͡овъ своихъ шановали. А тэпэръ що? Молодыи палятъ напиросы, никому доброго слова не дадутъ, гуляютъ до свита́ня, а якъ посвари́ти ихъ трохи, що такъ не годитця робити, то во́ни ту͡олько сміютьця и злуютъ и насъ старыхъ дурнями называютъ. Звычайно, брыка́ютьця, якъ тэля́та, бо ще молодыи и биды́ нэ знаютъ. А то е мижи йими такіи хло́пци, що въ нэді͡елю або въ свято поодягаютьця по паньськи и думаютъ, що вже вони паны́. Дурныи вони: мужикъ хочъ-бы вбрався и въ золото, а всэ-жъ таки ву͡онъ мужикъ, а нэ панъ, бо осві͡еты нэ мае такои, якъ панъ. Панъ зъ маленькосци учитьця въ школахъ, и знае, що на́—свити дітьця, а мужикъ тэмны, якъ табака въ рого́ви. А котры́й мужикъ пу͡ойдэ до вышшихъ шку͡олъ и нэ доучитьця, то одъ своихъ одстанэ и до пану͡овъ нэ пристанэ и будэ ни бэ, ни мэ, ни кукурі͡еку. Рі͡едко хто съ простыхъ люді͡ей выйдэ на пана и ту͡олько выходятъ такіи хлопци, котрыи маютъ добрую памэть, добрэ учатьця и нэ роспаскудятьця; но такихъ товариши паны нэ любятъ. Добрэ якъ хто зъ нашихъ выучитьця на ксёндза, а якъ на крутэля́ пи́сара, то зжалься, Боже, и учити такого сына — лі͡епшъ нэхай будэ господоромъ, бо господаръ, абы працовавъ и шановався, завше мае хлі͡ебъ и до хлі͡еба; никого ву͡онъ нэ боитьця, и жіе собі͡е споку͡ойно.

Всіѐ въ руки господара заглядаютъ — и жидъ, и ужендникъ (чиновникъ) и панъ, и майстэръ; самъ вуо̀нъ йіѐстъ свуо̀й хліѐбъ и ще и другихъ кормитъ. Нэма найліѐпшои профэсіи, якъ господарство. Якъ панщина была, то людэ бидова́ли, а тэпэръ, царство нэбэсное нашому Царови, всіѐмъ добрэ, абы туо̀лько працовали и шанова́лися; но въ тэпэришніи часы́ молодыи людэ гуо̀ршіи стали, якъ давніѐй: впэршъ въ ги́ншумъ сэліѐ нэ было́ ни одного піякани злодія, а тэпэръ въ пасъ часто пьютъ, кра́дутъ, волочатьця по суда́хъ, свара́тьця и знэважа́ютъ ро́дичувъ и стары́хъ. Нэхъ Буо̀гъ боро́нитъ, якая тэпэръ вки́пулася роспуста мижи людьми и нэма кому ихъ припынити, щобъ такъ нэ роби́ли».

Такъ высказываютъ свое мнѣніе старики о молодомъ поколѣніи, выросшемъ на свободѣ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. И дѣйствительно замѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья и въ Россіи, что въ послѣднія времена нравственность среди молодого поколѣнія понизилась сравнительно со старымъ, болѣе дисциплинированнымъ въ крѣпостное время. Даже въ обращеніи съ интеллигентными лицами замѣчается большая разница между старыми и молодыми: старики отвѣчаютъ всегда вѣжливо и почтительно, между тѣмъ какъ парни въ большинствѣ случаевъ говорятъ грубо и нахально, а на возраженія отвѣчаютъ дерзостями.

Здѣсь въ Забужьи сохранился древній обычай носить въ церковь и на кладбище на Проводы и въ поминальные дни хлѣбъ и миски съ колбасами, яйцами, яблоками и т. п. Нѣкоторую часть этого приношенія отдаютъ нищимъ, а болѣе половины оставляютъ въ пользу церковнаго причта: священника, діакона и псаломщика.

На Георгія (*Юрія*) весной домохозяева съ дѣтьми носятъ «коровай» на ниву, засѣянную рожью и пшеницею, и катаютъ его по озими; причемъ молятся на колѣняхъ, «щобы Буо̀гъ вродивъ збуо̀же — жи́то и пшени́цю».

На Троицу (*на Зелёныи святки*) хату украшаютъ зеленью, какъ это вездѣ бываетъ: на полъ настилаютъ рѣчной аиръ (плиш-

ни́къ), образа убираютъ вѣтками и цвѣтами. На первый день Тройцы пастухи (мальчики и парни) привязываютъ березовыя вѣтки къ рогамъ воловъ и коровъ, и рогатый скотъ возвращается вечеромъ домой съ цѣлымъ лѣсомъ молодыхъ деревъ.

На Зэленьця (*15 Іюня*) дѣвушки приготовляютъ вѣночки изъ мелкихъ душистыхъ цвѣтовъ—очитка, чебреца, липоваго цвѣта и т. п. и несутъ въ церковь для освященія. Во время грозы зажигаютъ «грумницю» и кадятъ этими вѣночками въ хатѣ, коморѣ и сѣняхъ, «щобъ пэрунъ нэ спали́въ ха́ты». Этотъ обычай, позаимствованный уніатами отъ католиковъ, сохраняется понынѣ и среди православныхъ Забужнаго края, и теперь можно видѣть эти вѣночки въ каждой хатѣ, висящіе подъ образами.

Въ праздникъ Рождества Предтечи и Крестителя Госп. Іоанна 24 іюня (на сьвьятого Яна) подъ стрѣху каждой хаты натыкиваютъ зеленыхъ вѣтокъ. Въ Докудовѣ мальчики надѣваютъ вѣнки изъ вѣтокъ и полевыхъ цвѣтовъ на рога коровъ и воловъ, а дѣвушки пускаютъ свои вѣнки на рѣку и по плаванію ихъ гадаютъ о замужествѣ.

Въ одной малорусской пѣснѣ, записанной на Подляшьѣ въ 20-хъ годахъ Войцицкимъ, ночь на канунѣ этого праздника называется *купальночкой*. Въ эту ночь, по народному повѣрію, распространному повсемѣстно, «па́пороть цвитэ и хто той цві͡етъ на́йдэ, то бу́дэ мі͡ети вэликое щасьце». Первый собиратель народныхъ малорусскихъ пѣсенъ въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ Войцицкій говоритъ въ своемъ сборникѣ «Pieśni Ludu»: «Когда я посѣщалъ русскія селенія на Подляшьѣ (между 1824 и 25 годами), крестьяне указывали мнѣ старика, который на канунѣ св. Яна искалъ въ лѣсу заблудившуюся корову и ему случайно попалъ въ лапти (postoły) цвѣтокъ папоротника, и онъ тотчасъ узналъ о большихъ сокровищахъ, находящихся въ погребахъ Бѣльскаго замка. Но когда старикъ, снимая лапти, уронилъ и потерялъ чудесный цвѣтокъ, то онъ уже не могъ воспользоваться минутнымъ всевѣдѣніемъ, такъ какъ сейчасъ же все позабылъ, что ему сообщилъ этотъ цвѣтокъ».

Въ этотъ праздникъ у поляковъ существуетъ обычай обливаться поутру, когда еще спятъ: близкіе знакомые входятъ въ спальню и выливаютъ стаканъ воды на голову спящаго, и когда онъ въ недоумѣніи вскакиваетъ съ постели, то ему говорятъ: A świętego Iana! Потревоженный неожиданнымъ обливаніемъ успокаивается и пускается въ шутливый разговоръ съ посѣтителемъ. Обычай этотъ распространился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и Забужья.

На Успенье 15 авг. носятъ въ церковь освящать макъ, астры, гвоздику и другіе цвѣты. Изъ каждой хаты несутъ пучекъ этихъ цвѣтовъ въ церковь и послѣ освященія закладываютъ его за образа; а когда кто умретъ, то въ гробъ (въ труну́) кладутъ эти цвѣты.

Въ Малороссіи освящаютъ макъ, гвоздику и астры на Маковея.

На Анну 25 іюля освящаютъ въ церкви горсть ржи и въ началѣ посѣва употребляютъ ее на крестъ, устраиваемый домохозяиномъ на первой грядкѣ и на высѣвку освященныхъ сѣмянъ, какъ я объ этомъ упоминалъ въ описаніи обычая «засі͡евки».

На Спаса, какъ это вездѣ принято въ Россіи, существуетъ древній православный обычай освящать въ церкви плоды и медъ. Нѣкоторые благочестивые старики и старухи до этого праздника не пробуютъ яблокъ, грушъ, считая грѣхомъ нарушить обычаи своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Храмовой праздникъ въ Забужьи справляютъ очень торжественно: на храмъ обыкновенно пріѣзжаетъ нѣсколько сосѣднихъ священниковъ и приходятъ всѣ почти ихъ прихожане, такъ что небольшая церковь не можетъ вмѣстить всѣхъ молящихся. Послѣ обѣдни всякій домохозяинъ зоветъ къ себѣ въ гости родственниковъ и знакомыхъ изъ сосѣднихъ приходовъ; у мѣстнаго священника собирается много гостей: родственниковъ и знакомыхъ изъ цѣлой округи и продолжается пиръ часто съ музыкой, танцами и разными развлеченіями цѣлую ночь.

Нѣкоторые народные обычаи и повѣрія.

1) Когда кто проходитъ мимо работающихъ, то послѣ обычнаго привѣтствія «Похвалены» всегда говоритъ: «Помага́й вамъ, Боже, до робо́ты!» — «Бугъ — за́плаць, за доброе слово», отвѣчаютъ ему рабочіе.

2) Если чужой войдетъ въ хату во время ѣды за столомъ, то хозяинъ или хозяйка всегда говоритъ посѣтителю: Про́симо васъ на полу́дэнь (или на вэчеру или на снэда́не)! А вошедшій отвѣчаетъ: Йі͡ежтэ (или поживайте) здоровы! Когда дѣйствительно хотятъ угостить чужого человѣка, то просто говорятъ: Идіе͡тэ до насъ вэче́рати! Сяда́йтэ за сту͡олъ и бері͡етэ ложку!

3) Ко͡гда кто чихнетъ, то ему говорятъ: на здоро́ве, и онъ за это благодаритъ: Бугъ—за́плаць.

4) Когда у маленькихъ дѣтей выпадетъ зубъ, то его бросаютъ подъ печку и говорятъ: На тобі͡е, мы́шка, зубо́къ костяны́й, а мні͡ээ дай зелі͡езны.

5) Плевать въ огонь грѣшно, «и хто плю́нэ, тому язы́къ спры́щитъ».

6) Если баба перейдетъ дорогу съ пустыми ведрами или заяцъ перебѣжитъ дорогу передъ идущимъ или ѣдущимъ, то считается дурнымъ предзнаменованіемъ, и говорятъ, что будетъ несчастіе.

7) Здѣсь вѣрятъ въ сглазъ, заговоры, ворожбу и дурныя предзнаменованія и примѣты.

8) Нельзя на себѣ починять одежды и бѣлья, «бо розумъ му͡ожня зашити».

9) Всякое явленіе природы и общественной жизни простой народъ объясняетъ по своему, такъ напримѣръ — войны бываютъ для того, чтобы меньше людей было на землѣ, а то земля не могла бъ держать много народа.

10) О происхожденіи Юліанскаго и Григоріянскаго календаря существуетъ въ народѣ такое объясненіе: Когда Христосъ ро-

дился, то всѣ народы шли къ нему поклониться и принести свои подарки. Полякъ, нѣмецъ, французъ, какъ болѣе ловкіе, наскоро одѣлись и прежде русскихъ прибыли въ Виѳліемъ; «повуольны» русинъ же, пока одѣлъ свой сукманъ и обулся въ постолы да пока снаряжался въ путь и, наконецъ, добрелъ до мѣста рожденія Христа, то опоздалъ послѣ поляка, нѣмца и француза на 12 дней, и вотъ почему Рождество и другіе русскіе праздники бываютъ на 12 дней позже польскихъ праздниковъ. Относительно поклоненія Христу разныхъ народовъ и поднесенія ему подарковъ, то на эту тему сочинена книжниками польская колядка, находящаяся въ печатномъ сборникѣ «Кантычки» (Kantyczki). Въ этой колядкѣ на счетъ русина (малоросса) говорится: «Rusin każe: aliłuja, pomohu ja, do szopy przybywa, swe knyszy dobywa... Knyszy, pyrohy nosyły — Panu dawały, Panu dawały!» Про русскихъ (великороссовъ) сказано: «Moskalowi i znać dano, przykazano: Taak stupaj batiuszka! rodiłsia dietiuszka и т. д. Въ такомъ же родѣ и на языкѣ каждаго народа поется о венгерцѣ, нѣмцѣ, французѣ, испанцѣ. Венгерецъ, по словамъ пѣсни, принесъ Христу духи (zdrowe olejki) и т. д.

Старинные народные обычаи и повѣрья Забужной Руси не вездѣ сохранились въ одинаковой степени: въ однихъ мѣстахъ ихъ существуетъ больше, а въ другихъ меньше, то въ болѣе цѣльномъ видѣ, то въ частичномъ. Къ послѣдней категоріи можно отнести и Ломазскій приходъ; здѣсь сравнительно мало осталось обычаевъ и повѣрій изъ глубокой старины: одни забыты давно, другіе видоизмѣнились, третьи измельчали, и только остались въ такомъ видѣ, въ какомъ я описалъ въ настоящемъ очеркѣ. Вообще, народные обычаи, а особенно повѣрія въ этой мѣстности въ настоящее время значительно ослабѣли и нѣкоторые изъ нихъ находятся на пути къ исчезновенію въ недалекомъ будущемъ. Такое ослабленіе и уничтоженіе народныхъ суевѣрій и предразсудковъ произошло отъ сильнаго вліянія духовенства и просвѣщенія, распространяемаго среди мѣщанъ и крестьянъ народными русскими училищами, находящимися почти повсемѣстно въ За-

бужномъ краѣ. Что касается русскихъ церковно-религіозныхъ обычаевъ, вошедшихъ издревле въ жизнь мѣстнаго населенія, то многіе изъ нихъ во время существованія здѣсь уніи замѣнились польско-католическими и такъ сильно вкоренились, что могутъ исчезнуть только со временемъ, когда разовьется въ народѣ сознаніе своей національности.

Народные обычаи, повѣрія и игры, описанные мною по личнымъ наблюденіямъ, если не всѣ, то во всякомъ случаѣ весьма многіе распространены повсемѣстно въ Забужномъ краѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, особенно же повѣрія, относящіяся къ слав. демонологіи и космогоніи, извѣстны и въ другихъ русскихъ областяхъ; такъ, напр., народныя сказанія о происхожденіи аиста, волка, медвѣдя существуютъ и въ Новороссіи.

Изъ приведенныхъ образцовъ Ломазской рѣчи, а также изъ перечисленныхъ названій предметовъ по группамъ видно, что словарь этого говора составленъ изъ двухъ главныхъ элементовъ, развившихся органически въ народной рѣчи — общерусскаго и южно-русскаго, и третьяго — иноязычнаго, вошедшаго впослѣдствіи въ языкъ русскаго народа Забужнаго края.

1) Группа общерусскихъ словъ съ одинаковыми корнями, преобладающая и по своей многочисленности, придаетъ русскій характеръ Ломазскому и другимъ Холмско-Подляшскимъ говорамъ.

2) Южно-русская, или малорусская группа лексикальныхъ формъ раздѣляется на три разряда: а) слова чисто малорусскаго происхожденія съ особыми корнями, не встрѣчающимися въ другихъ русскихъ и инославянскихъ нарѣчіяхъ; б) слова сходныя съ польскими, имѣющія общіе корни. Надо полагать, что большинство подобныхъ словъ развилось въ южно-русской рѣчи самостоятельно, безъ вліянія польскаго языка, что̀ подтверждается иногда и памятниками нашей древней письменности; в) наконецъ, особыя мѣстныя слова, сохранившіяся съ древнѣйшихъ временъ или развившіяся на почвѣ Холмско-Подляшскихъ говоровъ. Въ этихъ трехъ разрядахъ часто встрѣчаются древне-русскія слова

и выраженія, вышедшія нынѣ изъ употребленія въ лит. русскомъ языкѣ.

3) Къ третьей группѣ принадлежатъ слова разноврем. иноязычнаго происхожденія — польскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, французскаго и тюрко-татарскаго. По количеству инородныхъ словъ, вошедшихъ въ забужные говоры, первое мѣсто занимаетъ польскій элементъ, а послѣднее — тюрско-татарскій (калямáръ, шайтáнъ, бирки, а-псикъ, гиша, ирха, дахъ и т. п.).

Къ послѣдней группѣ принадлежитъ значительное количество словъ чисто польскаго происхожденія или же перешедшія черезъ польскій языкъ латинскія, нѣмецкія, французскія слова, которыя въ мѣстныхъ народныхъ говорахъ въ большей или въ меньшей степени видоизмѣнились согласно фонетикѣ малорусскаго языка. Число словъ польскаго и иностраннаго происхожденія въ забужныхъ малорусскихъ говорахъ разнообразное: въ однихъ говорахъ этихъ словъ находится больше, въ другихъ меньше, смотря по мѣстности, бывшей подъ большимъ или меньшимъ польскимъ вліяніемъ. Здѣсь всѣ техническіе термины названія церковныхъ предметовъ, духовн. лицъ и богослуженія, общія названія однородныхъ вещей позаимствованы изъ польскаго языка точно такъ, какъ въ Малороссіи употребляютъ великорусскія названія, перенятыя въ послѣднія времена. Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ подобныхъ говорахъ, одни малорусскія слова забыты и замѣнены польскими, другія продолжаютъ употребляться наряду съ польскими. Забужные говоры съ трехъ-элементнымъ составомъ существовали въ періодъ польскаго вліянія до послѣдняго польскаго бунта; послѣ же усмиренія мятежа, въ половинѣ 60-хъ годовъ, когда наше правительство ввело русскій языкъ во всѣхъ учрежденіяхъ и устроило русскія народныя училища, началось русское вліяніе и на мѣстный малорусскій языкъ, и въ составъ его начали входить мало-по-малу книжныя русскія слова и выраженія, а въ настоящее время великорусскій, по времени четвертый, элементъ очень замѣ-

тенъ въ народныхъ говорахъ. Русскія слова постепенно вытѣсняютъ польскія, и каждый мѣстный говоръ принимаетъ болѣе чистый обликъ русскаго языка. Но и вліяніе польскаго языка продолжается въ Забужьи, хотя не въ такой степени, какъ прежде, когда этотъ языкъ господствовалъ и въ уніатской церкви (проповѣди, пѣсни, разговоръ священника на польскомъ языкѣ), и въ государственныхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забужья, особенно въ Сѣдлецкой губ. и въ настоящее время польскій языкъ употребляется при пѣніи и при совершеніи молитвъ не только среди упорствующихъ, но часто и среди православныхъ мѣщанъ и крестьянъ. Здѣсь по католическому польскому обычаю бывшіе уніаты по привычкѣ ходятъ въ костелъ и нѣкоторые даже и въ православную церковь съ польскими книжками «до набоженства». Но русскій лит. языкъ во многихъ мѣстностяхъ Забужья теперь больше оказываетъ вліянія на малорусскіе говоры, чѣмъ польскій, такъ какъ на немъ исключительно обучаются въ Забужныхъ народныхъ училищахъ (въ польскихъ мѣстностяхъ преподается и по польски) и дѣти многія слова и выраженія, усвоенныя изъ русской книжки, часто употребляютъ въ своемъ говорѣ. Не мало способствуютъ къ усвоенію русскихъ словъ и выраженій правительственныя учрежденія, гдѣ все дѣлопроизводство ведется на русскомъ языкѣ. Но самымъ могучимъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи служитъ русская книга, появившаяся со времени водворенія въ Забужьи русской школы; въ настоящее время въ каждой почти хатѣ можно встрѣтить книжку для чтенія, взятую изъ училищной библіотеки или же купленную на ярмаркѣ — до послѣдняго польскаго возстанія, за рѣдкими исключеніями, въ мѣстечкахъ русской книги не существовало вовсе, а только въ нѣкоторыхъ домахъ были польскія или славянскія духовнаго содержанія; въ деревняхъ же, гдѣ грамотныхъ мало встрѣчалось, не было никакой книжки — ни русской ни польской. Русская школа развила среди молодого поколѣнія любовь къ чтенію, и теперь часто можно видѣть какъ въ крестьянской или мѣщанской хатѣ маль-

чикъ или дѣвочка читаютъ вслухъ, а взрослые слушаютъ со вниманіемъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ интересуются и политикой и выписываютъ дешевыя газеты.

V.

Народныя названія мѣстностей Сѣдлецкаго Подляшья, по Ломазскому произношенію.

Народныя названія мѣстностей по большей части сохранились съ древнихъ временъ, какъ въ этомъ удостовѣряютъ лѣтописи и старинные акты. Эти народныя названія составляютъ единственный памятникъ нѣкоторыхъ формъ древняго языка мѣстнаго кореннаго русскаго населенія. Со времени перехода Подляшья послѣ Люблинской уніи (1569 г.) подъ власть Польши, многія географическія названія приняли польскую форму и въ такомъ видѣ употреблялись оффиціально почти до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и только послѣ польскаго возстанія во время введенія реформъ въ царствѣ Польскомъ было обращено вниманіе на мѣстныя русскія названія Забужнаго края. Но не всѣ народныя названія мѣстностей возстановлены, и при нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ употребляются оффиціально прежнія польскія названія какъ, наприм.: Влодава, Вогинъ, Вишница и т. д., вмѣсто народн. Володава, Воинь, Вишничи.

Народныя географическія названія русскаго Забужья, относительно ихъ формы, употребляются въ единственномъ и множественномъ числѣ съ окончаніями: **ово—ево, овка—евка, ецъ, ица — ици, скъ** (= **скій**) **ъ — ь, инъ, ень, инка, енка, а** (= **ая**), **но** (= **не, ное**), **е** (= **ье**), **и — ы, ичи — овичи.** Это наиболѣе распространенныя окончанія народ-

ной географической номенклатуры. Но кромѣ перечисленныхъ формъ, существуютъ еще наименованія, не имѣющія общей системы окончаній. Въ лингвистическомъ отношеніи мѣстныя географическія названія можно раздѣлить на четыре главныхъ группы: общеславянскую, русскую, польскую и ятвяго-литовскую. Къ послѣдней группѣ, безъ сомнѣнія, принадлежатъ тѣ названія мѣстностей Сѣдлецкой губ., лексическое значеніе которыхъ не поддается объясненію при помощи славянской этимологіи. Къ такимъ названіямъ принадлежатъ — Ломазы, Юсаки, Шенейки, Вортель, Докудовъ, Кошолы и другія.

«Всѣ названія городовъ и селеній, проистекаютъ изъ двухъ источниковъ—изъ именъ личныхъ и нарицательныхъ, усложняясь, хотя не всегда, различными окончаніями. Большинство названій мѣстностей въ славянскихъ земляхъ происходитъ отъ именъ личныхъ, но изслѣдованіе ихъ труднѣе сравнительно съ нарицательными названіями, такъ какъ многія старославянскія собственныя имена намъ вовсе незнакомы и потому легко могутъ быть отнесены, по ошибкѣ, къ нарицательнымъ. Затрудненіе увеличивается вслѣдствіе непостоянства окончаній. Одни и тѣ же окончанія, за небольшими изъятіями, встрѣчаются одинаково и въ тѣхъ и въ другихъ названіяхъ. Уразумѣнію первоначальнаго смысла названій мѣстностей не всегда помогаютъ стародавніе документы. Часто названія представляются въ нихъ уже сильно искаженными. Тогда приходится прибѣгать къ помощи этимологіи, мѣстной топографіи и археологіи. Разоблаченіе внутренняго смысла названій мѣстностей приближаетъ насъ, такъ сказать, къ самому зародышу славянскаго быта. Но нѣтъ надежды раскрыть значеніе всѣхъ названій (А. В. Лонгиновъ, Червенскіе города, стр. 2—3)».

Городъ Брестъ-Литовскъ.

Самымъ древнимъ русскимъ поселеніемъ на рѣкѣ Бугѣ, на границѣ Сѣдлецкой губ., считается г. Брестъ-Литовскъ, Городъ-

нѣнской губ. Брестъ былъ главнымъ городомъ до конца XVIII столѣтія сначала Берестейской области при удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князьяхъ, потомъ, съ 1520 г. Подляшскаго и, наконецъ, съ 1569 г. Брестскаго воеводства, въ составъ которыхъ всегда входила Забужная Русь. Сѣдлецкой губ. Брестъ, упоминаемый въ Несторовой лѣтописи (1019 г.) подъ именемъ Берестье, а въ Ипатьевской — Берестій, называется въ западно-русскихъ истор. актахъ—Береcть. И это названіе древняго русскаго города сохранилось до сихъ поръ въ народѣ—Бэ́рэсть или, по произношенію Ломазскому, Бэ́рэсьць.

Польскій историкъ Шайноха основаніе Бреста-Литовскаго, какъ и основаніе Бреста-Куявскаго и Бреста французскаго, приписываетъ норманнамъ. Но такое предположеніе относительно двухъ старинныхъ славянскихъ городовъ едва ли основательно, такъ какъ на Руси и въ другихъ славянскихъ земляхъ много существуетъ подобныхъ названій, образовавшихся отъ слова берестъ, не говоря даже о томъ, что и въ Грубешовскомъ уѣздѣ Люблинской губ. находится село Берестье. Названіе французскаго Бреста и обоихъ славянскихъ городовъ того же наименованія—различнаго происхожденія, какъ Австрійская Галиція и Испанская Галиція. Названіе Берестье, Береcть древнерусское, какъ Brześć (Куявскій) древнепольское — оба эти названія въ древне-прилагательной славянской формѣ образовались отъ личнаго имени Берестъ и Brzost, произшедшихъ отъ названія дерева берестъ и brzost. Средній родъ этого названія указываетъ на существованіе села, а мужескій — города: Берестье, т. е. Берестовое село; Берестій—Береcть, т. е. Берестовъ городъ. Аналогическія формы наименованій старинныхъ славянскихъ городовъ встрѣчаются довольно часто: Перемышль, Ярославль, Любомль, Переяславль, Степань и т. д. Древніе славяне, какъ и другіе первобытные народы, часто назывались именами разныхъ животныхъ и растеній. Наши предки, принявъ христіанскую вѣру, рядомъ съ христіанскими именами надѣлялись въ общежитіи прозвищами разныхъ деревъ, цвѣтовъ, птицъ, звѣрей и

т. п. И въ настоящее время въ народѣ существуетъ множество подобныхъ уличныхъ прозвищъ. И вотъ почему столько встрѣчается фамильныхъ и личныхъ прозвищъ, образовавшихся отъ названій животныхъ и растеній и перешедшихъ во многихъ мѣстностяхъ въ географическую номенклатуру.

Сѣдлецкая губ.

1) *Бѣльскій уѣздъ.*

Бі͡эла — Віаła — Бѣла-уѣздный городъ. Въ истор. актахъ XVI и XVII вѣка Бѣла—Била, Alba Ducalis (Княжеская Бѣла)[1]).

Бѣла принадлежала князьямъ Радзивилламъ изъ Несвѣжской линіи. Послѣ выхода замужъ Стефаніи Доминиковны кн. Радзивиллъ за князя Льва Петровича Витгенштейна, Бѣла перешла въ первой половинѣ прошлаго столѣтія во владѣніе князей Витгенштейновъ (И. А. Кубасовъ, Архивъ Брюлловыхъ, стр. 138). Бѣльскіе мѣщане какъ католики, такъ и православные изъ бывшихъ уніатовъ говорятъ по-польски, но въ окрестныхъ деревняхъ и во всемъ уѣздѣ по посадамъ и селамъ мѣщане и крестьяне православные и почти всѣ католики говорятъ на мѣстномъ русскомъ языкѣ, состоящемъ изъ множества народныхъ говоровъ. Говоры эти по своимъ звуковымъ особенностямъ и формамъ можно раздѣлить на двѣ главныя группы — мягкіе бѣло-малорусскіе и твердые полѣсско-малорусскіе. Почти въ каждомъ православномъ приходѣ существуетъ особый говоръ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ находится 32 прав. прихода съ населеніемъ 37, 600 человѣкъ. Всѣхъ жителей въ этомъ уѣздѣ 62 т., изъ коихъ православныхъ 62, 9%, католиковъ 3, 4%, а остальн евреи.

---

1) Рядомъ съ мѣстнымъ малорусскимъ географ. названіемъ привожу польское и оффиціальное русское; если же народное названіе тожественно съ польскимъ и оффиціальнымъ русскимъ, то послѣднія пропускаю.

Ломазскій приходъ.

Въ составъ Ломазскаго прав. прихода входятъ слѣдующія мѣстности:

Посады — Лома́зы, Росу͡о́шэ — Rossosz — Россошъ. Пос. Россошъ въ послѣднее время выдѣленъ въ особый приходъ.

Деревни—Лю̀бенка Сьцидю͡о́нка—Studzianka—Студянка, (въ XVI в. Студеная), Копы́тникъ, Ку͡о́злы — Kozły — Козлы.

Хутора: Фольварокъ Ломазы, водяные мельницы: Юсаки́, Шэнэ́йки, Шэ́лестъ.

Ломазскій приходъ самый многолюдный въ Сѣдлецкой губ.; въ немъ числится 3,350 прихожанъ, большая часть которыхъ въ настоящее время считаются упорствующими уніатами. Но кромѣ русскаго населенія, въ Ломазскомъ приходѣ живутъ католики въ небольшомъ количествѣ, нѣсколько татарскихъ семействъ и довольно значительное число евреевъ въ двухъ посадахъ. Татары живутъ въ дер. Студёнкѣ, гдѣ находится ихъ мечеть, единственная въ Привислинскомъ краѣ. Татары поселились здѣсь на правахъ дворянства въ началѣ XV вѣка при Витовтѣ, великомъ князѣ Литовскомъ. Мѣщане и крестьяне, какъ бывшіе уніаты, такъ и католики, говорятъ по-малорусски или, какъ здѣсь выражаются, «по-руськи»; нѣсколько же семействъ польскихъ и татарскихъ изъ мѣстной шляхты говорятъ на польскомъ языкѣ. Такой же говоръ, какъ въ Ломазскомъ приходѣ, существуетъ съ незначительными отличіями и въ сосѣднихъ приходахъ—Кошоловскомъ, Докудовскомъ и Бѣльскомъ. Говоръ этотъ, съ небольшими уклоненіями въ фонетикѣ, распространенъ и въ другихъ мѣстностяхъ Бѣльскаго уѣзда.

Ломазы одно изъ древнѣйшихъ поселеній Забужной Руси, Сѣдлецкой губ., находятся на рѣкѣ Зелявѣ, притокѣ Кросны, впа-

дающей въ рѣку Бугъ [1]). Основаніе этого поселенія можно отнести къ XIV или даже къ XIII вѣку, такъ какъ въ историческихъ актахъ упоминается оно въ 1446 году. Въ XVI столѣтіи Ломазы были преобразованы изъ села въ городъ (мі͡эсто) съ Магдебургскимъ правомъ; въ 70 годахъ прошлаго столѣтія наравнѣ съ другими мѣстечками Привислинскаго края переименованы въ посадъ. Въ Ломазахъ сохранилось нѣсколько письменныхъ памятниковъ западно-русскаго языка съ XVI и XVII вѣка — привилегіи королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ. Особенно интересный историческій документъ въ этнографическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія «Люстрація мѣста Ломазъ 1566 року», составленная по-русски Подлясскимъ воеводой княземъ Сапѣгой (Сопига). Въ этой Люстраціи перечислены всѣ домохозяева мѣстечка Ломазы. Въ Ломазской церкви метрическія записи велись до половины XVIII столѣтія на мѣстномъ русскомъ языкѣ. Случалось мнѣ видѣть и частную переписку съ конца того же столѣтія на мѣстномъ нарѣчіи (заемное письмо). Писали тогда полууставомъ.

Судя по фамильнымъ прозвищамъ XVI вѣка и по особенностямъ языка мѣстныхъ жителей, въ Ломазахъ съ давнихъ временъ было, очевидно, смѣшанное населеніе, которое состояло изъ преобладающаго большинства коренныхъ обитателей Прибужья съ примѣсью литовцевъ и мазуровъ, слившихся въ одноязычное населеніе. Уже самыя названія показываютъ, что первыми поселенцами Ломазъ, Шенеекъ, Юсаковъ были выходцы литовскаго происхожденія. Еще и теперь въ Ломазахъ существуетъ фамилія Шенейко. Ломазы и Ломжа (Ломза), очевидно, одного корня—слова. Названія рѣкъ—Зелява, на которой стоятъ Ломазы, и Зельва, притока Нѣмана, Гродн. губ., безъ сомнѣнія, ятвяго-литовскаго происхожденія. Такого же происхожденія, надо полагать, и названіе рѣки Кросна — Крсна — Кржна;

1) Зелява по народному произношенію Желява. Народная форма этого названія встрѣчается и въ историческихъ актахъ XVI вѣка.

первое названіе извѣстно въ Ипатьевской лѣтописи, второе въ актахъ XVI вѣка, а послѣднее употребляется въ настоящее время поляками и на картахъ русскаго изданія. Впрочемъ, эта рѣка названа на одной картѣ XVIII вѣка Красна, вѣроятно, по ошибкѣ, такъ какъ въ Волынской лѣтописи XIII вѣка она такъ не называется. Сопоставляя названія рѣкъ—Зелява и Кросна — Крсна и названіе одной деревни въ Бѣльскомъ уѣздѣ Бокинка съ названіями ятвяжскихъ племенъ — Зелинцевъ, Крисменцевъ и Покинцевъ, нельзя не придти къ заключенію, что нынѣшній Бѣльскій уѣздъ (Сѣдл. губ.) былъ ихъ первоначальной родиной, пока они не были вытѣснены отсюда Владиміромъ Святымъ въ 983 г., во время похода его на ятвяговъ, а затѣмъ покорены Ярославомъ Мудрымъ въ 1038 году, какъ объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ русскія лѣтописи и польскія хроники. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ X-го вѣка русскія поселенія существовали въ нынѣшнемъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ уѣздахъ, иначе не упоминалось бы Несторомъ Берестье 1019 года, которое было въ то время, очевидно, значительнымъ поселеніемъ въ этой странѣ. По рѣкѣ Кроснѣ, кромѣ г. Бѣлы, расположены слѣдующія мѣстности: городъ Межирѣчье и селенія—Русская Воля, Столпно, Высокое, Долга (Рад. уѣзда), Сидорки, Горбовъ, Кіевецъ, Добрынь, Корощинъ, Воскреничи (Бѣльскаго уѣз.). Въ Ипат. лѣтописи подъ 1282 г. говорится: «Ляхове воеваша у Берестья по Кроснѣ и взяша селъ десять». Хотя и не поименованы лѣтописью эти села, но, безъ сомнѣнія, уже существовали въ то время нѣкоторыя изъ перечисленныхъ мною населенныхъ мѣстъ. Къ такимъ населеннымъ мѣстамъ можно отнести Бѣлу, Межирѣчье, Кіевецъ, Корощинъ, Долгу, Добрынь, Столпно и другія. Если принять во вниманіе, что въ настоящее время по рѣкѣ Кроснѣ и по близости ея находится не болѣе 20 населенныхъ мѣстностей, то упоминаемыя лѣтописью 10 селъ по этой рѣкѣ показываютъ, что въ XIII вѣкѣ Бѣльскій и Радинскій уѣзды довольно густо были населены.

Многія географическія названія Сѣдлецкой губ. встрѣчаются

и въ другихъ губерніяхъ, такъ, напр., Студянка, Россошъ, Костеневичи, Рудно, Кодень, Соколовъ, Яновъ, Городокъ, Городище, Дорогичинъ и другія наименованія мѣстностей Сѣдлецкой губ. находятся въ губерніяхъ: Студянка на Березинѣ въ Минской, Россошь въ Харьк., Костеневичи къ Вилен., Рудня и Кодня въ Волын., Соколовъ, Дорогичинъ въ Гроднен., а Городища и Городки существуютъ повсемѣстно въ Россіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Основываясь на одинаковыхъ историческихъ и географическихъ названіяхъ, нѣкоторые изслѣдователи, при опредѣленіи древней области распространенія русской или польской народности, иногда приходятъ къ ложнымъ заключеніямъ. Такъ, напр., галицко-польскій писатель Захарьясевичъ, авторъ тенденціозной повѣсти «Swięty Iur», видитъ древнюю Польшу на Днѣпрѣ на томъ только основаніи, что славяне, жившіе на этой рѣкѣ и на Вислѣ, одинаково назывались — полянами.

Нѣкоторые изслѣдователи Холмской старины, въ подтвержденіе своего мнѣнія о принадлежности той или другой мѣстности къ древней Руси, или для указанія древне-русскаго вліянія на польскую географическую номенклатуру, — ссылаются на названія, въ родѣ Владиміръ, Владиміровка, встрѣчающіяся въ Радомской, Петриковской и Калишской губ.

Но подобныя древнія географическія названія не всегда могутъ быть отличительнымъ признакомъ русской или польской народности, такъ какъ въ старину Владиміръ, Владиславъ, Станиславъ, Казиміръ, были общеславянскими именами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ народныя сказки и историческія данныя. Вообще изслѣдователямъ исторіи и этнографіи трудно дѣлать какія-нибудь вѣрныя обобщенія на основаніи тождественныхъ географическихъ наименованій, такъ какъ сходство славянскихъ языковъ и обычаевъ народныхъ создали и одинаковую во многихъ мѣстахъ географическую номенклатуру.

Но встрѣчается въ русскомъ Забужномъ краѣ географическія названія съ отличительными признаками русскаго происхожденія, которыя возникли подъ вліяніемъ мѣстныхъ народныхъ

говоровъ въ періодъ удѣльныхъ русскихъ князей и литовскаго владычества. И такихъ названій въ Забужьи очень много. При перечисленіи населенныхъ мѣстностей Сѣдлецкой губ. я и буду обращать на нихъ вниманіе, такъ какъ они имѣютъ извѣстное значеніе для русской этнографіи мѣстнаго края вообще, а для описанія Ломазскаго говора въ частности.

Ко́шолы — сосѣднее село съ Ломазскимъ прих., въ немъ 441 прихож. Названіе этого села, очевидно, не славянское, а ятвяго-литовское, которое произошло отъ имени его основателя — Ко́шолъ, Ко́шолы. Ломазы, Кошолы, Юсаки, Шенейки, Слава́тычи и вообще всѣ названія съ окончаніями множественнаго числа—суть родовыя названія первыхъ поселенцевъ, прозвища которыхъ превратились впослѣдствіи въ географическія наименованія. Ко́шоловскій говоръ иногда называется неправильно Кошельскій. Ошибка эта произошла отъ собирателя народныхъ пѣсенъ Я. П. Андріевскаго, произведшаго названіе Кошолы отъ слова кошель. Кошоловскій говоръ по своимъ звуковымъ особенностямъ и формамъ почти похожъ на Ломазскій и только отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что слова произносятся протяжно, нараспѣвъ. Въ Ломазахъ отзываются про кошоловцевъ такъ: «Ко́шулувци гово́ратъ такъ, якъ съ коло́дэзя во́ду тя́гнутъ». Кромѣ пѣвучести, Кошоловскій говоръ имѣетъ одну звуковую черту, которой нѣтъ въ Ломазской рѣчи: въ нѣкоторыхъ словахъ послѣ р, ж, ч, ш, щ. слышится дифтонгъ i͡э: пріэ͡сьци. пріэ͡зникъ, жі͡ети, шіе͡пка, щіе͡сте, Кошоловскій говоръ отчасти разнится отъ Ломазскаго и лексическимъ составомъ: въ немъ меньше встрѣчается полонизмовъ, чѣмъ въ Ломазскомъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что Кошоловскій говоръ былъ подъ меньшимъ вліяніемъ польскаго языка, чѣмъ Ломазскій, вслѣдствіе отсутствія костела въ Кошолахъ; въ Ломазахъ же рядомъ съ церковью уже давно существовалъ костелъ, научившій русской народъ польскимъ молитвамъ и духовнымъ пѣснямъ и распространившій между нимъ польскую грамоту. Особенно усилилось вліяніе польскаго языка на мѣстный говоръ по-

слѣ послѣ пожара костела, когда въ Ломазской уніатской церкви впродолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ совершалось поочередно по воскресеньямъ и праздникамъ славянское и латинское богослуженіе съ польскими молитвами, пѣснями и проповѣдями.

Доку́дово — Dokudow — Докудовъ на рѣкѣ Зелявѣ — село. Въ Докудовскомъ приходѣ числится 1232 прихож. Въ XVI в. Докудово называлось еще Левково и было на правахъ мѣстечка съ Магдебургскимъ правомъ, но въ концѣ прошлаго столѣтія Радзивиллъ лишилъ мѣщанъ городскихъ привилегій и обратилъ ихъ въ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ окрестности села Докудова и Вортеля находится древнее монастырское урочище «Мастырь», упоминаемое въ одномъ изъ западно-русскихъ историческихъ актовъ XVI вѣка. По народному преданію, здѣсь когда-то стоялъ на высокой горѣ среди топкихъ болотъ православный монастырь, неизвѣстно кѣмъ основанный и когда уничтоженный.

Ду́бово — Dubow — Дубовъ — дер. Докудовск. прихода.

Вы́олька — Wólka Plebańska — Вулька — Плебанская. Мѣстные крестьяне были крѣпостными бѣльскихъ ксендзовъ. (plebanów).

Гра́баново — Grabanów — Грабановъ; Сэ́лецъ, Старынэцъ — Starzyniec — Старинецъ, Поросюки, Сидо́рки, Славатинъ. Всѣ эти деревни принадлежатъ Бѣльскому прав. приходу, въ которомъ числится 2430 прихожанъ.

Во́ртэль — Ortel — Ортель. Существуетъ два Ортеля — Королевскій и Княжескій. Въ XVI вѣкѣ Вортель Королевскій назывался Вортолъ, а Княжескій — Княжая. Въ Пруссіи, въ мѣстности, населенной литовцами, находится гор. Ортельсбургъ. Очевидно, Ортель, Бѣльскаго уѣзда и Ортельсбургъ въ Прусссіи одного этимологическаго происхожденія. Ортель—Княжескій или какъ мѣстные жители называютъ Паньськи принадлежалъ князьямъ Радзивилламъ, а Королевскій вмѣстѣ съ деревнями Ломазскаго прихода составляли королевскія имѣнія (столовыя) или казенныя во время русскаго правленія. Въ настоящее время Ломазская экономія считается майоратомъ и принад-

лежитъ со времени польскаго бунта генералу Манюкину, который отдаетъ это имѣніе въ аренду. Изъ Ломазскихъ арендаторовъ или державцевъ—паны Тизенгаузъ и Кутасевичъ оставили по себѣ дурную память: о ихъ жестокостяхъ и звѣрствахъ въ народѣ ходятъ и до сихъ поръ разные разсказы, приведенные мною выше на стран. 50—51. Въ Вортелѣ народный говоръ разнится отъ Ломазскаго своими звуковыми особенностями. Въ Вортелѣ звукъ **и** произносится тверже, чѣмъ въ Ломазахъ, но мягче **ы**.

Вуоскрэничи—Woskrenice—Воскреница—село.

Костэнэвичи—Koscieniewicze—Костеневичи (въ XVI в. Костянково).

Добратычи—Dobratycze—Добратычи—село.

Славатычи—Sławatycze—Славатычи—посадъ.

Бояры—Шаровичи—Bojary—Szarowicze—дер.

Костомолоты—Kostomłoty—Костомлоты—село.

Долгоборо́ды—Dołgobrody—Долгоброды—село.

Названія мѣстностей съ окончаніемъ на **ичи** образовались отъ фамильныхъ прозвищъ основателей этихъ населенныхъ мѣстъ и они служатъ характерной чертой географической номенклатуры Забужной Руси и Сѣверо-Западнаго края; особенно же много встрѣчается подобныхъ названій въ Минской губ.

Горбово—Horbów—Горбовъ, Ляхуовка—Lachówka—Ляховка, Колода—Kłoda—Колода, Залэсе—Zalesie—Залѣсье, Указна—Указная, Добрынь, Бэрэзувка—Березовка, Новосюолки—Новоселки, Кіёвэць—Кіевецъ, Дэрэчинка—Деречинка, Гусиннэ, Корчуовка—Корчовка, Красуовка—Красовка, а въ старину Красное, Бурвинъ, Мазанувка—Мазановка, Луковци—Łukowiec—Луковецъ, Ягудниця—Ягодница, Тэрэбэля, Добрынка, Хотылово—Хотыловъ, Дубровиця—Dąbrowica—Добровица, Пищатэць—Piszczac—Пищацъ (въ XVI в. Пещатка), Ганна, Кузавка, Голешовъ—Holeszow—Голешовъ, Лебэдево—Лебедевъ, Михалькóво—Михальковъ, Кожанувка—Кожановка, Ляцькъ—

Ляцкъ, Павлюкѝ, Зáболоте — Zabłocie — Заболотье, Жукѝ, Крывая Вуо̀лька, Мэжилі̀эсь — Między leś — Межилѣсь, Шостакѝ, Малы̀и — Малашэ́вичи — Малыя — Малашевичи, Вэлѝкіи — Малашэ́вичи — Большія Малашевичи, Поля́тычи—Polatycze—Полятычи, Ко́дэнь, Копы́тово—Копытовъ, Коро́щинъ, Коро́щинка — Хорощинка, Само́вичи — Samowicze — Самовичи, Малю̀овка — Малевка, Поло́ски, Слава́тычи—Sławatycze—Славатычи, Заньково—Заньковъ, Тэреспуо̀ле—Terespól — Тересполь, Болотково — Болотковъ, Лобачево—Лобачевъ, Бокѝнка, Яблочно. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ находится три мазурскихъ селенія: Гуо̀ща — Huszcza—Гуща, Ту́чна и Вѝски. Судя по названію, деревни Ляцкъ и Ляховка были основаны въ старину и населены ляхами, хотя въ настоящее время эти поселки русскіе. Основателями Кіевца и Луковца, очевидно, были выходцы Кіева и Лукова, такъ какъ, по народному выраженію, кіёвэць и луковэць означаютъ жителей этихъ городовъ—(кіёвэць—кіевлянинъ). Въ Забужьи и вообще въ Привислинскомъ краѣ часто встрѣчаются селенія съ названіями Воля и Вулька. Селеній подъ именами Воля и Вулька въ предѣлахъ Холмской Руси находится до 60, а во всемъ царствѣ Польскомъ ихъ наберется нѣсколько сотенъ. Эти наименованія мѣстностей аналогичны съ русскими—Слобода и Слободка и какъ тѣ, такъ и другія возникли почти при одинаковыхъ условіяхъ. Воли и Вульки въ Польшѣ были основаны въ позднѣйшія времена послѣ опустошительныхъ войнъ и повальныхъ болѣзней, когда страна была разорена и ея населеніе значительно уменьшилось. И теперь во многихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Забужья можно замѣтить слѣды прежней земледѣльческой культуры—борозды, грядки, канавы. Для привлеченія крестьянъ къ заселенію пустошей, землевладѣльцы вынуждены были на извѣстное число лѣтъ освободить поселенцевъ отъ панщины и всякихъ повинностей, т. е. дать имъ волю, или свободу.

Названія въ прилагательной формѣ мужескаго рода на **овъ** въ народной рѣчи въ большинствѣ случаевъ оканчиваются на

ово, согласно среднему роду прилагательныхъ сэло, мѣсто (городъ): Дубово, Павлово, Луково, Соколово. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ударенія, по большей части, въ народныхъ названіяхъ бываютъ другія, чѣмъ въ польскомъ языкѣ: Любенка — Lubénka, Соколово — Sokółów, Мазанувка — Mazanówka, Дубровица — Dąbrowica.

Въ селѣ Яблочнѣ на рѣкѣ Бугѣ находится православный Свято-Онуфріевскій монастырь, основанный въ XVI вѣкѣ. Обитель эта, находясь болѣе 200 лѣтъ среди сплошного русскаго населенія, перешедшаго въ унію, сохранила древнее православіе, несмотря даже на частыя угрозы и насилія со стороны духовенства и польской шляхты совратить ее въ унію.

2) *Володавскій уѣздъ.*

Въ Володавскомъ уѣздѣ общаго населенія считается 79 тысячъ, изъ коихъ приходится православныхъ 64, 6%, католиковъ 6, 7%, а остальные евреи. Всего русскаго населенія 22,910 человѣкъ въ 27 приходахъ.

Володава — Włodawa — Влодава — уѣздный гор. Въ Ипатской лѣтописи и въ древнихъ актахъ этотъ городъ извѣстенъ подъ именемъ Володова.

Рѣка Володавка — Włodawka — Влодавка.

По странной случайности до сихъ поръ этотъ городъ и уѣздъ оффиціально называютъ Влодава, Влодавскій уѣздъ; между тѣмъ какъ другія мѣстности Забужья еще съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія стали называть по народному русскому произношенію.

Названіе этого города произошло отъ древне-русскаго личнаго имени Володъ въ прилагательной формѣ съ окончаніемъ **ово**; при чемъ звукъ **о** замѣнился въ народной рѣчи звукомъ **а**, для болѣе легкаго произношенія, какъ это потверждаетъ переходъ одной гласной въ другую въ словахъ — гарашковáты, нагавúци, вмѣсто горошковаты, ногавици. У поляковъ тоже суще-

ствовало въ старину имя Володъ (Włod), которое встрѣчается въ народныхъ польскихъ пѣсняхъ и сохранилось въ названіяхъ селеній въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Привислянскаго края. Нѣкоторые утверждаютъ, что названіе Володава означаетъ — воловъ давала, такъ какъ въ прежнее время въ этомъ городѣ была большая торговля волами во время ярмарковъ. Но такое объясненіе происхожденія этого названія опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Володава существовала еще въ XIII вѣкѣ, когда вовсе не было ярмарковъ и притомъ названіе это встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ никогда не велась торговля волами.

Изъ населенныхъ мѣстностей Володавскаго уѣзда въ этнографическомъ отношеніи болѣе замѣчательны: Примi͡эрки — Примярки, Королю͡овка — Королевка, Воло́ська — Воля — Волосская—Воля, Брусъ, Дубина, Зэньки́, Вытычно, Старына́, Ганьскъ, Кульчи́нъ, Збэрэ́жэ, Бытынь, Тарасюки́, Лю́та, Орху͡овокъ, пос. О́строво—Островъ, Городо́къ—Gródek—Городокъ, Забi͡эла—Zabiała—Забѣла, Собиборъ, Сосно́вица — Сосновица, Орi͡эхово — Орѣховъ, Лисо́къ — Лѣсокъ, Угривськъ — Угрускъ, Усьци́мово — Устимовъ, Кра́снэ, Маслюхи́, Дро́здувка, Глыбо́ке — Глубоке, пос. Ви́шничи — Wisznice—Вишницы, Голо́вно, Го́ля, За́молодичи, Кривовэ́рба (въ XVI в. Кривая Берва), пос. Городи́щэ, Дуби́ця — Дубица, Хворосты́та — Горостыта, Зага́йки, Ли́пувка — Липовка, Зэ́щинка—Жещинка, Боки́нка, Пэрэходъ — Кодэ́нэцъ — Коденецъ, Любэнь, Колихо́вичи — Kolichowice — Колиховица, Вы́рыки, Ива́нки, Му͡отвиця — Мотвица, Погорi͡элець—Погорѣлецъ, Сосну͡овка Опу͡сле—Ополе, Руси́ны, Боя́ры, Полю́бичи—Polubicze—Полюбичи, Па́рцёво — Parczew — гор. Парчевъ, Бi͡элка — Biała — Бѣлка, Дубо́вая Коло́да, Рожа́нка, Красу͡овка — Красовка, Жу́ково — Жуковъ, Розва́дувка — Розвадовка, Долголi͡эска — Долголѣска.

Историческое село Угрускъ или, по мѣстному народному произношенію, Угривськъ извѣстно въ Ипатьевской лѣтописи подъ

именемъ Угровьскъ и Угровескъ. Угровьскъ или Угровскъ, какъ Бужескъ, Ганскъ, Ляцкъ, прилагательная форма, образовавшаяся отъ имени Угръ. Въ Угровскѣ была временная резиденція князя Даніила Романовича въ первой четверти XIII вѣка. Полюбичи, какъ и Ломазы, упоминаются въ первый разъ въ 1446 году, по случаю присоединенія ихъ къ Литвѣ, взамѣнъ захваченныхъ нѣкоторыхъ мѣстностей поляками, принадлежащихъ литовцамъ. Гор. Парчевъ или по народному Пáрцёво извѣстенъ въ исторіи XVI вѣка своими сеймами, на которые пріѣзжали польскіе и литовскіе паны.

Село Рожанка принадлежало въ XVI столѣтіи русскому дворянскому роду Поцѣямъ. Здѣсь родился Ипатій Поцѣй, епископъ Владимірскій и Брестскій, принявшій унію и усердно распространявшій ее въ своей обширной епархіи, въ составъ которой входили и православныя церкви Забужной Руси въ нынѣшней Сѣдлецкой губ.

Въ Забужьи встрѣчается нѣсколько названій мѣстностей — Бояры. Эти селенія, какъ показываетъ само ихъ названіе, были основаны литовскими боярами. Бояре эти считались въ Литвѣ полусвободнымъ сословіемъ — среднимъ между шляхтой и мѣщанами, въ родѣ нашихъ однодворцевъ во время крѣпостнаго права.

Въ Сѣдлецкой и Люблинской губ., судя по названіямъ мѣстностей—Литовники, Жмудь, Турка, Волосская Воля, Ляцкъ, Ляховка, селились среди мѣстнаго русскаго населенія военноплѣнные или свободные: литовцы, жмудины, турки, волохи и ляхи, которые впослѣдствіи обрусѣли и слились съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Не мало было военноплѣнныхъ поселенцевъ и татаръ: ими заселены Горай и Бѣлгорай, — Билгорай, Люб. губ. И хотя потомки ихъ отуземились, но сохранили нѣкоторые обычаи своихъ предковъ, поселившихся въ этихъ мѣстностяхъ съ названіями ихъ вождей—мурзъ и бековъ.

Въ гор. Володавѣ и Парчевѣ мѣщане говорятъ по-польски, а жители посадовъ и все сельское населеніе уѣзда — по-мало-

русски (по-руськи). Здѣсь, какъ и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, существуютъ различные народные говоры, между которыми выдѣляется своими особенностями полѣшскіе говоры. Эти говоры распространены во многихъ мѣстностяхъ Володавскаго уѣзда и въ нѣсколькихъ смежныхъ приходахъ, Бѣльск. уѣзда. Жителей этихъ мѣстностей, поселившихся съ древнихъ временъ среди лѣсовъ и говорящихъ на языкѣ, рѣзко отличающемся отъ сосѣднихъ народныхъ говоровъ, называютъ полѣха́ми. Полѣхи по языку принадлежатъ иному племени, чѣмъ жители другихъ мѣстностей Сѣдл. губ., и находятся въ племенномъ родствѣ съ русскимъ населеніемъ Люблинской губ. Полѣшсскіе говоры больше имѣютъ основныхъ чертъ малорусскаго нарѣчія, чѣмъ другіе подляшскіе, сходные съ Ломазскимъ, такъ какъ въ полѣсской рѣчи встрѣчаются такія звуковыя особенности, какъ и въ украинскихъ говорахъ, съ тою только разницею, что въ первой часто слышатся болѣе отвердѣвшіе звуки, чѣмъ въ послѣднихъ: вилъ, кинь, силь, ляхивъ, сыно, чоловыкъ, мышокъ, вынокъ, ходылы, робылы. Кромѣ того, полѣсская рѣчь отличается отъ Ломазской и лексическихъ своимъ составомъ; въ ней встрѣчаются такія слова, какихъ вовсе нѣтъ въ послѣдней. Въ этихъ говорахъ меньше находится полонизмовъ, чѣмъ въ Ломазскомъ. Ломазцы говорятъ: барзо, бы́дло, ло́нка, цѐтка, Базы́ль, Хелмъ, коло, а полѣхи — вэ́льмы, скоты́на, худо́ба, лу́ка, титка, Васы́ль, Хомъ, пы́ля и т. д.

Полѣхи отличаются отъ другихъ жителей Забужья не только языкомъ, но и своей наружностью и обычаями. Это единственный народъ въ Сѣдлецкой губ., сохранившій свой старинный русскій бытъ въ этой мѣстности, и для этнографа полѣхи представляютъ интересный предметъ для изслѣдованія. Полѣхи носятъ длинные волосы, которые никогда не постригаются; бороды же бреютъ, какъ всѣ малоруссы. Одежда у нихъ особаго покроя, темнаго цвѣта изъ самодѣльнаго сукна, шапка изъ такого же сукна съ четырьмя рогами, въ родѣ польской конфедератки. Мужчины носятъ рубахи изъ холста своего издѣлія и вы-

пускаютъ ее поверхъ холщевыхъ штановъ (нагавицы); женщины надѣваютъ на голову, въ родѣ кокошника, кибалку. Въ дорогу, вмѣсто торбы, носятъ за плечами кошель, сдѣланный изъ липовой коры. Мальчики, парни и мужчины подпоясываются широкими кожаными поясами (папружка). Мужчины по большей части ходятъ въ лаптяхъ (въ постолáхъ) не только дома, но и въ церковь, и въ городъ. Вообще, по языку, наружности и одеждѣ полѣхъ представляетъ большой контрастъ съ ломазсцемъ, кошоловцемъ и другими жителями Забужнаго края, Сѣдл. губ.

Но еще большій контрастъ существуетъ между мазуромъ и полѣхомъ въ ихъ рѣчи, такъ что, по словамъ ломазцевъ, они другъ друга не понимаютъ; и по этому случаю въ народѣ ходитъ анекдотъ, который я передаю дословно, какъ образецъ Мазурской и Полѣшской рѣчи.

Однажды мазуръ встрѣчается съ русиномъ и спрашиваетъ его скороговоркой:

— Cłowiece, cłowiece! Cy nie znalazłeś worka, a w worku tsy tatarcaka, tsy wytsyscaka, poświstunem zawiązany?

— Ны̑э, я того́ нэ нашовъ, отвѣчаетъ русинъ медленно, а нашóвъ мышóкъ, а въ мышкóвы три грэ́чаныки, три сэлэ́дцы, пу́гавыцою завы́заны.

— Bądź zdrów, bracie! to nie moje.

3) *Радинскій уѣздъ.*

Въ 16 православныхъ приходахъ, Рад. уѣз., считается русскаго населенія 21,103 челов.; общаго же населенія въ Радинскомъ уѣздѣ числится 65 тыс., изъ коихъ приходится 39, 5% прав., 35% кат., а остальные евреи. Въ восточной части этого уѣзда сплошное русское населеніе, а въ западной — польское и отчасти смѣшанное — русское и польское.

Во всѣхъ почти мѣстностяхъ существуютъ малорусскіе говоры; въ нѣкоторыхъ же приходахъ, расположенныхъ среди

смѣшаннаго населенія, православные, какъ и католики, говорятъ по-мазурски или по-польски, какъ напр. въ г. Межирѣчьѣ и его окрестныхъ деревняхъ, а также и въ Русско-Вольскомъ приходѣ всѣ крестьяне забыли свою родную рѣчь и говорятъ только по польски съ мазурскимъ произношеніемъ.

Радзы́нь—Radzyń—Радинъ—уѣздный городъ. Отъ имени Радъ или Радзъ произошла старославянская прилагательная форма — Радинь или Радзинь. Очевидно, звукъ з явился для смягченія окончанія. Этотъ городъ заселенъ поляками, но прежде здѣсь было русское населеніе, имѣвшее свою церковь; потомъ всѣ русскіе мѣщане перешли изъ уніи въ католичество, такъ что прихожанами этой церкви остались одни крестьяне деревень, находящихся въ окрестности города. Въ настоящее время почти всѣ крестьяне Радинскаго прав. прихода говорятъ на польскомъ языкѣ, съ мазурскимъ произношеніемъ.

Межи́ричи — Międzyrzec — Межирѣчье — заштатный городъ на рѣкѣ Кроснѣ. Возлѣ самаго города за рѣкой находится, какъ бы его предмѣстье, деревня Сто́лпно, указывающая своимъ названіемъ на существованіе здѣсь въ старину столпа или башни подобно тѣмъ столпамъ, какіе были сооружены Галицко-Волынскими князьями въ окрестности городовъ — Холма, Камепца и др. Первоначально названіе Межиричи означало жителей, поселившихся между рѣками.

Вои́нь — Wohyń — Вогинъ — посадъ. Воинь древнее русское поселеніе. Село Воинь упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1282 г.: «и вспомяну Володимеръ, оже прежде сего Лестко, пославъ Люблинецъ, взялъ бяшеть у него село на Вкраинци именемъ Воинь». Возлѣ этого посада находится большой камень съ высѣченными славянскими буквами, какъ пограничный знакъ между Литвой и Польшей. У здѣшнихъ мѣщанъ сохраняется большая книга старинныхъ актовъ, написанныхъ на западно-русскомъ, латинскомъ и польскомъ языкахъ. Мѣщане оворятъ по-польски, но и мѣстный народный говоръ отчасти сохранился. Мѣстность, гдѣ находится Воинь, Межирѣчье, Бѣла,

Ломазы и проч., въ XIII столѣтіи при русскихъ князьяхъ была извѣстна подъ именемъ «Волынской Украины». Названіе Воинь, какъ названія и другихъ мѣстностей съ подобными окончаніями—Добрынь, Любень, Кодень, образовалось отъ личнаго имени основателя или владѣльца этой мѣстности въ древней формѣ прилагательнаго, какъ Господень, цвѣтень, Степань, Червень и т. п.

Боянӯовка — Бояновка — дер., получившая свое названіе отъ имени Боянъ. Извѣстное имя древне-русскаго пѣвца Бояна, упоминаемаго въ Словѣ о полку Игоревомъ, очевидно, было общеупотребительное на Руси, если встрѣчаются мѣстности съ подобными наименованіями.

Брани́ця — Браница — дер. Названіе этого селенія произошло отъ фамиліи—Браницкій, какъ владѣльца этой мѣстности. Послѣднее наименованіе даетъ ключъ къ объясненію подобныхъ формъ названій: Корница, Челесница, Дубица, Кленовница, которыя, очевидно, получили свои названія отъ ихъ владѣльцевъ — Корницкихъ, Челесницкихъ, Дубицкихъ, Кленовницкихъ и т. п. Но правдоподобнѣе, что фамиліи этихъ владѣльцевъ произошли отъ названій своихъ помѣстій, получившихъ наименованіе отъ основателей съ родовыми прозвищами на **ичъ**, измѣнившимися на **ца**: Корничъ—ца, Браничъ—ца, Дубичъ—ца, Кленовничъ—ца, какъ Савичъ—ца.

Дрэ́глёво—Drelew—Дрелевъ—село. Въ окрестности Дреглева находится урочище съ часовней—Городо́къ—Gródek, гдѣ замѣтны слѣды укрѣпленій — насыпи и рвы.

Гусь — Gięś — Гусь, Колӭно — Kolano — Колѣно, Вито́рожъ, Бэзво́ля, Стрижӯовка — Стрижевка, Давы́ды, Пэрэволо́ка — Przewłoka, До́лга, Пугачи́ — Пугаче, Ква́сувка — Квасовка, Пэрэ́шувка — Перещовка, Колембро́ды — Kolembród — Колембродъ, Зэлӭэзна — Желѣзна, — Ворона́ць — Воронецъ, Бэрэ́за — Береза, Ричи́ця — Рѣчица, Кривѝця — Krzewica — Кржевица, Савки, Прогалины — Przegaliny — Прогалины, Комарӯовка — Комаровка, Па́шки, Бӭэлка — Biała — Бѣлка, Ра́дчэ, Рудно́, Руда́нэць, Дэрэ-

ви́чна — Деревична, Бэрэзку́тъ — Brzozowy-Kąt — Березовый-Кутъ. Руська — Воля — Русская — Воля, Шу͡о́стка — Szóstka — Шостка, Па́шэнки — Пашенки, Яблоне — Яблонь. Прилагательная форма названій — Радче и Рудно́ (первоначально Рудне (село), образовалась отъ именъ Радъ и Рудъ (т. е. Рудый — темнорыжій). Существуетъ это названіе съ окон. жен. р. — Рудня, (Вол. губ.).

Первообразныя названія — Гусь, Колѣно, Давыды, Долга, Пугачи, Береза, Пашки, Савки, вѣроятно, произошли отъ именъ и прозвищъ первыхъ поселенцевъ этихъ мѣстностей. Названія мѣстностей по большей части произошли отъ личныхъ именъ или прозвищъ первыхъ поселенцевъ, но встрѣчаются въ Забужьи населенныя мѣста, которыя получили свои названія отъ характера мѣстности, гдѣ они расположены: Межирѣчье, Заболотье, Залѣсье, Березкутъ, Долголѣска, Циициборъ, Колембродъ, Собиборъ. Впрочемъ, послѣднія три названія могли образоваться отъ старинныхъ славянскихъ именъ съ подобными окончаніями, какъ Ратиборъ, Побѣдобродъ. Если эти названія происходятъ отъ старославянскихъ личныхъ именъ, что вѣроятнѣе всего, то они употреблялись прежде въ смыслѣ прилагательныхъ, какъ теперь мы говоримъ: Владимировъ, Ивановъ, Максимовъ. Буслаевъ въ своей «Исторической грамматикѣ русскаго языка» говоритъ, что названіе города Владиміръ не имя существительное, а прилагательное старославянской формы, и должно оканчиваться знакомъ мягкимъ — Владимірь, т. е. Владиміровъ (городъ), какъ Степань — Степановъ (городъ). Гр. 1130 г. — Мьстиславъ Володимирь сн̃ъ.

4) *Константиновскій уѣздъ.*

Въ Константиновскомъ уѣздѣ во всѣхъ 22 православныхъ приходахъ числится 25,367 прихожанъ; всего же населенія считается 58 тысячъ, изъ коихъ 55,6% прав., 29,3% кат., а остальные евреи. Уѣздъ получилъ свое названіе отъ имени посада — Константино́во — Konstantynów — Константиновъ; присутствен-

ныя же мѣста и мѣстопребываніе уѣзднаго начальника находятся въ гор. Яновѣ, гдѣ существуетъ извѣстный казенный конскій заводъ.

Константиновъ, получившій свое названіе отъ имени предка графовъ Александровичъ, нынѣшнихъ владѣльцевъ этой мѣстности, въ XVII вѣкѣ назывался Козѣрадами. Во время войны Хмельницкаго съ поляками народное возстаніе распространилось и въ Забужьи; козаки при участіи мѣстнаго сельскаго населенія избивали пановъ и жидовъ въ Козѣрадахъ, Бѣлѣ, Докудовѣ, Виторожѣ и другихъ мѣстахъ Сѣдлецкой и Люблинск. губ.; они съ ожесточеніемъ нападали на имѣнья Радзивилла въ отместку за пораженіе имъ одного запорожскаго отряда; королевскихъ мѣстечекъ и селеній, какъ напр. Ломазы, не разоряли. Объ этомъ событіи разсказываетъ Бѣльскій пресвитеръ Селецкій въ своей лѣтописи, написанной на мѣстномъ русскомъ языкѣ.

Ло́сичи, Łosice — Лосицы — посадъ, получившій названіе отъ фамильнаго прозвища — Лосичъ, основателя или владѣльца этой мѣстности. Изъ старинныхъ актовъ видно, что этотъ посадъ назывался прежде — Ло́сичи, а не Лосицы; послѣднее названіе мазурскаго происхожденія, такъ какъ звукъ **ч** у мазуровъ часто замѣняется звукомъ **ц**.

Въ настоящее время мѣщане въ г. Яновѣ, Константиновѣ, Лосичахъ говорятъ по-мазурски или по-польски, хотя многіе изъ нихъ до 1875 г. считались греко-уніатами, а теперь православными; крестьянское же населеніе почти во всѣхъ селеніяхъ говоритъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи. Изъ мѣстныхъ малорусскихъ говоровъ извѣстенъ въ нашей литературѣ Корницкій, обстоятельно изслѣдованный г. Янчукомъ. Этотъ говоръ находится въ близкомъ родствѣ съ Ломазскимъ какъ по формѣ словъ, такъ и по звуковымъ своимъ особенностямъ.

Изъ мѣстностей Константиновскаго уѣзда болѣе замѣчательны въ этнографическомъ отношеніи: Корни́ца, Кленовница, Голо́дница, Сэрнэли́ца, Бу́бэль, Виту́линъ, Гну͡ойно—Гнойно, Осу͡овка, Бурсуки́, Клепачово, Грудъ, За-

бу́жэ — Забужье, Чэлесни́ця — Цѣлесница, Вихо́вичи — Вѣховичи, Пэрэдi̯э̄лъ — Передило, Горо́шки, Кры́чэво — Кричевъ, Мака́рово — Макаровъ, Кра́сна, Мэ́льники, Мо́стово, Нэзна́йки, Мша́нна, Юне́вичи, Крывоши́ты, Горихво́сты, Крыни́ця, Нэ́пли, Ку́завка, Само́вичи, Кукурэ́ки, Но́сово, Буко́вичи — Bukowice — Буковицы, Ду́бичи, Залi̯э̄се — Залѣсье, Прату́линъ, Богука́лы, Дэ́рло, Воро́блинъ, Луги́, Колчи́нъ, Роки́тна, Сво́ры, Кисилёво, Головчи́ця, Лито́вники, Грибово, Хо́тычи — Chotycze — Хотычи, Топорово, Фоля́тычи, Журавлёвка, Па́влово. Вэрхолi̯э̄съ — Верхолѣсъ, Вали́нна, Новосэ́льци — Новосельцы, Па́шково, Русьсково — Русково, Алекса́ндрувка, Давиды, Корчу͡о́вка — Корчовка, Кошэлю͡о́вка — Кошелевка.

Существительная форма названій съ окончаніемъ **овка — евка** развилась изъ прилагательной формы на **овъ**: Павловъ — Павлов-ка, Александровъ — Александров-ка, Корчовъ — Корчов-ка. Названія съ окончаніемъ **ка** позднѣйшаго происхожденія. Хотя нѣкоторыя названія съ подобными окончаніями образовались изъ другихъ формъ прилагательныхъ, какъ напр. Красовка изъ прил. Красное, какъ видно изъ древ. документовъ.

Такимъ же образомъ развились названія съ окончаніемъ **инка, енка** отъ древнеславянской формы имени прилагательнаго ца **инъ, ынь — енъ**: Любень — Любенка, Добрынь — Добрын-ка, Корощинъ — Корощинка, Студёнка, Бокинка, Ольшанка.

Подобнаго рода названія встрѣчаются только въ одномъ Бѣльскомъ уѣздѣ.

5) *Соколовскій уѣздъ.*

Въ Соколовскомъ уѣздѣ русское населеніе незначительно — насчитывается всего въ 8 православныхъ приходахъ 4885 человѣкъ, говорящихъ по-польски съ мазурскимъ произношеніемъ, за исключеніемъ села Городка, гдѣ сохранился мѣстный народный говоръ, который, по словамъ очевидцевъ, очень похожъ на

Ломазскій. Въ Соколовскомъ уѣздѣ въ прежнее время было больше русскаго населенія, чѣмъ теперь: въ теченіе XVIII и до 60 годовъ прошлаго столѣтія уничтожено до 10 греко-уніатскихъ приходовъ и совращено въ католичество нѣсколько тысячъ русскихъ прихожанъ, благодаря возмутительнымъ насиліямъ мѣстнаго римско-католическаго духовенства и польской шляхты, ревностно заботящейся объ уничтоженіи русской народности этой мѣстности. Нѣкоторые помѣщики, какъ разсказываютъ старожилы, разрушали церкви, а на ихъ мѣстахъ строили костелы, въ которые загоняли русскій народъ побоями; въ польскіе посты ихъ экономы ходили по хатамъ и выбрасывали скоромную пищу своимъ собакамъ; посѣщавшихъ сосѣднія церкви ловили и подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, приговаривая: «Вотъ тебѣ поповская просвирка!» Особенно фанатическимъ изувѣрствомъ отличался помѣщикъ Кушель въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ имѣніи Вировѣ на Бугѣ, гдѣ нынѣ основанъ православный женскій монастырь, и другой помѣщикъ, по фамиліи мнѣ неизвѣстный, въ селѣ Старой-Вси на рѣкѣ Ливцѣ, притокѣ р. Буга. Во многихъ ополяченныхъ мѣстностяхъ Соколовскаго уѣзда еще до сихъ поръ замѣтны слѣды существовавшей русской народности: въ польско-мазурскомъ языкѣ встрѣчается много словъ и выраженій, оставшихся отъ вымершихъ народныхъ говоровъ. Не рѣдко можно слышать малорусскія пѣсни и пословицы, конечно, въ искаженномъ видѣ съ мазурскимъ произношеніемъ. Кромѣ того, здѣсь сохранилось много географическихъ названій— племенныхъ наименованій, свидѣтельствующихъ о существованіи съ древнихъ временъ русской народности. Судя по двойнымъ названіямъ нѣкоторыхъ мѣстностей Соколовскаго и Сѣдлецкаго уѣздовъ — Русскій и Лядскій, народонаселеніе этой страны со времени ея колонизаціи было смѣшанное — рядомъ съ русскими поселеніями существовали и польскія одного и того же наименованія. Съ наплывомъ мазурскаго населенія въ эту часть Забужья русская народность была придавлена и уничтожена почти окончательно, при содѣйствіи католическаго духовенства и польской

шляхты; русскими называютъ себя только нѣсколько тысячъ уніатовъ, перешедшихъ въ православіе въ 1875 г.

Соколо́во — Sokołów — Соколовъ — уѣздный городъ. Изъ мѣстной церковной лѣтописи видно, что село Соколово преобразовано въ городъ великимъ княземъ Витовтомъ въ 1399 году. Русская часть г. Соколова называется въ народѣ Русь. Мѣщане говорятъ по-польски, но въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія ихъ дѣды говорили на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи съ бѣлорусскимъ оттѣнкомъ. Предки соколовцевъ отличались преданностью православію. Здѣсь унія водворилась только въ концѣ XVII вѣка; нѣкоторые же соколовцы, въ числѣ 12 домохозяевъ, болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ, были обращены въ унію бѣльскими базиліанами въ концѣ только XVIII вѣка, во время такъ называемой миссіи, бывшей въ Соколовѣ, Ломазахъ, Докудовѣ, Бѣлѣ и другихъ мѣстахъ Забужья, Сѣдл. губ. Вообще церковная унія, превозглашенная на Брестскомъ соборѣ въ 1596 году, въ Забужномъ краѣ распространилась не одновременно во всѣхъ православныхъ приходахъ: въ королевскихъ столовыхъ имѣніяхъ и въ имѣніяхъ католиковъ — пановъ она раньше утвердилась; въ имѣніяхъ же, принадлежащихъ къ землевладѣльцамъ православнымъ или протестантамъ, унія водворилась гораздо позже и только послѣ перехода этихъ имѣній въ руки ревностныхъ католиковъ. Соколовъ до 1690 года принадлежалъ Радзивилламъ протестантамъ изъ Слуцкой линіи. Князья Радзивиллы, женатые иногда на русскихъ княжнахъ изъ Московскаго государства, поддерживали здѣсь православіе; между тѣмъ какъ князья Радзивиллы католики, владѣльцы Несвѣжа, Бѣлы, Словатычъ ревностно вводили унію и католицизмъ въ Забужныхъ своихъ имѣніяхъ.

Городо́къ — Gródek — Городокъ — село. Это единственная мѣстность въ Соколовскомъ уѣздѣ, гдѣ сохранился мѣстный русскій говоръ, о которомъ я упоминалъ уже выше. Вокругъ этого села, расположеннаго на берегу р. Буга, замѣтны насыпи и углубленія, какъ остатокъ городскихъ укрѣпленій.

Коссовъ Русскій и Коссовъ Ляцкій — посадъ, состоявшій изъ двухъ частей — русской и лядской. Въ концѣ XVIII вѣка существовала русская (уніатская) приходская церковь. Въ настоящее время русское населеніе Коссова и окрестныхъ деревень ополячено и окатоличено.

Яблонна Русская и Яблонна Ляцкая — сосѣднія селенія; Галки — Ляцкіе — деревня, Скверчинъ — Русскій и Скверчинъ — Ляцкій — тоже; Бучинъ — Русскій, Савицы — Русскіе. Въ Яблоннѣ — Русской существовала прежде прих. церковь.

Купятынъ — Kupętyn — Купентинъ, Головенки, Лужки, Рѣпки, Бочки, Теляки, Хрущовка, Тхорница, Лебедзь, Кремень, Городище — Grodzisk — Гродискъ, Суходолъ, Серочинъ, Чекановъ, Роговъ, пос. Стердыńь, Буяны, Шкопы, Малолѣтки, Боги, Каменка, посадъ Дрогичинъ, въ Ипатьевской лѣтописи XIII вѣка Дорогичинъ. Дрогичинъ старинный русскій городъ, основаніе котораго относятъ къ XI вѣку. По словамъ польскихъ историковъ, Дрогичинъ былъ главнымъ поселеніемъ Ятвяговъ, обитавшихъ въ этой странѣ до ихъ пытѣсненія Ярославомъ Мудрымъ и польскими и мазовецкими князьями. Въ 20-хъ годахъ минувшаго вѣка г. Дрогичинъ отъ разлива р. Буга, во время котораго измѣнилось его русло, раздѣлился на два Дрогичина — лѣвобережный Сѣдлецкій и правобережный Гродненскій; первый называется въ народѣ Ляцкой стороною, а второй Русской стороною. Во время существованія Галицко-Волынскаго княжества Дорогичинъ былъ иногда стольнымъ городомъ удѣльныхъ русскихъ князей. Въ старину въ этомъ городѣ, а равно и въ окрестностяхъ его было сплошное русское населеніе, оказывавшее не разъ свою помощь русскимъ и литовскимъ князьямъ въ изгнаніи поляковъ и мазуровъ, часто захватывавшихъ Дорогичинъ съ прилегающими къ нему мѣстностями. Въ прежнее время Дрогичинъ былъ довольно многолюдный городъ; въ немъ находилось нѣсколько церквей и два православныхъ монастыря, существовавшихъ до 20-хъ го-

довъ истекшаго вѣка, т. е. до сильнаго разлива Буга, разрушившаго ихъ вмѣстѣ съ другими многочисленными домами. Въ одной Ляцкой сторонѣ въ старину существовало три православныхъ церкви; въ настоящее же время въ пос. Дрогичинѣ Сѣдл. губ., находится одна православная церковь съ 159 прихожанами, сохранившими древнее православіе, несмотря на постоянныя преслѣдованія ихъ предковъ со стороны католиковъ и уніатскаго духовенства, усердно заботившихся о совращеніи ихъ въ унію и католицизмъ.

Что касается этимологическаго происхожденія Дорогичина, то его географическое названіе, какъ и названія мѣстностей Забужья — Корощинъ, Савинъ, Витулинъ, Пратулинъ, Бурвинъ, Верещинъ, образовалось въ прилагательной формѣ съ окончаніемъ мужеск. рода на **инъ** отъ личнаго имени или прозвища на а: Дорогича, Короща, Савва, Витула, Пратула, Бурва, Вереща. Такого же этимологическаго происхожденія, надо полагать, и названія старинныхъ славянскихъ городовъ — русскаго Люблина и австрійской Любляны.

Географическія наименованія—Соколовъ, Косовъ, Лебедево, Галки, Шпаки, Тхорница, Хрущоцка, Комаровка, Дроздовка, Деревична, Лосичи, Вишничи, Теляки, Козлы, Дубица, Кленовница, Яблонь, Яблочно и т. п., произошли не прямо отъ названій этихъ птицъ, насѣкомыхъ, звѣрей и деревъ, а отъ личныхъ или фамильныхъ прозвищъ первыхъ поселенцевъ или владѣльцевъ, получившихъ свои прозвища отъ названія различныхъ животныхъ и растеній: Соколъ, Косъ, Лебедь, Галка, Шпакъ, Тхоръ, Комаръ, Хрущъ, Дроздъ, Дерево, Лось, Вишня, Теля, Козёлъ и т. п.

6) *Съдлецкій уѣздъ.*

Въ Сѣдлецкомъ уѣздѣ во всѣхъ почти мѣстностяхъ совершенно окатоличено и ополячено мѣстное коренное русское населеніе и только случайно уцѣлѣло два прихода, перешедшіе въ

1875 г. изъ уніи въ православіе. Всѣхъ прихожанъ въ обоихъ приходахъ считается 1325 человѣкъ обоего пола. Всѣ они говорятъ по-мазурски и разсѣяны по разнымъ деревнямъ среди сплошнаго мазурскаго населенія польскаго и русскаго происхожденія. По народнымъ преданіямъ и по историческимъ документамъ, еще въ XVIII и въ началѣ прошлаго вѣка существовали многіе русскіе приходы и сравнительно въ недавнее время нѣкоторые изъ нихъ были ополячены и окатоличены, и теперь только одни названія мѣстностей свидѣтельствуютъ о существовавшей здѣсь русской народности. Для уничтоженія русской народности паны съ ксендзами прибѣгали къ такимъ же варварскимъ мѣрамъ, какъ и въ Соколовскомъ уѣздѣ. Уничтоживъ древнее православіе, они стали усердно истреблять церкви уніатскія и ихъ прихожанъ обращать въ католиковъ. Окатоличиваніе мѣстнаго русскаго народа, какъ видно изъ актовъ, началось съ XVI вѣка и продолжалось вплоть до возсоединенія холмскихъ уніатовъ въ 1875 г. И въ настоящее время пропаганда польскаго духовенства не перестаетъ дѣйствовать среди русскаго населенія Забужья, не окрѣпшаго пока въ православіи и, повидимому, не безуспѣшно—многіе изъ бывшихъ уніатовъ перестали ходить въ свои церкви и посѣщаютъ костелы, исполняя религіозныя требы у польскихъ ксендзовъ.

Сэ́льци — Siedlce — Сѣдлецъ — губернскій городъ. Въ Забужьи встрѣчаются одноименныя названія мѣстностей — Старосэльци, Новосэльци. Въ XVII вѣкѣ въ Московскомъ уѣздѣ существовало село Троицкое Сельцы (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. за 1886 г. мѣс. Май — «Большой бояринъ въ Москвѣ», Ив. Забѣлина). Въ настоящее время въ Сѣдлецѣ нѣтъ коренного русскаго населенія, а только пришлое изъ Россіи — войска и служащіе. Судя по названію, происшедшему отъ слова сельцо или, по мѣстному произношенію, сэльцé, г. Сѣдлецъ былъ въ старину русскимъ поселеніемъ, тѣмъ болѣе, что прежде существовали въ окрестности его русскія деревушки, сохранившія до сихъ поръ названія съ признаками русскаго происхожденія.

Приходъ Голу́бля: село Гулубля и деревни — Папротна, Креслинъ—Krzeslin, Кавнациски. Въ приходѣ 296 прав. прихожанъ. Въ Креслинѣ въ XVI вѣкѣ существовала православная церковь.

Приходъ Челомые: село Челомые и деревни и посады— Огородники, Вычолки, Стокъ — Русскій, Чепелинъ, Морды, Глуховъ, Клименты, Климы, Пташки, Войковъ, Суходолъ, Издебка, Мукободы—Мокободы, Кржимоше, Старавесь, Мосциброды. Въ приходѣ 1029 прихож. Посадъ Мокободы — Mękobody прежде назывался Мукободы, какъ видно изъ актовъ XVI вѣка. Русская часть этого посада извѣстна въ народѣ подъ именемъ Русь; въ настоящее время въ Мукободахъ живетъ немного православныхъ прихожанъ, совершенно омазуренныхъ. Здѣсь существовала православная церковь и русская школа, основанная княземъ Хребтовичемъ въ XVI вѣкѣ. Въ посадѣ Мордахъ была церковь, уничтоженная католиками въ началѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ того, существовали церкви въ Невискахъ, Старой-Вси и другихъ ополяченныхъ мѣстностяхъ.

Въ Сѣдлецкомъ и Соколовскомъ уѣздахъ съ ополяченнымъ населеніемъ мало сохранилось народныхъ русскихъ названій мѣстностей—многія наименованія измѣнились согласно фонетикѣ польско-мазурскаго языка. Изъ русскихъ мѣстностей Сѣдлецкаго уѣзда заслуживаютъ вниманія по своему этимологическому и этнограф. значенію: Голубля, Стокъ-Русскій, Стокъ-Ляцкій, Волынцы, Чурылы, Мукободы. Въ первомъ названіи сохранилась старославянская форма имени прилагательнаго, образовавшагося отъ имени Голубъ, какъ отъ Ярославъ, Авраамъ — Ярославля, Авраамля. Названіе — Волынцы показываетъ, что первымъ поселенцемъ этой мѣстности былъ Волынецъ, т. е. уроженецъ Волыни, если не самъ лично, то его предокъ, переселившійся изъ этой страны. Деревня Чурилы получила свое названіе отъ имени ея основателя Чурило (Кирилло). Очевидно, что народное имя извѣстнаго Кіевскаго богатыря при Владимірѣ Святомъ Чурилы Пленковича было общеупотребительнымъ на Руси, если

оно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ перешло въ географическое наименованіе. Деревни — Огородники, Сѣдл. уѣзда, и Огородники и Указная, Бѣльск. уѣзда, основаны въ 60-хъ годахъ, во время освобожденія крестьянъ, и обязаны своимъ происхожденіемъ и названіемъ Высочайшему Указу, по которому безземельные крестьяне были надѣлены землей и огородами, которыми они временно пользовались у своихъ помѣщиковъ во время крѣпостнаго права. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Забужномъ краѣ началось еще съ 50-хъ годовъ передъ Крымской войной: въ 1851 была освобождена часть государственныхъ крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр. въ дер. Любенкѣ, Копытникѣ и другихъ казенныхъ селеніяхъ; въ 1861 г. по Высочайшему Манифесту отъ 19 февраля освобождены повсемѣстно помѣщичьи и государственные крестьяне.

Въ Сѣдлецкой губ. всего коренного русскаго населенія считается въ настоящее время около 140,000 человѣкъ. Здѣсь существуетъ много народныхъ малорусскихъ говоровъ, почти столько, сколько находится православныхъ приходовъ. Говоры эти, благодаря географическому своему положенію, подверглись болѣе сильному вліянію польскаго языка, чѣмъ украинскіе; нѣкоторые же изъ нихъ вымерли и замѣнены польско-мазурской рѣчью, какъ это было указано мною при перечисленіи русскихъ мѣстностей Сѣдлецкой губерніи. И нужно только удивляться живучести народной русской рѣчи, что она окончательно не погибла въ Забужномъ краѣ отъ напора польской волны, охватившей эту страну съ 1569 г. до послѣдняго польскаго возстанія (1863 г.). И только послѣ усмиренія польскаго бунта русскій языкъ, введенный въ школу и правительственныя учрежденія, сдѣлался могучимъ охранителемъ и обновителемъ мѣстныхъ народныхъ говоровъ, находившихся на пути къ вырожденію. И съ того времени мѣстные говоры получили право гражданства и средства для дальнѣйшаго своего развитія на началахъ объединенія съ общерусскимъ языкомъ; между тѣмъ какъ при польскомъ направленіи они были терпимы и принижены — среди мазуровъ и поляковъ

остерегались говорить на своемъ родномъ языкѣ, чтобъ избѣжать насмѣшекъ. Вообще, мѣстный русскій яз. считался мужицкимъ (chłopskim), а польскій, хотя бы и простонародный — панскимъ. Подъ вліяніемъ костела и убѣжденія о благородствѣ польскаго языка и во избѣжаніе насмѣшекъ со стороны мазуровъ въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, особенно въ городахъ, малоруссы стали говорить по-польски.

Вотъ главныя побудительныя причины, заставившія нѣсколько тысячъ (приблизительно 10 тыс.). мѣстныхъ малоруссовъ забыть свой родной языкъ! Но подвести итоги всѣмъ ополяченнымъ и окатоличеннымъ малоруссамъ въ Забужномъ краѣ за прежнія времена нѣтъ никакой возможности — можно только указать многія мѣстности съ уничтоженными церквами, гдѣ прежде существовала русская народность, и окотоличенныхъ и ополяченныхъ, можно предположить, было значительное число, по крайней мѣрѣ, составляющее треть нынѣшняго русскаго народонаселенія. Еслибъ наше Правительство съ 60-хъ годовъ не взяло подъ свою защиту ополячивающихся забужныхъ уніатовъ, то не въ далекомъ будущемъ они слились бы окончательно съ поляками, и русская народность въ Забужьи погибла бы навсегда! Польскій бунтъ пробудилъ русское народное самосознаніе, и спасъ отъ совершеннаго ополяченія Холмско-Подляшскую Русь.

(При составленіи настоящаго отдѣла я пользовался пособіями: 1) Списокъ церквей и духовенства Холмско-Варшавской епархіи за 1886 г. 2) Подляшье и Холмская Русь, А. И. Липранди. «Русскій Вѣстникъ» за 1896 г., 3) Червенскіе города, Лонгинова, 4) Берестейское староство XVI вѣка, Довнара — Запольскаго, 5) Славянскій именословъ, Морошкина и др.).

ДОБАВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ настоящему отдѣлу привожу изъ книги М. В. Довнаръ-Запольскаго названія населенныхъ мѣстъ Берестейскаго страроства XVI вѣка. Въ составъ Берестейскаго староства входили слѣдующіе 6 городовъ и 7 волостей съ 23 войтовствами:

Города: Берестье, Дивинъ, Милейчицы въ нынѣшней Гродненской губ. и Ломазы, Пещатка (Пищацъ), Воинь — Сѣдлецкой губ.

Берестейская волость.

Кобылянское войтовство: Кобыляне, Малашевичи, Лебедево, Полятичи, Кокорѣки (Сѣдл. губ.).

Сичевское войт. — Сичи, Нехолости, Волмовичи, Воробъи (Гродн. губ.).

Конюшское войт. — Яцковичи, Новоселки, Кринки (Гродн. г.).

Збирозское войт. — Збироги, Рѣчица, Бердичи (Гродн. губ.).

Прилуцкое войт. — Прилукъ, Гершановичи (Гродн. губ.).

Польсская волость (Гродн. губ.).

Старосельское войт. — Старое село, Озято.

Доропеевское войт. — Доропеевичи, Чернявы, Заболотье (Гродн. губ.).

Дивинское войт. — Липовая, Клетища, Осая.

Ляховецкое войт. — Ляховцы, Масевичи, Лукое, Ромятово, Ритая Малая, Ритая Великая.

Олтушское войт. — Олтушъ, Хотеславль, Орѣхово, Медвѣдка.

Гвозницкое войт. — Гвозница, Радешъ, Бродятинъ, Збуражъ.

Кіевецкая волость (Сѣдл. губ.).

Дворовое войт. — Стрекалово, Подлипяны.
Михалковское войт. — Михалки, Рокитная.

Ломазская волость (Сѣдл. губ.).

Вортольское войт. — Вортолъ, Княжая, Любенка, Студеная, Костянково (нын. Костеневичи).
Гощенское войт. — Гоща, Тучная, Копытникъ.

Пещатская волость (Сѣдл. губ.).

Дубровицкое войт.—Дубровица Великая, Дубровица Малая, Добринка, Полоски, Корощинка, Воля Бокинская, Вычолки.

Воинская волость (Сѣдл. губ.).

Воинское войт. — село Воинь, Осовая, Деревичная.
Руденское войт. — Рудно, Виски, Березовъ Кутъ.
Кролевобродское войт. — Кролевъ Бродъ (вѣроятно, Колембродъ).
Коденецкое войт.—Коденецъ, Пашки, Карпцы, Вылеги, Кривая Берва (вѣроятно, Кривоверба), Темная, Голя.

Милейчицкая волость (Гродн. губ.).

Собятинское войт. — Красники.
Пужицкоо и Половецкое войтовства: Медвѣдка, Пещанка, Сухоры, Хлевинское, Суходолы.

Этнографическая карта русскаго Забужья.

Не лишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ этнографической картѣ русскаго Забужья. Будучи хорошо знакомъ со многими мѣстностями Сѣдлецкой и Люблинской губерніи, я убѣдился, что существующія карты русской и польской народности Забужнаго края неудовлетворительны—во многихъ мѣстахъ показаны эти народности невѣрно. Первая карта по времени издана А. Риттихомъ въ 1864 г. Эта карта русскаго и польскаго населенія Люблинской и Августовской губ.[1]) послужила прототипомъ для позднѣйшихъ изданій, и встрѣчаемыя погрѣшности на картѣ Риттиха повторились и въ другихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, на этнографической картѣ славянскихъ народностей, состав. Мирковичемъ въ 1874 г. То же замѣчается и на другихъ подобныхъ картахъ. Въ объясненіи къ своему изданію самъ даже Риттихъ признаетъ свой трудъ неудовлетворительнымъ, говоря, что только побывавъ лично въ каждомъ приходѣ и узнавши въ точности составъ его населенія, можно составить вѣрно этнографическую карту Забужнаго края. Очевидно, что карта имъ была составлена только на основаніи общаго количества населенія этихъ губерній по народностямъ, не принимая въ разсчетъ процентнаго отношенія уніатовъ и католиковъ каждой мѣстности. Такъ, напримѣръ, въ мѣстности, гдѣ находятся Ломазы и Россошъ, показана польская народность, а гдѣ расположены мазурскія селенія — Гуща, Тучна, Виски, обозначена русская. Среди сплошного русскаго населенія иногда отводится много мѣста для польскаго и наоборотъ. Вообще, кто незнакомъ съ мѣстнымъ краемъ, тотъ получитъ невѣрное представленіе о распредѣленіи въ Забужьи русской и польской народности по тѣмъ этнографическимъ картамъ, какія у насъ существуютъ до сихъ поръ.

---

1) Въ это время въ составъ Люблинской губ. входила и нынѣшняя Сѣдлецкая, а Августовская состояла изъ нынѣшней Ломжинской и Сувалкской губ.

VI.

Древнія урочища и слѣды памятниковъ православной церковной старины въ окрестности Ломазъ, Докудова и Вортеля, Бѣльскаго уѣзда, Сѣдл. губ.

Изъ Кіевской великокняжеской эпохи древней Руси немного осталось архитектурныхъ памятниковъ русской старины въ Россіи, но въ Забужной Руси только сохранились изъ этого отдаленнаго времени двѣ сторожевыя башни въ окрестностяхъ г. Холма, Люблинской губ. — Столпьевская и Бѣлавинская, находящіяся въ селеніяхъ того же имени. Такое незначительное число древнерусскихъ памятниковъ старинной архитектуры объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что древняя Русь была почти вся деревянная и только нѣкоторые храмы въ большихъ стольныхъ городахъ сооружались изъ кирпича или камня; Столпьевская и Бѣлавинская башни тоже были построены изъ послѣдняго матеріала. Немного сравнительно съ другими древними русскими областями сохранилось въ лѣтописяхъ названій населенныхъ мѣстностей Холмско-Подляшской Руси: Несторова и Ипатіевская лѣтописи упоминаютъ въ предѣлахъ нынѣшней Люблинской и Сѣдлецкой губ. до 30 такихъ мѣстъ; но урочища древнихъ городковъ, церквей и монастырей въ Забужномъ краѣ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ, о которыхъ сохранились народныя преданія изъ глубокой старины. Въ Люблинской губ. въ такъ называемой Холмщинѣ существуютъ урочища двухъ древне-русскихъ городовъ—Волыни и Червеня, отъ имени которыхъ получили свои названія двѣ русскія области — Волынь и Червоная Русь.

I.

Глуховское церковище, по личнымъ наблюденіямъ.

Неподалеку отъ посада Ломазъ за рѣкой Желявой, при слія-ніи ея съ безыменной рѣчкой, протекающей возлѣ дер. Любенка, находится довольно большая мѣстность, извѣстная въ народѣ подъ именемъ Глухъ. И недаромъ это урочище получило такое названіе: когда въ старину эта мѣстность, съ прилегающими къ ней теперь полями и лугами, была покрыта дремучими лѣсами, то она представляла собою глухой малодоступный уголъ, окруженный съ сѣверо-востока болотистыми рѣками, а съ юго-запада непроходимыми топкими болотами. Даже и въ настоящее время эта безлѣсная сторона послѣ осушенія болотъ и обмелѣнія рѣкъ, благодаря своему изолированному географическому положенію, сохранила отчасти характеръ глуши, особенно же въ весеннее половодіе, когда она, какъ островъ, окружена широкой полосой разлившейся воды. Повидимому, эта глухая мѣстность въ старину служила убѣжищемъ для окрестныхъ жителей во время нашествія непріятелей и въ такомъ случаѣ она играла роль старо-славянскаго городища, созданнаго самой природой. О древнемъ заселеніи мѣстности, гдѣ теперь расположены Ломазы съ окрестными деревнями, свидѣтельствуютъ языческія могилы (ятвяговъ и славянъ), нерѣдко находимыя здѣшними поселянами во время земляныхъ работъ—при добываніи глины, рытіи ямъ, канавъ и т. п. Одну изъ такихъ древнихъ могилъ недавно открылъ около своей усадьбы крестьянинъ дер. Любенка Василій Ярошукъ. Крестьянину этому, замѣчавшему изъ года въ годъ, что въ одномъ мѣстѣ на его полѣ плохо растетъ хлѣбъ, пришла мысль разрыть землю, чтобъ узнать причину такого непонятнаго для него явленія. Но когда онъ началъ раскапывать это мѣсто, то наткнулся на цѣлую груду большихъ камней, которыхъ оказалось до восьми большихъ возовъ; посреди кучи нава-

леннаго булыжника лежали кости громаднаго человѣка, такъ что, по словамъ Ярошука, такихъ великановъ между людьми теперь не встрѣчается. Но, кромѣ человѣческихъ костей, въ этой могилѣ никакихъ вещей не обнаружилось; отсутствіе же въ могильникахъ предметовъ обряда погребенія, по мнѣнію археологовъ, служитъ явнымъ признакомъ древняго ихъ происхожденія. Очевидно, что этотъ Любенскій могильникъ принадлежитъ какому-то древнему богатырю: или славянину-бужанину, жившему здѣсь приблизительно въ X-мъ вѣкѣ; или же, вѣроятнѣе всего,—дикарю ятвягу, обитавшему въ этой мѣстности въ доисторическія времена. О пребываніи на Подляшьи аборигеновъ ятвяговъ, кромѣ могилъ, свидѣтельствуютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей Сѣдлецкой губ.

Судя по народнымъ разсказамъ и по нѣкоторымъ вещественнымъ памятникамъ мѣстной старины, здѣсь, «на Глухови» въ давно минувшія времена существовало довольно значительное русское поселеніе съ православной церковью, основанной, быть можетъ, въ числѣ первыхъ христіанскихъ храмовъ въ этой округѣ[1]). Объ этой стародавней церкви сохранилось до настоящаго времени народное преданіе, сложенное, очевидно, въ то время, когда существовало въ здѣшней мѣстности древнее православіе, еще задолго до введенія уніи. Для большей точности привожу дословно это интересное преданіе на народномъ языкѣ, на которомъ говорятъ въ Ломазскомъ приходѣ:

«Кажутъ, що на Глухови колись была церква, но запалася. На Великдень, на першій день, якъ люде вышли изъ церквы, баба зачала замитати церкву и ударилася ногою о порогъ, и заклияла: «А щобъ тая церква запалася!» И церква запалася и вышла въ Кіёви. И де ту͡олько западетця церква, то выходитъ въ Кіеви и оттого въ Кіеви такъ мну͡ого церкву͡овъ. Коли прійти

1) Одинъ изъ любителей мѣстной археологіи народный учитель г. Волосъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ производилъ кое-какія раскопки въ урочищѣ Глухъ, гдѣ нашелъ нѣкоторые предметы древняго домашняго быта.

на Великдень, на першій день на Глухъ, на тое мі͡есьце, де церква стояла, и нагнутися до самои земли и слухати, то чути якъ звоны звонятъ и якъ спиваютъ въ ту͡ой церкви. Но не вс͡е почуютъ якъ звонятъ и спиваютъ въ ту͡ой церкви, добавляютъ иные разсказчики, а ту͡олько щасливын у Бога».

Это народное преданіе, какъ отголосокъ сѣдой старины, свидѣтельствуетъ о церковно-религіозной связи русскаго Подляшья съ древнимъ Кіевомъ во времена удѣльныхъ русскихъ князей и въ періодъ литовскихъ правителей; со времени же появившейся здѣзь церковной уніи (1596 г.) эта исконная историческая связь начала постепенно ослабѣвать, а въ послѣднія времена ея существованія совсѣмъ порвалась. Очевидно, что вышеприведенное преданіе могло только возникнуть въ народѣ въ то время, когда еще въ немъ не была поколеблена православная вѣра, какъ главный элементъ русской народности. Преданіе это, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію въ теченіе многихъ вѣковъ, пережило унію, ненадежную хранительницу русскихъ началъ, и дошло до нашихъ дней въ такомъ почти видѣ, въ какомъ оно зародилось во времена существованія здѣсь древняго православія.

Кромѣ преданія о существовавшей нѣкогда православной церкви «на Глухови», въ народѣ ходятъ объ этой мѣстности разныя легенды — о блуждающихъ по ночамъ огонькахъ, о появляющихся духахъ, въ видѣ животныхъ, о зарытыхъ здѣсь кладахъ, тщательно скрываемыхъ нечистой силой и т. п. Все это наводитъ на мысль, что когда-то Глухъ былъ заселенъ и что его обитатели славились богатствомъ, которое во время нашествія враговъ прятали въ землю. Вообще, урочище Глухъ въ воображеніи народа рисуется какимъ-то заколдованнымъ мѣстомъ, возбуждающимъ суевѣрный страхъ въ окрестномъ населеніи. Заинтересованный часто слышанными мною въ дѣтствѣ всѣми этими разсказами, разукрашенными народной фантазіей, я неоднократно побывалъ «на Глухови» и съ любопытствомъ осматривалъ эту историческую мѣстность. Прежде всего меня очень интересовало узнать то мѣсто, гдѣ въ старину стояла церковь,

которая, по народному повѣрію, «запалася» на первый день Пасхи и вышла въ Кіевѣ. По указанію мѣстныхъ жителей, я увидѣлъ это мѣсто на пригоркѣ среди болотистаго луга, расположеннаго между сливающимися рѣками и старинной канавой, заросшей тростникомъ и кустарникомъ. Эта канава, въ видѣ рѣчки, обогнувъ сначала часть этого лу́га вдоль поля, потомъ поворачиваетъ и пересѣкаетъ его почти по прямой линіи до самой рѣки Желявы. Въ этомъ луговомъ четыреугольникѣ, образуемомъ почти со всѣхъ сторонъ текучей водой, и находится древнее церковное урочище, по преданію народа. Возлѣ этого церковища я замѣтилъ кое-гдѣ разбросанные по болоту осколки кирпичей и камней. Были ли это остатки отъ фундамента разрушенной церкви, или же отъ другого какого нибудь строенія, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ сюда не могли попасть случайно эти кирпичи, такъ какъ мѣстность эта довольно удалена отъ окрестныхъ поселеній — Ломазъ, Стидёнки и Любенки. Если дѣйствительно здѣсь, на этомъ мѣстѣ находилась церковь, на что отчасти указываетъ самое возвышеніе среди болотистаго луга и валяющійся около него мусоръ, то она стояла на низменномъ островѣ, который впослѣдствіи отъ сильныхъ разливовъ рѣкъ былъ затопленъ и во время большого ледохода и самая церковь (деревянная) могла быть снесена и разружена до основанія. О большихъ наводненіяхъ въ этой мѣстности свидѣтельствуютъ песчаные наносы по краямъ этого рѣчного луга со стороны смежнаго поля. Катастрофа эта могла случиться въ первый день Пасхи и такъ поразила мѣстныхъ жителей, что разсказъ объ этомъ необычайномъ событіи передавался изъ рода въ родъ и дошелъ до нашего времени въ видѣ преданія съ примѣсью народныхъ повѣрій. Отъ времени настоящая причина уничтоженія этой церкви была забыта, и народъ впослѣдствіи сталъ приписывать ея исчезновеніе суевѣрному случаю. Это общее народное повѣріе относительно уничтоженія древнихъ церквей и монастырей распространено среди русскаго населенія Прибужнаго края. Что Глуховская церковь была православной, то на это ясно указываетъ преданіе, выразившее

народное желаніе видѣть ее въ числѣ Кіевскихъ православныхъ святынь.

Подальше отъ церковища на возвышенномъ мѣстѣ среди давнихъ «облоговъ» заброшеннаго поля находится старинное кладбище (мо́гилки) съ могильными камнями, напоминающими восточный погребальный обычай, существующій и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ, ставить эти надгробные памятники на могилахъ своихъ покойниковъ. На одномъ изъ этихъ камней я замѣтилъ высѣченный православный восьмиконечный крестъ. Надо полагать, что эти камни были взяты для кладбища съ древняго церковища. Такое же старинное кладбище съ могильными камнями и высѣченными на нихъ православными крестами и славянскими буквами существуетъ около дер. Стидёнка, на землѣ которой находится урочище Глухъ. Въ противоположной сторонѣ Глуха на притокѣ рѣки Желявы остались слѣды плотины—насыпи и сваи. Здѣсь, по разсказамъ старожиловъ, когда-то существовала водяная мельница. Но какъ кладбище, такъ и эта мельница, повидимому, позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ Глуховская церковь.

Такъ какъ о Глуховской церкви не сохранилось не только никакихъ письменныхъ историческихъ свѣдѣній, но даже не осталось и явныхъ слѣдовъ ея существованія, то приходится обыкновенному наблюдателю ограничиться пока не многимъ; но можно надѣяться, что со временемъ, когда будутъ произведены археологическія раскопки въ этой исторической мѣстности, тогда, быть можетъ, и обнаружатся какія-нибудь данныя о существовавшей здѣсь нѣкогда православной святыни, сохранившейся столько вѣковъ въ памяти народной.

II.

Докудовско-Вортельское монастырище, по разсказамъ очевидцевъ.

Въ окрестности села Вортеля и Докудова, находящагося въ 6-ти верстахъ отъ пос. Ломазъ, по народному преданію, существовалъ въ старину православный монастырь. О Докудовско-Вортельскомъ монастырскомъ урочищѣ упоминается въ одномъ изъ древнимъ западно-русскихъ актовъ 1580 г.—«межи водами близъ горы». Монастырище это, или по народному намастыръ, не смотря на болѣе, чѣмъ 300-лѣтнее свое существованіе, благодаря малодоступному своему мѣстоположенію, а также и заботливости о его сбереженіи на память народу со стороны мѣстныхъ дворянъ— землевладѣльцевъ, сначала православныхъ, а потомъ и католиковъ, сохранилось въ цѣлости почти до конца прошлаго столѣтія и только въ послѣдніе 90-тые годы началось подвергаться постепенному разрушенію: съ дозволенія помѣщика докудовскіе крестьяне стали имъ пользоваться, какъ матеріаломъ (землею и камнями), для устройства и исправленія плотины (гребли) и мостовъ въ этой обширной болотистой мѣстности. Эти топкія болота съ трясинами и плесами, будучи расположены между рѣкою Желявой и каналомъ, проведеннымъ въ недавнее время для спуска воды, тянутся на нѣсколько верстъ въ длину и ширину отъ Докудова до самаго Вортеля. Среди этихъ непроходимыхъ болотъ вдали виднѣется на луговомъ островѣ высокая гора, называемая народомъ «Намастыромъ». На этой горѣ, по преданію, когда-то стоялъ монастырь, который будто-бы провалился подъ землю отъ проклятія бабы-чародѣйки. И въ Докудовѣ говорятъ, что на первый день Пасхи можно слышить звонъ и пѣніе въ этомъ монастырѣ, какъ и въ Глуховской церкви. Но при ближайшемъ осмотрѣ монастырскаго урочища, оказывается, что эта гора не что иное, какъ только высокій валъ, насы-

пашный въ старину для защиты обители отъ нападенія враговъ. Быть можетъ, что монастырская церковь была устроена въ старинномъ славянскомъ городкѣ. Добраться до этого урочища весной и въ дождливое лѣто, когда бываютъ снесены мосты и размыты плотины, очень затруднительно, развѣ только на лодкѣ; въ сухой же годъ во время сѣнокоса рабочіе помѣщика пробираются на монастырскій островъ по плотинамъ (греблямъ) и мостамъ. На этомъ луговомъ островѣ, гдѣ лѣтомъ сушатъ сѣно и складываютъ его въ стоги до замерзанія болотъ, замѣтны грядки, борозды и углубленія съ остатками торчащихъ кое-гдѣ пней плодовыхъ и лѣсныхъ деревъ. Очевидно, что это слѣды монастырскаго сада и огорода. Посреди этой большой приподнятой луговой площади въ болотистой мѣстности поднимается до трехъ саженъ круглый валъ. Если подняться на верхъ этого крутого вала, то внутри его открывается большая котловина, гдѣ можетъ свободно помѣститься обширный домъ. На днѣ этого искусственнаго кратера, заваленнаго камнями и мусоромъ и переполненнаго массой человѣческихъ костей, и находится, древній погостъ, на которомъ очевидно, стоялъ въ старину православный монастырь болѣе 300-тъ лѣтъ тому назадъ, основанный, по всей вѣроятности, во времена удѣльныхъ русскихъ князей, когда нынѣшнее Подляшье подъ именемъ Украйны съ главнымъ гор. Берестьемъ входило въ составъ Волынскаго, а затѣмъ Владиміро-Галицкаго княжества. Въ послѣдніе годы, когда начали докудовцы раскапывать вѣковой валъ и выбирать камни съ монастырскаго погоста, то потревожили прахъ усопшихъ монаховъ и ихъ благотворителей: разсказываютъ, что рабочіе, когда докопались до цѣлой груды человѣческихъ скелетовъ, сильно перепугались и со страху наотрѣзъ отказались отъ дальнѣйшей работы. Нахожденіе такого множества человѣческихъ костей на монастырскомъ урочищѣ невольно наводитъ на мысль, что здѣсь когда-то разыгралась кровавая драма во время непріятельскаго нападенія на монастырь, защитники котораго пали подъ ударами вражьихъ

стрѣлъ и мечей — тогда могло погибнуть отъ враговъ множество народа, сбѣжавшагося сюда изъ окрестностей для спасенія своей жизни. Послѣ такого поголовнаго избіенія непріятель могъ овладѣть монастыремъ, ограбить и сжечь его. Впрочемъ, и при другихъ обстоятельствахъ могъ уничтожиться этотъ монастырь-городокъ, возникшій несомнѣнно, въ первые вѣка христіанства на Руси, въ эпоху великихъ князей Кіевскихъ.

Если не будутъ приняты своевременныя мѣры для охраненія отъ дальнѣйшаго разрушенія этого замѣчательнаго рѣдкаго памятника подляшской русской старины, просуществовавшаго чуть ли не 800 лѣтъ и бывшаго свидѣтелемъ всѣхъ политическихъ и церковныхъ переворотовъ нашего Забужья, то черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не останется и слѣда отъ вѣкового вала, и всѣ оказавшіяся въ немъ находки, которыя могли-бъ освѣтить древнюю исторію Подляшья вообще и монастыря въ частности, погибнутъ безслѣдно въ рукахъ невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ людей. Такимъ образомъ не мало изгладилось слѣдовъ русской старины въ Забужномъ краѣ!

Кромѣ Бѣльскаго уѣзда, существуютъ древнія урочища и въ другихъ мѣстахъ Сѣдл. губ.; такъ, напримѣръ, въ окрестности села Дреглёва, Радинскаго уѣзда, находится урочище Городокъ, гдѣ существуетъ понынѣ православная часовня съ чудотворной иконой св. Онуфрія, на поклоненіе которой стекается много народа изъ окрестныхъ и отдаленныхъ мѣстностей. Городокъ этотъ, будучи окруженъ съ трехъ сторонъ болотами, а съ четвертой лѣсомъ, былъ когда-то окопанъ рвомъ, слѣды котораго видны и теперь. По преданію, этотъ ровъ былъ сдѣланъ какимъ-то княземъ, скрывавшимся въ лѣсу во время нашествія непріятелей. По разсказомъ старожиловъ, въ Городкѣ существовалъ въ старину красивый колодецъ, устроенный изъ камня.

Судя по мѣстоположенію древнихъ церковищъ и монастырищъ, въ такихъ мѣстахъ какъ урочище Глухъ и Намастыръ въ старыя времена устраивались на этой окраинѣ древней Руси православ-

ные храмы. Въ тѣ тревожныя времена частые набѣги хищныхъ ятвяговъ, литвы, ляховъ и другихъ враждебныхъ племенъ, опустошавшихъ города и селенія съ церквами, заставляли мѣстное русское населеніе скрывать свои христіанскія святыни въ недоступныхъ мѣстахъ — въ укрѣпленныхъ городкахъ, на островахъ среди рѣкъ и болотъ, заросшихъ густыми камышами и окруженныхъ дремучими лѣсами.

Такой способъ устройства древнихъ церквей и монастырей въ Забужьи (Сѣдл. губ.) невольно переноситъ насъ въ глубокую старину, когда христіанская вѣра здѣсь распространялась чуть ли не одновременно съ русской колонизаціей, вытѣснившей ятвяговъ отсюда въ дебри нынѣшней Гродненской и Ломжинской губ., повидимому, еще въ X-мъ вѣкѣ, такъ какъ въ послѣдующія времена вплоть до половины XIII столѣтія, по историческимъ даннымъ, всѣ набѣги ятвяговъ на Забужную Русь совершались изъ лѣсныхъ трущобъ на правой сторонѣ Буга.

Въ дополненіе къ моему описанію Докудовско-Вортельскаго монастырища, привожу сообщеніе о мѣстной старинѣ настоятеля Докудовскаго прихода О. Анастасія Латко.

С. Докудовъ, 20 апрѣля 1903 г.

Милостивый Государь!

Письмо Ваше получено, и все, что я знаю лично, что у меня было записано и что я могъ узнать у стариковъ-крестьянъ, сообщаю Вамъ, можетъ что-нибудь изъ сообщеннаго и пригодится.

Къ сожалѣнію, у «Намастыря» я самъ не былъ, такъ какъ туда трудно пройти, на Лысой же горѣ былъ.

Во-первыхъ, сообщаю Вамъ письменную замѣтку, списанную мною изъ Епарх.—Вѣстника за нѣсколько лѣтъ тому назадъ: «Изъ Сѣдлецкой губерніи».

«Здѣсь еще есть мѣста, оставленныя безъ вниманія людьми науки, а между тѣмъ они при изслѣдованіи могли бы дать цѣн-

ные вклады въ наши музеи, такъ какъ объ ихъ историческомъ значеніи существуетъ богатѣйшее мѣстное народное преданіе, но и сохраняются письменныя и вещественныя доказательства въ сельскихъ церквахъ. Къ такимъ мѣстамъ можно отнести село Докудовъ съ окрестностями, находящагося въ 10 верстахъ отъ г. Бѣлы Сѣдл. губ. Село это, какъ видно изъ разныхъ церковныхъ документовъ и стар. вещей (антиминсовъ — «данъ св. Параскев. церкви въ градѣ Докудови» и др.), сохранившихся въ церкви, лѣтъ около 150 тому назадъ было городомъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его теперешній видъ. Оно расположено у рѣки Зелявы, какъ на полуостровѣ, тремя параллельно идущими улицами, въ срединѣ съ площадью, «рынкомъ». Рѣдкой архитектуры Докудовская церковь еще издали привлекаетъ взоръ всякого человѣка; она построена въ 1716 г. княземъ Карломъ Радзивилломъ, канцлеромъ Литовскимъ и владѣльцемъ Бѣлы и состоитъ изъ отдѣльныхъ частей подъ отдѣльными пирамидальными крышами съ куполами. Стиль ея византійскій. Церковь построена изъ цѣльныхъ, нераспиленныхъ, огромной толщины обтесанныхъ въ квадратъ сосенъ, нигдѣ здѣсь незамѣтно употребленія желѣза; она никогда не красилась снаружи, потому стѣны ея съ сѣвера покрыты мхомъ, а съ юга обуглились. Видъ церкви снаружи величественный. Когда вы войдете въ нее, вамъ представится крайне бѣдная обстановка: все принадлежитъ въ ней глубокой старинѣ, и прихожане сильно дорожатъ видомъ своего храма и его старинными принадлежностями. Въ Докудовской церкви нѣтъ почти ни одной новой иконы. Здѣсь сохраняется много иконъ, книгъ и разныхъ церковныхъ принадлежностей 1600 и даже 1500 годовъ, значитъ, онѣ древнѣе самой церкви. Притворъ церкви представляетъ настоящій музей: стѣны его сплошь увѣшаны старинными иконами, напоминающими о древнемъ православіи въ этомъ приходѣ, ибо кресты на нихъ восьмиконечные. Изъ обращающихъ на себя особое вниманіе предметовъ слѣдуетъ отмѣтить: портретъ основателя храма кн. Радзивилла и доску съ надписью о закладкѣ ея и съ изображеніемъ герба «погонь» рода

князя Радзивилла и древнѣйшія иконы — Страшнаго суда и Архистратига Михаила, попирающаго діавола и висящія въ притворѣ на стѣнѣ Царскія врата. Такъ какъ нынѣшняя церковь, какъ уже сказано выше, построена въ 1716 году и до этого времени, по мѣстному преданію, въ Докудовѣ церкви не было, то всѣ церковныя принадлежности, имѣющія свыше 200 лѣтъ, были, по разсказамъ мѣстныхъ крестьянъ, перенесены въ церковь изъ Докудовскаго монастыря, о которомъ здѣсь не только сохранилось живѣйшее преданіе, но встрѣчаются нѣкоторые документы въ церковномъ архивѣ (таковыхъ не находимъ, не смотря на тщательныя поиски), и о которыхъ даже «Холм. Русь» даетъ маленькій намекъ, что онъ находился «межи водами».

Замѣчательно мѣсто, гдѣ находился Докудовскій монастырь: это круглая порядочной вышины (отъ 3 до 4 саж.) гора, находящаяся между болотами и лугами. Это между Докудовымъ и Ортелемъ (или Вортелемъ) Княжескимъ, между рѣками — Зелявой и Кшной и каналомъ. На островѣ (въ версту въ окружности) виднѣется гора, называемая «Намастырь» и никакъ не Лысая. Гора эта по срединѣ имѣетъ большую впадину на подобіе кратера; говорятъ крестьяне, что это провалившійся церковный склепъ. Вся гора (никакъ не валъ), за исключеніемъ впадины, прежде была покрыта дубами, разными кустами и вьющимися растеніями, но въ послѣднее время ее обнажили отъ природнаго покрова: дубы и дерево потолще вырублено, осталось мелкое дерево и кусты. Преданіе говоритъ, что это гора искусственная, насыпана язычниками до христіанства на Руси, что очень правдоподобно, такъ какъ вокругъ нея находится нѣсколько холмовъ, напоминающихъ могилы, и при раскопкѣ одного изъ нихъ найденъ былъ сосудъ, наполненный золою. Дно ямы завалено мусоромъ и камнями (о костяхъ не упоминайте, такъ какъ никто не видалъ ихъ въ этомъ мѣстѣ). Гора эта у окрестныхъ крестьянъ слыветъ подъ названіемъ «Намастырь». Объ участи Докудовскаго монастыря между крестьянами ходитъ легенда: «На первый день Пасхи одна женщина, проходя черезъ перекладину рва,

которымъ былъ окопанъ монастырь, упала въ воду и стала проклинать это мѣсто, чтобы оно «запалось» и монастырь, на ея же глазахъ провалился въ землю». Ни камней, ни песку крестьяне оттуда не везутъ, такъ такъ земля принадлежитъ Бѣльской Администраціи: Остальное вѣрно.

Съ западной стороны село Докудовъ защищено было земляннымъ валомъ, который еще лѣтъ 20 — 30 тому назадъ былъ не тронутъ, и теперь отъ него остаются отчетливые слѣды. Валъ протяженіемъ съ полверсты, въ разстояніи менѣе полверсты отъ Докудова, довольно широкій; крестьяне его раскапываютъ, вывозя песокъ на разныя хозяйственныя надобности; при раскопкѣ часто выкапываются скелеты людей (этого теперь не слышно). Подобная валу участь постигла-бъ и гору Намастырь, если бы она была не на помѣщичьей землѣ. На югѣ отъ села, за рѣкой Зелявой, подъ Студянкой видна другая гора, такъ называемая «Лыса гора», на которой также выбиваются человѣческія кости (вѣрно, самъ видалъ) и было найдено много камней съ крестами (вѣрно, камни небольшіе, вѣсомъ до полупуда и пуда, даже и больше, числомъ до 13 и теперь тамъ лежатъ съ отчетливыми крестами); гору, такъ какъ она песчаная, снесло въ уровень съ землею и пескомъ засыпало окружающія ее поля; растетъ на ней нѣсколько сосенъ. По преданію, какой-то крестьянинъ собиралъ эти камни и бралъ песокъ, но послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ случаевъ, бывшихъ въ его домѣ, отвезъ ихъ обратно. Въ бурю гора покрывается кружащимся пескомъ. Старожилы Докудовскіе (до 80 лѣтъ) помнятъ эти камни съ крестами на теперешнихъ мѣстахъ. Гора эта находится въ Ломазскомъ приходѣ. Народъ говоритъ, что Лыса гора и валъ—это могилы отъ шведскихъ войнъ въ Польшѣ. Подъ селомъ съ южной стороны находится возвышенное мѣсто, окруженное водою, гдѣ, по преданію, стоялъ замокъ, и находится въ пользованіи крестьянъ, которые при вспахиваніи находятъ здѣсь кирпичъ съ разными буквами, а иногда и желѣзныя полосы. Съ сѣверной стороны села въ разстояніи полуверсты отъ него остался явный слѣдъ благоустроен-

наго рыбнаго пруда, обнесеннаго и раздѣленнаго валомъ, съ маленькимъ протокомъ. Вотъ все, что самъ знаю и что Вамъ могу сообщить изъ имѣющихся у меня записей. Боюсь только, что я опоздалъ съ отвѣтомъ, и Вы отослали корректурные листы.

Свящ. Анастасій Латко.

Добавленіе къ отд. III „Образцы Ломазскаго говора".

Свадебныя пѣсни дер. Любенки, Ломазскаго прихода.

По народнымъ обычаямъ, свадебный обрядъ требуетъ отъ молодого-князя (жениха) и молодухи-княгини (невѣсты) избрать себѣ дружбу—бояръ (дружину, свиту). Для этой цѣли со стороны жениха приглашаются сваты, маршалки и дружки́ (шафера), а со стороны невѣсты — свашки, прúсвашки и дру́жки. Эта дру́жба подраздѣляется на старшую и младшую; такъ, напр., бываетъ старшая и младшая дружка и свашка. Но самымъ главнымъ въ свадебной дружбѣ считается старшій маршалокъ, который играетъ роль чашника во время свадебныхъ пиршествъ. Вся эта дружба въ теченіе трехъ дней находится неотлучно при молодыхъ и исполняетъ разныя свадебныя обязанности и церемоніи: дѣлаютъ коровай, одѣваютъ невѣсту, распѣваютъ пѣсни и т. д.

78.

Въ субботу вечеромъ, когда дѣлаютъ коровай, дружки и свашки поютъ:

Прыплынь, Дунаеньку,
До нашого бэрэженьку:
Будюмо руки мыти,

Будюмо коровай робити.
Ой знаю, я знаю,
Що въ туомъ короваю:
Съ симьёхъ крыниць водиця,
Съ симьёхъ пуоль пшениця,
Сіэмъ куопъ яець
И друщіэй гарнэць.
Нашъ пышны короваець!

79.

Коровайницы, нэ росходьтэся,
Свашеченьки, нэ росходьтэся,
Бо дивчина батэнька
Будэ даромъ дарити:
По повнэньцій, по повнэсенькуй,
По гусоньци, по билесенькуй.

80.

Вэсіэльная матп, 2
Выйди танцювати,
Тупни по помосьци,
Розвэсэли намъ госьцп,
Розвэсэли намъ людэ, 2
То хорошенько будэ.

81.

Отецъ и мать, а если ихъ нѣтъ, то крестные, взявшись за руки обращаются направо и налѣво и становятся рядомъ передъ

образами: женихъ и невѣста падаютъ имъ въ ноги и родители ихъ благословляютъ, а молодежь поетъ:

Въ ручки, въ ножки падай: 2
Одъ Бога доли жадай.

82.

Стоитъ дубочокъ, якъ орабочокъ,
На Дунай похилившись.
Молодый Ондрійко до Марыси
Хорошенько убравшись,
Въ правуй ручоньци хусточку носитъ
И слюзоньки утирае и батэнька проситъ,
Що у дi͡эвки говорити.
«Нэ говори, сынку, ничого —
Естъ у тэбэ друженько до того:
Будэ видати, що говорити
За тэбэ молодого».

83.

А въ мi͡эсяця два рожки,
А въ молодого два братци:
Одинъ коня сёдлае,
А други поучае —
«Нэ бэри, брапе, въ золоти,
А бэри въ розуми,
Бо золота доложимо,
А розуму нэ вложимо».

84.

Росходився ясны мi͡эсяць по нэби,
Збираючи ясны зоры въ громаду,

Пу͡ойдюмо до Пана Бога на раду:
Будюмо Бога просити,
Жебъ намъ позволивъ ці͡элу ну͡счь сьвигити.
Расходився молодый Ондрусё по двурцяхъ,
Збираючи сваты—бояры до столу,
Бо поі͡эдюмо до тэсьцёвого двору.
Будюмо йі͡эхати штыры мили возами,
А пьяту милю коваными санями.

85.

Женихъ усаживаетъ за столъ маршалковъ и дружковъ и послѣ выпивки и закуски уѣзжаетъ съ ними къ невѣстѣ, а молодежь ему поетъ:

Нэ йі͡эдь, Ондрусю, бо болото.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли золото.
Нэ йі͡эдь, Ондрюсю, бо залява.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли казала.
Нэ йі͡эдь, Ондрусю, бо исъ стрі͡эхъ каптитъ.
— Якъ же нэ йі͡эхати, коли якъ мі͡эдъ пахтитъ.

86.

Въ ожиданіи жениха молодицы и дѣвушки поютъ невѣстѣ:

Смутна Марыся, смутна,
И въ окно поглядае:
Подобнось, вона госьци сподивае;
Сподиваетьця Господа Бога
Зъ усі͡эми анёлами,
Сподиваетьця свого Ондруся
Съ пышными боярами.

87.

Ѣдетъ женихъ, и дѣвушки продолжаютъ пѣть:

Ой йі͡эдэ, йі͡эдэ ружовы кві͡этэ,
Завьязавы му͡ой сьві͡этэ.
Завьязавъ очи тэмнои ночи
Червоною китайкою:
Ни я до дивочокъ,
Ни я у тапочокъ,
Ни на гулоньку выйти;
Дивоньки гуляютъ,
Косоньки маютъ,
А мэпэ нэ пускаютъ.

88.

Женихъ заѣхавъ на зару́чины, даритъ невѣстѣ и ея матери черевики и платокъ и садится рядомъ съ молодухой за столъ, а дружки и свашки поютъ невѣстѣ:

Куе зазуля, куе рабая,
На ракитоньку стала;
Вона думала—ракиту зломитъ,
А вона не схилила,
Молода Марыся на заручины сі͡эла.
Вона думала—матюнку развэсэлитъ,
А вона засмутила.
— Бі͡эдна моя головонька,
Що нэ вся родинонька:
Пошлю͡омъ мы листы,
Всі͡э розмаисты,
А зазуленьку на Украиноньку.

Бывай, родино, бывай!
Близкая и далекая
И сусидоньки мои милы!

89.

Куе зазуля, куе рабая
У саду на калини,
Плаче Марыся, плаче молода
У комори на скрыни.
Вышла Марыся, вышла молода
За воротэчка, подъ калиною стала:
Калину ломитъ, слюзоньки ронитъ,
Доленько нэщасная.
Вышла до еи матюнка еи:
— «Чого, дитино, плачешь?
Я тоби даю, що вдома маю,
А доленьки нэ вгадаю».
Выйду я на долину и гукну на родину:
Бывай, родино, бывай
До мэнэ на коровай —
Близкая и далекая
И сусидоньки мои милы!

90.

Чомъ ты, зазуле, тогды нэ ковала,
Якъ сады зацьвитали?
Чомъ ты, Марысю, тогды нэ плакала,
Якъ тэбэ заручали?
— Я думала, що муой батэнько
Въ карты грае,

А вуонъ за мэнэ молодэнькую
Литкупъ запивае.

91.

Въ воскресенье, когда молодуха ѣдетъ въ церковь вѣнчаться, поютъ ей такъ:

А въ кого же ты, молода Марыся, вдалася,
Що въ срiэбло — золото вбралася.
Вила виночокъ съ трохъ ягудочокъ,
Золотый пасъ.
Ой бывай, бывай, моя матюнко,
Часто у насъ.
— Ой якъ же маю у тэбэ бывати:
Позаростало стэженьки нэ знати.
Позаростали стэжки — дорожки вэрбами,
А нэ красными и нэ червоными квитками.

92.

Покропи насъ, батэньку, свьячоною водою,
Правою рукою и щасливою годиною,
Бо мы йiэдюмо до Божого дому,
Жебъ насъ ксёндзъ шлюбъ давъ
И намъ бiэлы ручки извьязавъ.

93.

Нэма попа вдома, 2
Пойiэхавъ до Львова:
Ключуовъ куповати,

Церкву одмыкати,
Молодымъ шлюбъ давати [1]).

94.

По выходѣ изъ церкви свашка поетъ:

Подякуймо попонькови,
Якъ ру͡одному батэнькови,
Же намъ шлюбъ давъ
И нэмну͡ого за тое узявъ:
Ту͡олько штыры золотыи
За наши молодыи.

---

1) Пѣсня эта, повсемѣстно распространенная въ Холмской Руси, извѣстна въ народѣ подъ именемъ Желиманъ. Она сложилась въ народѣ въ тяжелыя времена польскаго владычества, когда нѣкоторые паны—католики, подстрекаемые ксендзами—фанатиками, отдавали въ аренду жидамъ православныя церкви. У жида-арендатора находились ключи отъ церкви. Когда нужно было окрестить дитя, или повѣнчать молодыхъ или же освятить «паску», то за извѣстную плату еврей отпиралъ церковь. Объ одномъ изъ такихъ арендаторовъ Желиманѣ (Зельманѣ) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Забужья сохранилась народная пѣсня, начинающаяся словами: Йі͡эдэ, йі͡эдэ Желиманъ, йі͡эдэ его братъ: церкву отчиняти, щобъ молодыхъ зьвинчати....

О жидовскихъ откупахъ XVII–XVIII в. сложилась на Украйнѣ слѣдующая народная дума:

Іще ж то Жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Ураіні всі козацькіи церкви заорандовали.
Которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину появити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до жида-рандара да полож шостак, щоб позволив церкву одчинити,
Тую дитину охристити.
Іще ж то которому б то козаку, альбо мужику дав Бог дитину одружити,
То не йди до попа благословиться,
Да пійди до жида-рандара да полож битий тарель, щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити (Историческія пѣсни малорусскаго народа, т. II, Кіевъ, 1875 г., стр. 21).

95.

Пріѣхавъ отъ вѣнца, молодые останавливаются у дверей дома родителей невѣсты: отецъ и мать встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ. Наливъ рюмку водки, отецъ подаетъ ее молодымъ, но молодая выливаетъ водку назадъ черезъ голову, «щобъ ворогамъ заліэти очи». Наливаютъ имъ вторую рюмку: тогда молодая несетъ ее въ бѣломъ платочкѣ и ставитъ на столъ[1]). Всѣ садятся обѣдать — молодые, маршалки, сваты, свашки, прúсвашки, дружкú, дрýжки и другіе гости. Во время обѣда молодежь поетъ свашкѣ:

Дай намъ, свашко, сыра: 2
Дасьць тоби Бýогъ сына —
Зъ ручками, зъ нужками,
Съ чорными очками.
Казали, свашка въ шуби, 2
А свашка въ кожуси.
Кожухъ съ пэтлицями,
Сидятъ воши копицями.
Знати свашеньку знати, 2
Що зъ богатэи хаты:
Сырами обклалася,
Пирогами пудпэрлася.
А свашенька, якъ пташенька, 2
Личко, якъ яблычко;
Сама въ золóти сяе,
Якъ макъ зацьвитае.

96.

Свашка вынимаетъ сыръ и пирогъ (пшеничный хлѣбъ) и подаетъ маршалку. Маршалокъ, разрѣзавъ сыръ и пирогъ на ку-

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Докудовѣ, существуетъ обычай послѣ возвращенія изъ церкви обсыпать молодыхъ зерномъ, сѣменемъ и

сочки, раздаетъ ихъ всѣмъ присутствовавшимъ за столомъ. Онъ, какъ распорядитель свадебнаго пира, нарѣзываетъ хлѣба, мяса и наливаетъ водку и пиво для гостей и все время прислуживаетъ молодымъ за обѣдомъ. Маршалку и свашкѣ поютъ:

Маршалокъ сыръ крае, 2
Бо золотый ножикъ мае,
Срi͡эбную тарилочку
И гуркую горилочку.

97.

Падаймо свасьци въ ноги 2
За бi͡элы пироги,
За бi͡элого сыра:
Нэхъ ей Бу͡огъ дасьць сына.

98.

Казали, маршалокъ просты—2
Маршалокъ горбаты;
Сосэрэдъ горба
Выросла вэрба —
Усi͡эмъ очи дэрла.

99.

Поютъ молодой:

Ой щожъ ты, молода Марысю, вдумала,
Що нэлюбови праву ручку подала.
Ой ты думала — вороный коникъ то ёго,

перьями, а также обходить всѣмъ по солнцу три раза вокругъ стола, поставленнаго среди хаты.

А вуонъ позычивъ у товарыша своёго.
— Ой щожъ вамъ, добрыи людэ, до того,
Якъ ёго Буогъ споможе, то вуонъ будэ міэти свого.

100.

Пэрэбиралась, молода Марысю,
Якъ на ружовумъ квіэти,
Выбрала-бысь въ своюомъ сэліэ
Хорошого на сьміэти.

101.

Чэрэзъ буоръ, чэрэзъ двуоръ
Тэтэренька летала,
Ой нэ судивъ мніэ Буогъ того,
Кого я кохала.
Ой нащожъ ты, муой батэньку, уважавъ:
Чи на ёго волы, чи на óго кони,
Чи на ёго вроду?
Утопивъ-есь мэнэ, якъ конопэльку въ воду.
Утопивши коноплю въ воду,
То трэба вытягати,
А мніэ молодуой трэба бидовати.

102.

Ой ци я тоби, моя Марысю,
Зъ вэсны нэ казала:
— Нэ копай мэжи, нэ сади рожи,
Нэ будэшь поливати.
«Ой якъ ты пуойдэшь, моя матюнко,
Моими стэженьками,

То польешь рожу, польешь червону
Друбными слюзками.

103.

Ой казавъ-есь, кленовы листэ,
Нэ будэшь опадати,
Ой казавъ-есь, ру͡одны батэньку,
Нэ будэшь оддавати;
А тэпэръ даешь и нэ жалуешь,
Такъ далеко отъ сэбэ,
Роботоньки нэ научивши
И до розумоньку нэ довью͡овши.
Научатъ мэнэ добрыи людэ:
Тобі͡э, батэньку, за жаль будэ,
А мні͡э молоду͡ой за жартъ ву͡ойдэ.

104.

Зэлёна, зэлёнэнька 2
У поли конопэлька;
Нэ давъ ей буйны вiэтёръ
Зэлёнуй постояти,
И здмухнувъ ю͡ой цьвиточокъ
На жовты писочокъ—
Молода, молодэнька
Марыся у свого батэнька.
Ой нэ давъ ю͡ой молодый Ондрусё
Молоду͡ой погулятп:
Здойнявъ виночокъ,
Наложивъ чипочокъ.

105.

Гуляй, рыбко, гуляй!
Гуляй, рыбко, гуляй
У быструй водіэ на днiэ,
Ой бо якъ тэбэ рыбаки поймутъ,
То съ тэбэ золотую луску здоймутъ.
Гуляй, Марысю, гуляй
У матюнки своей,
Ой бо якъ тэбэ бояры поймутъ,
И гулянечко тобiэ уймутъ—
Поминэ тэбэ тое
Гулянечко частое.

106.

Передъ отъѣздомъ въ домъ молодого, садятся «на подвэчурокъ», во время котораго поютъ слѣдующія пѣсни:

Вже година пьята,
Выраджай, мати, зятя;
Шоста наступае —
Нэхъ зять выйижджае.

107.

Нэ плачь, матюнко!
Нэ все я у тэбэ забэру:
Кидаю слидоньки по двору,
А дрyобны слюзоньки по столу.
Дэ ся повэрнэшь,
Мэнэ спомэнэшь;
На стyолъ запрэсься,
Слюзками вльесься.

108.

Въ новумъ городци по яруй рути
Соловi͡эйчикъ щебэче—
Иди, иди, молодая Марысю,
Тэбэ матюнка кличе.
«Нэхъ соби кличе, якъ соби хоче,
Вже я ей отслужила,
Въ новуй комори, на новумъ столи
Сэрпокъ положила».
—Эй, хто-жъ же тымъ сэрпомъ будэ жати?
Трэба до ёго принайняти,
Щодэнь два злоты дати,
Щэ нэ схоче добрэ жати:
Будэ на соньце поглядати
И до домоньку поспишати.

109.

Ой нэ думай, молода дитино, нэ думай,
Оддамо тэбэ за быстру рi͡эчку за Дунай.
Ой будэшь ты подъ тымъ Дунаёмъ стояти
И будэшь ты своей матюнки ждати.
— Ой будь моя матюнка, прибудь тутъ до мэнэ:
Склонюся тоби до бi͡элыхъ пу͡ожокъ до зэмли.

110.

Ой гудутъ пщулки, гудутъ,
Вже Марысю мысли бэрутъ,
По новыхъ синёхъ ходячи,
До новыхъ скрынь говорячи:
— Ой скрыни мои новэнькiи!

И подарки биленькіи!
Пуойдэтэ віэтэ на чужину,
Будэтэ віэтэ обсуджоны,
Що нэ новэньки и нэ билыи
Моей свекруси нэмилыи.

111.

Кланяйся, Марысю, 2
Старому, малому,
Батэнькови родному.
Въ ручки, въ нуожки падай, 2
Одъ Бога доли жадай

112.

На бытъ ся выраджае, 2
Еи доля въ воротахъ спотыкае.
Если доля добрая, 2
То сядай на вуозъ зо мною;
Если якая той нэдобрая,
То плынь по мору зъ водою.
Выэхала зъ воротэць
И махнула хусточкою въ городэць:
—Ой ужежъ мни вь тумъ городци нэ быти,
Зъ руты виночокъ нэ вити!

113.

Послѣ окропленія святой водой, молодые уѣзжаютъ въ домъ родителей жениха, гдѣ ихъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ у дверей отецъ и мать и вводятъ новобрачныхъ въ хату съ такими же церемоніями, какъ и въ домѣ родителей невѣстки. Хоръ дѣвушекъ поетъ:

Возьми, мати, л͡іэску: 2
Привитай нэв͡іэстку,
Л͡іэску лисковую,
Нэв͡іэстку молодую.

114.

Ясная зора на стр͡іэху впала,
Молода Марыся на дв͡уоръ въѣхала.
Скоро въѣхала, зору запытала:
«Ци будэ свэкорко, якъ р͡уодны батэнько»?
— Нэ будэ зима, якъ тихе л͡іэто;
Нэ будэ свэкорко, якъ р͡уодны батэнько.

115.

Въ понедѣльникъ свашки и прѝсвашки надѣваютъ на молодую чепчикъ и одна изъ нихъ причитываетъ: «Тэпэръ я королицею, зробила д͡іэвку молодицею». Перезва (близкая родня молодой) въ этотъ день гоститъ у зятя и поетъ:

Сьвьятый понэд͡іэлку,
Прибравъ-есь намъ д͡іэвку:
Вчора была у виночку,
А дзись у чипочку.
А въ нашого свата 2
Сосновая хата,
А с͡іэни зъ бэрэзы,
Пошли госьци твэрэзы.

116.

Ой бо в͡іэтэ ейи 2
Товчи, молоти заставтэ,

А тy͡олько ейи 2
Часто въ госьци пускайтэ.

117.

Молодежь поегъ:

Найі͡эхали пэрэзвьянки, 2
Що ажъ погнулися лавки;
Якъ еще пива напьютьця,
То ще нэ такъ погнутьця.

118.

Пропила мати дочку 2
На солодкумъ мэдочку,
На гy͡оркуй горылци:
Маешь, мати, по дi͡эвци.
Нэ сама я пропивала, 2
Родина помагала.
Ой было добрэ 2
Мi͡эдъ-горi͡элку пити,
Пришовъ понэдi͡элокъ 2
Нэма кого будити.
Оглядилася мати 2
Що нэма дочки въ хати,
Ни скрыни, ни пэрыны,
Ни ру͡одной дитины.

Вь понедѣльникъ вечеромъ свадьба кончается, и всѣ расходятся по домамъ. Во вторникъ еще приходятъ съ хлѣбомъ близкіе

и дальніе родственники и гостятъ до вечера; вечеромъ же всѣ «вроспорохъ» (въ разныя стороны) по пословицѣ: Сэрэдище-розженище.

На всякой свадьбѣ бываетъ музыка и танцы, которые обыкновенно устраиваются въ сѣняхъ или на дворѣ. Во все время свадьбы музыка чередуется съ пѣніемъ. Пѣніе часто сопровождается плачемъ невѣсты, ея матери и подругъ: плачутъ, когда коровай дѣлаютъ, плачутъ, когда ѣдутъ къ вѣнцу, плачутъ при уходѣ невѣсты изъ родительскаго дома. Всѣ свадебныя пѣсни поются монотоннымъ протяжнымъ и притомъ очень грустнымъ голосомъ, такъ что, по выраженію Ярошука, записавшаго настоящія пѣсни, «отъ такого жалоснаго пѣнія молодые, хотя-бы имѣли и твердое сердце, какъ камень, поневолѣ должны заплакать». Но этотъ плачъ происходитъ не отъ одного только унылаго напѣва, но часто вызывается и раздумьемъ о горькой долѣ невѣстки среди чужой семьи, нерѣдко обижающей ее.

По словамъ Ярошука, русскія свадебныя пѣсни сохранились только среди стараго поколѣнія, а теперешняя молодежь больше любитъ пѣть веселые польскіе краковяки. Особенно стали чуждаться русскихъ пѣсенъ такъ называемые «калакуты», т. е. бывшіе уніаты, уклоняющіеся отъ православной церкви. Такое расположеніе «калакутовъ» къ родной своей пѣснѣ, любимой ихъ отцами и дѣдами, объясняется религіознымъ фанатизмомъ, возбуждаемымъ недругами русской народности.

Дожиночныя пѣсни

119.

А мы вэрэю орали, орали,
Бодай намъ волы буяли, буяли.
Дожали жита до ровы, до ровы[1]),

---

1) Въ разговорной рѣчи: до рова.

Нэхай мы будюмъ здоровы, здоровы.
Дожали жита до границь, до границь.
А намъ за тое нэма ницъ, нэма ницъ.
Дожали жита до луга, до луга,
А намъ пива бочка и друга, и друга.
Дожали жита до ярки, до ярки,
Дасьць нашъ господаръ ґожалки, ґожалки.
А мы пива нэ хочемъ, нэ хочемъ,
Дай намъ музыку—пудскочимъ, пудскочимъ.
Закладай, господару, жерэбця. жерэбця,
Йіэдь по музыку до Брэсьця, до Брэсьця.
Засьцилай, господынё, обрусы, обрусы,
Бо йдэ челядонька, якъ гуси, якъ гуси.
А нашъ виночокъ удався, удався,
А нашъ господаръ сховався, сховався.

120.

Господару нашъ,
Будь же нами радъ,
Бо мы жито дожали,
Хорошенько засьпивали:
Будь же нами радъ.
Принэси намъ монополькн,
То якъ выпьюмъ,
Пуойдюмъ польки,
И обуюмъ башмака,
Еще пуойдюмъ козака.
Хочь въ насъ руки, ноги болятъ,
Для того пуойдюмъ якуратъ.

121.

А нашъ сусидонько линивы, линивы,
Сіе жито на ниви, на ниви.

Шкодуе гроши оддати, оддати,
Будэ его жито зимовати, зимовати.

122.

А ты, панэ нашъ,
До домоньку часъ:
Усіэ паны попускали,
Ты трымаешь насъ.
Уже соньце надъ грушами,
Пусьци, панэ, хочь зъ душами,
Пусьци, пусьци насъ [1]).

Запис. въ 1902 г. Степаномъ Ярощукомъ.

---

1) Во времена крѣпостнаго права много было сложено народныхъ пѣсенъ о панахъ, жестоко обращавшихся съ крестьянами. Но теперь мало сохранилось пѣсенъ подобнаго рода — однѣ изъ нихъ забыты, а другія видоизмѣнились сообразно обстоятельствамъ времени, или-же остались въ видѣ обрывковъ; двѣ такія пѣсни помѣщены мною на стр. 90. Привожу еще слѣдующую пѣсню, какъ образчикъ подобнаго народнаго творчества и въ другихъ мѣстахъ Россіи:

Ходить попокъ по церковци,
У книжку читае:
— Ой чомъ же васъ, добры люде,
У церкви не мае?
— Ой, якъ-же намъ, паноченьку,
До церкви ходити:
Отъ недили до недили
Маемъ молотити.

(Лихолѣтіе, истор. ром. В. А. Маркова).

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

VII.

Ломазскій говоръ въ сравненіи съ народными говорами Холмской Руси и другихъ русскихъ и славянскихъ областей *).

Сравниваемый народный говоръ по степени своего распространенія занимаетъ видное мѣсто среди разнообразныхъ говоровъ Холмской Руси. Кромѣ многолюднаго Ломазскаго прихода,

---

*) При составленіи настоящаго дополнительнаго отдѣла я пользовался нижепоименованными пособіями и источниками:

1) В. С. Шимановскаго: «Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси». Варшава, 1897 г.

2) Проф. А. И. Соболевскаго:—«Лекціи по истор. русскаго языка» и другія изслѣдованія въ области слав. и русск. фолологіи.

3) Н. И. Петрова—«Южно-русская литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая», въ «Русск. Вѣсти.» за 1880 г.

4) М. В. Довнаръ-Запольскаго, «Пѣсни Пинчуковъ».

5) Шейна—«Великоруссъ». Изд. Импер. Академіи Наукъ. 1900 г.

6) Акад. Я. К. Грота—«Русское правописаніе». Изд. Акад. Наукъ. 1886 г.

7) Свящ., маг. Г. Дьяченко—«Полный церковно-слав. словарь» (со внесеніемъ въ него важнѣйшихъ др.-русск. словъ и выраженій). М. 1900 г.

8) Проф. А. Смирнова—«Сборникъ древн.-русск. памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи». Варшава, 1882.

9) Проф. Т. Флоринскаго—«Лекціи по славянскому языкознанію».

10) «Русскій Филологическій Вѣстникъ» за 1881 г. т. V и VI. Варшава.

11) Образцы церк.-слав. и древн.-русск. языка: Евангеліе по Остромирову списку 1056—1057 г. Лѣтопись Нестора, Поученіе Владимира Мономаха, Слово о полку Игоря и другіе отрывки памятниковъ древней письменности.

12) К. В. Войцицкаго—«Pieśni Ludu». Изд. 30 или 40 годовъ прошл. вѣка.

13) Новый Завѣтъ на Господа Іисуса Христа. Цариградъ, 1866.

14) Sveto Pismo Staroga i Novoga Zavjeta. U Pešti, 1868.

состоящаго изъ посада Ломазъ, селеній — Любенки, Студёнки, Копытника, Козловъ и хуторовъ—Юсаковъ и Шенеекъ, говоръ этотъ существуетъ въ сосѣднемъ посадѣ Россошѣ и, съ незначительными діалектическими отличіями, въ ближайшихъ приходахъ—Докудовскомъ, Кошоловскомъ и въ окрестныхъ деревняхъ г. Бѣлы, а также и въ другихъ мѣстахъ Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣздовъ, Сѣдлецкой губ. Къ этой группѣ родственныхъ говоровъ принадлежитъ и Корницкій, описанный г. Янчукомъ въ Трудахъ этногр. отд. Императорскаго общ. любителей естествозн., антроп. и этногр. при Москов. Университетѣ, VII.

Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ живетъ почти вездѣ сплошное русское населеніе, состоящее изъ преобладающаго большинства православныхъ и бывшихъ греко-уніатовъ, уклоняющихся отъ православной церкви, и сравнительно незначительнаго числа римско-католиковъ, не отличающихся отъ коренныхъ русскихъ жителей ни языкомъ, ни обычаями, ни народными вѣрованіями. Многіе изъ послѣдней группы народонаселенія даже русскаго происхожденія, такъ какъ ихъ отцы и дѣды были совращены изъ уніи въ латинство; но встрѣчаются между мѣстными католиками и такіе мѣщане и крестьяне, предки которыхъ были мазурами, но, поселившись среди сплошного русскаго населенія, совершенно ассимилировались съ коренными жителями. И потому въ этнографическомъ отношеніи эту часть католическаго населенія нельзя не причислить къ русской народности, хотя мѣстные жители всѣхъ вообще католиковъ и даже и упорствующихъ уніатовъ считаютъ поляками, такъ какъ, по народнымъ понятіямъ, народность человѣка опредѣляется не по языку, на которомъ онъ говоритъ съ дѣтства въ своей семьѣ, а по его вѣроисповѣданію [1]).

---

1) Судя по историческимъ даннымъ, римско-католики въ Юго-западной Руси до соединенія Литвы съ Польшей (1569 г.) считали себя русскими, и для нихъ докт. Франтишекъ Скорина изъ Полоцка перевелъ на русскій языкъ библію, акаѳистникъ и другія книги. Въ то время въ костелахъ употреблялся русскій языкъ для проповѣди и въ дополнительномъ богослуженіи; учредитель-

Въ послѣднемъ случаѣ такой народный взглядъ на вѣроисповѣданіе, какъ на главный признакъ народности, имѣетъ психологическое свое основаніе: перемѣна греческаго обряда на латинскій, или, по народному выраженію,—русскаго на польскій, при легкости усвоенія языка родственнаго славянскаго племени, въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою окончательную утрату своей народности, такъ какъ перешедшій въ другое вѣроисповѣданіе попадаетъ въ сферу противоположнаго вліянія и невольно проникается симпатіями къ чужому языку молитвъ и религіозныхъ пѣснопѣній, а также и къ обычаямъ и чуждымъ національно-политическимъ стремленіямъ, иногда даже во вредъ народности, къ которой онъ принадлежитъ по своему рожденію. Эту истину подтверждаютъ намъ многочисленные факты изъ исторіи Юго-Западной Руси вообще и Холмской въ частности. Такихъ фактовъ не мало встрѣчается и въ настоящее время въ Прибужномъ краѣ, гдѣ вѣковая племенная борьба на почвѣ вѣроисповѣдной продолжается до сихъ поръ, по традиціи старой Польши, между двумя родственными народностями—польской и русской.

Почти всѣ здѣшніе мѣщане посадовъ, бывшихъ мѣстечекъ, и всѣ крестьяне безъ различія вѣроисповѣданія говорятъ дома и между собою «по-руськи». Благодаря близкому сосѣдству съ польскимъ населеніемъ или же совмѣстному сожительству въ нѣкоторыхъ городахъ и селеніяхъ, а главнымъ образомъ, сильному вліянію польскаго костела — знаніе польской рѣчи и грамотности довольно распространено среди русскаго народа Прибужнаго края, и потому вліяніе польскаго языка замѣтно сказалось въ различныхъ степеняхъ въ народныхъ говорахъ Холмской Руси. Польское вліяніе, главнымъ образомъ выразившееся въ заимствованіи словъ и выраженій, мало коснулось устойчивыхъ формъ и звуковыхъ осо-

---

ныя и дарственныя грамоты для костеловъ писались по-русски. Нѣкоторые западно-русскіе акты, относящіеся къ костеламъ въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ, встрѣчаются въ Метрикѣ Литовской, какъ, напр., гравота Сигизмунда I Лосицкому плебану 1506 г. и другая грамота Воинскому плебану 1537 г. о постройкѣ костеловъ и о надѣленіи ихъ десятинами (Поцѣй — «O dzieśięc. kościelnna Rusi», стр. 24 и 26).

леній мѣстной народной русской рѣчи. Но эти иноязычныя наслоенія, по справедливому замѣчанію изслѣдователя холмскихъ говоровъ В. С. Шимановскаго, весьма легко и быстро отпадаютъ, при перемѣнѣ источниковъ и условій умственной жизни народа.

Русскій языкъ, введенный въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ правительственныя учрежденія Привислинскаго края, очень легко усваивается мѣстнымъ населеніемъ, и нашъ литер. языкъ, сдѣлавшись новымъ источникомъ для духовной жизни народа, оказываетъ замѣтное свое вліяніе на его родную рѣчь, обогащая ее новыми словами и выраженіями и замѣняя въ ней вкравшіеся полонизмы чистыми элементами русской рѣчи, такъ прекрасно развившейся въ нашей современной письменности. Такому легкому изученію нашего книжнаго языка мѣстнымъ населеніемъ не мало способствуетъ его родная рѣчь, содержащая въ себѣ много русскихъ элементовъ какъ въ отношеніи формъ языка, такъ и въ отношеніи его звуковъ и удареній, въ большинствѣ случаевъ совпадающихъ съ удареніями литер. русскаго языка. Особенно же легкій переходъ къ русскому языку представляютъ собою тѣ подляшскіе говоры (въ томъ числѣ и Ломазскій), въ которыхъ сохранился первичный мягкій звукъ **и**, отвердѣвшій въ большинствѣ говоровъ Сѣдлецкой и Люблинской губ. Отсутствіе въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ отвердѣвшаго **и**, составляющаго одну изъ главныхъ характерныхъ чертъ малорусскаго нарѣчія, выдѣляетъ ихъ въ особую группу переходныхъ говоровъ отъ малорусскихъ къ бѣлорусскимъ, и въ отличіе отъ послѣднихъ, за неимѣніемъ болѣе подходящаго термина, назовемъ ихъ бѣло-малорусскими говорами, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ лексическія формы малорусскаго нарѣчія, а звуковыя черты смѣшаннаго характера—однѣ изъ нихъ малорусскія, какъ, напримѣръ, отвердѣвшее **ɵ**=**ɘ**, другія же бѣлорусскія мягкіе звуки: **и** и дифтонгъ **i͡ɘ**, приближающійся къ **ɵ** = **jɘ**, и **ѣ**, а также во многихъ случаяхъ **ц** вмѣсто **т** и др. Въ этихъ подляшскихъ говорахъ, главнымъ образомъ, сохранились такъ называемые дифтонги, составляющіе въ боль-

шинствѣ случаевъ переходную звуковую черту древняго славянскаго языка въ отдаленную эпоху его развитія. И потому подляшскіе говоры съ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ дифтонговъ заслуживаютъ вниманія языковѣдовъ, для научныхъ выводовъ въ области фонетики славянскаго языка вообще и русскаго въ частности.

I. Фонетика.

А. Ударенія.

Въ Ломазскомъ и другихъ мѣстныхъ народныхъ говорахъ ударенія въ большинствѣ случаевъ бываютъ такія, какъ и въ литер. русскомъ языкѣ. Относительно удареній холмско-подляшскихъ говоровъ можно сказать, что они довольно правильны и даже болѣе приближаются въ данномъ случаѣ къ удареніямъ литер. русскаго языка, чѣмъ украинскіе говоры; въ послѣднихъ не рѣдко можно слышать, какъ говорятъ: на Пэ́тра, на дво́ри, Васи́лько, зэ́рно, ни́коли, дивчи́на, вы́соко, ши́роко, глы́боко и т. п. Между тѣмъ, какъ въ народной рѣчи Холмской Руси эти слова произносятся такъ: на Пэтра́, на дворы́—на дворі̯э̯, Василько́, зэрно́, нико́ли, ди́вчина — дi̯э̯вчина, высо́ко, широ́ко, глыбо́ко и т. п.

Кромѣ общихъ удареній мѣстныхъ говоровъ и литер. русскаго языка, въ народной рѣчи Прибужной Руси существуютъ и особыя ударенія, свойственныя вообще малорусскому нарѣчію или же только мѣстнымъ говорамъ; такія ударенія бываютъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) Въ именахъ существ. во всѣхъ падежахъ мн. числа ударенія гораздо чаще ставятся на послѣднемъ слогѣ, чѣмъ въ литер.

языкѣ, а также изрѣдка встрѣчаются случаи постановки ударе-ній на другихъ слогахъ въ сущ. ед. числа: козаки́, поляки, бабы́, коровы́, жабы́; по́душка, за́куска, дочка́, за́гадка, цыга́нъ.

б) Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ формахъ ударяется послѣдній слогъ, какъ иногда въ великорусскихъ говорахъ: новы́й, малы́й, стары́й; во всѣхъ же уменьшительныхъ прил. на енькій ударе-ніе всегда слышится на предпослѣднемъ слогѣ: чорнэ́нькій, биле́нькій, зэленэ́нькій и т. п.

в) Въ числительныхъ формахъ встрѣчаются единичные слу-чаи уклоненія отъ правильныхъ ударе-ній русскаго языка: едно́го, едно́му, шо́стая, сёмая, во́сьмая, зъ дво́ма, съ тро́ма.

г) Мѣстоименія указательныя, личныя и возвратное въ род. и вин. пад. ед. числа безъ предлога имѣютъ тѣ же ударенія, что и въ русскомъ языкѣ, а съ предлогомъ, какъ въ польскомъ: того́, мэнэ́, тэбэ́, сэбэ́, ёго́, ejîэ; у то́го, у мэ́нэ, для сэ́бэ, въ е́го, éju.

д) Въ глагольныхъ формахъ бываютъ изрѣдка отступленія въ данномъ случаѣ отъ литер. языка: хо́чу—хо́чутъ, гово́ритъ — гово́ратъ, нэ всэ́дитъ (= не усидитъ).

е) Въ нарѣчіихъ встрѣчаются единичные примѣры поста-новки другихъ ударе-ній, чѣмъ въ лит. языкѣ: вчо́ра. позавчо́ра.

Ударенія во всѣхъ мѣстныхъ говорахъ тожественны, а если и встрѣчаются разногласія вродѣ Спа́сувка и Спасу͡о́вка, то очень рѣдко. Но это можно сказать относительно живой разговорной рѣчи; что же касается народныхъ пѣсенъ, то частая непра-вильная постановка въ нихъ ударе-ній составляетъ обычное явле-ніе не только въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ, но не рѣдко и въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ. Отъ неправильныхъ ударе-ній въ произведеніяхъ подобнаго рода народнаго творчества нѣкоторые звуки измѣняются, и потому нельзя составить по од-нимъ только пѣснямъ цѣльнаго понятія о фонетикѣ того или дру-гого народнаго говора, особенно такого, въ которомъ суще-ствуютъ дифтонговыя образованія. Ударенія мѣстныхъ говоровъ рѣзко оттѣняютъ народную русскую рѣчь отъ польской, а въ им.

сущ. мн. числа еще рѣзче, чѣмъ ударенія лит. русскаго языка, гдѣ болѣе находится случаевъ ихъ совпаденія съ удареніями польскаго языка. Въ нашихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ ударенія имѣютъ еще особое значеніе въ области славянской фонетики, такъ какъ подъ ихъ вліяніемъ развились и сохранились двугласные звуки. И вообще, въ ходѣ историческаго видоизмѣненія звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ ударенія принимали главное участіе въ ихъ генетическомъ развитіи, и можно утвердительно сказать, что различное произношеніе буквы ѣ въ славянскихъ нарѣчіяхъ и говорахъ обязано своимъ происхожденіемъ ударяемымъ слогамъ въ зависимости отъ способа произношенія словъ скораго или протяжнаго.

Б. Гласные звуки[1]).

1. а) А = а. Первичный звукъ **а**, за нѣкоторыми исключеніями, указанными ниже подъ лит. **б** и **в**, сохранился во всей своей полнотѣ въ большинствѣ говоровъ Холмской Руси, какъ и въ литер. русскомъ языкѣ; вторичное же **а**, развившееся изъ малаго юса послѣ шипящихъ звуковъ, въ большей или меньшей степени подверглось измѣненіямъ во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, кромѣ Ломазскаго, какъ это будетъ видно изъ 2-го примѣчанія.

б) А=я. Въ Ломазскомъ, какъ и въ другихъ забужныхъ говорахъ, мало встрѣчается примѣровъ перехода звука **а** въ **я**; такой переходъ замѣчается только въ нѣсколькихъ словахъ не сла-

1) При сравненіи діалектическихъ звуковъ со звуками лит. русскаго языка часто приходится выражаться, что такой-то основной, первичный звукъ нашего книжнаго языка переходитъ въ такой-то вторичный звукъ народнаго говора. Термины—«основной», «первичный», «вторичный звукъ» не всегда отвѣчаютъ ходу историческаго развитія звуковыхъ явленій, такъ какъ нерѣдко тѣ или другіе звуки народныхъ говоровъ оказываются болѣе древняго происхожденія, чѣмъ замѣнившіе ихъ звуки книжнаго русскаго языка.

вянскаго происхожденія: Яртэмъ, яґрэстъ, якуратъ, ястра. Единичные случаи замѣны а звукомъ я извѣстны великорусскимъ и польскимъ говорамъ: яленькій, ялѣется (Шейнъ, Великоруссъ 2004); Iadam (Войцицкій, Piesni Ludu).

Взаимный переходъ звуковъ а и я существовалъ въ старину въ церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкѣ: азъ — язъ, агнецъ — ягня, авѣ — явѣ, агодичина — ягодичина, аице—яице, ару—яру, ама—яма, азва — язва, азно — язьно, алань — ялань (Дьяченко, Полн. церк.-сл. словарь, 1—30).

в) А=о. Замѣна а звукомъ о, встрѣчаемая въ нѣкоторыхъ собственныхъ и нарицательныхъ именахъ иноязычнаго происхожденія, наблюдается во всѣхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія: Олекса, Олександэръ, Онту͡онъ, Ондрі͡эй, оксамитъ, овтаръ. Это звуковое явленіе развилось въ нѣкоторыхъ великопольскихъ говорахъ не только въ словахъ, позаимствованныхъ изъ чужихъ языковъ, но и въ чисто славянскихъ выраженіяхъ: twordy, tom, pon, ponna, warsowionka, (Войцицкій, тамъ же I, 110).

Приведенная звуковая черта отмѣчена въ памятникахъ древне-русскаго языка: адамашка — одомашка, аже — ажь = оже — ожь, аламъ — оламъ, алебарда — олебарда, атласъ — отласъ, алтарь — олтарь (Дьяченко, тамъ же, 1 — 30). Въ Остромировомъ ев. находимъ: «сотоно», въ Свято-слав. Сбор. — сотонинъ», въ Словѣ о полку Игоревѣ — оксамиты, въ Ипатьевской лѣтописи — Олексича, въ предисловіи къ житію св. Нифонта 1219 г. — Олексию, въ договор. грам. Александра Невскаго съ нѣмцами 1262—1263 г.—Се азъ князь ѿлександръ, въ Смоленскихъ грамотахъ къ рижанамъ 1284, 1297—1298 г. — ѡлекса Черныи, ѿ олександра, въ Двинской рядной XIV в.— Оврамъ, Ондрѣѥвичь (Смирновъ, Сбор. др.-русск. памятниковъ, 21, 27, 40, 43, 75).

2. а) Я=я. Звукъ я изъ іотованнаго древняго а звучитъ во всѣхъ забужныхъ говорахъ, какъ и въ лит. русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ вторичное я и а изъ малаго юса ѧ, а также и основное а во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ въ раз-

личныхъ степеняхъ замѣняются другими гласными или двугласными звуками въ сочетаніяхъ — **жа, ча, ша, ща, ща—ца** (=**ця**), **ря, мя, ся, ля, зя, тя, пя, бя, оя.**

б) Я=эн. Въ Ломазскомъ, Докудовскомъ, Кошоловскомъ и и другихъ родственныхъ говорахъ сохранился древне-славянскій суффиксъ малаго юса въ сущ. среди рода на **мя** не только въ косвенныхъ падежахъ, какъ и въ русскомъ изыкѣ, но и въ им. ед. числа (Примѣры на стр. 3).

в) Я—а=е—э. Изъ звуковъ, замѣнившихъ **а**—**я**, является преобладающимъ мягкое **е**=**jэ**, которое весьма распространено въ народной рѣчи Люблинской губ., а также въ полѣсскихъ говорахъ Володавскаго и Бѣльскаго уѣзда, Сѣдлецкой губ. Твердое **э** на мѣстѣ **я** встрѣчается только въ Ломазскомъ и сосѣднихъ говорахъ въ словахъ—памэть, памэтати во всѣхъ ихъ формахъ. Область распространенія звука **е**, замѣнившаго **а**—**я**, очень обширна въ русскихъ и инославянскихъ говорахъ. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются холм. — подляш. говоры слѣдующихъ мѣстностей Люблинской и Сѣдлецкой губерніи: оглядаицьсе, умываицьсе, взевъ, честу, чесъ—село Руда; проижджели, петдэсетъ — дер. Гнишевъ; называвсе, гниватысе, пытаице, взевъ, мнесо—д. Волковяны; выгледаты, чесъ, седь—с. Слипче; глену, горетъ, стоетъ, сыдетъ—с. Потуринъ; чого се пышнэшъ, за мазуре—с. Шлятинъ; обычей, крычеты, глень, плющетъ, лущетъ, петница — с. Типинъ; зачела, дытетко, тыле, спречи, чесъ — Переспа, Степанковичи Подгорцы, пос. Павловъ (Холмскаго, Грубешовскаго, Бѣлгорайскаго и Томашовскаго уѣздовъ). Въ полѣсскихъ говорахъ Сѣдлецк. губерніи: петдэсетъ, двайцеть, рубле —д. Сухава; поросета, курчета — с. Любень; наставлела, взела, сажети, сажей, ключе, саганьце — д. Замолодичи, Володавскаго уѣзда (Шимановскій, Звук. и форм. особ. нар. говоровъ Холмской Руси, 18, III—XXXI).

Замѣна **а**—**я** звукомъ **е** наблюдается и въ говорахъ сосѣдней Волыни и Галичины, въ составъ которыхъ при удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князьяхъ входила и Холмская Русь:

обредъ, наражеты, крычеты, урожей, обычей, ципъетко, петныця, догуревъ, тежко — Ковель, Каменно — Коширскъ, Быстреки, Смидинъ и друг. мѣстности, Волынской губ. (Шимановскій, тамъ же 19); въ галицко-подольскихъ говорахъ: взевъ, подывысе, дивчеточка, вытеглы, утелы, чесокъ, вороного коне, (Смирновъ, Сбор. образневъ нар. русск. рѣчи, 209 — 213). Въ Заблудовскомъ смѣшанномъ малорусск. — бѣлорусск. говорѣ (Гродненск. губ.): ухитриўсе, зачиўсе, розлилась, не причеплялосе (Смирновъ, тамъ же, 222).

Приведенная черта особенно сильно розвилась въ бѣлорусскихъ говорахъ (Карскій, Обзоръ 46) и встрѣчается спорадически и въ великорусской народной рѣчи: трести 1008, огленетсе, гулеютъ 2508—Вологод. губ.; погледѣла 1670, опеть 2550 — Новгор. губ.; слуцилосе, не даваласе, не случаласе 2504, показаласе, короталасе, надіяласе 2506, не собираесе 2520 време 1643—Олонецкой; нарежу 1205, ребина 1211, трепичка 1214, гледѣла 1218 — Пермской; треси, потресется 2099 — Курской; потресетъ 2317 — Нижегородской, коледа 1035 — Московской, слушеть 2232—Владимірской, не понела 1757—Псковской губ. (Шейна, Великоруссъ, №№ пѣсенъ). Въ бѣлорусскихъ говорахъ: разкарачсе, выробиласе, женицисе, повелосе (Смирновъ тамъ-же, 194—208).

Явленіе это замѣчается и въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ: сербо-хорватскомъ—pleme. ime, и početku, knez, uzeti; болгарскомъ—дѣте, врѣме, петь, четыридесеть; чешско-словацкомъ — opet. Въ народныхъ польскихъ говорахъ нерѣдко можно слышать e вмѣсто обычнаго въ данномъ случаѣ носового ę: żena =żeła), kłaniajsie (Новый Завѣтъ на хорват. яз., Евангеліе на болгарск.; Войцицкій, тамъ же).

Судя по формѣ развращекть Добрилова евангелія, эта діалектическая особенность была уже извѣстна въ др. — русскомъ языкѣ въ XII вѣкѣ (Соболевскій, Очерки 7).

г) Е=и—ы. Въ нѣкоторыхъ холм. — подляшск. говорахъ звукъ е изъ я перешелъ въ и мягкое: поридокъ, обридокъ,

стричиты—с. Любень, Волод. у.; взивъ, узивъ, сидэ — с. Полоски, Бѣльск. у. (Сѣдлецк. губ.); отъ книзя — с. Слипче, я си забавила — Подгорцы, залыцевси, обицевси, — с. Потуринъ, нэ можэ си надывыты — с. Шлятинъ, въ копыцю си ссило — Типинъ; схувайси, выглидаи, мирить, баба си запытала — с. Переспа, Люблин. губ. (Шимановскій, тамъ-же). Единичные случаи перехода ѳ въ и встрѣчаются и въ инословянскихъ говорахъ, какъ, напримѣръ, въ чешскихъ — wziti (Войцицкій, тамъ-же чешск. и слов. пѣсни).

Въ галицко-буковинскихъ говорахъ, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ, и въ данномъ случаѣ является отвердѣвшимъ звукомъ: розвывсы, подывытсы, нэ быйтэсы, (Смирновъ, тамъ же 209 — 213); аглянитцы, бялѣицы — Псковск. губ. (Шейна, тамъ-же 679).

д) И = i͡э. Въ нѣкоторыхъ подляшск. говорахъ звукъ и изъ ѳ на мѣстѣ а — я послѣ согласныхъ — р, ж, ч, ш, щ переходитъ въ дифтонгъ i͡э: пріэсьци, жi͡эти, крычi͡эти, шi͡эпка, щi͡эсьце — с. Кошолы и Докудово; нарi͡едъ, обрi͡едъ — Жещинка; порi͡едокъ, рi͡ежоный, стричi͡еты — с. Ганна, Бѣльск. и Володавск. уѣзда:

г) И = іа. Въ Корницкомъ говорѣ (Константиновск. уѣзда), звукъ и послѣ р и шипящихъ согласныхъ переходитъ въ дифтонгъ іа, приближающійся въ данномъ случаѣ къ древнему я: поріадоньку, бріазнули, шіаснути, жіати, жіарты, шіапка (Янчукъ, Труды этн. отд. Имп. общ. любителей естествозн., антроп. и этногр. при Московск. ун., VII).

ж) Я=а. Звукъ я въ сочетаніи съ согласнымъ р въ народной рѣчи Забужья, за рѣдкими исключеніями, звучитъ твердо, какъ и въ другихъ малорусскихъ (гродненскихъ и волынскихъ) и бѣлорусскихъ говорахъ: порадокъ, цара, гора. Древній звукъ я послѣ шипящихъ звуковъ въ преобладающемъ большинствѣ говоровъ Холмской Руси (въ томъ числѣ и Ломазскомъ) отвердѣлъ въ а, какъ и въ лит.-русскомъ языкѣ: жати, часто, шапка, щасьце.

Замѣна а—я изъ ѧ звукомъ е встрѣчается въ нѣкоторыхъ древне-болгарскихъ памятникахъ XI вѣка: послѣдуѳ, безначѳльна, изѳщьнаго, тѳ, памѳть, ѣзичнаѣ (А. Соболевскій, Объ отрывкахъ изъ др. — слав. рук. XI и XII — XIII вѣка въ «Русск. Фил. Вѣст.», т. V, 376). Древніе памятники нашей письменности мало сохранили случаевъ замѣны а—я звукомъ ѳ, какъ остаткомъ малаго юса, и это очень понятно: въ періодъ написанія Добрилова евангелія (XII вѣка) и другихъ галицко-волынскихъ памятниковъ (Поученіе св. Ефрема Сирина и проч.), гдѣ эта черта отмѣчена, процессъ развитія а—я изъ малаго юса въ большинствѣ русскихъ говоровъ окончился и только оставшееся изъ древняго носового звука вспомогательное ѳ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ діалектическая особенность народной рѣчи, изъ которой изрѣдка вносилось въ рукописи переписчиками древнихъ евангелій, поученій и т. п. Эту діалектическую черту находимъ и въ XVI вѣкѣ въ памятникахъ западно-русскаго языка: тысѳщнаго (Библія руска 1517 — 1519 г., Франц. Скорины изъ Полоцка); въ дарств. записи 1585 г.: месеца, хотечи, тысеча; въ Слуцкой грамотѣ 1589 г. — памети, мѣлосе, захованисе, кнежети Александра, тысеча (Смирновъ, тамъ же (Смирновъ, тамъ-же 127—131). Туже особенность можно указать и въ полѣсской малорусской рѣчи XVIII вѣка — свѳтая, повъпѳта (Петрова, Южно-русск. лит. XVIII вѣка, преимущ. драмат.).

Приведенныя данныя даютъ основаніе для заключенія, что діалектическіе звуки—ѳ. и, i͡ə, іа на мѣстѣ нашихъ гласныхъ а—я, развившихся изъ малаго юса, сохранившагося во всей своей полнотѣ въ польскомъ нарѣчіи и въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ, какъ наприм., Солунскомъ, а также и въ русскомъ языкѣ въ им. сущ. сред. родит. на мя,—составляютъ переходныя звуковыя ступени отъ древняго малаго юса ѧ къ звукамъ нашего языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Когда совершился въ русскомъ ясыкѣ звуковый просессъ перехода юсовыхъ звуковъ въ а—я—трудно указать приблизительное время,

но во всякомъ случаѣ, въ очень отдаленное отъ насъ, такъ какъ по памятникамъ древняго церковно-славянскаго языка Кирилловско-Меѳодіевскаго періода нѣтъ основанія судить о времени существованія юсовъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, потому что эти памятники возникли на почвѣ южно-славянскихъ говоровъ, преимущественно болгарскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ сохранилась эта древняя звуковая черта; древнѣйшіе же памятники русской редакціи, какъ Остромирово евангеліе XI вѣка и друг., переписывались съ болгарскихъ или сербскихъ оригиналовъ, и соблюдалось переписчиками инославянское правописаніе и только въ видѣ поправокъ вносились ими тѣ или другія формы, свойственныя древнему русскому языку или же его мѣстнымъ говорамъ. Въ позднѣйшихъ болѣе самостоятельныхъ памятникахъ нашей письменности—лѣтописяхъ, поученіяхъ, поэтическихъ произведеніяхъ и т. п., гораздо болѣе находится матеріаловъ для исторіи русскаго языка и его нарѣчій и говоровъ; хотя въ нихъ въ большинствѣ случаевъ и соблюдены формы древняго болгарскаго, а иногда и сербскаго нарѣчія, но элементы русской рѣчи очень часто обнаруживаются изъ-подъ оболочки инославянской какъ въ отношеніи фонетики и морфологіи, такъ и въ отношеніи склада народной рѣчи, которая по своему характеру обличаетъ или южно-русское или сѣверно-русское ея происхожденіе.

3) а) Е=е (jэ). По законамъ общерусской фонетики **е** звучитъ всегда мягко въ началѣ словъ и передъ гласными и полугласными звуками. Кромѣ того, въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ, какъ въ бѣлорусской и великорусской рѣчи **е** мягкое всегда слышится передъ согласными **ґ**, к, х, л, а также и въ концѣ сущ. сред. рода послѣ н, с, в, т. ц: снэдане, волу͡осе, здорове, сьмі͡эте, яйце. Звукъ **е** передъ **ц** произносится въ данномъ случаѣ или какъ въ лит. языкѣ (сэрце), или же гораздо мягче—соньjэ, сэльцjэ. Въ нашемъ говорѣ мягкое **е** слышится въ увелич. прил. и нарѣчіи послѣ согласнаго звука **с**: билюсенька, рабусенька, ранюсенько, рыдюсенько. Относительно

произношенія **е** послѣ шипящихъ звуковъ слѣдуетъ замѣтить, что этотъ звукъ въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ бѣло-малорусск. говорахъ, произносится въ большинствѣ случаевъ или какъ и въ лит. русскомъ языкѣ или же иногда нѣсколько потверже, но не доходитъ до полнаго отвердѣнія въ **з**, какъ въ прибужныхъ полѣсскихъ говорахъ. Къ мягкому произношенію **е** приближается дифтонгъ i͡э, развившійся изъ **и** на мѣстѣ **е** и **ѣ**: вэсi͡эле, сi͡эно. Такая же степень распространенія мягкаго **е** замѣчается во всѣхъ подляшскихъ бѣло-малорусск. говорахъ, различающихъ твердое **ы** отъ первичнаго мягкаго **и**; въ другихъ же забужныхъ говорахъ, утратившихъ это различіе, во всѣхъ почти случаяхъ послѣ согласныхъ звуковъ мягкое **е** отвердѣло въ **э**, и только въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ сохранилось мягкое произношеніе этого звука передъ согласными **л**, **к** и въ тѣхъ случаяхъ, когда **е** замѣняетъ **а**—**я**, какъ это видно изъ примѣчанія 2-го подъ лит. **в**.

б) **Е**=**ё**. Звукъ ё, встрѣчающійся часто въ забужныхъ говорахъ, развился подъ удареніемъ и безъ ударенія. Ударяемое **ё**, какъ въ литер. русск. языкѣ, замѣчается въ большинствѣ случаевъ въ основахъ словъ твердаго склоненія и отчасти и въ мягкихъ флексіяхъ: осёлъ, козёлъ, котёлъ, слёзы, конёмъ, рублёмъ, огнёмъ; неударное ё чаще всего бываетъ во флексіяхъ мягкаго склоненія: пэ́рцёмъ, со́ньцёмъ, тэля́тёви, на пальцёви, синёе, трэтёе. Звукъ **е** особенно достигъ полнаго своего развитія въ мягкихъ флексіяхъ муж. и сред. рода именъ существ. и въ нѣкоторыхъ формахъ мѣстоименія муж. и средн. рода: вэсi͡элёмъ, зi͡элёмъ, ковалёви, Янулё, съ хлопцёмъ, на камэнёви, ёго, ёму, моёму, твоёму, своёму.

Это звуковое явленіе, широко развившееся во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, извѣстно и въ другихъ областяхъ русской рѣчи — бѣлорусской и велико-русской (Карскаго, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусск. рѣчи 44; Колосова, Обзоръ стр. 73—74). Приведенная черта существовала и въ древне-русскомъ языкѣ Галицко-Волынской области, какъ это видно изъ написа-

нія звука ё въ купчихъ грамотахъ 1359 и 1366 г. (напис. въ Перемышльской землѣ): што по ніой далъ, Василіовъ сынъ (Смирновъ, тамъ же 62—64). Въ Кіевскихъ памятникахъ XVI и XVII вѣка встрѣчаются формы: обычаіов' напоіов' (Шимановскаго, Очерки по ист. русск. нарѣчій 70); въ полѣсской малорусской рѣчи XVIII вѣка — іого, по іонумъ (Петрова, тамъ же 538).

в) Ё = ю. Безударный звукъ ю изъ ё, встрѣчаемый часто въ подляшск. бѣло-малорусск. рѣчи, распространенъ независимо отъ ударенія и въ другихъ забужныхъ говорахъ полѣсскаго характера.

Эта діалектическая черта была извѣстна и въ старину въ области распространенія южно-русской рѣчи, такъ, напримѣръ, читаемъ въ купчей грамотѣ 1366 г. (пис. въ Перемышльской землѣ): у Шюльжичюв; въ грам. старосты Галицкаго и Снятинскаго 1398 г. — на своюмъ селѣ, на своюи вотнинѣ, листъ будетъ чтюнъ (Смирнова, тамъ же 63, 74), Эта звуковая особенность, развившаяся на почвѣ подляшскихъ говоровъ, отмѣчена на плитѣ князя Ивана Семеновича Сапѣги 1520 г. въ Коденской Свято-Духовской церкви (Сѣдл. губ.) — Литовскихъ князюв (Батюшкова, Холмская Русь, 89). То же находимъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ малорусскаго нарѣчія съ полѣсскими особенностями: орюмъ, сѣюмъ, принюсъ, щедрювокъ, пятюнку, вечюрки (Петрова, Южно-русск. лит. XVIII вѣка въ «Русск. Вѣст.» за 1980 г. т. 148, 159, 160).

г) Ю = ю͡о. Въ Сѣдлецкихъ бѣло-малорусск. говорахъ ударяемый звукъ ю изъ ё переходитъ въ дифтонгъ ю͡о: купцю͡овъ, кавалю͡овъ, огню͡овъ, рублю͡овъ, здалю͡окъ — Ломазы, Россошъ, Кошолы, Докудовъ, Бѣльск. уѣзда; ю͡ой, ню͡осъ, завю͡олъ — Корница, Хотычи, Констант. уѣзда.

д) Е = и — ы. Замѣна е мягкимъ или отвердѣвшимъ звукомъ и замѣчается въ различныхъ степеняхъ въ малорусской рѣчи во всѣхъ областяхъ ея распространенія. Во всѣхъ малор. говорахъ находится цѣлая группа одинаковыхъ словъ, въ которыхъ на-

блюдается это звуковое явленіе: видро, писокъ, христити, мидъ, трыснути, зиле, корине, вэсиле и т. п. Кромѣ общихъ случаевъ перехода **е** въ **и**—**ы**, многіе изъ мѣстныхъ говоровъ еще имѣютъ въ этомъ отношеніи и свои особенности, которыя по своему характеру бываютъ различны: Сѣдлецкіе бѣло-малорусскіе знаютъ только общіе случаи мѣны е на и или i͡э, какъ это видно изъ образцовъ Ломазской рѣчи; между тѣмъ какъ нѣкоторые холмско-подляшскіе говоры представляютъ въ данномъ случаѣ много примѣровъ этой звуковой особенности. Замѣна **е** звукомъ **и**—ы особенно часто встрѣчается въ слѣдующихъ говорахъ Люблинск. и Сѣдл. губ.: jиго, jиму, ны будышь, гниваицс, пытаицс — с. Волковяны; оглядаитьсе, обыймаитьсе, маишь, jиго, jиму, ны jисть, ны пье, зылёна, чырышнёва — Руда; зили, камини, учини, тыби, тырпиты, чырывыки — Телятинъ, Сагрынь, Дубенка, Потуринъ; выглядаи, слухаи, кажы, ни згины, завшы, ни можы, вэчыръ — Переспа; въ сырэду, мини, тыпэръ, стылыла, нырано, вылыкій — с. Тыпинъ; ны давъ. тыле — Степанковичи; чырвоный, трывожыты, хрыстыты, ны лынывый ны плачь, хрыстъ — Ганна, Полоски, пос. Вишничи (Шимановскій, тамъ же).

Приведенная черта извѣстна бѣлорусскимъ и великорусскимъ говорамъ: лаиць, маліць, думаишь, вечиромъ, чирвоный, бирагчи, чуиць; сугласинъ, оттолива, миццьнёмъ, нисци, ищо — Нижегор. губ.; тибе, чирязъ, пирясталъ — Курск. губ.; сибя, станитъ, по-прежниму, жирибецъ, плачитъ — Тамб. губ.; скажитъ, пашитъ, прикинится, будитъ, кусочикъ, восимдисятъ, у миня, въ силѣ, тривога, привиди — Казанск. губ.; братицъ, дзиревня, попилъ, станимъ — Тверск. губ. (Смирновъ, тамъ же 145—202); тибѣ, сибя, миня, нильзя 1670 — Новгородск. губ.; дочичка, своиго 1880 въ новинкяй, молодинькая 1881, зиляну мяту 1885 — Тульск. губ.; мине 993 — Рязанск. губ., ни аглянитцы, бялѣиццы 679 — Псковск. губ.; гленитсе 2508 — Вологодск., тибѣ 2519 — Олонецк. губерніи (Шейнъ, тамъ же №№ пѣсенъ).

Историческія указанія на развитіе этого звука въ народной рѣчи находимъ въ древнихъ памятникахъ южно-русской письменности: надъ учителимъ, сторицию, ещи, суитьнаго, суитѣ (Крыжановскій, Рукоп. еванг. кіевскихъ книгохр. 68, 102, 122; Соболевскій, Очерки 84 — 85), въ купчихъ грамотахъ 1459—1466 г. (пис. въ Перемышльской землѣ): шистдесятъ, шистьцятого; въ судной грамотѣ старосты русской земли (Галиціи) 1393 г. — шисть кобилъ; въ заемной грамотѣ 1421 г. (пис. во Львовѣ)—потрибно (Смирновъ, тамъ же 62, 63, 72, 86).

е) И = i͡э. Въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусск. говорахъ сравнительно мало находится случаевъ замѣны **е** однимъ только звукомъ **и**, но большею частію этотъ послѣдній звукъ произносится съ помощью придаточнаго **э**, которое не вполнѣ ясно слышится въ живой рѣчи. Дифтонгъ этотъ, образовавшійся подъ удареніемъ изъ **и** на мѣстѣ первичнаго **е** или древняго **ѣ**, встрѣчается во многихъ словахъ Ломазскаго, Кошоловскаго, Докудовскаго и другихъ родственныхъ говоровъ какъ въ основахъ, такъ и во флексіяхъ им. существительныхъ (Примѣры на стр. 2). При образованіи этого двугласнаго созвучія наблюдается слѣдующее явленіе: во всѣхъ словахъ i͡э развилось въ закрытыхъ слогахъ и только въ сущ. сред. рода на **е**, за исключеніемъ пі͡эрье, этотъ дифтонгъ является открытымъ во всѣхъ ихъ падежахъ: пі͡эчь — пэчи, мі͡эдъ — мэду, солові͡эй — соловья, ші͡эсьць — шесьци, сі͡эльській при сэло — сі͡эльскского; зі͡эле — зі͡эля — зі͡элёмъ, вэсі͡эле — вэсі͡эля — на вэсі͡эли, кам і͡эне — кам і͡эня — кам і͡энёмъ. Въ данномъ случаѣ такое уклоненіе отъ общаго закона фонетики объясняется историческимъ ходомъ развитія звуковыхъ явленій. Дифтонгъ этотъ могъ образоваться первоначально въ закрытыхъ слогахъ, когда въ основахъ подобныхъ формъ существовалъ полугласный **ъ**; съ утратой же этого звука двугласный i͡э легко перешелъ изъ закрытаго слога въ открытый по аналогіи съ открытыми дифтонгами изъ **ѣ**: сі͡эно, кол і͡эно, р і͡эки и т. п. Историческимъ памятникомъ существовав-

шаго въ приведенныхъ формахъ полугласнаго ѣ служитъ слово пі͡эрье во всѣхъ его падежахъ, гдѣ сохранилась эта звуковая особенность, такъ широко развившаяся въ великорусскихъ говорахъ изъ древняго звука и: зеліе—зелье, веселіе—веселье, кореніе — коренье и т. п.

Замѣна е звуками и, ы, і͡э, наблюдаемая въ различныхъ степеняхъ въ холмско-подляшскихъ, галицко-подольскихъ и украинскихъ говорахъ, составляетъ общую черту малорусскаго нарѣчія и по своему происхожденію не рѣдко восходитъ къ древнему ѣ, вышедшему у насъ въ данномъ случаѣ изъ употребленія иногда даже безъ всякаго этимологическаго основанія, а только въ силу укоренившагося обычая: пѣсокъ, трѣзвъ, тѣмя, трѣснути, олѣй при елей, зѣліе, плѣва, вѣдро = ломаз. — писо́къ, трі͡эзвый при твэрозый, ті͡эмэне, трі͡эснути, олі͡эй, зі͡эле, пліэвка, видро́ — ві͡эдра мн. ч. и. п. (Грота, Русское правописаніе; Дьяченко, Полный церк.-слав. словарь).

ж) Е = э. Отвердѣвшее е во множествѣ словъ не развилось въ бѣло-малорусской рѣчи до такой степени, какъ въ другихъ холмско-подляшскихъ говорахъ, не знающихъ первичнаго мягкаго и. Эта звуковая черта, присущая во всѣхъ мѣстахъ малорусскому нарѣчію, въ данномъ случаѣ придаетъ такой же характеръ Ломазскому и другимъ подобнымъ говорамъ. Среди разнообразныхъ прибужныхъ говоровъ особенно отличаются твердымъ произношеніемъ звуковъ такъ называемые полѣсскіе говоры, существующіе въ Володавскомъ и отчасти и Бѣльскомъ уѣздѣ, Сѣдлецк. губ., а также во многихъ мѣстностяхъ Люблинской губ. Рѣчь полѣховъ совершенно отвердѣла, такъ какъ въ ней не только первичные е и и замѣнены твердыми э—ы, но и вторичное и на мѣстѣ е и ѣ произносится твердо: лэжыть, быжыть, робылы, ходылы, сыно, выра, колыно, пышэ, шыло, выдро, пысокъ, лынывый, тыле и т. п. Въ полѣской рѣчи мягкое е=jэ только появляется на мѣстѣ а—я, развившихся изъ малаго юса, или же изъ основного а въ случаяхъ, указанныхъ выше въ примѣчаніи 2 подъ лит. в. Вообще черезчуръ твердое произноше-

ніе мягкихъ звуковъ — главная отличительная черта полѣсскихъ говоровъ отъ украинскихъ, въ которыхъ сравнительно больше находится мягкихъ звуковъ, или не до такой степени отвердѣвшихъ, чѣмъ въ первыхъ. И въ этомъ отношеніи полѣсскіе говоры, еще рѣзче отличаются отъ бѣло-малорусскихъ, чѣмъ отъ украинскихъ, не различающихъ отвердѣвшаго **и** отъ **ы**.

Въ пинскихъ говорахъ **е** въ большинствѣ случаевъ перешло въ **э**, которое является въ народной рѣчи или преобладающимъ, какъ въ забужныхъ полѣсскихъ говорахъ, или же иногда чередуется съ мягкимъ **е**, какъ въ нѣкоторыхъ подляшскихъ, приближающихся къ бѣлорусской рѣчи (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ).

Полагаютъ, что въ древне-славянскомъ языкѣ, какъ и въ малорусскомъ нарѣчіи, произношеніе **є** приближалось съ современному русскому э. (А. И. Соболевскаго, Фонетика церк.-слав. яз., стр. 25 — 26). Надо думать, что твердое произношеніе церковно-славянской буквы **є** существовало съ древнихъ временъ въ областяхъ распространенія малорусскаго и сербо-хорватскаго нарѣчій, въ которыхъ и понынѣ находится эта звуковая особенность. Въ Холмской Руси до 1875 года при чтеніи церковнославянскихъ книгъ всегда **є** произносили твердо, какъ э; точно также произносятъ эту букву въ данномъ случаѣ и теперь въ Галичинѣ и Буковинѣ. Такой же способъ произношенія церковнославянскаго **є** былъ раньше и въ южной Руси — на Волыни, въ Подоліи и другихъ юго-западныхъ областяхъ. Какъ видно изъ постановки **ѥ** и **ѣ** вмѣсто е въ памятникахъ XI — XIII вв. (нѥмь, цѣрковь, на бѣрѣзѣ, нѣмци-немци и т. п.), звукъ **е** передъ согласными произносился мягко съ древнѣйшихъ временъ въ областяхъ великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчія.

з) Е=о. Переходъ **е** въ **о**, изрѣдка встрѣчаемый въ корняхъ словъ малорусскихъ и отчасти и бѣлорусскихъ говоровъ (чоловикъ, тоби, соби, оролъ, лобода, попэлъ), часто видимъ въ суффиксахъ и флексіяхъ русскихъ нарѣчій вообще и малорусскаго въ особенности. Въ праславянскій періодъ въ русскомъ, серб-

скомъ и болгарскомъ яз. совершился переходъ древняго ѥ въ о въ личномъ мѣст. и = онъ, слившимся съ именными прилагательными, числит., причаст. и мѣстоименіями, при образованіи членныхъ формъ этихъ частей рѣчи: добръ—и=добры—добрый; добръ—его = русск. доброго — добраго, серб.-хорв. доброга—dobroga, чеш. и верх.-луж. dobrého, польск. и нижн. лужиц. dobrego, словинск: dobrega; добръ—ему=русск. и друг. доброму, польск. и др. dobremu; о добръ—емъ=русск. и др. о добромъ, чеш. и др. o dobrém. Замѣна е звукомъ о въ членныхъ формахъ род. пад. ед. ч. муж. и ср. р. свойственна малорусскому нарѣчію, а также и сѣв.-великорусскому, а съ ударяемымъ о и южно-великорусск. и бѣлорусск. акающимъ нарѣчіямъ. Малорусскіе говоры не знаютъ бѣглаго е—э въ суффиксахъ на ек и во флексіяхъ тв. пад. на емъ послѣ р и шипящихъ эвуковъ, а только переходное о: кусочокъ, пташóкъ р. м.; товкачомъ, косаромъ. Кромѣ того, въ холм.—подляшск. и другихъ малорусск. и бѣлорусск. говорахъ встрѣчается замѣна е звукомъ о послѣ р и шипящихъ звуковъ въ нѣкоторыхъ формахъ глаголовъ и мѣстоименій: трохъ—тромъ, штырохъ—штырома, шостый, пошовъ, нашовъ, нашого, вашого.

Приведенная черта отмѣчена въ памятникахъ древне-русскаго языка: въ Святославомъ Изборникѣ 1073 г.: собѣ; въ лѣтописи Нестора — Ѳлена, собѣ; въ надписи на антиминсѣ 1149 г., новгородьского, ростовъскъго; въ повгородской грамотѣ 1189—1199 г.: старого (Соболевскій, тамъ же въ «Руссск. Фил. Вѣст.» за 1881 г., стр. 229); на крестѣ св. Ефросиніи 1164 г.—Ѳфросинья, въ договорной грам. Смоленскаго князя съ Ригою 1229 г.—Гочкого бѣрѣга; въ договор. грам. литовско-русскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ и мазовецкими князьями 1349 г.—нисожьженого; въ Рязанской грам. 1356 г.—кпископа Рязаньского и Муромского; въ грамотѣ вел. кн. Литовскаго Витовта 1383 г.—лѣта тисячного трисотного осмьдесятого третего; въ грамотѣ Рижанъ къ Витебскому князю 1300 г.—тобе, прошодъ, пошолъ; въ Новгородской грамотѣ

1325—1326 г. — тобѣ, въ записи Острожской (на Волыни) 1464 г.—на святого Остаѳья; въ жалованной грам. Слуцкой кн. Анны 1492 г.— зъ нашою печатью; въ купчей Волоцкой прежде 1494 г.—по Овдотьину землю, Ржевского; въ грам. Кіевскаго митрополита Іосифа 1509 г. — по нашому благословенію, зъ нашою печатью; въ Виленской грам. 1512 г. — лѣпшому, двадцатого (Смирновъ, тамъ же 16—106). Эту діалектическую особенность находимъ и въ памятникахъ Холмской Руси XIV—XV вѣка—вкладной грамотѣ кн. Юрія Холмскаго 1376 г. — сн̃ъ Даніліа Холмского (Смирномъ, тамъ же 66); въ актахъ писаныхъ по-латыни: Horzyszow, Ostapko (Шимановскій тамъ же); на плитѣ князя Ивана Семеновича Сапѣги 1520 г. въ св. Духовской церкви въ пос. Коднѣ: Троцкого, Белженского и Подолского (Батюшковъ, Холмская Русь).

и) Е=а—я. Въ холмско—подляшскихъ говорахъ и въ томъ числѣ и Ломазскомъ мало встрѣчается случаевъ перехода э въ а и е въ я (Примѣры на стр. 1), между тѣмъ какъ въ бѣлорусскихъ и южно-великорусскихъ эта звуковая черта часто наблюдается въ безударныхъ слогахъ: вярнися, ня верницца, яё, за мяне, у цябе, цяперъ, бярець, сяродъ, поляцѣла, на пячи, жана, сябромъ, нямного, ляжиць (Смирновъ, тамъ же 194—208); тябе, мядвѣдь 970, кіявскій, княгиняю 1188, зяленый, посярёдъ, напяредъ, повяду 1189, ляцѣла, яго, сястра, жана 1190, часать 1838, полячу 1653, вясну 1176, ляжить 1193, любязная, будя 1880, горямыка 1881, Аляксѣй 1882, пярина, лятала 1883, Ягоровъ 1885 (Шейнъ, тамъ же).

Изъ инославянскихъ нарѣчій можно указать переходы е въ а въ сербо-хорватскомъ и болѣе частые въ польскомъ: мач, дан, змай, један; czarny, twardy, martwy, zmarzła, umarła, żarła, tarła[1]).

Какъ видно изъ рукописи болгарскаго письма XIV вѣка, эта черта была извѣстна нѣкоторымъ народнымъ говорамъ южныхъ

1) Въ этихъ примѣрахъ сербо-хорватск. и польск. является не переходъ полугласнаго или глухого ъ—ь въ а.

славянъ: бѫдѣтѧ, вьшѧдшоу, пришѧдь, напашшѧ (Викт. Макушевъ, О нѣкот. рукоп. народ. библ. въ Бѣлградѣ въ «Руск. Фил. Вѣст.» за 1881 г., стр. 305[1])). На почвѣ народныхъ говоровъ Забужной Руси разсматриваемое звуковое явленіе развилось въ старину и отмѣчено въ Холмскихъ актахъ съ 1473—1476 г., изд. Вил. Археогр. Ком.: Harassim, Harassimus, Harasym (Шимановскій, тамъ же).

4. а) О = о. Основное о и переходное о изъ древняго бѣглаго є и ѥ во многихъ русскихъ и инославянскихъ говорахъ въ большей или меньшей степени подверглись звуковымъ измѣненіямъ. Чистый звукъ о въ холм.—подляшск. говорахъ сохранился въ различныхъ степеняхъ: въ бѣло-малорусск. и въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ, приближающихся къ украинской рѣчи, этотъ звукъ значительно преобладаетъ надъ звуками, замѣнившими его. Въ этихъ говорахъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, чистое о всегда бываетъ въ открытыхъ слогахъ и нерѣдко встрѣчается и въ закрытыхъ: колосъ, полозъ, кровъ, горохъ, мохъ, и т. д. Въ другихъ же прибужныхъ говорахъ полѣсскаго характера вторичные звуки, замѣнившіе о, являются иногда преобладающими, такъ что въ народной рѣчи нѣкоторыхъ мѣстностей мало слышится звукъ о; таковы, напримѣръ, говоры пос. Тарногрода и дер. Волковянъ, Люблинской губ.: Гуспударъ казавъ, жибэ гуспудэня пумугла загнаты курову ду хлива́=Ломаз.—Господаръ казавъ, жебъ господыня помогла загнати корову до хлива́.

б) О=е—э. Замѣна о звукомъ е—э въ народной рѣчи Забужья нерѣдкое явленіе. И въ этомъ отношеніи мѣстные говоры представляютъ общіе и частные случаи этой звуковой особенности малорусскаго нарѣчія. Общую черту въ данномъ случаѣ составляютъ малорусскія формы нечленныхъ прилаг. — жовтэ, чорнэ, билэ, добрэ, солодке. Подобныя формы встрѣчаются во большинствѣ говоровъ и во флексіяхъ числ., мѣстоим. и причастій: друге, шостэ, сёмэ, чэтвэртэ, такэ, которэ, скошонэ, забитэ.

1) Здѣсь переходъ носоваго ѧ—въ *е* и только въ письмѣ обратно, по становившемуся тожеству ѧ и е. Ред.

Кромѣ того, забужные говоры имѣютъ и свои діалектическія особенности, не встрѣчаемыя въ украинской рѣчи: елень, езёро, едёнъ, една́ (при одёнъ, одпа одипаньцять), жовтэи, свэи, тэи — Ломазы; сырэи земли, мылэй пары — Холмск.; русэи, добрэи, сывэи, чужэи—Павлово; малэю — Полоски, добрэю — Корница, якэю, чэрвонэю, казацкэю, заслужнэю—Орховокъ. Формы едёнъ, една распространены въ народной рѣчи во многихъ мѣстахъ Холмской Руси (Шимановскій, тамъ же). Эту форму числительнаго встрѣчаемъ и въ другихъ малор. говорахъ: еднымъ воломъ, еднэ лычко-Лемковскій гов. въ Угорской Руси (Смирновъ, тамъ же, 209). Разсматриваемая черта особенно развилась въ основахъ словъ нѣкоторыхъ пинскихъ говоровъ: пэпъ, вэнъ, Бэгъ, бэльшъ, вэйско, бэкъ, твэй, свэй (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же).

Мѣна о на е—э во флексіяхъ прил., числ., мѣст. и прич., спорадически развившаяся въ разныхъ степеняхъ во всѣхъ забужныхъ и другихъ малорусскихъ говорахъ, составляетъ обычное звуковое явленіе въ польскомъ и чешскомъ яз. И эти формы по своему происхожденію, очевидно, восходятъ къ древнѣйшему прославянскому періоду; что же касается пинскихъ формъ, то онѣ позднѣйшаго образованія, такъ какъ, повидимому, развились изъ вторичныхъ (украинскихъ) формъ: попъ — пипъ = пэпъ; больше — бильшъ = бэльшъ; твой — твій = твэй.

Взаимный переходъ звуковъ о и е существовалъ и въ древнерусскомъ языкѣ: езеро — озеро, елень — олень, ежъ — ожъ, ощо — еще, одъва — едва, оже — еже, октенія — ектенія, олей — елей и т. д. (А. Соболевскій. Лекц. по ист. русск. яз., 2, стр. 33—34).

в) О = а. Переходъ звука о въ а, широко развившійся въ бѣлорусскомъ и южно-великорусскомъ нарѣчіяхъ въ безударныхъ слогахъ, въ Ломазскомъ и другихъ прибужныхъ говорахъ имѣетъ характеръ спорадическаго явленія, и ограничивается только единичными случаями: манастырь, манахъ, Волóдава, нагавúци, гарашковáтый, гáрдый, гáрдити, зламáти, салдатъ, зазýля.

Замѣна о звукомъ а извѣстна польскому и чешскому языкамъ въ основахъ нѣкоторыхъ словъ — hardy, złamać,

gárdło[1]), hlawa, krava. Это явленіе развилось во флексіяхъ род. пад. членныхъ прилаг. и мѣстоим. сербо-хорватскаго и словинскаго яз.: mojega, staroga, novoga, слов. starega, novega.

Повидимому, уже съ древнѣйшихъ временъ была склоніость въ русскомъ языкѣ къ переходу звука **о** въ **а**, какъ объ этомъ можно судить по формѣ **манастырь**, часто повторяемой въ памятникахъ нашей письменности, какъ, наприм., въ сборникѣ 1076 г.: манастыр**ѧ**, въ Юрьевскомъ ев. 1120 — 1128 г. — въ манастырь, на крестѣ св. Евфросиніи 1161 г. — **ѿ** манастыря. (Смирновъ, тамъ же 7 — 14). Замѣна **о** звукомъ **а** въ окончаніяхъ род. — вин. п. прил. и мѣст. отмѣчена въ древнихъ памятникахъ не только въ областяхъ распространенія великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, но и малорусскаго,. Окончанія **ого** и **аго** въ древне-русскомъ языкѣ чередуются съ преобладаніемъ то первой, то второй формы и обѣ эти формы встрѣчаются въ приведенныхъ мною памятникахъ въ примѣчаніи 3 подъ лит. з. Полагаютъ (проф. Соболевскій и др.), что формы род. пад. прил. и мѣст. на **ого** развились въ др. — русск. яз. органически, а формы на **аго** образовались подъ вліяніемъ формъ церковно-славянскихъ.

г) О = и — ы. Переходъ открытаго **о** въ звуки **и** — **ы** въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ ограничивается нѣсколькими случаями; яблыня, яблыко, кривавый, чорнобривый, дрыжати при дрощъ = дрожь); закрытое же **и**, которое только встрѣчается въ бѣло-малорусской рѣчи въ словѣ килька (= нѣсколько), распространено во многихъ забужныхъ говорахъ, но только этотъ звукъ въ данномъ случаѣ не достигъ въ нихъ такого полнаго развитія, какъ въ украинской рѣчи. Въ однихъ говорахъ закрытое **о** замѣняется мягкимъ и = і, въ другихъ — твердымъ **ы**: вилъ, килъ, ничь, мужыкивъ, боридъ, вивтаръ, вильха, винъ — Подгорцы, Гоздовъ, Волковяны, Тератинъ, Скордіевъ, Ганна; узлывъ, волывъ, братывъ, вынъ — Монятычи, Заболотье, Деполтычи, Замхъ, Горный — Потокъ,

1) hardy и gárdło отвѣчаютъ древн.-слав. гръд- и гръло. Ред.

Люб. и Сѣдл. губ. Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ говорахъ мягкій звукъ **и**, замѣнившій **о**, чередуется съ твердымъ **ы**, или же послѣдній звукъ произносится мягче, какъ украинское **и**, смотря потому, какіе согласные предшествуютъ этимъ гласнымъ звукамъ (Шимановскій, тамъ же 23—24).

Эта звуковая особенность, свойственная преобладающему числу говоровъ малорусскаго нарѣчія, отмѣчена въ малорусской пѣснѣ по списку конца XVI в. (Трансскрипція Потебни): В. Турецкий мі роті, В Волоский мі роті, В Штефановий роті (Смирновъ, тамъ же 132).

д) О=у. Звукъ **у**, замѣнившій **о**, находится въ различныхъ степеняхъ развитія во всѣхъ почти холмско-подляшскихъ говорахъ и только нѣкоторые изъ нихъ, приближающіеся къ украинской рѣчи, не знаютъ этой мѣны, кромѣ украинскаго звука **и**=**і** или полѣсскаго **ы**; но такихъ забужныхъ говоровъ, очевидно, очень мало, такъ какъ по многочисленнымъ примѣрамъ и 16 образцамъ народной рѣчи Холмской Руси, приведеннымъ въ книгѣ Шимановскаго, одинъ только говоръ дер. Скордіева, Холм. у., оказывается вполнѣ свободнымъ отъ полѣсскаго звука **у**—**ю** на мѣстѣ **о**—**е**: лыжко, пидъ, пишовъ, тылько, на тый, жинка, снопывъ, мій. Но еслибъ прислушаться внимательно къ народной живой рѣчи подобныхъ мѣстностей, какъ Скордіево, то, по всей вѣроятности, и въ такихъ холмскихъ говорахъ можно бы подмѣтить единичные случаи замѣны **о**—**е** звуками **у**—**ю**, такъ какъ даже и украинскіе говоры не совсѣмъ чужды этой звуковой особенности въ безударныхъ открытыхъ слогахъ: напувала, годувала, частуваты, танцюваты, роскрайюваты, цилуватыся, милуватыся, буяре (Свад. пѣсни у малорос. и великорус. м. Дмитровка, Александр. у. (Херс. губ.). Собралъ свящ. Гавріилъ Сорокинъ. Изд. ред. журн. «Кіевская Старина» 1891 г., стр. 16—23).

Въ большинствѣ народныхъ говоровъ Люблинской губ., а также и въ Сѣдлецкихъ полѣсскихъ ударяемые и безударные звуки **о** и **е** въ закрытыхъ слогахъ переходятъ въ мягкое **и** или твердое **ы**, а въ безударныхъ открытыхъ слогахъ — **о** въ **у**, а

е въ **ю**; въ другихъ же холмско-подляшскихъ говорахъ ударяемые и безударные **о** и **ё** въ слогахъ закрытыхъ и открытыхъ переходятъ—первый звукъ въ **у**, а второй въ **ю**. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ наряду съ переходомъ о—е въ ударяемыхъ закрытыхъ слогахъ въ и—ы встрѣчается изрѣдка замѣна этихъ звуковъ въ безударныхъ слогахъ черезъ **у**, какъ это будетъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ ниже.

Вообще, **у** и **ю**, въ отдѣльности и въ дифтонгахъ, являются въ данномъ случаѣ господствующими звуками въ народной рѣчи Холмской Руси, и составляютъ главную отличительную ея черту отъ украинскихъ говоровъ, въ которыхъ соотвѣтственнымъ звукомъ всегда бываетъ мягкое **и** въ слогахъ закрытыхъ и безударное **о** и **е** въ открытыхъ; въ частности же въ говорахъ Люблинской губ. преобладающимъ звуками, замѣнившими **о—е**, являются въ закрытыхъ слогахъ **и—ы** и въ открытыхъ **у**, а въ подляшскихъ Сѣдлецкой губ. въ закрытыхъ слогахъ **у—ю**, а въ открытыхъ — **о — е**.

Въ Ломазской, Кошоловской, Докудовской народной рѣчи сравнительно съ другими забужными говорами мало встрѣчается случаевъ перехода **о** въ **у** и **ё** въ **ю** въ слогахъ открытыхъ, между тѣмъ какъ во многихъ холмско-подляшскихъ говорахъ эта звуковая особенность сильно развилась въ данномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи особенно характерны нѣкоторые говоры Люблинской губ., въ которыхъ находимъ массовой переходъ безударнаго о въ у въ открытыхъ слогахъ, какъ и въ болгарскихъ восточныхъ говорахъ: винъ, нысъ, занисъ, хвистъ, стылъ, въ нашумъ, парубокъ, чулувикъ, мулотыть, гуспударъ, пушовъ, бисувуму, прудай, пугнавъ, лубуда, туби, суби, куму — дер. Волковяны; витэцъ, мій, съ фирманомъ, винъ, пыдъ, згудывся въ гуспудара, ду, змурывся, бу, вуна, купаты, кулина, пурусята, кузакъ, куровы, мускаль, цилувалы, закупалы—пос. Тарногродъ, Бѣлгорайскаго уѣзда.; винъ, мій, твій, жинка, на тымъ, гувубивъ (л=в), мувуду, въ нувую, на быструй вуди, на куни,

пу-пудъ, дурожка, пузади, утэць, муя, твуя, ду пувку, муи братя мувутять — с. Руда, Холм. у.; прынисъ, по-пидъ гаемъ, стуливъ, вугнивъ, кумужъ, туби, суби, купупэль, пусіяты, полоть сулуныны, куму, бородъ, яблуку, сукера, хурошый с. Потуринъ, Томаш. у.; пукирное тыле, дурогою мулука попрушу, нэ круши, бу, ду пурога, куровы — с. Степанковичи, Грубешов. у.; бородъ, буриздъ, куровъ, дурогъ, пумагавъ, дугаравъ, дуждавъ, Дуруѳей, вуламы, купями — с. Замхъ, Бѣлгор. у.; вилъ-вула, килъ-кула, буридъ, куровъ — с. Телятинъ, Томашов. у. Частую мѣну о—е на у—ю наблюдаемъ въ открытыхъ, а иногда и въ закрытыхъ слогахъ и въ полѣсскихъ говорахъ Сѣдлецкой губ.: вилъ—вуола, мужикивъ, узлывъ, буридъ кулокъ—кулка, пудо мною, людюмъ, конюмъ — с. Заболотье, Бѣльск. у.; вилъ—вула, килъ—кула, буридъ, дуригъ, Мыкулаювськый—с. Ганна, того же уѣзда. (Тамъ же).

Звуки и—ы и у—ю, замѣняющіе основные о—е, занимаютъ въ забужныхъ говорахъ различное положеніе: въ однихъ говорахъ эти діалектическіе звуки больше развились, въ другихъ меньше; въ однихъ говорахъ преобладаютъ звуки и—ы, въ другихъ — у —ю, въ третьихъ тѣ и другіе звуки чередуются почти равномѣрно.

Закрытое у—ю на мѣстѣ о—е, изрѣдка встрѣчаемое рядомъ съ и—ы въ холмскихъ говорахъ выше приведеннаго типа, широко развилось въ преобладающемъ числѣ Сѣдлецкихъ говоровъ или въ видѣ отдѣльныхъ звуковъ или въ большинствѣ случаевъ въ дифтонговыхъ слогахъ. Эта звуковая черта въ закрытыхъ слогахъ извѣстна и нѣкоторымъ Люблинскимъ говорамъ: вулъ, до конькувъ, въ тумъ—Бѣлгорай; руднэнькая, пузнаютъ, по зэлёнумъ, на зэлёнуй, по новэнькуй, на русуй косоньцы, ключувъ, сэструнька—пос. Павлово, Холм. у. (Тамъ же).

Звукъ у на мѣстѣ о, развившійся въ разныхъ степеняхъ въ народной рѣчи Забужной Руси, имѣетъ обширную область распространенія въ русскихъ и инославянскихъ говорахъ. Эта звуковая особенность встрѣчается спорадически во всѣхъ почти ма-

лорусскихъ, бѣлорусскихъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ; но особенно сильно развилась въ полѣсскомъ малорусск. нарѣчіи: Бугъ, муй, кунь, друбные, тулько, на новумъ, пры тыхуй (Довнаръ-Запольскій, Пѣсни пинчуковъ). Такая же степень развитія діалектическаго звука у наблюдается въ открытыхъ слогахъ и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ: гуораць, свуёй, гулува, пурусла, чулувича, здурова (Живая Старина 1892, III, 19). Эта звуковая черта находится и въ закрытыхъ слогахъ бѣлорусской рѣчи: откуль, покуль. Замѣна о звукомъ у въ единичныхъ случаяхъ не чужда и нѣкоторымъ сѣверно-великорусск. и малорусск. говорамъ украинскаго характера: хушь—Нижегор., сумоварцикъ сугласинъ, убманитъ—Владимир.; збуйничкови—Угорская Русь, керуваты (польск. kierować=направлять, править)—Станислав. въ Галиціи; на кордуни—Коломыйскій въ Гал., въ кайданы вкувалы—Буковин., попарувалы, напуваты (напоить)=Кіев. губ. (Смирновъ, тамъ же).

Ударяемое и безударное у и ю въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и въ открытыхъ часто встрѣчаются въ польскомъ и нерѣдко и въ чешскомъ яз. на мѣстѣ общеславянскаго о и ѳ=э: польск. mój, twój, Bóg, wrogów, polaków, kazaków, córka, córusia, skóreczki, nóżeczki, módlsię, mówić, mróz anioł stróż; чеш.—Bůh, ruža, můžeš, kuń, vůl, kůl. Въ нѣкоторыхъ польскихъ народныхъ говорахъ эта звуковая особенность болѣе развилась, чѣмъ въ лит. языкѣ, но не въ такой степени, какъ въ народной рѣчи Холмской Руси. Замѣна въ польскомъ языкѣ закрытаго о звукомъ ó=у не всегда совпадаетъ съ такой же замѣной въ прибужныхъ русскихъ говорахъ—бываетъ много случаевъ, когда въ польскихъ словахъ эта особенность встрѣчается, а въ соотвѣтственныхъ русскихъ ея вовсе нѣтъ и наоборотъ. Но главное отличіе въ данномъ случаѣ польскихъ говоровъ отъ мѣстныхъ русскихъ заключается въ томъ, что въ первыхъ разсматриваемая звуковая черта развилась въ сокращенныхъ формахъ сущ. и глаг., а въ послѣднихъ въ соотвѣтственныхъ полногласныхъ формахъ, свойственныхъ вообще русскому языку,

въ большинствѣ говоровъ отсутствуетъ: mróz—морозъ, stróż—сторожъ, głód—голодъ, król—король, młót—молотъ, broń—бороии, młóć—молоти, módlsię—молися. Изъ другихъ славянскихъ языковъ особенно сильно развился переходъ открытаго безударнаго о въ у въ болгарскихъ восточныхъ говорахъ, а отчасти и въ словинскихъ: Бугдане, óколу, гулѣмъ, муре, рáбута и т. п.; ynu gospudy, czestu (Флоринскій, Лекціи по слав. языкознанію I, 84—82, 416). Единичные случаи мѣны о на у попадаются даже и въ серб.-хорват. яз. — sunce.

е) У=ю. Звукъ ю, развившійся изъ у па мѣстѣ древняго о, имѣетъ характеръ спорадическаго явленія въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ и ограничивается только единичными случаями: двюръ, сбюръ, мюй—пос. Павлово; трапывъ говубку ю (=й у) правый крылець, ю викъ ны забуду, якъ камэню ю води, юдъ=й удъ—одъ, юбмувонька—й убмувонька—Руда. Звукъ ю въ предлогахъ у, удъ, убъ (объ) обязанъ своимъ происхожденіемъ союзу и=й, слившемуся съ у въ приведенныхъ формахъ (Шимановскій, тамъ же, 24).

Какъ видно изъ одного литературнаго произведенія изъ народнаго быта XVIII вѣка, въ то время уже существовалъ частый переходъ о въ у и ю въ полѣсскомъ малорусскомъ нарѣчіи: муй, колядувокъ, въ крамарувъ, жунки, панувъ, булшъ, тулко, пудъ, вунъ, всѣ вукна, постуй, бульше щедрювокъ, хрѣхювъ, на вечюрки, на юлицу, разювъ (Петровъ, Южнорусск. лит. XVIII в. въ «Русск. Вѣст.» за 1880 г.).

Въ Сѣдлецкихъ говорахъ, кромѣ замѣны основныхъ о и е вторичными звуками и—ы и у—ю, существуетъ цѣлый рядъ разнообразныхъ дифтонговъ, въ основѣ которыхъ лежатъ ударяемые у, ю, ы, развившіеся изъ о или ё въ закрытыхъ слогахъ. Изъ дифтонговъ, приведенныхъ ниже, наиболѣе распространенъ въ народной рѣчи Подляшья у͡о изъ о и ю͡о изъ ё: вy͡олъ, сю͡олъ.

ж) У=у͡о. Безударный звукъ у изъ о и образовавшійся изъ у подъ удареніемъ двугласный у͡о развились въ большинствѣ случаевъ въ закрытыхъ и отчасти и въ открытыхъ слогахъ Ло-

мазкаго, Докудовскаго, Кошоловскаго, Корницкаго и другихъ подляшскихъ бѣло-лалорусскихъ и нѣкоторыхъ полѣсскихъ говоровъ. Открытыхъ звуковъ у и у͡о, замѣнившихъ чистое о, въ бѣло-малорусск. говорахъ сравнительно очень мало: снупокъ, кулокъ, кунэць, мнуого, вуосимъ, уольха, уось. Дифтонгъ у͡о въ словахъ—уольха и уось, очевидно, образовался въ старину въ закрытыхъ слогахъ (вуольха, вуось), но впослѣдствіи приставочный звукъ в отпалъ, и дифтонгъ обнажился. Въ нѣкоторыхъ подляшскихъ говорахъ, какъ, наприм., въ Заболотскомъ (Бѣльск. уѣзда) дифтонгъ у͡о бываетъ и въ безударныхъ открытыхъ слогахъ и чередуется съ другими звуками: вилъ — вуола, куоровъ, дуорогъ, поурадокъ, куоринне, буридъ, бурузёнъ (=бѣл.-малор. борозёнъ—бороздъ).

Эта звуковая черта, широко развившаяся въ народной рѣчи Бѣльскаго, Радинскаго и Константиновскаго уѣздовъ, Сѣдлецк. губ., извѣстна и другимъ русскимъ говорамъ за предѣлами Забужья: Заблудовскому (Гродн. губ.)—розбуойница, вуонъ, туолько, буольшъ, у туомъ, потуомъ (Смирновъ, тамъ же, стр. 121—122); пинскимъ — жуонка, туолько (Довнаръ-Запольскій, тамъ же); мозырскимъ въ открытыхъ безударныхъ слогахъ, какъ въ нѣкоторыхъ подляшск. говорахъ: коруовочка, руожечки, пуожечки (Живая Старина 1892, III, 27); нѣкоторымъ черниговскимъ говорамъ около Брянскаго сталелит. завода — вуолъ, куонь (По словамъ тамошнихъ уроженцовъ). Эта діалектическая особенность не чужда и нѣкоторымъ великорусскимъ говорамъ, такъ, наприм., находимъ дифтонгъ у͡о въ народной рѣчи дер. Снегерихи Владимірскаго уѣзд., Влад. губ. — въ сапуошкахъ, хвуосты, хвуостами, (Шейнъ, Великоруссъ, 2232 пѣсня).

з) У = уа: вуалъ, куалъ, узлуавъ, коруавъ, доруагъ — с. Гусь, Радинск. уѣзда.

и) У = уэ: руэкъ — дер. Пашенки, того-же уѣзда.

к) У = уы: вуынъ, пуысъ, жуынка — с. Полоски, Кленовница, Бѣльск. и Константиновск. уѣзда.

л) Ю = юи: рюидный — дер. Желевше, Пищацъ, Бѣльск. уѣзда.

м) Ы = ыи: тыилко, стыилъ—дер. Кульчинъ, Володав. уѣзда (Шимановскій, тамъ же, стр. 25).

Діалектическій ударяемый звукъ **у**, не прояснившійся въ закрытыхъ слогахъ въ **о**, по большей части произносится глухо. Это звуковое явленіе, очевидно, сохранилось съ древнѣйшихъ временъ въ народной рѣчи Холмской Руси и другихъ русскихъ и инославянскихъ областей. Въ первыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, преимущественно болгарской редакціи, этотъ глухой звукъ изображался знакомъ **ъ**, древнее произношеніе котораго на мѣстѣ нашего **о** до сихъ поръ не вполнѣ разгадано. Полагаютъ, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху церковно-славянскія буквы **ъ** и **ь**, означавшія глухіе звуки, приближались своимъ произношеніемъ — первая къ **о**, а вторая къ **е**: сънъ, вънъ, дьнь, вьсь (Соболевскій, Фонет. церк.-слав. яз., 29—31). Но основываясь на произношеніи въ данномъ случаѣ **о** какъ **у** во многихъ современныхъ русскихъ и инославянскихъ говорахъ и нарѣчіяхъ, нельзя не прійти къ заключенію, что древне-церковнослав. буква ъ на мѣстѣ нашего о могла произноситься, какъ глухой звукъ у, потвержденімъ чего могутъ служить дифтонги, развившіеся изъ этого звука и указывающіе переходъ **у** въ **о**, вънъ = вунъ = в$\widehat{\text{уо}}$нъ = вонъ.

Это звуковое явленіе въ слогахъ закрытыхъ отмѣчено въ галицко-волынскихъ памятникахъ: въ купчей грамотѣ 1366 г. (Пис. въ Перемышльской землѣ) — у Шюльжичювъ, добровульно, Столпувскій, Друздъ, владыка Ларивунъ, прузвищемъ; въ грамотѣ Львовскаго воеводы 1400 г. — Кундратъ, въ заемной грамотѣ 1421 г. (Пис. во Львовѣ): сто купъ, у рукъ. Ту же особенность находимъ въ малорусской пѣснѣ по списку конца XVI вѣка (Транскрипція Потебни): пуймн, пуймил. (Смирновъ, тамъ же, 63, 64, 75, 86, 133).

Безударное у въ слогахъ открытыхъ одно изъ древнихъ звуковыхъ явленій, отмѣченныхъ въ первыхъ памятникахъ нашей

письменности. Эта особенность часто встрѣчается въ окончаніяхъ дат. пад. ед. ч. прилагат. и причастій, образовавшихся изъ склоняемыхъ именныхъ формъ, слившихся съ формами мѣстоименія и = онъ; такъ, напримѣръ, читаемъ въ Остромировомъ ев. 1056—1057 г.: чистоуоуму (чисту—ему=чисту—ому) дроугоуоуму, оударажщоуоуму; въ Святославовомъ Изборникѣ 1075 г. — великоуоуму, въ Мстиславовомъ ев. 1117 г. — князю Новъгородьскоуо'моу, бл҃говѣрьноуоумоу; въ надписи на крестѣ Новгородскаго архіеп. Антонія 1211—Новгородьскуму, давшюму (Смирновъ, тамъ же). Переходъ звука о въ у въ данномъ случаѣ встрѣчается нерѣдко и въ народной рѣчи Забужья: пашуму, вашуму, добруму, чистуму, хорошуму и т. д. Другіе случаи перехода открытаго и закрытаго о въ у представляютъ намъ памятники южнорусскаго языка XII—XIII вѣка: скузѣ, дулу, мунастырь, гулубеви, будру, субутный, унукумъ, добровульно (Соболевскій, Очерки 95—96). Единичные случаи этой звуковой черты, развившейся на почвѣ бѣлорусскихъ говоровъ, находимъ и въ памятникахъ западнорусскаго языка XIII вѣка—въ грам. Рижанъ къ Витебскому князю 1300 г.: со великою жалоубою (Смирновъ, тамъ же).

Судя по формамъ, отмѣченнымъ въ древнихъ памятникахъ южнорусскаго языка XII—XV вв., звукъ **у**, замѣнившій о, имѣлъ въ старину болѣе обширную область своего распространенія, чѣмъ теперь, но въ послѣдующія времена въ преобладающемъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ въ слогахъ закрытыхъ, очевидно, перешелъ въ мягкое **и** или въ твердое ы, а въ открытыхъ въ чистое о. И надо полагать, что этотъ переходъ совершился или непосредственно изъ у или, вѣроятнѣе всего, въ ударяемыхъ слогахъ черезъ дифтонгъ уи, сохранившійся въ данномъ случаѣ и понынѣ въ нѣкоторыхъ холмско-подляшскихъ говорахъ. И какъ видно изъ вышеприведенныхъ формъ стародавней малорусской пѣсни, процессъ перехода **у** въ **и** въ концѣ XVI вѣка еще не окончился во всѣхъ малорусскихъ говорахъ украинскаго ха-

рактера, такъ какъ рядомъ съ неударнымъ **и** встрѣчается и звукъ **у** въ ударяемыхъ закрытыхъ слогахъ: въ турецкій роти, пуйми; въ настоящее же время закрытый звукъ **и** на мѣстѣ о значительно преобладаетъ надъ звукомъ **у** въ данномъ случаѣ въ малорусскомъ нарѣчіи. По этимъ двумъ звуковымъ особенностямъ малорусское нарѣчіе раздѣляется на украинскіе и полѣсскіе говоры: въ первыхъ отличительной чертой бываетъ мягкій звукъ **и** въ закрытыхъ слогахъ вмѣсто о и е, а въ открытыхъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ перехода о въ и или въ у—ю, сохраняется общерусское **о**; во вторыхъ же характерной особенностью является въ соотвѣтствіе украинскаго **и** звукъ **у**, замѣняющій о, и **ю** вмѣсто е—ё въ открытыхъ и закрытыхъ слогахъ. Но существуетъ много полѣсскихъ говоровъ смѣшаннаго характера, въ которыхъ находится ударяемое закрытое **и**, отвердѣвшее въ большинствѣ случаевъ въ **ы**, но зато въ безударныхъ открытыхъ слогахъ часто встрѣчаются звуки у и ю на мѣстѣ общерусскаго **о** или **е**. Въ данномъ случаѣ къ полѣсскимъ говорамъ перваго типа примыкаютъ и бѣло-малорусскіе (въ томъ числѣ и Ломазскій), которые по своему характеру составляютъ особыя малорусскія разнорѣчія, не знающія отвердѣвшаго первичнаго **и**. И эти разнорѣчія по своимъ звуковымъ особенностямъ болѣе приближаются къ народной бѣлорусской и великорусской рѣчи, чѣмъ другіе малорусскіе говоры.

Область распространенія украинскаго нарѣчія гораздо обширнѣе полѣсскаго, такъ какъ, кромѣ Малороссіи, Новороссіи и Кубанской области, народная рѣчь украинскаго характера распространена въ юго-западныхъ губерніяхъ—Подольской, Волынской и отчасти и Люблинской, а также и въ зарубежной Руси—Галичинѣ, Буковинѣ и Угорщинѣ (въ сѣверной Венгріи). Полѣсскіе говоры малорусскаго нарѣчія существуютъ на Полѣсьѣ, въ обширномъ значеніи этого географическаго термина — въ губерніяхъ: Минской, Гродненской, Волынской и отчасти и Черниговской. Народная рѣчь полѣсскаго характера является преобладающей въ русскихъ уѣздахъ Люблинской и Сѣдлецкой губ.; не-

реходные же бѣло-марусскіе говоры, находящіеся въ данномъ случаѣ (замѣна о черезъ у) въ близкомъ родствѣ съ полѣсскими, главнымъ образомъ распространены въ Сѣдлецкомъ Подляшьѣ и отчасти и въ Гродненской губерніи. Но судя по звуковымъ особенностямъ Заблудовской народной рѣчи, въ Гродненскихъ подобныхъ говорахъ болѣе отразилось бѣлорусское вліяніе, чѣмъ на Сѣдлецкіе, которые, повидимому, развились органически, такъ какъ они непосредственно не смѣшивались съ бѣлорусскими, будучи отдалены географически отъ послѣднихъ значительнымъ разстояніемъ.

5. а) И = и — ы. Первичное мягкое **и**, сохранившееся въ Ломазской рѣчи, составляетъ главную отличительную черту цѣлой группы подляшскихъ говоровъ Сѣдлецкой губ. и въ данномъ случаѣ придаетъ имъ звуковую окраску бѣлорусской и великорусской рѣчи. Преобладающее большинство народныхъ говоровъ Холмской Руси утратило эту общеславянскую звуковую особенность, и въ живой разговорной рѣчи Люблинской и Сѣдлецкой губ. мягкое **и** въ различныхъ степеняхъ является отвѣрдѣвшимъ звукомъ, какъ вообще въ малорусскомъ нарѣчіи: въ однихъ мѣстныхъ говорахъ, приближающихся къ украинской рѣчи, **и** произносится нѣсколько мягче ы; въ другихъ же оно совершенно звучитъ твердо, какъ ы. Къ послѣдней группѣ принадлежатъ полѣсскіе говоры (Сѣдл. и Любл. г.), въ которыхъ почти всегда слышится ы вмѣсто и передъ всѣми согласными звуками: потылыця, ногы, рукы, говорылы, просылы, пылы. Такого же характера **и** наблюдается и въ пинскихъ говорахъ, сходныхъ во многихъ чертахъ съ нѣкоторыми холм.-подляшскими: ключе, калына, полыця, грудьмы (Довнаръ-Запольскій, тамъ же).

Отвердѣвшее **и** въ южно-русскомъ языкѣ уже находимъ въ памятникахъ Галицко-Волынской области XII в., какъ, наприм., въ Добриловомъ ев. 1164 г. — погубывый, просыти, совѣтныкъ (Соболевскій, Очерки 99); въ купчей грамотѣ 1359 г. (Пис. въ Перемышльской землѣ)—старостынъ дякъ (Смирновъ, тамъ же 62). Эта звуковая черта была извѣстна въ старину и

нѣкоторымъ южно-славянскимъ говорамъ, какъ это видно изъ рукописи XIV вѣка: wбытели, пленыкомъ, стльпныка, велыемь, вьзьпы, толикы (Русск. Фил. Вѣст., за 1881 г., т. VI, стр. 305). Случаи постановки отвердѣвшаго и, развившагося на почвѣ забужныхъ говоровъ, находимъ въ Холмскихъ грамотахъ XV вѣка — Harasym (Акты 1473 — 1476, изд. Вил. арх. ком.), 1456 г. — z Wasylowa (Поцѣй, тамъ же стр. 22).

б) И—ы=i͡э. Въ Ломазской рѣчи, какъ и въ другихъ бѣломалор. говорахъ—Докудовскомъ, Кошоловскомъ и Корницкомъ, звуки **и** и **ы** подъ удареніемъ часто переходятъ въ дифтонгъ i͡э послѣ согласныхъ л, н, р, ц, ж, ч, ш, щ, а въ глагольныхъ формахъ повелит. накл. и послѣ другихъ согласныхъ (стр. 5). Эта звуковая черта, рѣдко встрѣчаемая въ корняхъ словъ, довольно часто наблюдается во флексіяхъ им. пад. мн. ч. именъ сущ., но особенно достигла полнаго своего развитія въ повелительномъ наклоненіи (стр. 34).

Переходъ звуковъ и—ы въ двугласный i͡э бываетъ и въ нѣкоторыхъ пинскихъ говорахъ: дыерка, косарые, борые (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же). То же явленіе встрѣчается и въ Заблудовскомъ бѣло-малор. говорѣ—трыэска (Смирновъ, тамъ же 222). Единичные случаи образованія дифтонга i͡э изъ **и** находимъ и въ великорусской рѣчи, какъ, напримѣръ, въ народной рѣчи дер. Снегириха, Владим. губ. того же уѣзда— миеръ (Шейнъ, тамъ же 2232).

в) И—ы=э(е). Единичные случаи перехода и—ы въ э, а иногда и въ е встрѣчаются во всѣхъ малорусскихъ говорахъ (въ томъ числѣ и Ломазскомъ): едёнъ, идэнъ, людэ, курэ, всюдэ, сусидэ, нэ всэ́дитъ (=не усидитъ) и т. д.; но въ нѣкоторыхъ холмскихъ говорахъ эта звуковая особенность сильно развилась не только во флексіяхъ, но и въ основахъ словъ: забэвъ, зранэвъ, свитлецю, чэсту пшинэцю, зэмную водэцю, бэтый, дытэна, сэну, чужэй край—с. Руда; просэла рэбу, мэлый, пэла, мужэка, малэй, хвалэтьця — д. Скордіевъ; пужэлый, трэ сынэ, дурнэй сэнъ,

бэдло, ны далэ, купэвъ, чуртэ, зрубэты, самэ пушлэ, вулэ, такей— д. Волковяны (Тамъ же).

Замѣна и—ы звукомъ е—э бываетъ въ пинскихъ полѣсскихъ и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ: борэ, волэ, туркэ; барснъ, положелъ, третей годъ (Довнаръ-Запольскій; Смирновъ тамъ же). Эта звуковая черта не чужда и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, какъ, наприм. цольскому: sierota, szeroki, cztery, ser, ścierać, ubierać и т. д. Эта звуковая черта изрѣдка встрѣчается и въ сербо-хорватскомъ языкѣ, не знающемъ вовсе общеславянскаго твердаго **ы**, кромѣ только **и**: iz zemlje. Это звуковое явленіе находимъ въ древнѣйшемъ памятникѣ нашей письменности — Остромировомъ евангеліи: лицемѣре, мытарик; въ Несторовой лѣтописи: рыболове, усобицѣ, лжицѣ, въ хрестеянехъ, гостье. Не рѣдкіе случаи перехода **и** въ **е** извѣстны нашимъ памятникамъ XIII—XVI вв., особенно же южнорусскимъ спискамъ: жедове, мерось, прѣменеть, принече, галелѣя, семеону, патрекия, честъ, истены, каменеемь, тернеемь (Соболевскій, Очерки 100; Крыжановскій, Рукоп. ев. кіев. книгохранилищъ 68, 123, 213).

Дифтонгъ i͡ə, образовавшійся изъ звука **и** въ именныхъ флексіяхъ род. пад. ед. числа и имен. пад. множ. числа, а также въ примѣтѣ повелительнаго накл. на **и**, часто восходитъ въ Ломазскомъ и другихъ родственныхъ говорахъ къ древнему **ѣ**, сохранившемуся во всѣхъ почти тожественныхъ случаяхъ въ памятникахъ нашей древней письменности и въ современномъ болгарскомъ языкѣ (идѣте, извѣстѣте, любѣте, молѣте ся): Остромирово ев. — почьрпѣте, принесѣте, съберѣте, идѣте, вънидѣте, вънемлѣте, покажѣтеся = Ломаз. — зечерпні͡этэ, принэсі͡этэ, збэрі͡этэ, иді͡этэ, вуйді͡эте, пакажі͡этэся; Несторова лѣтопись — понесѣте, потягнѣте, еѣ, не посрамимъ землѣ рускіѣ = Ломаз. — понэсі͡эте, потягні͡этэ, еj i͡э(ея), землі͡э; Поученіе Владиміра Мономаха — не погубите душѣ своеѣ, не минѣте, и сторожѣ сами наряживайте = Ломаз. — нэ по-

губіэ́тэ душіэ́ своéjя, и сторожіэ́ им. п. мн. числ. Въ этихъ памятникахъ встрѣчаются и формы повел. наклон. современнаго русскаго языка: коупите, молите, просите, пришлите, не грѣшите, кормите, пріимите, учите = Ломазск. купіэ́тэ, молiэ́тэ, просiэ́тэ, пріймiэ́тэ, не гришiэ́те, пришлiэ́тэ, кормiэ́те, учiэ́тэ и т. д.

Изъ приведенныхъ формъ, отмѣченныхъ въ древнихъ памятникахъ XI—XII ст., видно, что не во всѣхъ глаголахъ пов. накл. ѣ замѣняетъ и; между тѣмъ какъ въ Ломазскомъ говорѣ въ данномъ случаѣ всегда подъ удареніемъ является дифтонгъ іэ́ не только въ окончаніи 2-го лица, но и въ 1-мъ лицѣ, гдѣ въ древнихъ памятникахъ ѣ очень рѣдко встрѣчается: помолѣмся, творѣмъ = помолiэ́мося твориэ́мо и т. д. (Примѣры на стр. 34). И отсюда можно заключить, что ѣ на мѣстѣ нашего и имѣетъ характеръ въ древне-русскомъ языкѣ спорадическаго явленія, какъ и въ современномъ болгарскомъ и потому на эту древнюю звуковую черту въ данномъ случаѣ слѣдуетъ смотрѣть какъ на діалектическую особенность, появившуюся, быть можетъ, въ первыхъ памятникахъ нашей письменности не безъ вліянія болгарской.

6. а) Ѣ = е = jэ — э. Въ Ломазскомъ и другихъ бѣло-малорусскихъ говорахъ встрѣчаются только единичные случаи произношенія ѣ, какъ мягкое великорусское е или какъ твердое э (Прим. на стр. 6); только въ народныхъ пѣсняхъ подъ вліяніемъ напѣвовъ и неправильныхъ ударенiй чаще слышится эта звуковая особенность, такъ широко развившаяся въ бѣлорусскомъ и великорусскомъ нарѣчіяхъ: На холодѣ въ лѣсѣ, на маёвой рóсѣ (стр. 106). Но существуютъ нѣкоторые говоры въ Сѣдлецкой губ., въ которыхъ великоруск. и бѣлорусск. ѣ чередуется довольно часто съ малорусск. и, особенно послѣ звука согласнаго л: хлѣбъ и хлибъ, хлѣвъ и хливъ — сел. Жещинка и Любень, Володавск. у. (Тамъ же).

б) Ѣ = и — ы. Въ Сѣдлецкихъ и Люблинскихъ малорусскихъ говорахъ главнымъ звукомъ, замѣняющимъ бѣлорусск. и

великорусск. ѣ, является, какъ въ украинской рѣчи, мягкое и, которое во многихъ мѣстныхъ полѣсскихъ говорахъ отвердѣло въ большинствѣ случаевъ въ ы: свитлецю, на гори, на мори, въ нэдилю, зблидла, бидна, чоловика, ду хлива, вирна, сьвитылося, винокъ, мисяць, рика, обидае, снигъ, стрылець, дытокъ, Руда, дер. Скордіевъ, Гнишевъ, с. Деполтычи и др., Люблинск. губ.; влызъ, хлыбъ, хлывъ, вынокъ, дытокъ, зацвыла, свытлыця, на рыбонцы, въ вудоньцы, сыротоньцы, на трупоньцы — сел. Тератинъ, Бонча, Павлово, той же губ.; въ мышковы, мыдвыдя, на пысковы, нэ сыйтэ, выночокъ, дывочокъ, тэрпыты — сел. Заболотье, Гапна, Жещинка, Любень, Желевше, Полоски, Пищацъ, Волька-Носовская, Верещинъ, Сѣдл. губ. (Тамъ же).

Во многихъ забужныхъ говорахъ въ данномъ случаѣ ы чередуется съ мягкимъ и, которое часто слышится во флексіяхъ дат. и предл. пад. мѣстоименій и существительныхъ: мни, соби, тоби, на дорози, на пичци и т. п.

Произношеніе ѣ, какъ е, э, и, ы, наблюдается и въ пинскихъ говорахъ: вѣтеръ, обѣдъ, сѣдѣлы, вѣрно, злодэй, мэдвэдемъ, рэчка, цэлу, дило, сино, ричка, на моры, бабоньцы, одрыжь, (Довнаръ-Запольскій, тамъ-же).

в) И = i͡э. Въ подляшскихъ бѣло-малорусск. говорахъ (въ томъ числѣ и Ломазскомъ) звукъ и, замѣняющій ѣ, въ безударныхъ слогахъ не измѣняется, а въ ударяемыхъ переходитъ въ дифтонгъ i͡э: рика-рi͡эки, рi͡эчка, лисокъ, въ лi͡эси, мнi͡э, тобi͡э, собi͡э. Эта звуковая особенность изрѣдка встрѣчается въ пинскихъ говорахъ во флексіяхъ дат. и предл. пад. личныхъ мѣстоименій: мніе, тобіе, собіе (Тамъ же). Судя по правописанію, дифтонгъ этотъ существуетъ и въ Заблудовской народной рѣчи Гродненской губерніи: у лjѣси, вjѣдзьма, у зѣмлjѣ, у ночjѣ, мjѣсяцъ, чоловjѣка, по цjѣли (Смирновъ, тамъ же 121—122).

Въ сербо-хорватскомъ нарѣчіи двугласный ије = ие, развившійся на мѣстѣ ѣ, бываетъ довольно частымъ явленіемъ не только въ народныхъ говорахъ, но даже и въ лит. языкѣ, въ которомъ этотъ дифтонгъ чередуется съ мягкимъ је = ѣ: би-

jeда, бијел, бијес, вијск, vrijeme, svijet, mjesto, čovjek, zapovijest.

г) И = ia. Въ народной рѣчи села Гусь Радинск. у., Сѣдл. губ. существуетъ на мѣстѣ ѣ древнеславянскій дифтонгъ ia, какъ и въ Солунскомъ говорѣ болгарскаго языка: сіано, коліано (Шимановскій, Флоринскій, тамъ же). Эта древняя звуковая черта составляетъ переходную ступень къ звукамъ а—я, развившимся подъ удареніемъ такъ широко въ польскомъ яз. и отчасти въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ (strzała, miasto, rzadko, wiara, biała; вяра, бяла), а также спорадически и въ бѣлорусскихъ и великорусскихъ говорахъ преимущественно въ безударныхъ слогахъ: мяшокъ, вянокъ, дзяцей, ядуць, бягучій, сяньми, колясо, у вяку, дзядоўнику, бялёшенькіе (Смирновъ, тамъ же); на бяломъ лицу, у снягу, золотые вянцы — Тульск. губ.; у лясокъ, изъ ляска—Курск. губ., стральцовъ—Могилевской, бялѣиццы, не сяки—Псковск. и Орловск. (Шейнъ, тамъ-же 28, 679, 970, 1077, 1119, 1122, 1885). Изрѣдка встрѣчаемая въ бѣлорусской и великорусской рѣчи замѣна ѣ звуками а—я, очевидно, позднѣйшаго происхожденія и это спорадическое явленіе можно объяснить обратнымъ переходомъ ѣ = е въ а — я, по склонности въ бѣлорусск. и великорусск. говорахъ перехода звука е въ а—я: жану, мядкомъ, дяржитъ, лятитъ и т. д.

Въ современныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ на мѣстѣ ѣ существуетъ три главныхъ звука: е = jэ, и, я (а): первый звукъ jэ является преобладающимъ и распространенъ въ лит. языкахъ — русскомъ, болгарскомъ, сербско-хорватскомъ, чешскомъ, верхн. и нижн. лужицкомъ, словинскомъ и отчасти и въ польскомъ: русск. и болг. — свѣтъ — свѣтъ-тъ, вѣруетъ — вѣрѧва, вѣчный — вѣченъ; серб.-хорв.—вјерује—vjeruje, вјечни—vječni; чешск. и польск. svět—świat, věřj—wierzy, věčny—wieczny; словинск.—svet, veruje, večni; верхн. и нижн. луж.—Schwjet—ſſwet, wjerja—wereze, wiecżne, (St. Johannis iii. 16 in einigen der Sprachen und Dial[illegible] зд. Британск. Библ. Общ.

Лондонъ 1876 г.). Второй звукъ **и**, встрѣчаемый въ областной южнорусской письменности—галицко-украинской (гал. ѣ=и, а укр. і), господствуетъ въ малорусскомъ нарѣчіи и спорадически наблюдается въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусск. говорахъ: вси—Арханг. губ., писеньку—Вологодск., нимецкій—Псковск., въ лисѣ, вира, звирей — Новгородск. (Шейнъ, тамъ же 1008, 1027, 1298, 2550); рицьку, здись, отъ обидни, поисти, двинадцать — Вятск. (Смирновъ, тамъ же 167 — 168). Звукъ **и** въ данномъ случаѣ сохраняется во всѣхъ народн. говорахъ и въ нашемъ лит. яз. въ словѣ дитя во всѣхъ пад. ед. числ. (болг. дѣте, польск. dzieciątko), а также и въ формахъ пов. накл. на ите, гдѣ, какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ часто встрѣчается буква ѣ. Въ инославянскихъ нарѣчіяхъ звукъ **и** на мѣстѣ нашего **ѣ** занимаетъ также видное мѣсто: онъ существуетъ во многихъ говорахъ болгарскихъ, сербо-хорватскихъ (въ народной рѣчи черногорцевъ) и даже изрѣдка наблюдается въ чешско-словацкихъ и польскихъ: болг. и серб.—сино, била, тило; чешск. и польск. — bilý—biały, bis, bida, biduje (Флоринскій, Войцицкій, тамъ же). Третій звукъ **я**, переходящій иногда въ **а**, достигъ наибольшаго своего развитія въ данномъ случаѣ въ польскомъ языкѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ. Эта звуковая особенность, какъ объ этомъ упомянуто выше, не чужда бѣлорусской и великорусской рѣчи. Звукъ **я** — **а** на мѣстѣ древне-славянскаго **ѣ** является въ польскихъ говорахъ преобладающимъ и чередуется съ другимъ звукомъ **ie** = **ѣ**, сохранившимся во многихъ случаяхъ: człowiek, bies, nadlesny, wiek, bięda, pieśń и т. д.

Изъ обзора главныхъ и второстепенныхъ (діалектическихъ двугласныхъ) звуковъ на мѣстѣ нашего **ѣ** видно, что древнѣйшимъ первичнымъ звукомъ въ смыслѣ историческомъ слѣдуетъ признать мягкое **и**, такъ какъ этотъ основной звукъ въ данномъ случаѣ въ большей или меньшей степени сохранился во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и находится въ дифтонгахъ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ говоровъ; въ преобладающемъ же числѣ

славянскихъ говоровъ звукъ этотъ является въ видѣ й, слившагося съ чистыми гласными э и а=йэ—йа (иносл. іе—іа). Итакъ, историческій процессъ образованія звуковъ въ данномъ случаѣ представляютъ намъ народные говоры, въ которыхъ мы находимъ указанія на постепенный переходъ однихъ звуковъ въ другіе въ генетическомъ ихъ развитіи: и = иэ = йэ = ѣ; и = иа = йа=я. Діалектическій дифтонгъ еа болгарскаго нарѣчія, очевидно, позднѣйшаго происхожденія, такъ какъ онъ развился, повидимому, изъ древняго звука ѣ = jэ. Судя по большей склонности перехода звука е—ѣ въ я и а во многихъ бѣлорусскихъ и южновеликорусскихъ говорахъ, можно предположить, что польское и болгарское я—а на мѣстѣ ѣ развилось въ старину именно изъ этого древняго звука, произносившагося, какъ русское ѣ = йэ.

VIII.

Словарь.

Особыя слова и выраженія, встрѣчаемыя въ Ломазскомъ и другихъ говорахъ Сѣдл. губ.

А.

Абó = или.

Абы́—др. русск.=если-бы, чтобы, лишь бы.

Авжежъ=да, конечно.

Але — др. русск. али = но, а, если же.

Б.

Баби́нець = притворъ храма.

Ба́бити = принимать младенца при рожденіи.

Багно́ — др. русск. = болото, топкое мѣсто.

Баламу́тити = подстрекать, возмущать, бездѣльничать.

Баламу́тъ = бездѣльникъ, подстрекатель.

Балія́ = лохань для стирки бѣлья.

Баранюхи́ = брусника.

Ба́рзо — польск. bardzo=очень, весьма.

Бары́лка = боченокъ.

Бастру́къ, бастру́чка =мальчикъ и дѣвочка, родивш. внѣ брака.

Ба́тькувщина = хата и земля, унаслѣд. отъ отца.

Бахо́ръ = цв. василекъ синій.

Баху́ръ, баху́рка = евр. мальчикъ и дѣвочка.

Ба́чити = видѣть.

Бэ́бэхи = внутренности.

Бэздо́ньниця = бездна.

Бэзмі̯э̄нъ = безменъ, вѣсы.

Бэрэ́зина = березнякъ, березовая роша.

Бэрэ́мэне = охапка.

Бэрэсьци́цьки — древн. русск. Берестейскій = Брестскій.

Бэрэя́къ = сосна средней величины.
Бзюча́ти = жужжать.
Биля́вы = бѣловатый.
Бичи́льне = кнутовище.
Бі̯э́дка = двуколка.
Бода́й — (Богъ дай) = чтобъ, пусть.
Бо = ибо, потому что.
Бодякъ = чертополохъ.
Бо́зя (дѣтск.) = Богъ, образъ.
Боло́то = болото, грязь.
Боло́не — др. русск. = низина около рѣки.
Болёны = жалкій, болѣзный.
Благій = плохой, дурной.
Блева́ти = рвать; блеваки́ = рвоты.
Блевья́скати = вздоръ говорить, болтать.
Бле́кутъ = бѣлена.
Близна́ — др. русск. = рубецъ, знакъ послѣ раны.
Брата́нэць — др. русск. братаничь = племянникъ, сынъ брата.
Бры́дки = некрасивый, гадкій, скверный.
Бу́бнити = барабанить.
Бу́бонъ = барабанъ.
Бу̯огмэ = ей — Богу.
Будова́ти = строить.
Будынокъ = строеніе.
Бу́да = конура, шалашъ.
Бу́ддэнь — др. русск. будень = рабочій день, не праздникъ.
Бужни́ця = синагога.
Бу́здэрэво = раст. артемизія.
Бу́лава = палка съ утолщеннымъ концемъ въ видѣ шара.
Булва́нъ = идолъ, дуракъ.
Буханэ́ць = ржаной хлѣбъ.
Бы́ця (дѣтск.) = волъ, корова.

В.

Ва́бити — др. русск. = заманывать птицъ, подражая ихъ голосу; приглашать, звать.
Валюхова́ты = неповоротливый, медлительный.
Ва́пно — др. руск. = известь.
Вартова́ти = сторожить.
Ва́рта = сельскій караулъ.
Вартувни́къ = караульный.
Ва́шець = вы, вашъ.
Ввэ́черы = вечеромъ.
Вэ́лми — полѣс. = очень, весьма.
Вэпо́ръ, вэ́прикъ = кабанъ.
Вэрби́на = вербовая роща.
Вэрвэ́чка = оборка отъ лаптя.
Вэрэща́ти = кричать благимъ матомъ.
Вэ́ртюха = большая чашка для растиранія маку, крахмалу, укр. макотра.
Вэча́ти = ревѣть.
Вэче́рати = ужинать.

Витра́къ = вѣтряная мельница.
Вишáръ = трава. растущая на лѣсныхъ болотахъ, которую косятъ позднею осенью.
Вищáти = визжать.
Вi͡э́йка = небольшая метель.
Вi͡э́ко = вѣко, крышка отъ кваши, отъ кадки.
Вi͡э́ньця = верхній край горшка, кувшина и другой посуды.
Вi͡э́-тэ = вы.
Вi͡э́хотъ — др. русск. вѣхъть = ветошь, тряпка.
Во́вна = овечья шерсть.
Вовкова́ты = похожій характеромъ на волка.
Водно́сталь = въ одну нитку.
Во́ле = зобъ у птицы.
Воли͡э́ти = больше желать, предпочитать.
Волочи́тися = скитаться, бродяжничать.
Волоцю́га = бродяга.
Волоче́внэ = даренье яицъ на Пасху.
Волаха́ты = косматый.
Воротѝло = цилиндръ, на который наворачиваютъ основу.
Ворошити = шевелить.
Во́хки = влажный.
Впро́бусьць = въ сапогахъ на босую ногу.
Вро́да = урожай, красота.
Всэля́кій = всякій, разный.
Всэнь = весь.
Вхопи́ти = украсть.
Вуо́дра = корь.
Вуйко—др. русск. вуй = дядя, братъ матери.
Выджвара́тися = паясничать, фиглярничать.
Вымáти = вынимать.
Выраджáти = снаряжать, приготовлять.
Вы́рапити очи = выпучить глаза.
Вы́солопити языкъ = высунуть языкъ.
Вы́шки = чердакъ въ сараѣ для склада сѣна или соломы.
Вы́щирити зубы = оскалить зубы.
Въ́тёръ — польс. więcierz = вентеръ — рыболовн. снасть.

Г.

Га́итися = мѣшкать, медлить.
Гай — др. русск. = роща.
Га́йты (дѣт.) = гулять.
Га́лка = шаръ.
Га́мати (дѣт.) = кушать.
Га́нити = порицать.
Гарашко́ваты (отъ горохъ) = кудрявый, курчавый.
Гарбу́зъ = круглая тыква.
Га́рдити = пренебрегать.
Гарча́ти = ворчать.
Гати́ти = дѣлать гать, греблю.

Гэнъ-гэнъ = вотъ тамъ.
Гэтъ = прочь, вонъ!
Ги́дки = тошный.
Ги́дко = тошно.
Ги́нши = иной, другой.
Ги́ша (др. русск. гижъ = коршунъ) = окрикъ на куръ.
Гладышка = кувшинъ съ широкимъ горлышкомъ.
Глу͡одъ = боярышникъ.
Гни́лка = гнилая груша (плодъ).
Гнучкі́й = гибкій.
Го́ди = довольно.
Годи́на — др: русск. = часъ.
Годова́ти = воспитывать, содержать.
Году́нъ, году́нка = пріемышъ, воспитанникъ.
Годи́ти = мирить, договаривать.
Го́жи = добрый, ласковый.
Гой = чудакъ.
Го́йдатися = качаться.
Го́йданка = качель.
Го́йны = щедрый, великодушный.
Го́кати = кричать въ лѣсу: го-го-го! звать.
Голёпа = голень.
Голёпа́ты = голенастый.
Голёкати = кричать въ лѣсу; звать.
Голосны́й = громкій.
Го́лосно = громко.
Голя́ка, голячка = вѣтвь, вѣтка.
Голопу́пэць — др. русск. голопупъ = неоперившійся птенчикъ.
Голо́та = голытьба.
Гора́ = гора, чердакъ.
Го́раче = жарко.
Госьци́на = угощеніе.
Госьци́нэць = трактъ, млечный путь.
Господаръ = земледѣлецъ, хозяинъ.
Господа́рити = хозяйничать.
Гра́дка = шестъ для вѣшанья платья.
Гру́бая = толстая, беременная.
Грома́да = сельскій сходъ.
Грыбъ = бѣлый грибъ, боровикъ.
Гу́бы = губы, грибы.
Гужа! = окрикъ на собакъ, чтобы онѣ кусали.
Гукъ = отголосокъ.
Гу́кати = кричать: гу-гу, гу; звать.
Гуля́ти = бражничать, пьянствовать.
Гу́матный = мѣшковатый (объ одеждѣ).
Гумэно́ць = дворъ между сараями.
Гу́пачъ = водяной быкъ, выпь.
Гурба́ = стадо, толпа.
Гу́рнули = ринулись.
Гуча́ти = гудѣть.

ґ (G).

ґáґавка = кадыкъ, Адамово яблоко.
ґáня = коршунъ.
ґардзю͡óлка—польск. gardziel= гортань.
ґезъ = насѣк. строка, отъ котораго разбѣгается скотъ.
ґерґотáти = говорить по-жидовски.
ґьзи́тися = разбѣгаться (о скотѣ).
ґидзи́кати = щекотать.
ґидзи́кавка = щекотанье.
ґлёнокъ хлі͡эба=кусокъ хлѣба.
ґозьдзь = гвоздь.
ґрунтъ = земля, пашня.
ґузъ = пуговица.
ґузолъ = узелъ.

Д.

Дарэмни́къ = даромъ работающій.
Двурэ́ць = дворъ возлѣ хаты.
Дэржáва = аренда, посессія.
Дэржáвця = арендаторъ.
Дэржáкъ = ручка лопаты.
Дзёбати = ударять остріемъ по дереву.
Дзикъ = дикій кабанъ.
Дзю́бати = клевать.
Дзюбъ = клювъ.
Дзюрá = дыра.
Дива́читися = чудачить.
Диви́-диви́ = удивительно.
Дивосну́бы = сватовство.
Дижá — татарск. = квашня, кадка.
Ді͡эдъ = дѣдъ, нищій.
Ді͡эдовщина = хата и земля, унаслѣдован. отъ дѣда.
Дму́хати = дуть.
Добы́токъ = скотъ.
Доглядáти = присматривать, ухажнвать.
Долóня = ладонь.
Дрэгэли́ны, дрэгліэ = студень.
Дубúна = дубнякъ, дубовая роща.
Ду́жатися = бороться.
Ду́жи = сильный.
Ду́же = много.
Дыбати = брести, тихо итти.
Дя́дина = жена дяди.
Дя́дько = дядя.
Дя́ковати = благодарить.

Ж,

Жáба = лягушка
Жáборотине = лягушечья слизь въ водѣ.
Жавріэти = разговаривать, балагурить.
Жáдны = никакой, никто.

Жартова́ти = шутить.
Жва́вы = быстрый.
Же́жко — полѣсск. = жарко.
Жену́ = гоню.
Жерэло́ = вод. жила, источ.
Же́рти = жрать.
Жеру͡о́бка = молодая кобыла.
Живи́ця = смола на соснѣ.
Живэ́ на вi͡эру = внѣбрачное сожительство.
Жи́жа (дѣтск.) = огонь.
Жиръ = птичій кормъ въ лѣсу, въ полѣ.
Жиру́ютъ = ищутъ кормъ (о птицахъ).
Жмэ́ня = горсть.
Жовтолы́чка = желтолозникъ.
Журъ = похлебка изъ ржаной муки.
Журавли́ны — клюква.
Журѝтися = безпокоиться, хлопотать, печалиться.
Журба́ = хлопоты, безпокойство, печаль.

З.

Заблю́щити очи = закрыть глаза.
Забро́нтати = запутать нитку, веревку.
Забу́дько = забывчивый.
Завзя́ты = упрямый, злопамятный.
Зага́дувати = задумать, предполагать.
Задрi͡э́паны = съ загрязненнымъ подоломъ платья.
Зазу́ля = кукушка, божья коровка.
Закомоси́вся = засуетился.
За́куска = тушоная свинина.
Залёпатися = замочить подолъ платья.
Залёпаны = забрызганный.
Замурзаны = испачканный.
Замура́ны = тоже.
Засi͡э́къ = сусѣкъ, закромъ.
Затi͡э́рка = похлебка изъ муки.
Затули́ти = закрыть.
Затýлка = крышка.
Затю͡о́нливы = упрямый, злопамятный, злобный.
Зачаи́тися = сдѣлать засаду.
Здра́дити = измѣнить, обмануть.
Здрада = измѣна.
Здрi͡э́лы = зрѣлый.
Здумi͡э́катися = недоумѣвать.
Здурi͡э́ти = одурѣть.
Зэлi͡э́зникъ = желѣзная лопата.
Зикра́ты = пучеглазый.
Знуча́тися = издѣваться, насмѣхаться.
Зора́ = звѣзда.
Зу͡о́рно = звѣздно.
Зю́зя (дѣтск.) = холодъ.
Зябли́ти = пахать на зябь.

Й.

Йі͡эзъ — др. русск. ѣзъ, езъ = заколы въ рѣкѣ.
Йі͡эжъ = ёжъ.
Йі͡эрха — татарск. = соба́чья шкура.
Йі͡эдло, йида́ = ѣда.

К.

Кадýкъ = злой духъ.
Калаку́тъ, калакутка = пѣтухъ и курица особой породы.
Каламу́тити = взбалтывать воду.
Каламу́тная = мутная, грязная вода.
Калата́ти = раскачивать.
Калата́тися = раскачиваться, окалачиваться, коротать.
Калду́нъ = желудокъ животнаго.
Кали́тка = кожаная сумка для огнива.
Калямáръ — татарск. = чернильница.
Каплу́нъ = тюря; откормленный пѣтухъ.
Кві͡этка = цвѣтокъ.
Ке́льня = плетенка изъ лозы для воза.
Ке́ньдюхъ = желудокъ животнаго.
Кепкова́ти = шутить, трунить.
Ке́рнозъ = некастр. кабанъ.
Ки́ла — др. русск. = грыжа.
Ки́лавы = страдающій грыжей.
Кили́мъ, кили́мокъ — татарск. = шерстяное полосатое одѣяло домашняго издѣлія.
Кихи́кати = покашливать.
Клеку́͡отка = трещетка.
Кни́гавка = чайка.
Кныхаю = чуть дышу, чуть живу.
Кобы́лка = иволга.
Кожу́хъ = полушубокъ, тулупъ.
Козакъ = гр. подосиновикъ.
Козакова́ты = похожій на козака, молодцоватый.
Колоти́тися = ссориться.
Колотэ́ча = ссора.
Колупа́ти = ковырять.
Колы́шка = большая продолговатая корзина, колыбель.
Комэню́хъ = трубочистъ.
Комóра = кладовая, таможня.
Комý͡орникъ = судебный приставъ.
Ко́нче = непремѣнно.
Копа́нька = укр. ночвы — дерев. посуда для стирки бѣлья.
Копа́чка = сапа.
Копры́ва = крапива.
Каркулёва́ти = соображать.
Карачý͡онъ = корявое дерево.
Коробка = плетенка изъ соломы

для ношенія зерна во время сѣянія.
Ко́ропъ = жаба.
Корти́тъ = хочется.
Корчъ = кустъ.
Костэрэ́ва = раст. костеръ; кострика.
Коцюба́ = кочерга.
Кошэ͡ль = котомка изъ липоваго лыка.
Кошла́къ = ломкая крушина.
Кошута́ = хвои, иглы на соснѣ.
Крайка = кромка; поясокъ изъ обрѣзка сукна или изъ другой матеріи.
Красноголо́вэць = березовый грибъ.
Крэ́йда = мѣлъ.
Крэси́ло = огниво.
Крэ͡сло = стулъ.
Кру́пникъ = супъ изъ крупы и картофеля.
Крутэ͡ль = плутъ, проныра.
Крутоголо́вэць = пт. вертошейка.
Куба́ра = кубышка изъ коры для ягодъ.
Куды́сь = куда-то.
Ку́жель = пенька.
Кужэ͡льны = холщевой.
Ку́здрати = ковырять, мѣшать въ печкѣ угли, дрова.
Кульга́вы = хромой.
Кульга́ти = хромать.
Куля = пуля, костыль.
Кумова́ти = быть воспріемникомъ.
Кумпъ = окорокъ.
Кунча́нэ = живущіе на окраинѣ села.
Ку͡опка = печурка съ лѣвой стороны печи для углей и золы.
Ку́па = куча.
Купина́ = кочки на болотѣ.
Ку́рава = пыль.
Ку́рочка = курочка, куриная слѣпота, Малая Медвѣдица.
Кусни́къ (отъ коса) = лента.
Кутъ = уголъ.
Кутя́ = супъ изъ ячной крупы.

Л.

Ланъ = помѣщичье поле, земля.
Ла́сы = жадный.
Лата́те = раст. калужница болотная.
Ле́лякъ = пт. козодой.
Лескли́вы = льстивый.
Ле́стки = лесть.
Лисо́ха = осока лѣсная.
Лихї́й = злой, сердитый.
Лищи́на = орѣшникъ.
Лома́че = хворостъ.
Ло́нка—польск. łąka = лугъ.
Лоно́къ = чека.
Ло́ньськи ру͡окъ (въ др. гов.) = прошлый годъ.

Лохи́ны = яг. голубика.
Ло́хнути = грустить, тревожиться.
Лу͡о́й = бараній жиръ.
Лу́ки — полѣсск. = лугъ.
Луна́ = зарево.
Лупи́ны = шелуха отъ овощей.
Луска́ = чешуя.
Лы́кати = глотать.
Лю́бка = любимецъ, любимица.
Лю́бощи = любовь, ухаживанье.
Людя́ = вообще человѣкъ.
Лю́цьки = людской, чужой.
Люлька = трубка.
Лядачи, лядащи = злой, скверный, худой.
Ля́ля (дѣтск.). = ди́тя.
Ляховэ́цьки = лядскій.
Ляшня́ = ляхи.

М.

Маковэ́ртъ = пестъ для растиранія мака, крохмала.
Ма́кухъ = макуха, выжимки изъ льняного или коноплянаго сѣмени.
Мара́ = привидѣніе, призракъ.
Мару́да = мямля.
Мару́дити = мямлить, бездѣльничать.
Маслю́хъ = гр. масленникъ.
Мати́не — др. русск. натина = листья корнеплодныхъ растеній.
Матэри́нщина = наслѣдство послѣ матери.
Маяти (въ пѣсн.) = краснѣть, красоваться.
Мирковáти, мъярковáти = мариковать, соображать.
Млинъ, млынъ = мельница.
Млю͡онъ = шестъ для ручной мельницы.
Молоди́ця = молодая замужняя женщина, молодка.
Молоки́та = корзиночная лоза.
Молочáкъ = сельдь съ молоками; икрáкъ — съ икрой.
Моло́зиво = первое молоко отъ отелившейся коровы.
Мони́стъ = раст. цикута.
Мозу͡о́ль = язва, рана.
Моцё (дѣтск.) = молоко.
Мочимо́рда = горькій пьяница.
Мотузо́къ = веревка.
Мрэць = мертвецъ.
Мручáти = мурлыкать, бормотать.
Мудровáти = шалить.
Мудрагэ́ль = умникъ (ирон.).
Мураха = муравей.
Мутúти = возмущать, обманывать.
Мы́рка, ны́рка = почка животнаго.
Мэ́рва = сѣнная труха.

Мэ́та = обозначенное мѣсто, до котораго бѣгутъ или бросаютъ что-нибудь во время игры.
Мэ́тра = землемѣръ.
Мэтэлю́га = метель, буранъ.
Мэтэ́нька = лопаточка, которою точатъ пескомъ косу.

Н.

На-вмі͡э = въ умѣ, на умѣ.
На́впа — польск. małpa = обезьяна.
Навпа́къ = въ противоположную сторону.
Навы́лютъ = напролетъ, насквозь.
Нагави́ци = холшевые штаны, портки.
Нагу́ла = безтолковый.
Напуцьня́ти = разбухнуть (о горохѣ и бобахъ).
Нарэ́сьци = наконецъ.
Нару͡о́жникъ—укр. налы́гачъ = веревка на рогахъ воловъ.
Натакру͡о́къ = на будущій годъ.
Натру́тъ = вередъ.
На́тще = натощакъ.
Нахля́тися = напиться водки, нализаться.
Нэ-дорі͡э́чи = не кстати.
Нэду́жи = безсильный, нездоровый.
Нэздуже = нездоровится.
Ни́пати = слоняться, бродить въ поискахъ.
Нучлі͡э = ночлегъ, ночное въ лѣсу съ лошадьми, волами.

О.

Оба́пулъ = по обѣимъ сторонамъ рѣки; доска съ выпуклой стороной.
Обэрэ́мокъ = охапка.
Обі͡э́дъ = парадный или праздничный обѣдъ.
Обі͡э́ручъ = обѣими руками.
Облу͡о́гъ = заброшенное поле съ слѣдами грядокъ и бороздъ.
Обрэ́скъ = опухъ, обрюзгъ.
Обру́сокъ = скатерть.
О́болоко = облако.
Оболока́тися = надѣвать бѣлье.
Обры́днути = опротивить, надоѣсть.
Обры́дло = опротивило, надоѣло.
Одли́га = оттепель.
Одрыга́ється = дѣлается отрыжка.
Одяга́тися = одѣваться.
Ожи́ны = ежевика.
О́жухъ = палка съ обожженнымъ концемъ.
Окро́мэ = отдѣльно.
Окра́са = приправа — сало, масло.
Окраси́ти = приправить.
Окру͡о́пъ = кипятокъ.

Окру́шокъ = кусокъ хлѣба.
Оно́що = едва, чуть-чуть.
Ополо́никъ = разливная ложка.
О́рабъ = дер. рябина.
Ота́ва = второй урожай травы.
Отсю̯о́ль = отсюда.
Отту̯о́ль = оттуда.
Охля́бъ = истощился, ослабѣлъ.
Охні̯э́лы = осуновшійся, ослабѣвшій, осоловѣлый.
Охо́жа = большое болото.
Очмана́ = чудище, странное существо.

П.

Палю́хъ = варенникъ.
Паль = свая, высокій колъ.
Па́па (дѣтск.) = хлѣбъ.
Папру́жка = кожаный поясъ.
Пара́люшъ = параличъ.
Па́рубокъ = годовой работникъ.
Па́стовэнь = выгонъ около села, гдѣ пасется скотъ.
Па́сэрбъ, пасэ́рбиця — др. русск. = пасынокъ, падчерица.
Патоні̯э́ти = говорить вздоръ, сплетничать.
Патона́ = сплетникъ, болтунъ.
Паты́къ = кусокъ палочки, или вѣтки безъ листьевъ.
Па́ша = пастбище, кормъ.
Пащёнка = пасть.
Пацюрова́ти = молиться по-еврейски.
Пэкъ тобі̯э́ = чуръ тебѣ.
Пэрэбэ́ньдювати = превередничать.
Пэрэла́зы = огорожа изъ жердей.
Пэрэкобі̯э́лы = быкъ или корова черной масти съ бѣлой полосой поперекъ туловища.
Пэрэкрывля́ти = копировать, передразнивать.
Пэрэкомара́тися = подшучивать, подразнивать.
Пэсьти́ти = баловать.
Пэсти́тися = нѣжиться.
Пэсту́нъ = баловникъ.
Пэ́цкатися = пачкаться.
Пигу̯у́ля = юбка.
Пиру̯о́гъ = пшеничный хлѣбъ.
Пла́хта = рядно.
Плесъ = глубокое мѣсто на болотѣ, гдѣ всегда находится вода.
Плеско́ваты = плоскій.
Плетюха́ = сплетникъ.
Плётки = сплетни.
Пле́ще въ долони = хлопаетъ въ ладоши.
Плисна́ = плѣсень.
Плишни́къ = аиръ обыкновенный, татарское зелье.
Плю́ска = клопъ.
Пові̯э́смо = пряжа на прялкѣ.

Пога́нка = лихорадка.
Пога́ны = дурной, скверный.
Пога́нинъ = язычникъ.
Подъю́дити = подговорить, подстрекнуть.
По́дэсь = прялка.
Позиха́ти = зѣвать.
Пойида́тися = ссориться, грызться.
Покаля́ти — попачкать.
Покому͡о́рникъ = квартирантъ.
По́лапъ = потолокъ.
Поли́ця = полка.
Поло́нка = полынья, прорубь.
Полови́й = сѣроватой масти.
Полу́дэнь = полдень, обѣдъ въ въ будни, югъ.
Полу́дновати = обѣдать въ будничный день.
Полю́дяны = похожій на добрыхъ людей.
Попэрэ́чникъ = поперечная грядка.
Порохно́ = древесная труха.
По́торочь = женщина дурного поведенія.
По́тэребы = мѣсто, гдѣ вырубленъ лѣсъ.
Потруча́ти = посбивать плоды съ дерева.
Потыли́ця = затылокъ, задняя часть шеи.
Почи́нокъ = веретено съ нитками.
Пра́диво = пряжа.
Пра̀дка = пряха.
Пра́ти = стирать.
Прачъ = валекъ.
Пра̀чикъ = головастикъ.
При́зьба = завалинка.
Прикмі͡э́тилося = причудилось, показалось.
Пріймà чъ = зять, живущій у тестя.
Пру͡о́рва = пропасть.
Псова̀ти = портить.
Псяма́ткати = ругать по матушкѣ.
Пуга́чъ = филинъ, сова.
Пу́дити = гнать.
Пудво́ле = подгрудокъ.
Пудпэрэза́тися = подпоясаться.
Пу́рхватка = гр. дождевикъ.
Пухі͡э́ръ = пузырь
Пу͡о́лка = передникъ.
Подкулити хву͡о́стъ = поджать хвостъ.
Пха́ти = толкать.
Пхи́кати = хныкать.
Пыжъ = колышекъ, которымъ прикрѣпляется ярмо къ дышлу воза или саней.
Пыскъ = високъ, лицо.
Пы́ха = гордость.

Р.

Рабѝна = яг. рябина.

Рабова́ти = грабить, мародерствовать.
Работи́не = веснушки на лицѣ.
Рабы́й = рябой, пестрый.
Ра́дити = совѣтовать.
Рада́ = совѣтъ.
Разура́зъ = постоянно.
Ра̀птомъ = вдругъ, внѣзапно.
Райскіи двэры = царскія врата, иноностасъ.
Ра́комъ = на четверенькахъ.
Ра́лити = перепахивать поле послѣ вспашки на зябь
Ра́ло = сукъ — толстая вѣтвь, идущая отъ ствола.
Ратова́ти = спасать, помагать.
Рата́й — др. русск. = пахарь.
Рэгота́ти = громко смѣяться, хохотать.
Рэ́шта = остатокъ, послѣднее.
Ризо́ха = осока рѣзунъ.
Рі̯эпулуска = пт. рѣполовъ.
Рі̯эчь = вещь.
Роба́къ = червякъ.
Розьдзя́вити гу́бу = раскрыть ротъ.
Роздзя́ва = ротозѣй.
Ро́дичъ = родитель, отецъ.
Росяно́ = большая роса.
Роското́рханы = съ растрепанными волосами.
Росковы́рати = разбаловаться, испортиться.
Ростыцяти = пороспихивать, размѣстить.
Рости́ча=ростепель, распутица.
Росхрі̯эманы = съ растегнутымъ воротомъ рубашки или платья.
Рудый = рыжій.
Руздвяный = рождественскій.
Ру́нити = цвѣсти (о хлѣбахъ).
Ру́но = овечья шерсть, цвѣтъ на хлѣбахъ.
Ру́хаетьця = всходитъ, подымается тѣсто.
Ря́жка = лоханка для помой.

С.

Са́ло = свиное внутреннее сало, сдоръ.
Сварыбаба = плаунъ аптекарскій.
Сварыти = журить, ругать.
Сварытися = ссориться, ругаться.
Сва́рка = ссора.
Свэрби́тъ = чешется, зудитъ.
Свэрсту́нъ = кузнечикъ.
Свэрдёлокъ = буравъ.
Свэрді̯эти = сверлить.
Свіэтокъ = др. русск. видокъ= свидѣтель.
Своя́къ = родственникъ.
Сэстрэ́нэць = племянникъ, сынъ сестры.

Сёрбати = хлебать.
Сі͡эдало = нашестье для куръ.
Сиду́нъ = фасоль низкорослая.
Синя́къ = синякъ, гр. красикъ.
Скоро́дити = боронить вспаханный паръ.
Скру͡озь = вездѣ.
Ску́ла = рожа.
Ску͡оль? = откуда?
Слипа́къ = насѣк. слѣпень.
Слипу͡отка = раст. лютикъ.
Слухня́вы = послушный.
Слязь = селезенка.
Сма́га = накинь, изжога.
Сма́жити = жарить.
Сма́лець = топленый жиръ.
Сьмитю́хъ = хохлатый жаворонокъ.
Смолю́ховата = темно-сѣрая (корова).
Сморо́дина = черная смородина; пори́чки = красная.
Сму́тны = печальный.
Снэда́ти = завтракать.
Снэда́не = завтракъ.
Солоду́ша = простокваша.
Соло́дки = сладкій.
Солони́на = свиное наружное сало.
Сокоры́на = осокорь.
Сороку͡ошъ = сорокопутъ.
Со́сна = высокая и толстая сосна.
Сподо́батися = понравиться.
Спру́тнути = погибнуть умереть.
Спы́нити = остановить скотъ и направить его въ другую сторону.
Стаго́вка = кадка для капусты.
Ста́и = перегонъ — мѣра длины вспаханнаго поля.
Стамту͡оль, сту͡оль = оттуда, отсюда.
Старшина́ = офицеры.
Стэгно́ = бедро.
Стэ́жка = тропинка.
Стэрно́ = жнивье.
Стра́ва = жидкое кушанье.
Страхополо́хъ = дурманъ.
Стрильба́ = ружье.
Стрі͡эха = соломенная крыша.
Стрый — др. русск. = дядя, братъ отца.
Студэнэ́ць = окрошка изъ квасу, огурцовъ и луку.
Сту́жка — плетенка изъ соломы въ видѣ огромнаго кувшина для зерна, отрубей и т. п.
Стуле́ць = короткая скамейка.
Субу͡отникъ = помянникъ — книжка для вписыванія именъ умершихъ для поминанія въ поминальныя субботы.
Сука́дло = снарядъ для навивки нитки на цѣвку.
Сукня́нки = штаны изъ самодѣльнаго сукна.

Сукма́нъ = верхняя суконная одежда у крестьянъ.
Суля́ти = вилять, уклоняться, безцѣльно бродить.
Сумле́не = совѣсть.
Су́тки = узкій проходъ между сараями.
Сьципіэ̂рэ = листья лука, чеснока.
Сьцюо̂нъ — (отъ стянути) = тонкій ледъ, по которому нельзя ходить.

Т.

Такруо̂къ = прошлый годъ.
Тара́нъ = тараканъ.
Тарата́йка = двуколка, на которой возятъ соху.
Тэліэ̂га = тоже.
Тэрэби́ти = карчевать, вырубливать съ корнемъ деревья и кусты.
Тэрти́ця = доска.
Тэ́ртка = снарядъ для перетиранія льна и конопли.
Тэ́сля—др. русск. тесль = плотникъ.
Той, тамтой = этотъ, тотъ.
Тра́питьця = случится.
Трачъ = пилильщикъ.
Трэбэза́ = густая поросль на болотѣ или рѣкѣ.
Трэмэли́на = бересклетъ бородавчатый.
Трiэ̂ска = щепка.
Трэпа́чка = лопатка для выбиванія кострики.
Тросьцина́ = тростникъ, камышъ.
Труна́ — польск. trumna = гробъ.
Трыкъ = некастр. баранъ.
Тры́мати = держать.
Тры́чи = трижды, три раза.
Тхну́ти = дохнуть.
Ты́ждэнь = недѣля.
Ты́цяе = бредетъ, тихо ходитъ.
Тычку́нъ = фасоль, вьющаяся на тычинкахъ.
Ті́тя (дѣтск.) = курица.
Тя́мити — полѣск. = помнить.
Тя́ти — др. русск. = рубить.

Ф.

Фалю́шъ = суконовальня.
Фальбо́ны = оборки на юбкѣ.
Фамнлія = родня.
Фа́ньте = бѣлье и платье.
Фа́рба = краска.
Фар бова́ти = красить.
Фи́ґа = инжиръ, кукишъ.
Фра́нцы = сифилисъ.
Францова́ты = сифилитикъ.
Фу́зія = ружье.

Фульва́рокъ = помѣщичья усадьба.
Фу͡ора = возъ.
Фу́манъ = возница.
Фурма́нка = подвода.
Фурманова́ти = заниматься извозомъ.

Х.

Хамъ, хаму́ла, ха́мська поты́лиця = невѣжа, грубіянъ.
Хватъ, хва́цьки = молодецъ, молодецкій.
Хвои́на = сосновая поросль, молодой сосновый лѣсъ.
Хворо́стъ = лознякъ, изъ котораго дерутъ лыка для лаптей и дѣлаютъ плетень.
Хиба́ = развѣ.
Хили́тися = клониться.
Хиру́сны = жалкій, бѣдненькій.
Хита́ти = шатать.
Хня́вати = упрашивать, канючить.
Хма́ра, хмура = туча.
Хму́рно = пасмурно.
Хова́ти = прятать; хоронить.
Ходакъ = кожаный лапоть.
Холя́ва = голенище.
Хортъ = борзая собака.
Хорі͡эти = болѣть, хворать.
Хоро́ба = болѣзнь.
Хо́ры = больной; хоры.
Хоро́ши = красивый.
Хороше́ = красиво, хорошо.
Хоро́леньки = красивенькій.
Хорусто́ = добро, красивыя вещи.
Хриба́ть = спина.
Хрущъ = майскій жукъ.
Худы́й = тощій, худощавый.
Худо́ба — полѣс. = скотъ.
Ху́стка = платокъ.
Ху́ста = грязное бѣлье.
Ху́тко = скоро, быстро.
Ху́хати = дуть въ руки въ морозъ.

Ц.

Ца́цка = игрушка.
Цацка́тися = забавляться чѣмъ нибудь.
Цэ́саръ — др. русск. цесарь = императоръ, царь.
Цёнг'ле = постоянно.
Цёпати = сѣчь зелье, картофель для свиней.
Цёся (дѣтск.) = лошадь.
Цвэкъ = звоздикъ.
Цвиркуно́къ = сверчокъ.
Цьвинта́ръ = церковный погостъ.
Цькова́ти = травить собаками.
Ци, чи — др. русск. ци = ли, развѣ.
Цибу́ля = лукъ.

Цибу́къ — татар. = чубукъ.
Цидилко = ситечко для процѣживанія молока.
Цика́вы = любопытный, любознательный.
Ципи́льне = палка цѣпа.
Ци́цька = соска, грудь.
Цніэ̂ти = чахнуть.
Цыга́нчикъ = складной ножикъ съ деревяннымъ черенкомъ.
Цы́ня (дѣтск.) = свинья.
Цыть, цытьтэ! = молчи, молчите, молчать!
Цюрко́момъ тэче = струей течетъ.
Цю́ся (дѣтск.) = собака.
Цюхъ = песъ.

Ч.

Ча́пля = цапля.
Чапіэ̂ти = стоять безъ дѣла, торчать.
Частова́ти = угощать.
Чарiэ̂нъ = нижня часть печи, гдѣ печется хлѣ́бъ.
Челянiэ̂ти = упрашивать, канючить.
Че́плятися = цѣпляться.
Че́рва = червяки, гусеницы.
Че́рга = очередь для помола.
Че́рэво = брюхо.
Черэва́чъ = брюхачъ.
Черэви́ки = башмаки.
Черэда́ = стадо.
Черэ́мха = черемуха.
Четвэрти́на = четверть волоки.
Чи́жикъ = пт. чижъ, игр. волчокъ.
Чи́жмы = высокіе башмаки.
Чижпа́къ? = развѣ?
Чира́нка = утка чирокъ.
Чмiэ̂ль = шмель.
Чоловiэ̂чки = зрячки.
Чо́хатися = чесаться.
Чубры́на = в.-рус. чупрунъ, вихоръ.
Чубъ = хохолъ, вихоръ.
Чу́ти = слыхать, слышно.
Чу́тка = слухъ, молва.
Чухра́ти = чесать ленъ, шерсть.

Ш.

Шадъ = иней.
Шала́та = салатъ.
Шалёны = сумашедшій.
Шалiэ̂ти = съ ума сходить, бѣситься.
Шапкова́ти = упрашивать.
Шаткова́ти = рѣзать капусту, мельчить.
Шепэля́ти = шепелявить.
Шепши́на = шиповникъ.
Ши́дити = насмѣхаться.
Шкло, скло = стекло.
Шлапа́къ = большіе бобы.
Шпакъ = скворецъ.
Шпакова́ты = пестрый, съ просѣдью.

Шпанці͡эрокъ = куртка.
Шпиґъ = мозгъ въ костяхъ.
Шпихі͡эръ = амбаръ.
Шту́рхати = толкать.
Шпоры́хъ = спорынья, спорышъ.
Шу́бэница = висѣлица.
Шука́ти = искать.
Шуля́къ = ястребъ небольшой породы.
Шу́хна = самка овца.

Щ.

Щабэ́ль = ступенька лѣстницы.
Щаву́хъ = щавель.
Шва́ґоръ = шуринъ.
Щелю́ба = щель.
Щі͡эльны = плотный.
Щі͡эрэць = крупный рѣчной песокъ.
Щі͡эры = сердечный, искренній.
Щовэ́чуръ = каждый вечеръ.
Щодэ́нь, щодня́ = ежедневно.
Щомі͡эсяця = ежемѣсячно.
Щонэді͡эли = каждое воскресенье.
Щону́очь, щоно́чи = каждую ночь.
Щора́нку = каждое утро.
Щору́окъ, щоро́ку = ежегодно.
Щоты́ждэнь = еженедѣльно.
Щупа́къ = большая щука.
Щуръ = крыса.

Ю.

′Юдитися = дразнить.
Ютрэдня = утреня.
′Юха́ = кровь гада.
′Юшка = уха, жидкость въ кушаньѣ.

Я.

Яглы́ = пшено.
′Яґрэстъ = крыжовникъ.
Ядрынбе збу́оже = полнозерный хлѣбъ.
Ядро́ = ядро, сѣмя тыквы.
′Ядуха = удушливый кашель.
′Ядушливы = страдающій удушливымъ кашлемъ.
Яли́на = ель.
Яловэ́ць = можжевельникъ.
′Яловая корова — корова, не имѣющая теленка.
′Яловичина = говядина.
Ялбшка = телка.
Ярына́ = яровой хлѣбъ.
Яру́га = глубокая лужа въ оврагѣ.
′Ярка = шерсть съ ягненка.
′Ясна = дёсна.
′Ящурка = ящерица.
′Ятка = мясная лавка.

ДОБАВЛЕНІЕ.

Ажъ = такъ что.
Ажеа́жъ = черезчуръ.
Ба́йки—укр. байдуже = ничего себѣ.
Бли́кати = мерцать.
Блиска́ти = сверкать.
Бли́скавка — молнія.
Блищачкі́й = блестящій.
Блю́кати = моргать.
Ботви́не = ботва.
Бу́си — дѣтск. = поцѣлуй.
Впэршъ = прежде.
Вы́ступци, паты́нки = туфли.
Вча́дити = угорѣть.
Га́лами зада́ръ = ногами задралъ.
Ги́кавка = икотка.
Голово́ю наложи́въ = погибъ, убитъ.
Г'о́льнути = ударить, треснуть.
Гу́бка = древесный грибъ.
Дба́ти = заботиться.
Дригу͡о́тка = дрожь.
Друйкі́й = горьковатый.
Жада́ти = желать.
За́вше, за́вжды = всегда.
Збано́къ = кувшинъ.
Зусю͡о́ль = отовсюду.
Зыркъ = глядь.
Зы́чити = желать.
Канчу́къ = плеть, кнутъ.
Кише́ня = карманъ.
Ку͡о́пно = много снѣгу на дорогѣ.
Ла́пати = ловить.
Ле́щи = прессъ для выжимки меду.
Лёмати = бѣжать (о свиньяхъ).
Лящи́тъ = гремитъ, громко звучитъ.
Лика́ти = пугать.
Муравни́къ = муравейникъ.
Нэ да́ти ра́ды = не въ силахъ, что-нибудь сдѣлать.
Нэ ру́хати = не трогать.
Ну́дити = скучать.

Нурковáти = нырять.
Нутрáкъ = полукастр. кабанъ.
Одбобóвчивъ губу = оттопырилъ губы.
Отбобóвчены оттопыренный.
Ошукáти = обмануть.
Пазýръ = ноготь, коготь.
Пэрэпэлúця = перепелъ.
Пэрэпросúти = извиниться.
Припынити = остановить, образумить.
Прочкнýтися = проснуться.
Прьıкры = приторный.
Пьıля — полѣс. = подлѣ, возлѣ.
Пудполóникъ = коржъ, испеч. подъ пламенемъ.
Пýгавыця = полѣс. = бечевка.
Позьıчити = одолжить.
Труйти = отравлять.
Схвóстаны — польск. schłostapy = битый.
Фáля — укр. хвыля = волна.
Хобурскíй = вспыльчивый.
Чадъ = угаръ.

Опечатки, погрѣшности и поправки.

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
2	5 сверху	здоровi͡эй	дэрэвi͡эй
3	12—13 св.	въ двоегласіе	въ двугласную
—	10 снизу	овто́ръ	овта́ръ.
6	7 сверху	только косвенныхъ	только въ косвенныхъ
7	2 »	въ бѣлорусской рѣчи	въ полѣсской рѣчи
—	прим. 2-е	протяжно надо	протяжно. Надо
—	—	обитателями	у обитателей
8	15 сверху	(хо́чу-хотѣли).	при хочу-хочуть.
—	12—13 сн.	своего вырожденія	къ вырожденію
9	3 сверху	полюцьки	по-люцьки
10	10 »	въ однозвучые	въ отзвучные
—	7 снизу	не ясное	неясное
11	12 »	фо́рба	фа́рба
12	11 сверху	ряжка́	ря́жка
13	7 »	гидзи́ковка	ґидзи́кавка
—	7—8 сн.	дзвиниця, (подземный ключъ)	джерело (подземный ключъ)
—	4—5 »	око́ньце, со́ньце, ци́цька	око́ньця, со́ньцю, цицы́
14	14 сверху	звуками ц	звукомъ ц
—	4 снизу	ру͡овмно	ру͡омно
15	8 сверху	гласныхъ	согласныхъ

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
16	6 сверху	вт: Втома, Матвтэй	фт: Фтома, Матфтэй
—	12 »	на именахъ Хвэдоръ и Мавтэй	на имени Мавтэй
17	9 снизу	бо́рщу	борщу́
18	10 сверху	купча́нэ	кунча́нэ
—	13 »	разбуойпикуовъ	розбуойникувъ
—	прим. 2-е	косапуовъ	косаруовъ
19	4 сверху	пэ́ри	пэ́ра
—	5 »	ка́мэнями	камэня́ми
21	4 снизу	дивіа́та	дивча́та
—	3 »	дивіатъ	дивча́тъ
24	7 снизу	чэ́рвоны	черво́ны
26	1 сверху	по большей частью	они по большей части
—	14 »	біэ́дныи	біэ́дны
28	1 снизу	три о́кна	три окна́
29	1 сверху	оденъ-еденъ	одёнъ-едёнъ
—	13 снизу	куожде́нь, всэля́кіи	куожде́нъ, всэля́ки
31	15 сверху	чіейй	чіейи
—	16 »	всюои	всюой
—	10 снизу	такъ же	также
—	прим. 1-е	предл.	твор.
32	14 сверху	щая	шая
—	5 снизу	хо́чутъ	захо́чутъ
33	6 »	Во множ. числѣ	Глаголъ во множ. чис.
34	14 св. и сн.	нэхъ	нэхъ или нэхай
—	2 снизу	польскаго	древнерусскаго
35	10 сверху	ржэ	иржэ́
—	14 снизу	гучи́тъ	гу́пае
—	1 »	куплены - куплена, куплено	ку́пъёны, на, нэ
36	10 сверху	дѣйствительнаго залога	дѣйствит. и сред. зал.
—	16 »	а причастія	и причастія
38	1 снизу	великорусскій	великорусскіе пред.
39	1 »	ни, якъ-такъ, чомъ,	По недосмотру включены въ число союзовъ.
40	1 сверху	для чого, нащо, що-нэбудь, сь (дэсь, якійсь, колись),	

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
40	6 сверху	що-нибудь	що-нэбудь
41	8 »	стэгнэ́ обуэ́ръ	стэгно́ обдэ́ръ
44	5 снизу	що ты	що то
47	7 сверху	выджвора́ющьця	выджвара́ющьця
—	4 снизу	цорыцёю	царыцею
—	2 »	цорыця	царыця
48	8 сверху	оборанки	обара́нки.
—	13 »	Жи́литися	Жа́литися
50	7 »	йихи	йихъ
82	14 »	ворыла	варыла.
—	13 снизу	сторшина	старшина
86	9 сверху	въ ночи	въ ноги
92	3 »	зэлэненьки	зэлепэ́ньки
102	5 снизу	Я якую?	А якую?
121	6 сверху	Буо̑вди	Вуо̑вдя
124	12 »	найболѣе	паиболѣе
125	11 »	Вилоголовый т. д.).	Билоголовый).
126	11 »	полячка? Отвѣчаютъ	полячка — отвѣчаютъ
127	1 »	не былъ	ни былъ
129	10 снизу	Хрептовичъ	Хребтовичъ
136	прим. 1-е	дѣтьскимъ	дѣтьскомъ
137	17 сверху	изъ картинъ	отъ картинъ
—	2—1 сн.	изсчезаютъ	исчезаютъ
141	12 сверху	пашутъ	пашетъ
143	7 снизу	арійскихъ	индо-европейскихъ.
144	8 »	леіци́на	лищи́на
146	16 сверху	запа́хъ	за́пахъ
153	10 сверху	момба	бонба
155	12 »	зерна — семѣни	зерна и сѣмени
—	14 снизу	стру̑огъ	сту̑огъ
—	1 »	посѣки	пасѣки
157	15 сверху	снопочка	снопика
—	17 снизу	снопочекъ	снопикъ
158	14 сверху	медецина	медицина
—	12 снизу	комфора	камфора
—	5 »	искусный	искусный
159	1 сверху	шептани	шепта́ти
—	15 снизу	нынѣшняго	прошлаго

СТРАН.:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
159	8 снизу	онъ	она
177	4 »	эфекта	эффекта
189	3 сверху	Виѳліемъ	Виѳлеемъ
190	11 снизу	лексикальныхъ	лексическихъ.
193	1 сверху	читаютъ	читаетъ
—	10 снизу	и при нѣкоторыхъ	и нѣкоторыя
195	8 сверху	Бересть	Берестье, Бересть
196	9 »	Бѣла—Била	Бѣла—Бела
197	10 сверху	водяные мельницы	водяныя мельницы
200	5 снизу	создали	создало
202	8 сверху	прошлаго столѣтія	XVIII столѣтія
—	2 »	впродолженіе	въ продолженіе
206	7 снизу	Русѝны	Русѝлы
—	6 сверху	ярморковъ	ярмарокъ
216	7 снизу	Словатычъ	Славатычъ
217	16 »	пытѣснепія	вытѣснепія
218	13 »	Хрущоцка	Хрущовка.
221	16 сверху	140,000	153,000
256	12 »	жалоснаго	жалостнаго
262	1 »	леній	бенностей
266	13 снизу	Свято-слав.	Святославовъ
269	14 »	г)	е)
270	2 снизу	ясыкѣ | просессъ	языкѣ | процессъ
271	3 »	соньје	соньцjэ
—	2 »	и нарѣчіи	и нарѣчіяхъ
272	5 сверху	въ з	въ э
—	4 снизу	велико-русской	великорусской
295	2 сверху	своéjя	своéjи